

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Современная
ЕВРОПА

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

4 (111) июль-август 2022 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР

член-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), КАРРЕР Д'АНКОС ЭЛЕН (Франция),
НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия), НИВА ЖОРЖ (Швейцария),
РОГОВ С.М. (Россия), ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНКО МАРК (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Н. ЛУНКИН

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К.А. ГОДОВАНЮК

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

С.А. ЗАБЕЛИН

РЕДАКТОРЫ: Т.Н. СТЕПАШИНА, О.К. ШИМАНСКАЯ, А.А. РОЖИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬЯНОВА Е.В.,
ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю., МИРОНЕНКО В.И.,
НОСОВ М.Г., ПОТЕМКИНА О.Ю., РИЧЧЕРИ М. (Италия),
РУБИНСКИЙ Ю.И., СМИРНОВ В.А., ФЛОГАИТИС С. (Греция),
ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Contemporary EUROPE

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL
EST. JANUARY 2000

CONTENTS

BELOV V. Paradigm Change in the Energy Cooperation between Germany and Russia • **TIMOFEEV I.** UK Policy of Sanctions: Institutional Design and the Russian Track • **LOSHKARIOV I., KUCHUK A.** Poland's Strategic Culture: Variations and Their Reflection in Official Discourse • **TIMOSHENKO D.** A New Vector of the Arctic Tourism and the EU and the US Sanctions Against Russia • **STALIAROVA K.** Innovations in Artificial Intelligence in the Context of Digitalization of World Economy • **RATUSHNYAK E.** The Role of Businesses in Standardization Within a Single Market: Cases of the EU and EAEU Countries • **SHCHERBAK I.** Mali and Gulf of Guinea in the focus of the European Union's stabilization strategy • **VLASOVA K.** Istanbul Canal: Turkish Pipedream or Coming Reality? • **FROLOVA Yu.** Securitization of Separatism in the Basque Country • **SVISTUNOVA I.** Turkey and NATO Relations through Assessments of Turkish Experts • **GOVOROVA N.** Employment in the EU: post-industrial challenges and prospects • **YAZKOVA V.** Pandemic and Postcovid World: Interpretations of Italian Catholic Researchers • **BALABEIKINA O., NUMMELA M., YANKOVSKAYA A.** Christian Retreats in Europe: Innovative Forms of Religious Tourism Destinations • **SHVEITSER V.** Presidents of Austria: their Role in National Politics • **LISENKOVA A.** COVID-19: Influence on the Political Agenda of Alternative for Germany • **REVIEW** • **STRELETS M.** The Republic of Belarus and Post-Soviet Integration: Some Reflections on the Monograph of Vitebsk Scholars

INHALT

BELOV V. Paradigmenwechsel in der deutsch-russischen Energiekooperation • **TIMOFEEV I.** Britische Sanktionspolitik: institutionelle Instrumente und russische Einrichtung • **LOSHKAREV I., KUTSCHUK A.** Strategische Kultur in Polen: Variationen und ihre Reflexionen im offiziellen Diskurs • **TIMOSHENKO D.** Neuer Vektor der Entwicklung des arktischen Tourismus angesichts der EU- und US-Sanktionen gegen Russland • **STOLJAROVA E.** Entwicklung der künstlichen Intelligenz als strategische Einrichtung der Digitalisierung der globalen Wirtschaft • **RATUSCHNJAK E.** Rolle des Unternehmens in der Entwicklung der Standardisierung in EU und EAWU im Rahmen des Binnenmarkts • **TSCHERBAK I.** Mali und Region des Golfes von Guinea im Fokus der Stabilisierungsstrategie der EU • **VLASOVA K.** Istanbul-Kanal: türkisches Vorhaben oder baldige Wirklichkeit • **FROLOVA J.** Verbriefung des Separatismus im Baskenland • **SVISTUNOVA I.** Beziehungen zwischen Türkei und NATO aus der Sicht der türkischen Wissenschaftler • **GOVOROVA N.** Erwerbstätigkeit in EU: Nachindustrielle Herausforderungen und Perspektiven • **JAZKOVA V.** Pandemie und Konturen des Weltes nach COVID: Interpretationen der italienischen katholischen Wissenschaftler • **BALABEJKINA O., NUMMELA M., JANKOVSKAJA A.** Christliche Einkehr in Europa: innovative Formen des religiösen Tourismus • **SCHVEITSER V.** Präsidenten in der modernen politischen Geschichte in Austria • **LISENKOVA A.** Covid-19 Einfluss auf der politischen Agenda der AfD • **REZENSIONEN** • **STRELETS M.** Republik Belarus und postsowjetische Integration

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Белов В.Б. Смена парадигмы в энергетической кооперации
Германии с Россией 5

Тимофеев И.Н. Политика санкций Британии: институциональные
механизмы и российское направление 22

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

Лошкарёв И.Д., Кучук А.В. Стратегическая культура Польши:
вариации и их отражение в официальном дискурсе 37

Тимошенко Д.С. Новый вектор развития арктического туризма в период
санкционной политики ЕС и США против России 50

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Столярова Е.В. Инновации в области искусственного интеллекта
в контексте цифровизации мировой экономики 66

Ратушняк Е.С. Роль бизнеса в развитии стандартизации ЕС и ЕАЭС
в рамках единого рынка 79

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Щербак И.Н. Мали и регион Гвинейского залива в фокусе
стабилизационной стратегии Евросоюза 94

Власова К.В. Стамбульский канал: турецкий прожект
или скорая реальность? 108

Фролова Ю.Н. Секьюритизация сепаратизма в Стране Басков 122

Свистунова И.А. Отношения Турции и НАТО в оценках турецких
исследователей 135

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

- Говорова Н.В.* Занятость в ЕС: постиндустриальные вызовы
и перспективы 148

ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ

- Язькова В.Е.* Пандемия и контуры постковидного мира: интерпретации
итальянских католических исследователей 160

- Балабейкина О.А., Нуммела М., Янковская А.А.* Христианские
ретриты Европы: инновационные формы дестинаций
туризма религиозной направленности 172

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Швейцер В.Я.* Президенты Австрии: роль в национальной политике 185

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

- Лисенкова А.Д.* Covid-19: влияние на политическую повестку
«Альтернативы для Германии» 200

РЕЦЕНЗИИ

- Стрелец М.В.* Республика Беларусь и постсоветская интеграция:
размышления о монографии витебских учёных 210

IN MEMORIAM

- Памяти В.Л. Верникова 219

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701,
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492,
а также непосредственно в редакции.*

УДК 328.1, 329.1

СМЕНА ПАРАДИГМЫ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ КООПЕРАЦИИ ГЕРМАНИИ С РОССИЕЙ

© 2022 **БЕЛОВ Владислав Борисович***

Кандидат экономических наук

Заместитель директора по научной работе Института Европы РАН,

руководитель Отдела страновых исследований

и Центра германских исследований ИЕ РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

***E-mail:** *belov@instituteofeurope.ru*

Поступила в редакцию 17.04.2022

После доработки 12.05.2022

Принята к публикации 16.05.2022

Аннотация. Переход Германии к климатически нейтральной экономике, основные параметры которого были определены Европейским зелёным курсом (декабрь 2019 г.), уточнены в обновлённом Законе о защите климата ФРГ (июнь 2021 г.) и программе ЕС *Fit for 55* (июль 2021 г.), предусматривает отказ от использования первичных энергоносителей, включая их импорт из России. Энергетическая трансформация германского рыночного хозяйства предполагала постепенную перестройку сложившейся модели немецко-российской кооперации в сфере энергетики, в том числе её перевод на приоритетное взаимодействие в сфере энергоэффективности и возобновляемых источников энергии. На специальную военную операцию РФ на территории Украины Брюссель и Берлин ответили масштабными хозяйственно-политическими санкциями, которые включили в себя существенные ограничения в отношении ввоза российского угля и нефти. Одновременно немецкие федеральные власти обозначили целевые установки необходимости последовательного отказа от российского трубопроводного газа, а также лишения собственности двух основных игроков из РФ на германском газовом и нефтяном рынке – концернов «Газпром» и «Роснефть». Их немецкие партнёры заморозили участие в российских проектах. В конце февраля была остановлена сертификация морского газопровода «Северный поток–2». Прекращено межведомственное взаимодействие и научно-техническое сотрудничество в сфере энергетики. Данные события свидетельствуют о намерении правительственной коалиции уже в краткосрочной перспективе отказаться от прежней модели энергетической кооперации, которая формировалась в течение полувека, и перейти к независимости от российских ископаемых ресурсов и их производных. Автор проанализировал причины и содержание принимаемых Берлином мер, а также их средне- и долгосрочные последствия для германо-российского сотрудничества в энергетической сфере.

Ключевые слова: Германия, ФРГ, Евросоюз, Россия, Европейский зелёный курс, энергетический переход, трансформация, германо-российская кооперация.

DOI: 10.31857/S0201708322040015

EDN: gijwtg

Энергетика – основа германо-российской хозяйственной кооперации

Современная модель германо-российской энергетической кооперации начала формироваться более полувека назад, когда в мае 1969 г. министр иностранных дел СССР А.А. Громыко предложил руководству ФРГ в условиях действовавших с начала 1960-х гг. запретов на закупку западногерманских труб большого диаметра новую модель хозяйственно-политического взаимодействия – поставлять данную продукцию, а также оборудование, необходимое для строительства современного магистрального газопровода в обмен на будущие поставки советского природного газа¹. 1 февраля 1970 г. Советский Союз и Западная Германия в г. Эссен заключили «сделку века» на предложенных советской стороной условиях. В её основу был заложен грандиозный бартер – обмен 3 млрд куб. м газа на трубы. Уже в мае 1973 г. по магистральному газопроводу начались газовые поставки в ГДР (получатель – компания *Verbundnetz Gas, VBG*), а в октябре в ФРГ (контрагент – концерн *Ruhrigas*). В 1972, 1974, 1979 гг. советско-западногерманская «сделка века» дополнялась соглашениями об увеличении поставляемых объёмов. В ноябре 1981 г. в её рамках был подписан самый большой контракт, предусматривающий строительство двух ниток газопровода и поставки 40 млрд куб. м газа, из которых от 10 до 12 млрд предназначались для Западной Германии. Из-за противодействия администрации США в итоге удалось построить только одну нитку [Гривач, Симонов, 2019; Афанасьева, 2021a, 2021b].

В 1974 г. было подписано соглашение о строительстве газопровода «Оренбург – западная граница СССР» с участием ГДР и других стран СЭВ, начавшего работу в ноябре 1980 г. В 1986 г. вступило в силу соглашение между СССР и ГДР о сотрудничестве при освоении Ямбургского месторождения, в рамках которого восточногерманская *Verbundnetz Gas* до 1989 г. в обмен на строительство объектов, поставки оборудования и труб (в частности, для сооружения магистрального газопровода «Ямбург – западная граница СССР») получала советский газ.

После объединения двух германских государств «Газпром» и его второй основной немецкий партнёр (наряду с *Ruhrigas*) компания *Wintershall* (дочка *BASF*) в ноябре 1990 г. создали первое совместное предприятие – *WIEH*, которое стало заниматься транспортировкой, хранением, сбытом и торговлей газа в Германии и других европейских странах. В 1993 г. партнёры завершили на территории ФРГ строительство газопроводов *STEGAL* и *MIDAL* общей протяжённостью более одной тысячи километров, что дало российскому концерну прямой выход на немецкий газовый рынок для более эффективной работы. Было создано второе совместное пред-

¹ 40 лет на рынке Германии. URL: <https://www.gazprom.ru/about/history/events/germany40/> (дата обращения: 20.04.2022)

приятие *WINGAS*. С обоими СП «Газпром» заключил долгосрочные газовые контракты. В 1998 г. был построен газопровод *WEDAL*. В конце того же года российский концерн договорился с *Ruhrigas* о продлении большей части долгосрочных контрактов до 2020 г. В декабре 1998 г. немецкий партнёр за 660 млн долл. на аукционе приобрёл 2,5% акций «Газпрома»¹. Построенный в 1999 г. *JAGAL* соединил газопроводы *STEGAL* и «Ямал – Европа».

В 1999 г. СП *WINGAS* вывело на полную мощность самое крупное в Германии и Западной Европе подземное хранилище газа (ПХГ) «Реден». В 2009 г. «Газпром» и *VNG* создали консорциум для строительства ПХГ «Катарина», которое началось в земле Саксония-Ангальт в 2011 г. Его поэтапное расширение было рассчитано до 2025 г. В 2013 г. совместно с *BP Europe SE* и *Dong Energy* компания *Gazprom Germania* осуществила пуск в эксплуатацию каверны газохранилища «Этцель», расположенного в Нижней Саксонии. В том же году начало действовать ПХГ «Йемгум», построенное *WINGAS* и *VNG*.

Прорывными в энергетической кооперации стали соглашения «Газпрома» и немецких партнёров по обмену добычными и сбытовыми активами. В 2006 г. *BASF (Wintershall)* получил 25% минус одна акция в ОАО «Севернефтегазпром», ведущем освоение Южнорусского нефтегазового месторождения. Сделка стала первым совместным проектом с зарубежным партнёром по созданию полноценной цепочки от добычи газа до его конечного потребителя. В 2008 г. право на со-участие в добыче на данном месторождении также приобрёл *E.ON*. В 2012 г. *Wintershall* получил в собственность два труднодоступных участка ачимовских залежей Уренгойского месторождения (в 2003 г. для освоения одного из них с ним было создано СП ЗАО «Ачимгаз»). В мае 2019 г. принадлежащая россиянину М. Фридману фирма *LetterOne*, владевшая немецкой *DEA Deutsche Erdöl AG*, создала с этой дочкой концерна *BASF* совместное предприятие *Wintershall Dea*. Российская доля составила 33%, затем она была уменьшена до 27,3%. На начало 2022 г. СП также участвовало в разработке третьего участка ачимовских залежей.

Параллельно «Газпром» развивал партнёрство с *Siemens*, а также научно-техническое сотрудничество со своими основными газовыми немецкими партнёрами. С *E. ON Ruhrigas AG* соответствующее соглашение было подписано в 2006 г., с *Verbundnetz Gas* – в 2013 г.

В 2011–2012 гг. был запущен уникальный международный морской газопровод «Северный поток–1» с пропускной способностью в 55 млрд куб м (доли участия: «Газпром» – 51%, *Wintershall* и *E.ON Ruhrigas AG* – по 15,5%) с сухопутными ответвлениями *NEL* и *OPAL*. Осенью 2021 г. российский концерн закончил строительство «Северного потока–2»², обе нитки которого (с аналогичной мощностью) были полностью готовы к технической эксплуатации и сертификации (*Shagina, Westphal*,

¹ Впоследствии *Ruhrigas* увеличил свою долю в капитале «Газпрома» до 6,5%. В течение 2002–2003 гг. он стал частью немецкого концерна *E.ON*. В 2004 г. дочернее общество получило название *E.ON Ruhrigas*. В 2013 г. оно перешло в собственность *E.ON Global Commodities SE*, которое, в свою очередь, вошло в созданный в 2016 г. концерн *Uniper SE*.

² Дополнительно был построен его сухопутный участок – газопровод *EUGAL*.

2021). В преддверии окончания этого проекта Германия в 2019 г. выступила посредником в заключении пятилетнего соглашения РФ и Украины о транзите в совокупности 220 млрд куб. м российского газа в период с 2020 по 2024 г. (с его гарантированной оплатой в независимости от того, будет этот объём поставлен или нет).

Благодаря созданным за несколько десятилетий долгосрочным контрактным отношениям немецких и российских партнёров, надёжной инфраструктуре поставок, хранения и реализации газа Германия в течение полувека гарантированно получала необходимые её отраслям и домашним хозяйствам объёмы трубопроводного газа из РФ, которая ни разу не нарушила своих обязательств. По данным немецкого правительства, до 2022 г. половина объёмов российского газа поступала в Германию по газопроводам «Северный поток–1» (пункт входа на немецкую территорию г. Любмин) и «Ямал–Европа» (г. Мальнов), половина – через украинскую ГТС (г. Вайдхаус)¹.

По состоянию на март 2022 г. за экспортные поставки отвечало ООО «Газпром Экспорт» и его дочерняя фирма *Gazprom Germania*. Она продавала газ конечным потребителям, основная часть из которых имела долгосрочные контракты с «Газпромом» (до 2030–2035 гг.). В первую очередь, это энергетические компании *Uniper*² и *EnBW* (через её дочернее подразделение *Verbundnetz Gas*). Важная роль принадлежала стопроцентной дочке российского концерна компании *WINGAS* – как центральной сбытовой структуре, отвечающей (как и другие немецкие партнёры «Газпрома») за поставки газа городам, крупным промышленным потребителям и региональным газоснабжающим предприятиям. Крупным игроком являлась *RWE*, имеющая контракт до 2023 г.³

С 1990-х гг. Германия развивала сотрудничество с Россией в сфере энергоэффективности, энергосбережения и возобновляемых источников энергии. В 2006 г. в этих целях был создан Германно-Российский сырьевой форум. С 2020 г. одним из важнейших направлений кооперации стала водородная энергетика.

Государственный концерн «Роснефть» в начале XXI в. приобрёл участие в капитале трёх нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ) Германии: это *Raffinerie GmbH* в Шведте-на-Одере (доля в капитале 54,17%, в мощностях – 6,3 млн т в год), нефть на который поступает по нефтепроводу «Дружба», построенному параллельно с газовой «делкой века» в 70-е гг. при поддержке ГДР; крупнейший в ФРГ НПЗ *MiRO GmbH & Co. KG* в Карлсруэ (24% и 3,6 млн т) и *BAYERNOIL Raffineriegesellschaft mbH* в Нойштадте-на-Дунае (28,57% и 2,9 млн т)⁴.

¹ Gasversorgung: Abhängigkeiten verringern. URL: <https://www.bundesregierung.de/bregde/themen/gasversorgung-abhaengigkeiten-verringern-441270?view=rendernewsletterhtml> (дата обращения: 24.04.2022)

² Дочерняя структура *Uniper* ПАО «Юнипро» (до июня 2016 г. – ОАО «Э.ОН Россия», зарегистрировано 4 марта 2005 г. в Сургуте) владеет пятью тепловыми электростанциями в РФ.

³ Der Weg des russischen Gases. 30.03.2022. URL: <https://www.tagesschau.de/wirtschaft/konjunktur/erdgas-russland-deutschland-lieferketten-101.html> (дата обращения: 14.04.2022)

⁴ Сайт НК «Роснефть». URL: https://www.rosneft.ru/business/Downstream/refining/Neftepererativayushie_aktivy_v_Germanii/ (дата обращения: 14.04.2022)

В условиях последовательного сокращения нерентабельной добычи каменного угля в Германии в нулевые годы (окончательно она была прекращена в конце 2018 г.) при сохранении его в качестве топлива для ТЭЦ и сырья для металлургической промышленности существенно вырос его импорт, в т.ч. из России. Поставки шли в основном из Кузбасса и Красноярского края, компании которых за счёт валютной выручки провели модернизацию добывающих мощностей и оборудования, в т.ч. закупленного у немецких компаний. Доля РФ в совокупном немецком ввозе данного ископаемого в 2021 г. составила 56,6% (18,3 млн т), доля США – 15,5% (5,0 млн т), Австралии – 16,1% (5,2 млн), Колумбии – 5,5% (1,8 млн)¹.

По данным Федерального ведомства экономики и экспортного контроля (*BAFA*) пиковым для поставок российского газа стал 2018 г., когда объём его импорта составил 54,7 млрд куб. м (см. таблицу 1). После его снижения в 2019–2020 гг. поставки вновь выросли до 50,0 млрд. В период с 1973 по 2013 гг. было поставлено в

Таблица 1

Импорт нефти, газа и каменного угля ФРГ из РФ с 2014 по 2021 гг.

Год	Нефть		Газ		Каменный уголь	
	тонны	тыс. евро	тыс. куб. м*	тыс. евро	тонны	тыс. евро
2014	30.025.655	15.702.239	37.599.000	9.514.953	12.616.681	931.833
2015	32.577.031	10.790.561	40.041.189	8.317.464	14.392.932	992.724
2016	36.047.803	9.800.990	45.146.865	7.290.053	15.927.293	1.005.712
2017	33.511.768	11.553.715	52.003.622	8.952.246	16.323.103	1.452.267
2018	30.968.720	13.446.999	54.682.622	10.040.220	17.640.868	1.663.006
2019	27.091.274	11.012.159	46.942.216	7.076.880	15.795.233	1.257.579
2020	28.132.402	7.227.165	45.866.919	5.760.243	12.554.604	780.421
2021	27.741.322	11.407.433	50.046.757	8.766.123	18.339.774	2.086.629
Всего за период	246.095.975	90.941.261	372.329.189	65.718.182	123.590.488	10.170.171

* Пересчитано из тера-джоулей, в которых *BAFA* учитывает импорт газа. Поэтому могут быть небольшие отличия от реальных физических объёмов поставок.

Источник: составлено автором на основе данных *BAFA*, опубликованных министерством экономики и защиты климата ФРГ (*BMWK*). URL:

https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Parlamentarische-Anfragen/2022/03/3-37.pdf?__blob=publicationFile&v=6 (дата обращения: 30.04.2022).

¹ Рассчитано по данным Федерального статистического ведомства. URL:

[https://www.destatis.de/DE/Themen/Branchen-](https://www.destatis.de/DE/Themen/Branchen-Unternehmen/Energie/Verwendung/Tabellen/einfuhr-steinkohle-zeitreihe.html)

[Unternehmen/Energie/Verwendung/Tabellen/einfuhr-steinkohle-zeitreihe.html](https://www.destatis.de/DE/Themen/Branchen-Unternehmen/Energie/Verwendung/Tabellen/einfuhr-steinkohle-zeitreihe.html) (дата обращения: 30.04.2022)

Германию около 1 трлн куб. м, с 2014 по 2021 гг. – 372 млрд¹. Таким образом, объём импорта газа из РФ за последние восемь лет превысил треть всех поставок за предыдущий сорокалетний период. По разным оценкам немецких экспертов, на Россию в начале 2022 г. приходилось от 50 до 55% всего импортируемого газа [Holz et al, 2022; Fischer, Küpel, 2022; Wie sich russisches Erdgas..., 2022]², а основными конкурентами являлись Норвегия (около 30%³) и Нидерланды (от 13⁴ до 21%⁵).

В 2021 г. Германия ввезла из РФ 27,7 млн т нефти, что составило около трети от её общего импорта. Другими крупными поставщиками являлись США (12%), Казахстан и Норвегия (по 10%), а также Британия (9%) [Just L., 2022].

В ФРГ в 2021 г. на нефть, газ и каменный уголь приходилось 68% потребления первичных энергоносителей (32, 27 и 9% соответственно).

Энергетическая трансформация рыночной экономики ФРГ

Общее направление реформирования германской энергетики было задано в начале нулевых годов правительством под руководством канцлера Г. Шрёдера. Социал-демократы и «зелёные» провозгласили курс на экологическую промышленную политику и приняли законы об отказе от атомной энергии и о развитии возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Реформы продолжили последующие коалиции А. Меркель. Германия стала основоположником и главным протагонистом объединённой климатической и энергетической политики, построенной на превращении ВИЭ в «несущую опору устойчивой энергосистемы» [Меден, 2015].

Европейский зелёный курс (ЕЗК), утверждённый Брюсселем в декабре 2019 г., обозначил параметры перехода государств Евросоюза к климатически нейтральной экономике. Он предусматривает существенное сокращение доли первичных ископаемых в производстве энергии, соответственно, постепенный отказ от их импорта, в т.ч. из России. Германия – неформальный экономический и политический лидер ЕС – стала одним из основных протагонистов ускорения данного процесса. В июне 2020 г. была принята Национальная водородная стратегия, основные положения которой вошли в аналогичную стратегию ЕС (июль 2020 г.). В апреле 2021 г. немецкое правительство разработало проект изменений в Закон о климате, который в июне был утверждён обеими палатами федерального парламента. Он определил

¹ Посчитано на основе данных *BAFA*.

URL: https://www.bafa.de/SharedDocs/Downloads/DE/Energie/egas_entwicklung_1991.xlsm;jsessionid=CBC7C83877BB94D7C3FD0BA43169A5F4.2_cid371?__blob=publicationFile (дата обращения: 10.05.2022)

² По всей видимости, речь идёт о физических объёмах. В тера-джоулях доля РФ на начало 2022 г. составляла 37%.

³ Gries L. Wer könnte Russlands Lücke füllen? Tagesschau. 21.01.2022. URL: <https://www.tagesschau.de/wirtschaft/verbraucher/gas-russland-luecke-101.htm> (дата обращения: 14.04.2022)

⁴ Там же.

⁵ Beck A.-C. Der Weg des russischen Gases. Tagesschau. 30.03.2022. URL: <https://www.tagesschau.de/wirtschaft/konjunktur/erdgas-russland-deutschland-lieferketten-101.html> (дата обращения: 14.04.2022)

новый срок достижения климатической нейтральности Германии – 2045 г. В июле 2021 г. Европейская комиссия уточнила намеченные ранее в ЕЗК направления, приняв пакет мер *Fit for 55*, который Берлин полностью поддержал.

Сформированная по итогам сентябрьских выборов в бундестаг правительственная коалиция ФРГ в составе СДПГ, «Союза 90/Зелёные» и СвДП в конце 2021 г. подтвердила курс на форсирование энергетической трансформации и создание безуглеродной экономики, минимизацию использования нефти, природного газа, угля, дальнейшую максимизацию доли ВИЭ в энергобалансе страны, развитие электромобильности и зелёной водородной энергетики [Соколов, 2022; Mehr Fortschritt..., 2021].

В 2021 г. ряд известных аналитических структур провел анализ возможностей достижения Германией целей климатической нейтральности к 2045 г. Снижение спроса немецкой экономики на газ к 2030 г., согласно прогнозу, будет колебаться в пределах от 6 до 17% [Fischer etc., 2022]. Основная причина такого незначительного падения объясняется желанием прежней и новой правительственной коалиции использовать природный газ в качестве гарантированного и относительно экологичного переходного источника энергии в условиях полного отказа от угля и ядерного топлива. Строительство новых газовых ТЭЦ разрешено, но они должны иметь возможность переоборудования в будущем под использование водорода и наряду с прежними электростанциями, работающими на ископаемом топливе, обеспечивать надёжность расширения ВИЭ, подстраховывая их в периоды неблагоприятной погоды/пиковых нагрузок. Под давлением Берлина Европейская комиссия в начале 2022 г. в своей таксономии классифицировала природный газ как «временно устойчивый». Это означает, что в рамках немецкого энергоперехода он по-прежнему будет играть одну из важных ролей в германской энергетике.

Основными потребителями природного газа, 95% которого Германией импортируется, являются промышленность (примерно 29% от общего потребления), домашние хозяйства без централизованного теплоснабжения (около 29%), торговля и мелкие ремесленники (13%), энергетический сектор (производство электроэнергии и тепла, нефтеперерабатывающие заводы (28%)) [Holz etc., 2022].

Вице-канцлер, глава нового министерства экономики и защиты климата (*BMWK*) Роберт Хабек в начале 2022 г. неоднократно заявлял о необходимости постепенного отказа от импорта первичных ископаемых из России и готовности правительства к экономическим издержкам такого шага [Этап специальной военной..., 2022]. Вместе с другими политиками и экспертами он критически оценивал политику «Газпрома» в отношении заполнения своих немецких ПХГ осенью 2021 г. – зимой 2022 г., считая её одной из причин высоких спотовых цен на газ и средством давления на Берлин с целью ускорить процесс сертификации СП-2. Он изначально считал его геополитическим проектом, усиливающим зависимость ФРГ от РФ, и пытался закрыть его¹.

¹ 22 февраля 2022 г. процесс сертификации СП-2 по инициативе канцлера О. Шольца был заморожен. Тем самым проект избежал введения против него неизбежных санкций со стороны ЕС. Это сохраняло возможность возвратиться в будущем к сертификационной процедуре без необходимости принятия решений о снятии ограничений [Белов, 2022а].

Ещё до начала специальной военной операции (СВО) России на территории Украины немецкие эксперты подготовили ряд исследований (в т.ч. сделанные по внешним заказам) касательно возможных последствий для немецкой экономики снижения поставок российских энергоносителей, в первую очередь, газа [См., например, Fischer, Küper, 2022]. После начала СВО Германия стала одним из основных протагонистов последовательного введения жёстких ограничительных мер против РФ. Было заморожено межведомственное взаимодействие, в т.ч. в энергетической сфере, включая водородную энергетику; остановлены совместные научно-технические проекты.

Во многом благодаря Берлину максимально быстро был принят четвёртый санкционный пакет ЕС. Федеральный канцлер и его окружение лоббировали проведение встречи глав государств ЕС в Версале 10-11 марта 2022 г., на которой были одобрены меры по поэтапному сокращению зависимости от поставок газа, нефти и угля из РФ. Одновременно О. Шольц выступил против введения эмбарго на них. Берлин также стал одним из инициаторов подготовки плана *RePowerEU*, направленного на разработку новой энергетической стратегии ЕС. Решения саммита ЕС в Брюсселе, прошедшего 24-25 марта, закрепили обозначенный в Версале курс на последовательное и по возможности быстрое избавление стран ЕС от энергетической зависимости от России [Белов, 2022а; Конопляник, 2022; Этап военной операции..., 2022].

Немецкие власти изначально заняли осторожную позицию в отношении возможных негативных последствий ограничений ввоза ряда критически важных продуктов для немецкого народного хозяйства, в первую очередь, энергетических ископаемых ресурсов. В марте-апреле 2022 г. существенно возросло количество немецких научных работ, посвящённых данной тематике.

Эксперты предупреждали о невозможности в краткосрочной перспективе отказаться от российского газа в силу отсутствия перспектив быстрого нахождения альтернативных импортных источников. Она была обусловлена ограниченными возможностями увеличения поставок основными трубопроводными партнёрами Германии – Норвегией и Нидерландами, а также спецификой международного рынка СПГ и его инфраструктурой в Европе. Предполагалось, что в случае эмбарго/прекращения импорта в краткосрочной перспективе можно будет заместить не более трети ввозимого российского газа, в т.ч. за счёт СПГ, увеличения загрузки мощностей угольных ТЭЦ и сокращения потребления/экономии газа во всех народнохозяйственных секторах [Bähr et al., 2022; Just et al., 2022; Fischer et al., 2022; Holz et al., 2022].

Планы Берлина по обеспечению энергетической независимости от РФ

С учётом оценок экспертного сообщества *BMWK* ускорило подготовку мер постепенного перехода к энергетической независимости от РФ, работу над которым велась ещё с начала февраля 2022 г. Первые итоги были опубликованы 25 марта в докладе «Успехи в обеспечении энергобезопасности» (*Fortschrittsbericht Energiesicherheit*)¹. Авторы сообщили, что Берлин продолжил закупки т.н. баланси-

¹ Fortschrittsbericht Energiesicherheit. BMWK. Berlin. 25.03.2022.

рующего газа и закачку газа в ПХГ, выделил из стратегических запасов 3,2 млн баррелей нефти и в лице государственного кредитного института *KfW* подписал с компаниями *Gasunie* и *RWE* меморандум о строительстве СПГ-терминала в Брунсбюттеле (мощность – 8 млрд куб.м, готовность – в 2026 г.) и поручил компаниям *Uniper* и *RWE* организовать аренду трёх плавучих СПГ-хранилищ и регазификационных установок (*Floating Storage and Regasification Units, FSRU*). Согласно его планам, отказ от российских угля и нефти возможен уже в 2022 г., а от газа в 2024 г. К концу апреля *BMWK* констатировало ряд дальнейших успехов в этом направлении. В вышедшем 1 мая втором докладе с аналогичным названием¹ подчеркивается хороший и регулярный уровень взаимодействия всех заинтересованных акторов на уровне ЕС, федерации и земель по снижению энергозависимости от РФ. Со второй половины марта началась закачка газа в ПХГ на территории ФРГ, уровень заполненности которых к началу мая составил 34,3% (18 марта он был равен 24,6%). Был сделан госзаказ на аренду ещё одного – четвёртого *FSRU* и начата подготовка законопроекта по ускорению создания СПГ-инфраструктуры (*LNG-Beschleunigungsgesetz*). В целях дальнейшего сокращения потребления нефти и газа предусматривается дополнительная поддержка мер по энергосбережению, среди которых содействие ускоренной замене газового оборудования по обогреву домов на тепловые насосы.

Если в начале весны *BMWK* выступало против планов Брюсселя по введению эмбарго на импорт каменного угля и нефти из РФ, то к концу апреля его глава и вице-канцлер Р. Хабек изменил свою позицию, считая, что у Германии в целом появились надёжные альтернативы российским поставкам. Её зависимость от угля из РФ за четыре месяца 2022 г. снизилась до 8%². Новые договоры с 9 апреля заключать запрещено, а действующие должны быть завершены не позднее 10 августа 2022 г. К началу мая от поставок российской нефти зависели только два восточно-германских НПЗ в Лёне и Шведте, доля которых в нефтяном импорте ФРГ составила всего 12%. К концу лета 2022 г. предполагается полностью заместить и эти поставки, что будет означать нефтяную независимость от РФ.

Доля российского газа в немецком газовом импорте в середине апреля снизилась до 35%³. 23 марта Европейская комиссия опубликовала документ, содержащий новые правила управления ПХГ и предусматривающий ряд мер по их заполнению к 1 ноября 2022 г. до уровня 80% [Кавешников, 2022]. В соответствии с этим регламентом немецкое правительство подготовило Закон о хранении газа (*Gasspeichergesetz*)⁴, который был одобрен бундестагом 25 марта и вступил в силу 30 апреля 2022 г. Он предусматривает необходимый уровень заполняемости газовых хранилищ на территории ФРГ к 1 октября на 80%, 1 ноября – на 90%. Этот процесс находится под контролем *BMWK*, Федерального сетевого агентства

¹ Zweiter Fortschrittsbericht Energiesicherheit. BMWK. Berlin. 01.05.2022.

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ Gasspeichergesetz. URL:

https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Downloads/Energie/220325_faktenpapier_gasspeichergesetz.pdf?__blob=publicationFile&v=8 (дата обращения: 05.05.2022)

(*BNetA*) и *Trading Hub Europe GmbH*, управляющего единым газовым хабом ФРГ¹.

В конце марта руководство *Uniper* было готово выполнять долгосрочные контракты с «Газпромом», но отказалось заключать новые. Аналогичную позицию занимал концерн *EnBW* (кроме контракта до 2030 г., в 2022 г. у него заканчивается двухлетний договор, заключённый в 2021 г.). У *RWE* оставались только краткосрочные договорные обязательства до 2023 г. Все остальные отношения с российскими партнёрами компания прекратила.

Что касается СП *Wintershall Dea*, то российский партнёр в начале 2022 г. предполагал выйти из его капитала, и, будучи заинтересованным в максимальной цене продажи своей доли (27,3%), возражал против *IPO*, которое в рамках выхода из нефтегазового бизнеса планировал провести мажоритарный владелец концерн *BASF SE*. После решения в начале марта об отказе от новых проектов в РФ Совет исполнительных директоров *BASF* в конце апреля решил к июлю 2022 г. выйти из всех своих бизнесов в РФ, оставив только производство добавок для пищевой промышленности. В начале мая немецкое руководство приступило к изучению вопроса о судьбе своих российских активов в *Wintershall Dea*. По предварительной информации *Letter One* не планировала обсуждение их покупки.

Ответные меры РФ. Угроза национализации российских энергетических активов в Германии

23 марта 2022 г. Президентом РФ было принято решение о переходе с 1 апреля с.г. на новую схему расчетов за российский газ с покупателями из «недружественных» стран, включая Германию. 31 марта В.В. Путин подписал указ № 172 «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа»². Лидеры стран ЕС, включая ФРГ, восприняли такой шаг российской стороны как якобы очередное использование Москвой газа в качестве «энергетического оружия» и как «грубейшее нарушение контрактной практики» (Конопляник, 2022). С точки зрения Берлина, возникла реальная угрозу прекращения поставок газа³. В ожидании такого решения *BMWK* уже

¹ Компания создана в октябре 2021 г. путём объединения *GASPOOL Balancing Services* и *NetConnect Germany*, управлявших ранее двумя отдельными рыночными газовыми зонами в ФРГ. Это позволило создать единый германский хаб *Trading Hub Europe (THE)*. Консолидируя 40 тыс. км газопроводов высокого давления и около 700 газораспределительных газопроводов и находясь в центре Европы, *THE* призван стать международным хабом, связывающим другие европейские газовые рынки.

² Новая схема работает следующим образом: иностранная компания в уполномоченном для расчётных операций за поставляемый газ «Газпромбанке» на основе заявления открывает два специальных счета типа «К»: валютный (в валюте контракта) и рублевый. Приобретая газ, покупатель переводит валюту на валютный счёт, с которого банк от его имени продаёт её на Московской бирже и зачисляет полученную сумму на рублевый счет поставщика, после чего оплата считается осуществлённой. При отсутствии оплаты или попытке оплаты другим способом экспортные поставки газа прекращаются.

³ *Russland akzeptiert nur noch Rubel. Tagesschau. 23.03.2022. URL:*

30 марта объявило о введении в действие первой ступени (из трёх) Чрезвычайного плана снабжения газом (*Notfallplan*)¹.

На этом фоне руководство «Газпрома» в преддверии возможных санкционных мер против его дочерней компании *Gazprom Germania GmbH*² в конце марта приняло решение передать её в собственность другого российского юридического лица – АО «Палмэри» (через ООО «Газпром экспорт бизнессервисы»), которое, в свою очередь, заявило о готовности к ликвидации этой дочки. Несмотря на то что сделка была нотариально оформлена в Берлине, *BMWK* 4 апреля признало её незаконной, ссылаясь на Закон о внешнеэкономической деятельности, предполагающий обязательное наличие разрешения чиновников министерства. В целях «обеспечения безопасности части критической инфраструктуры» страны оно срочно ввело до 30.09.2022 доверительное управление в лице Федерального сетевого агентства над теперь уже «бывшей», с его точки зрения, фирмой российского концерна [Белов, 2022а].

В зоне риска национализации или принудительной продажи оказались производственные активы третьей в Германии по объемам нефтепереработки сырой нефти (до 12,8 млн т в год, т.е. более чем 12% мощностей ФРГ) компании *Rosneft Deutschland GmbH*, в первую очередь, НПЗ *Raffinerie GmbH* в Шведте-на-Одере³ [Белов, 2022а; Котов, 2022].

12 апреля 2022 г. стало известно о подготовке поправок в Закон об энергетической безопасности (*Energiesicherungsgesetz (EnSiG)*), принятый ФРГ в 1975 г. после мирового нефтяного кризиса, но в течение четырёх с половиной десятилетий почти не применявшегося на практике. Одним из основных поводов стало желание правительства ввести механизмы более жёсткого регулирования субъектов критически важной энергетической инфраструктуры. В конце апреля поправки были оформлены в соответствующий законопроект, представленный на рассмотрение в Бундестаг⁴.

<https://www.tagesschau.de/wirtschaft/weltwirtschaft/gaslieferungen-russland-rubel-101.html> (дата обращения: 01.05.2022)

¹ Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz ruft Frühwarnstufe des Notfallplans Gas aus – Versorgungssicherheit weiterhin gewährleistet. BMWK. 30.03.2022. URL: <https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Pressemitteilungen/2022/03/20220330-bmwk-ruft-fruehwarnstufe-des-notfallplan-gas-versorgungssicherheit-gewaehrleistet.html> (дата обращения: 05.05.2022)

² *Gazprom Germania* принадлежат газовый трейдер *Wingas*, оператор подземного хранилища газа *Astora*, компании *Gazprom Schweiz*, *Gazprom Marketing & Trading, Wien GmbH*, *Gazprom NGV Europe*, *Vemex S.R.O.* Она также является миноритарным владельцем акций (49,98%) газотранспортной компании *Gascade*.

³ 21 февраля 2022 г. антимонопольное ведомство Германии разрешило НК «Роснефть» реализовать заявленное в ноябре 2021 г. преимущественное право покупки у *Shell* 37,5% в капитале данного НПЗ. Тем самым её доля могла возрасти до 91,67%. Но сделку затормозил Р. Хабек. Сразу после начала СВО по его указанию *BMWK* инициировало т.н. процедуру проверки инвестиций.

⁴ Entwurf eines Gesetzes zur Änderung des Energiesicherungsgesetzes 1975 und anderer energiewirtschaftlicher Vorschriften. BMWK. 21.04.2022. URL: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Downloads/Gesetz/entwurf-eines-gesetzes-zur-anderung-des-ensig.pdf?__blob=publicationFile&v=6 (дата обращения: 05.05.2022)

50-ти страничный документ предусматривает право государства в случае возникновения угрозы безопасности со стороны предприятий, относящихся к критически важной инфраструктуре, или вводить их внешнее управление (на шесть и более месяцев), или организовать их альтернативное приобретение третьими лицами, или национализировать. Предпосылкой для этого являются риски невыполнения конкретным экономическим субъектом своих обязательств перед клиентами в конкретном секторе энергетического хозяйства, что может поставить под угрозу устойчивое энергоснабжение страны. При этом новые правила допускают их введение до наступления таких рисков (см. параграфы 17-23 *EnSiG*). Поправки предусматривают «создание предпосылок» для недопущения т.н. «критических компонентов» (очевидно, что речь идёт о первичных ископаемых) в критически важную энергоструктуру в том случае, если их производитель контролируется не входящим в ЕС государством, т.к. это создаёт опасность «общественному порядку или безопасности Германии». Очевидно, что авторы проекта имели в виду Россию. Документ также предполагает соответствующие изменения в Законе об энергетическом хозяйстве и в Положении о газовой безопасности (*Gassicherungsverordnung*).

В конце апреля 2022 г. «Газпром» отказался принять платежи от *Gasprohm Germania* (через её структуру *Gazprom Marketing & Trading Ltd*), которые она попыталась осуществить согласно новому порядку, фактически выразив протест против введённого внешнего управления над его бывшими активами. От решения немецких партнёров относительно участия в новой схеме платежей за российский газ зависит сохранение или прекращение их контрактных отношений с Россией.

Заключение

Прежняя уникальная модель германо-российской кооперации в сфере энергетики, сформированная за пять десятилетий и доказавшая свою надёжность и эффективность, уходит в прошлое. Следуя стратегическим решениям Брюсселя, Берлин заморозил межведомственное и научно-техническое сотрудничество с РФ в сфере энергетики и последовательно отказывается от импорта из РФ первичных ископаемых, поставив цель достижения полной энергетической независимости от России. В течение 2022 г. Германия намерена прекратить ввоз каменного угля и сырой нефти и заключить новые договоры с альтернативными поставщиками. Трудноразрешимой проблемой для Берлина будет организация снабжения НПЗ в восточногерманском Шведте. Непростым станет поиск альтернативы для российских нефтепродуктов.

Наиболее сложная задача – отказ от трубопроводного газа, гарантированное замещение его другими источниками и организация устойчивых поставок СПГ (включая сооружение необходимой инфраструктуры), а также повышение в этих условиях энергоэффективности/энергосбережения и ускорение энергетической трансформации немецкого народного хозяйства. Такой переходный период может затянуться на долгие годы, в течение которых, по крайней мере, до 2030–2035 гг. *Uniper* и *EnBW* могли бы получать определённые объёмы российского газа через действующие газопроводы. Насколько удастся Берлину полностью отказаться от

трубопроводных поставок из РФ, покажет время. Позволим выразить сомнение в достижимости этой цели.

Есть определённые надежды, что *Uniper*, *EnBW* и *RWE* согласятся с новыми условиями оплаты российского газа. Неясными остаются перспективы разрешения конфликтной ситуации с собственностью «Газпрома» – компанией *Gazprom Germania* и её дочерними структурами. Правительство передало в Бундестаг законопроект, дающий государству право вводить не только внешнее управление, но и национализировать такие критически важные для энергетической безопасности страны структуры. В зоне риска оказалась и «Роснефть», которая может лишиться долей в своих НПЗ (в первую очередь, в Шведте). Немецкие энергетические концерны отказались от новых проектов в России и выразили готовность продать свои российские активы.

Основная политическая цель Германии (как части коллективного Запада) состоит в том, чтобы через беспрецедентные масштабные санкции лишить российское государство валютных доходов, формируемых за счёт продажи нефти, газа и угля, существенно ухудшить социально-экономическую ситуацию в стране и, как следствие, побудить российских граждан «выйти на улицы с целью свержения власти». С другой стороны, в ФРГ во всех сферах происходит формирование новой «культуры отмены России», наблюдается массовое покаяние большинства немецких политиков, ранее выступавших основными протагонистами развития всестороннего германо-российского сотрудничества и теперь признающих неправильность своих действий. С хозяйственно-политической точки зрения «культура отмены» предусматривает полный отказ от импорта ископаемого российского сырья, ставшего в понимании германского истеблишмента токсичным товаром. При этом истеблишмент поддерживает готовность государства конфисковать собственность концернов РФ в критически важных сферах, в первую очередь, в сфере энергетики. Одновременно Берлин готов к негативным последствиям неизбежного разрыва традиционных цепочек поставок из РФ, росту инфляции, безработицы, падению темпов экономического роста, замедлению энергетического перехода и снижению привлекательности/конкурентоспособности германского хозяйственного пространства. Правительство уже приняло и в дальнейшем будет принимать различные программы помощи бизнесу и домашним хозяйствам, несущим убытки в силу отказа от энергетической кооперации с Россией и перехода к другим альтернативным поставкам.

На фоне роста энергетической независимости Германии от России не произойдёт разрыва всех отношений в области энергетики. Сохранятся определённые связи между основными экономическими игроками. В сфере энергоэффективности/энергосбережения по-прежнему есть потенциал для взаимодействия не только крупного, но также малого и среднего бизнеса. Отказ Евросоюза и Германии от энергетического сотрудничества с РФ может замедлить достижение целевых климатических показателей в Европе. На время проведения СВО в энергосотрудничестве ФРГ с РФ будет существовать ледниковый период с «признаками жизни», который после её завершения может перейти в фазу постепенного восстановления двусторонних отношений, в первую очередь, на предпринимательском уровне. Их качественные и количественные параметры будут определяться уже другими условиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьева М. (2021a) Заглянуть в трубу: перспективы российско-германского энергетического партнерства. *PCMD*. 17.08.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zaglyanut-v-trubu-perspektivy-rossiysko-germanskogo-energeticheskogo-partnerstva/> (дата обращения: 30.04.2022)

Афанасьева М. (2021b) История и перспективы энергетических сделок между Россией и Германией на фоне санкций США и «зеленой» энергополитики. *PCMD*. 14.04.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/istoriya-i-perspektivy-energeticheskikh-sdelok-mezhdu-rossiyey-i-germaniyey-na-fone-sanktsiy-ssha-i-ze/> (дата обращения: 30.04.2022)

Белов В.Б. (2022a) Новое правительство ФРГ и германо-российские отношения. Фактор Украины. Часть 2. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 2. С. 68–76. DOI: 10.15211/vestnikieran20226876

Белов В.Б. (2022b) Новое правительство ФРГ и германо-российские отношения. Часть 1. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 1 (25). С. 67–78. DOI: 10.15211/vestnikieran120226778

Гривач А.И., Симонов К.В. (2019). Великая газовая игра: полвека борьбы США против Европы. Издательская группа «Точка», Москва. 304 с.

Денисенко К. (2022) Политика энергетического перехода: Германия в поисках альтернативы. *PCMD*. 15.03.2022 URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/oilandgastoday/politika-energeticheskogo-perekhoda-germaniya-v-poiskakh-alternativy/?sphrase_id=90624514 (дата обращения: 30.04.2022)

Кавешников Н. (2022) Антироссийская политика Европейского союза как реакция на украинский кризис. *PCMD*. 6 апреля 2022 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/antirossiyskaya-politika-evropeyskogo-soyuza-kak-reaktsiya-na-ukrainskiy-krizis/> (дата обращения: 30.04.2022)

Конопляник А. (2022) Энергетическое саморазрушение Европы. *НГ-Энергия*. 11.04.2022. URL: https://www.ng.ru/ng_energiya/2022-04-11/12_8414_crisis.html (дата обращения: 30.04.2022)

Котов А.В. (2022) Столетие Раппальского договора: юбилей на фоне кризиса экономических связей России и Германии. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 2. С. 117–127. DOI: 10.15211/vestnikieran2022117127

Меден Н.К. (2015) Энергетическая политика: шансы и риски. *Современная Германия. Экономика и политика*. Под общ. ред. В.Б. Белова. Издательство «Весь мир», ИЕ РАН, Москва. С. 262–290.

Соколов А. (2022). Новая энергетическая политика Берлина: последствия для России. *PCMD*. 10.03.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-energeticheskaya-politika-berlina-posledstviya-dlya-rossii/> (дата обращения: 30.04.2022)

Этап специальной военной операции на Украине. Анатомия антироссийской политики в Европе (2022). ИЕ РАН, Москва. 194 с. DOI: 10.15211/report42022-390

Bähr, C., Fremerey M., Fritsch M., Obst, Th. (2022) Rohstoffabhängigkeiten der deutschen Industrie von Russland. *IW-Kurzbericht*. Nr. 31. 03.04.2022. URL: <https://www.iwkoeln.de/studien/cornelius-baehr-manuel-fritsch-thomas-obst-rohstoffabhaengigkeiten-der-deutschen-industrie-von-russland.html> (accessed 12.04.2022)

Fischer A., Küper M. (2022) Die Bedeutung russischer Gaslieferungen für die deutsche Energieversorgung. Untersuchung bestehender Lieferbeziehungen und Ausblick auf die weitere Entwicklung. Köln: Institut der deutschen Wirtschaft. 17.02.2022. 38 p. URL: https://www.atlantik-bruecke.org/wp-content/uploads/IW-Gutachten_Die-Bedeutung-russischer-Gaslieferungen.pdf (accessed: 30.04.2022)

Fischer A., Küper M., Schaefer Th. (2022) Gaslieferungen aus Russland können kurzfristig nicht kompensiert werden. *Wirtschaftsdienst*, 102. Jahrgang, Heft 4. pp. 259–261 DOI: 10.1007/s10273-022-3162-z

Holz F., Sogalla R., von Hirschhausen Ch. R., Kemfert, C. (2022) Energieversorgung in Deutschland auch ohne Erdgas aus Russland gesichert. *DIW aktuell*, No. 83, Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung (DIW), 08.04.2022. Berlin. 10 p. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/251984/1/1798332167.pdf> (accessed: 30.04.2022)

Just L., Wild P., Arnold F. (2022) Deutsche und europäische Energieimporte. Kurzanalyse der deutschen und europäischen Importstruktur sowie Substitutionsmöglichkeiten. Energiewirtschaftliches Institut an der Universität zu Köln (EWI) gGmbH. 25.03.2022. 12 p. URL: https://www.ewi.uni-koeln.de/cms/wp-content/uploads/2022/03/20220325_KurzanalyseEnergieImporte.pdf (accessed: 30.04.2022)

Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag 2021 – 2025 zwischen der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (SPD), BÜNDNIS 90 / DIE GRÜNEN und den Freien Demokraten (FDP). Berlin, 2021. 177 p.

REPowerEU: gemeinsames europäisches Vorgehen für erschwinglichere, sichere und nachhaltige Energie (2022). European commission. 08.03.2022. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/de/ip_22_1511 (accessed 20.04.2022).

Shagina M., Westphal K. (2021) Nord Stream 2 und das Energie-Sicherheitsdilemma. Chancen und Grenzen eines «Grand Bargain». SWP-Aktuell 2021/A 52, 27.07.2021. 8 p. DOI:10.18449/2021A52

Wie sich russisches Erdgas in der deutschen und europäischen. Energieversorgung ersetzen lässt (2022) Ad-hoc-Stellungnahme. Nationale Akademie der Wissenschaften Leopoldina. 08.03.2022. URL: <https://www.leopoldina.org/presse-1/nachrichten/wie-sich-russisches-erdgas-in-der-deutschen-und-europaeischen-energieversorgung-ersetzen-laesst/> (accessed: 30.04.2022)

Paradigm Change in the Energy Cooperation between Germany and Russia

V.B. Belov*

Candidate of Sciences (Economics)

Research Director of IE RAS, Chief of Department for countries researches and of Center for German studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009.

***E-mail:** belov@instituteofeurope.ru

Abstract. Germany's transition to a climate-neutral economy, the main parameters of which were determined by the European Green Exchange Rate (December 2019) and clarified in the updated Law on Climate Protection of Germany (June 2021) and the EU Fit-for-55 program (July 2021), leads to the abandonment of the use of primary energy sources, including their import from Russia. The energy transformation of the German market economy presumed a gradual restructuring of the existing model of German-Russian cooperation in the energy sector, including its transfer to priority cooperation in the field of energy efficiency and renewable energy sources. Brussels and Berlin responded to the special military operation of the Russian Federation on the territory of Ukraine with large-scale economic and political sanctions (March-May 2022), which included significant restrictions on the import of Russian coal and oil. At the same time, the German federal authorities outlined the necessity to abandon Russian pipeline gas and petroleum products, as well as the deprivation of ownership of the two main

players from the Russian Federation in the German oil and gas market – Gazprom and Rosneft companies. Their German partners have frozen participation in Russian projects. At the end of February, the certification of the Nord Stream –2 offshore gas pipeline was stopped. Interdepartmental state interaction and scientific and technical cooperation in the energy sector have been terminated. These events indicated the readiness of the government coalition in the short term to replace the previous model of energy cooperation, which has performed well for half a century, and to move to independence from Russian fossil resources and their derivatives. The author analyzes the reasons and content of the current measures taken by Berlin, as well as their medium- and long-term consequences for German-Russian cooperation.

Keywords: Germany, European Union, EU, Russia, RF, European Green Deal, energy transition, transformation, German-Russian cooperation.

DOI: 10.31857/S0201708322040015

EDN: gijwtg

REFERENCES

Afanas'yeva M. (2021a) Zaglyanut' v trubu: perspektivy rossiysko-germanskogo energeticheskogo partnerstva [Looking Down the Pipe: Prospects for Russian-German Energy Partnership]. *RSMД*. 17.08.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zaglyanut-v-trubu-perspektivy-rossiysko-germanskogo-energeticheskogo-partnerstva/> (accessed: 30.04.2022)

Afanas'yeva M. (2021b) Istoriya i perspektivy energeticheskikh sdelok mezhdru Rossiiyey i Germaniyey na fone sanktsiy SSHA i «zelenoy» energopolitiki [The history and prospects of energy deals between Russia and Germany against the backdrop of US sanctions and green energy policy]. *RSMД*. 14.04.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/istoriya-i-perspektivy-energeticheskikh-sdelok-mezhdru-rossiiyey-i-germaniyey-na-fone-sanktsiy-ssha-i-ze/> (accessed: 30.04.2022)

Bähr, C., Fremerey M., Fritsch M., Obst, Th. (2022) Rohstoffabhängigkeiten der deutschen Industrie von Russland. *IW-Kurzbericht*. Nr. 31. 03.04.2022. URL: <https://www.iwkoeln.de/studien/cornelius-baehr-manuel-fritsch-thomas-obst-rohstoffabhaengigkeiten-der-deutschen-industrie-von-russland.html> (accessed 12.04.2022)

Belov V.B. (2022a) Novoye pravitel'stvo FRG i germano-rossiyskiye otnosheniya. Faktor Ukrainy Chast' 2 [The New Government of Germany and German-Russian Relations. Factor of Ukraine. Part 2]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IYe RAN*. No. 2, pp. 68–76. DOI: 10.15211/vestnikieran20226876

Belov V.B. (2022b) Novoye pravitel'stvo FRG i germano-rossiyskiye otnosheniya. Chast' 1. [The New Government of Germany and German-Russian Relations. Part 1]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IYe RAN*. No 1, pp. 67–78. DOI: 10.15211/vestnikieran120226778

Etap special'noj voennoj operacii na Ukraine. Anatomiya antirossijskoj politiki v Evrope. (2022) [The stage of the special military operation in Ukraine. The anatomy of the anti-russian policy in Europe]. IE RAS, Moscow. 194 p. DOI: 10.15211/report42022-390

Fischer A., Küper M. (2022) Die Bedeutung russischer Gaslieferungen für die deutsche Energieversorgung. Untersuchung bestehender Lieferbeziehungen und Ausblick auf die weitere Entwicklung. Köln: Institut der deutschen Wirtschaft. 17.02.2022. 38 p. URL: https://www.atlantik-bruecke.org/wp-content/uploads/IW-Gutachten_Die-Bedeutung-russischer-Gaslieferungen.pdf (accessed: 30.04.2022)

Fischer A., Küper M., Schaefer Th. (2022) Gaslieferungen aus Russland können kurzfristig nicht kompensiert werden. *Wirtschaftsdienst*, 102. Jahrgang, Heft 4. pp. 259–261 DOI: 10.1007/s10273-022-3162-z

Grivach A.I., Simonov K.V. (2019) Velikaya gazovaya igra: polveka bor'by SSHA protiv Yevropy [The Great Gas Game: Half a century of US struggle against Europe]. Izdatel'skaya gruppa «Tochka», Moscow. 304 p.

Holz F., Sogalla R., von Hirschhausen Ch. R., Kemfert, C. (2022) Energieversorgung in Deutschland auch ohne Erdgas aus Russland gesichert. *DIW aktuell*, No. 83, Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung (DIW), 08.04.2022. Berlin. 10 p. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/251984/1/1798332167.pdf> (accessed: 30.04.2022)

Just L., Wild P., Arnold F. (2022) Deutsche und europäische Energieimporte. Kurzanalyse der deutschen und europäischen Importstruktur sowie Substitutionsmöglichkeiten. Energiewirtschaftliches Institut an der Universität zu Köln (EWI) gGmbH. 25.03.2022. 12 p. URL: https://www.ewi.uni-koeln.de/cms/wp-content/uploads/2022/03/20220325_KurzanalyseEnergieImporte.pdf (accessed: 30.04.2022)

Kaveshnikov N. (2022) Antirossiyskaya politika Yevropeyskogo soyuza kak reaktsiya na ukrainskiy krizis [Anti-Russian policy of the European Union as a reaction to the Ukrainian crisis]. *RSMD*. 06.04.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/antirossiyskaya-politika-evropeyskogo-soyuza-kak-reaktsiya-na-ukrainskiy-krizis/> (accessed: 30.04.2022)

Konoplyanik A. (2022) Energeticheskoye samorazrusheniye Yevropy [Energy self-destruction of Europe]. *NG-Energiya*. 11.04.2022. URL: https://www.ng.ru/ng_energiya/2022-04-11/12_8414_crisis.html (accessed: 30.04.2022)

Kotov A.V. (2022) Stoletiyе Rappal'skogo dogovora: yubiley na fone krizisa ekonomicheskikh svyazey Rossii i Germanii [Centenary of the Rappala Treaty: Anniversary against the backdrop of the crisis in economic relations between Russia and Germany]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IYe RAN*. No. 2, pp. 117–127. DOI: 10.15211/vestnikieran2022117127

Meden N.K. (2015) Energeticheskaya politika: shansy i riski [Energy Policy: Opportunities and Risks]. *Sovremennaya Germaniya. Ekonomika i politika*. Pod obshch. red. V.B. Belova. Izdatel'stvo «Ves' mir», IYe RAN, Moscow, pp. 262–290.

Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag 2021 – 2025 zwischen der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (SPD), BÜNDNIS 90 / DIE GRÜNEN und den Freien Demokraten (FDP). Berlin, 2021. 177 p.

REPowerEU: gemeinsames europäisches Vorgehen für erschwinglichere, sichere und nachhaltige Energie (2022). European commission. 08.03.2022. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/de/ip_22_1511 (accessed 20.04.2022)

Shagina M., Westphal K. (2021) Nord Stream 2 und das Energie-Sicherheitsdilemma. Chancen und Grenzen eines «Grand Bargain». SWP-Aktuell 2021/A 52, 27.07.2021. 8 p. DOI:10.18449/2021A52

Sokolov A. (2022) Novaya energeticheskaya politika Berlina: posledstviya dlya Rossii [Berlin's New Energy Policy: Consequences for Russia]. *RSMD*. 10.03.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-energeticheskaya-politika-berlina-posledstviya-dlya-rossii/> (accessed: 30.04.2022)

Wie sich russisches Erdgas in der deutschen und europäischen. Energieversorgung ersetzen lässt (2022) Ad-hoc-Stellungnahme. Nationale Akademie der Wissenschaften Leopoldina. 08.03.2022. URL: <https://www.leopoldina.org/presse-1/nachrichten/wie-sich-russisches-erdgas-in-der-deutschen-und-europaeischen-energieversorgung-ersetzen-laesst/> (accessed: 30.04.2022)

УДК 327

ПОЛИТИКА САНКЦИЙ БРИТАНИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И РОССИЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

© 2022 ТИМОФЕЕВ Иван Николаевич*

*Кандидат политических наук, доцент,
Кафедра политической теории МГИМО МИД России,
программный директор Российского совета по международным делам (РСМД)
119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76, ауд. 324*

**E-mail: itimofeev@russiancouncil.ru*

ORCID: 0000 0003 1676 2221 SCOPUS: 35293701300

Поступила в редакцию 16.03.2022

После доработки 29.03.2022

Принята к публикации 16.05.2022

Аннотация. Британия является одним из ключевых инициаторов санкций в отношении России. Страна ведет самостоятельную политику ограничительных мер после выхода из Евросоюза. Сформирован институциональный дизайн и широкий опыт применения санкций. Вместе с тем существующая академическая литература оставляет целый ряд исследовательских вопросов, которые являются центральными для предлагаемой статьи. В чем специфика институционального дизайна политики британских санкций на современном этапе? Каковы основные тенденции их применения в сравнении с другими игроками (США, ЕС, Китаем, Россией)? Каковы особенности санкций в отношении России? Данные вопросы составляют исследовательскую проблему предлагаемой статьи. Выдвинуты следующие гипотезы. Во-первых, британская политика санкций имеет специфический институциональный дизайн, одной из особенностей которого является концентрация ключевых механизмов в одном базовом законодательном акте и относительно высокой автономией исполнительной власти. Вместе с тем Лондон использует универсальные санкционные инструменты, сопоставимые с аналогами в США и ЕС. Во-вторых, Британии свойственна высокая активность применения санкций. Ее объемы представляются меньшими в сравнении с США и ЕС, но большими в сравнении с КНР и Россией. В-третьих, российское направление становится для Лондона приоритетным как с точки зрения количества вводимых санкций, так и разнообразия применяемых методов. Гипотезы тестируются с помощью анализа нормативно-правовых и иных официальных документов, а также с помощью Базы данных санкционных событий (БДСС) Российского совета по международным делам.

Ключевые слова: санкции, политика санкций, Великобритания, Россия.

DOI: 10.31857/S0201708322040027

EDN: gipbju

После выхода из Евросоюза Британия ведет самостоятельную политику санкций. За последние пять лет Лондон сформировал законодательную базу по вопросу ограничительных мер и практику их применения. С началом российской операции на Украине в 2022 г. санкции против России заняли приоритетное место в британской политике. Одновременно с союзниками по НАТО и другими партнерами, Соединенное Королевство ввело ряд финансовых, торговых, визовых и иных ограничений в отношении России. Формальные санкции сочетаются с неформальными бойкотами, которые ведутся бизнесом. По своему масштабу новые санкции не имеют прецедентов. Они чреватые значительным ущербом как для России, так и для самой Британии.

В российской и зарубежной литературе уже существует ряд исследований британской политики санкций после брекзита. Следует упомянуть доклады Королевского объединенного института оборонных исследований (RUSI) [Chase et al, 2019, 2020], других зарубежных исследователей [Moret and Pothier, 2018], а также работы отечественных авторов [например, Гландин и Панов, 2019; Хесин, 2019; Годованюк, 2018]. Кроме того, подготовлен целый ряд исследований, которые дают представление о внешнеполитическом контексте британской политики санкций на современном этапе [Ананьева и др., 2021, Ананьева и Годованюк, 2021]. Однако в имеющейся литературе остается множество пробелов, которые оставляют ряд исследовательских вопросов: в чем специфика институционального дизайна политики санкций Британии на современном этапе. Каковы основные тенденции их применения? Каковы особенности санкций в отношении России? Данные вопросы составляют исследовательскую проблему предлагаемой статьи.

Выдвинуты следующие гипотезы. Во-первых, британская политика санкций характеризуется специфическим институциональным дизайном, одной из особенностей которого является концентрация механизмов в одном базовом законодательном акте и относительно высокая автономия исполнительной власти. Вместе с тем Лондон использует универсальные санкционные инструменты, сопоставимые с аналогами в США и ЕС. Во-вторых, Британии свойственна высокая активность применения санкций. Ее объемы представляются меньшими в сравнении с США и ЕС, но большими в сравнении с КНР и Россией. В-третьих, российское направление становится для Лондона приоритетным как с точки зрения количества вводимых санкций, так и разнообразия применяемых методов.

Первая гипотеза тестируется на основе анализа базовых нормативно-правовых актов, регулирующих британскую политику санкций. Вторая гипотеза проверяется на основе Базы данных санкционных событий (БДСС) Российского совета по международным делам [Тимофеев, 2021]. В Базе отражены прецеденты использования ограничительных мер ключевыми странами-инициаторами, включая Британию. Третья гипотеза изучена на базе новых нормативно-правовых документов по России и с использованием данных БДСС.

Под санкциями будем понимать ограничительные меры, вводимые страной-инициатором или группой таких стран в отношении страны-мишени или их группы для достижения политических целей [Тимофеев, 2018]. В числе ключевых – принуждение страны-мишени к смене своего политического курса, нанесение ущерба и ограничение ее экономического и военного потенциала, а также посылка политических сигналов [Giumelli, 2016]. Санкции могут включать в себя заморозку активов и запреты на транзакции с отдельными лицами и организациям (блокирующие санкции), ограничения для отдельных секторов экономики страны-мишени (секторальные санкции), контроль экспорта и импорта (торговые санкции), ограничения свободы передвижения и транспортного сообщения (визовые санкции, запреты на использование воздушного и морского пространства), ограничения на инвестиции.

Многие из упомянутых мер являются таргетированными или «умными» санкциями, то есть направленными на отдельных лиц, а не на страну в целом. Парадигма «умных санкций» доминировала в практике ключевых стран-инициаторов последние два десятилетия [Drezner, 2015]. Однако в некоторых случаях точечные санкции приводили к серьезным эффектам для экономики стран-мишеней [Douhan, 2020]. То есть, будучи формально направленными против отдельных лиц, они оказывали влияние на страну-мишень в целом. Санкции против России, которые вводятся с февраля 2022 г., стали признаком изменения парадигмы. На смену «умным санкциям» пришло «санкционное цунами» или «ковровая бомбардировка экономики», когда применяется одновременно самый широкий набор инструментов в предельно сжатый отрезок времени [Тимофеев, 2022]. Смена парадигмы свойственна как Британии, так и ее союзникам по НАТО.

Следует также различать многосторонние и односторонние ограничительные меры. К первым относятся те ограничения, которые вводятся решением Совета Безопасности ООН и исполняются странами-членами [Джазаيري, 2015]. Вторые вводятся странами-инициаторами в обход решений СБ ООН на основе собственного законодательства.

Британская политика санкций: институциональный дизайн

Политика санкций Британии регулируется законом 2018 г. «О санкциях и борьбе с отмыванием денег» (далее SAMLA)¹. В нем определены виды ограничительных мер, цели их применения, полномочия исполнительной и законодательной власти, процедура использования санкций и отчетности по их исполнению. Примечательно, что закон охватывает как те санкции, которая Британия должна использовать во исполнение резолюций СБ ООН, так и т. н. «необязательные» (discretionary) санкции, под которыми подразумеваются односторонние меры. Закон вводит и промежуточную категорию санкций, целью которых является исполнение иных международных соглашений, не охватываемых резолюциями СБ ООН. (ст. 1. SAMLA).

¹ UK Government (2018) Sanctions and Anti-Money Laundering Act. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/13/contents/enacted/data.htm> (дата обращения: 09.05.2022)

Полномочиями вводить санкции обладают профильные министры (appropriate Ministers), к числу которых относятся государственные секретари. Такими полномочиями обладает также Казначейство. К типам ограничительных мер принадлежат финансовые, визовые, торговые, транспортные (воздушные и морские), а также иные меры, в т.ч. необходимые для имплементации ограничительных мер СБ ООН. Санкции вводятся в форме регламента, который отражает режим ограничений в отношении той или иной страны или функциональной проблемы. Вводя новый регламент, профильный министр должен предоставить Парламенту отчет о мотивах введения санкций. Ст. 30 обязывает профильного министра ежегодно отчитываться по каждому регламенту перед Парламентом. Более того, ряд регламентов требует утверждения Парламентом. К ним относятся те регламенты, которые не предусматривают исполнения резолюций СБ ООН, то есть односторонние меры. Ст. 55 SAMLA предполагает утверждение таких регламентов обеими палатами Парламента в течение 28 дней. В частности, регламенты о санкциях в отношении России и Белоруссии проходили через Парламент.

Британский дизайн политики санкций отличается относительно высокой автономией исполнительной власти в сравнении с США и ЕС. В США президент обладает широкими полномочиями по введению санкций, регулируемых законом 1977 г. «О чрезвычайных экономических полномочиях» (IEEPA)¹. Он может весьма оперативно применять санкции своими исполнительными указами. Он также передает соответствующие полномочия на уровень отдельных ведомств, которые дополняют санкции своими подзаконными актами (директивами, лицензиями и т.п.) [Тимофеев, 2022]. Однако, начиная с 1970-х гг., Конгресс предпринимал безуспешные попытки ограничить полномочия президента по ряду направлений. Например, по иранской тематике сформирована целая «паутина законов» [Hanauer, 2020], ограничившая маневр для исполнительной власти. Каждый закон может подразумевать отдельные виды отчетности исполнительной власти, то есть они менее стандартизированы в сравнении с британским механизмом. В Евросоюзе процедура введения санкций более сложна, хотя и вполне работоспособна [Giumelli et al., 2020; Тимофеев, 2021]. Требуется единогласная поддержка проектов решений и регламентов всеми членами Совета ЕС. Впрочем, случаи расхождений весьма редки. Так, в 2020 г. Кипр блокировал решение о санкциях против белорусских официальных лиц, пытаясь добиться внимания к своим озабоченностям действиями Турции на шельфе в Восточном Средиземноморье². В конечном итоге «белорусский пакет» все же был принят.

Сами инструменты ограничительных мер универсальны. Британия применяет заморозку активов отдельных физических и юридических лиц, секторальные санкции, экспортный контроль, запреты на импорт и т.п. Аналогичные меры используют США, ЕС и многие другие. Британия заимствовала у своих союзников и т.н.

¹ U.S. Congress (1977) <https://www.congress.gov/bill/95th-congress/house-bill/7738> International Emergency Economic Powers. URL: (дата обращения: 09.05.2022)

² Тадтаев Г. (2020) СМИ узнали о блокировке Кипром санкций Евросоюза против Белоруссии. РБК. 10.07.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/09/2020/5f59a8619a7947415cf7054f> (дата обращения: 09.05.2022)

«правило 50%». Оно подразумевает, что финансовые санкции распространяются как на поименованных в санкционных списках лиц, так и на их дочерние предприятия или подконтрольные активы при условии, что доля владения составляет или превышает 50%¹.

Политика санкций распределяется между несколькими ключевыми ведомствами – Министерством иностранных дел, Казначейством и Министерством международной торговли. МИД принимает ключевые политические решения по санкциям. В частности, Министерство разрабатывает проекты регламентов и поправок к ним. Казначейство администрирует применение финансовых санкций. В его составе действует Офис по применению финансовых санкций (OFSI). Министерство внешней торговли администрирует ограничения на импорт и экспорт. В его структуре функционирует Объединенная группа по экспортному контролю (ЕСJU). Подобная структура напоминает американский механизм, где ключевыми ведомствами также выступают Минфин, Минторг и Госдеп. К политике санкций могут привлекаться и другие ведомства. Например, в британском законодательстве транспортные санкции выделяются в отдельную категорию. Соответственно Министерство транспорта участвует в их имплементации.

Практика принудительных мер уголовного или административного характера в отношении нарушителей британских режимов санкций в Британии после брежита только формируется. Можно констатировать заимствование целого ряда американских подходов. Например, в процессе административного преследования важным смягчающим обстоятельством является добровольное раскрытие нарушений, дающее скидку на штраф в размере до 50%. Сходной является и классификация нарушений², в британском – о «серьезных» и «крайне серьезных»³. Вместе с тем число расследований пока несопоставимо. С 2019 г. OFSI расследовал шесть нарушений⁴, тогда как OFAC – профильный офис Минфина США – 63⁵. Такая разница может объясняться тем, что многие расследования OFAC касаются нарушений, произошедших за несколько лет до вынесения решения о штрафе, тогда как в случае OFSI

¹ UK Government (2020) UK Financial Sanctions General Guidance for Financial Sanctions Under the Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1062452/General_Guidance_-_UK_Financial_Sanctions.pdf (дата обращения: 09.05.2022)

² U.S. Federal Register (2008), Appendix A to Part 501. Economic Sanctions Enforcement Guidelines. URL: https://www.sec.gov/about/offices/ocie/aml/enf_guide_09082008.pdf (дата обращения: 09.05.2022)

³ UK Government (2022) Monetary Penalties for Breaches of Financial Sanctions. Guidance. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1051875/Monetary_Penalties_Guidance__Jan_2022_.pdf (дата обращения: 09.05.2022)

⁴ UK Government (2022) Enforcement of Financial Sanctions. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/enforcement-of-financial-sanctions> (дата обращения: 09.05.2022)

⁵ U.S. Department of the Treasury (2022) Civil Penalties and Enforcement. URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/civil-penalties-and-enforcement-information> (дата обращения: 09.05.2022)

такого запаса по времени не было из-за сравнительной «молодости» британской политики санкций. В будущем можно ожидать меньшего числа применения штрафов в Британии в сравнении с США и в силу меньшей плотности транзакций в британской финансовой системе в сравнении с американской. Свою политику штрафных мер ведет и ЕСЮ за нарушение норм экспортного контроля¹. Здесь также прослеживаются параллели с работой американского Бюро промышленности и безопасности Министерства торговли. И в Британии, и в США существует уголовная ответственность за нарушение режимов санкций. В обеих странах важным основанием для уголовного преследования является наличие умысла и преднамеренных схем обхода санкций. Аналогичная практика существует в отдельных странах ЕС, например, в Германии.

Санкционные события. Британия и другие инициаторы

База данных санкционных событий РСМД показывает повышение санкционной активности Британии. Речь о самых разных событиях – от применения ограничительных мер в отношении отдельных лиц, до их смягчения или отмены. В 2020 г. в базе отмечено 58 событий, из которых 34 были «негативными» (введение санкций, их расширение и т.п.). В числе «негативных» событий непосредственно с Россией было связано лишь четыре. В 2021 г. отмечено 83 события, из них 48 негативных. Непосредственно по России – всего три события. В начале 2022 г. наблюдается резкий рост числа санкционных событий. За первые три месяца он составил 67 единиц, то есть больше, чем за весь 2020 г. Из них «негативными» были 35 событий. С Россией связано 23 единицы.

Для сравнения, по ЕС (не считая действий отдельных стран-членов и стран-партнеров) в 2020 г. было зафиксировано 110 событий, из которых 60 «негативных». В числе последних – 14 в отношении России. В 2021 г. эти показатели составляли соответственно 137, 70 и 9. В первом квартале 2022 г. – 45, 31 и 17.

По США в 2020 г. насчитывалось 440 событий, из которых 300 были «негативными». В числе «негативных» к России относилось 17 событий. В 2021 г. речь шла о 488, 302 и 31 случае, а в первом квартале 2022 г. – о 104, 72 и 29 событиях.

Представленные данные показывают, что общим для США, ЕС и Британии стал существенный рост санкционных событий, связанных с Россией. Особенностью Соединенного Королевства является как наращивание числа событий в целом, так и более впечатляющее расширение российского трека. Значительный рост фиксируется в первом квартале 2022 г. в связи с российской операцией на Украине. В Британии подобный рост наиболее заметен.

Для сравнения, Китай в 2020 г. характеризуется всего 11 событиями, из которых 9 были «негативными». Из них шесть было направлено против США, а три пред-

¹ UK Government (2022) Importers and Exporters: Financial Sanctions – Frequently Asked Questions. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/ofsi-guidance-html-documents/importers-and-exporters-financial-sanctions-frequently-asked-questions> (дата обращения: 09.05.2022)

ставляли собой создание новых санкционных механизмов. В 2021 г. в БДСС отмечалось 20 событий, из которых «негативными» было 15. Разброс стран-мишеней существенно вырос. Объяснялось это тем, что Китай вводил ответные санкции на ограничения западных стран в связи с правами человека и другими темами. Так, против США было направлено шесть действий, против Британии – два и по одному в отношении Бельгии, ЕС, Канады, Литвы. В 2022 г. пока наблюдается лишь одно событие – санкции против трех американских оборонных компаний. Впрочем, в БДСС отражаются лишь меры, имеющие формальное выражение. Тогда как КНР вполне может сочетать их и с неформальными ограничительными мерами.

Россия в 2020 г. выступила инициатором 17 событий, из которых «негативными» было девять. Под санкции попадали инициаторы ограничительных мер в отношении России, а также применялись меры в отношении «нежелательных организаций». В 2021 г. таких событий было уже 28, из которых «негативными» обозначено 21. Ограничения вводились против США, Британии, Канады, Чехии, Украины, Польши, Нидерландов, Германии. В первом квартале 2022 г. отмечено 14 событий, 12 из которых «негативные». Все они введены против инициаторов санкций в отношении самой России.

В сравнении с западными странами, Китай и Россия не показывают большой активности в области применения санкций: речь нередко идет об ответных мерах на вводимые ограничения. В российском случае наблюдается рост числа санкционных событий в первом квартале 2022 г., что очевидно связано с аналогичным ростом санкционного давления со стороны Запада.

Санкции Британии в отношении России

Ключевым правовым механизмом британских санкций в отношении России можно считать регламент по России 2019 г.¹. Его целью было «стимулирование России к отказу от действий по дестабилизации Украины», включая проблему Крыма и Донбасса. До 2022 г. регламент в целом воспроизводил структуру санкций ЕС. В частности, в нем фиксировались визовые и блокирующие санкции (заморозка активов и запрет на предоставление экономических ресурсов) в отношении лиц, ответственных, по мнению властей Британии, за дестабилизацию Украины. Список лиц отражался в соответствующем приложении. Ст. 6, ч. 2 регламента четко прописывает определение данных «вовлеченных лиц». В их число входят и те, кто подконтролен данным лицам или действует от их имени. В частности, регламент фиксирует «правило 50%» (ст. 7). В регламенте воспроизводились и секторальные санкции. В их числе – запрет на кредитование поименованных в приложении российских финансовых, энергетических и оборонно-промышленных компаний, а также их дочерних структур (здесь тоже действует «правило 50%»). В отношении энергетического сектора запрещались продажа или перепродажа товаров и услуг для добычи нефти на континентальном шельфе, в Арктике, а также в рамках проек-

¹ UK Government (2019) The Russia (Sanctions) (EU Exit) Regulations. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2019/855/introduction/made> (дата обращения 09.05.2022)

тов глубоководного бурения. Здесь же прописывалась и торговая блокада Крыма, запрещался экспорт в Россию оборонной продукции, технологий и товаров двойного назначения.

Наряду с украинским пакетом против России применялись и другие режимы. В частности, блокирующие санкции использовались в отношении российских граждан в ответ на предполагаемое применение нервнопаралитического вещества «Новичок» в 2018 и 2020 гг. («дело Скрипалей» и «дело Навального»). Блокировки осуществлялись в соответствии с регламентом о санкциях за использование химического оружия 2019 г.¹ В настоящее время в списке заблокированных лиц по нему числятся 17 граждан России и Государственный НИИ органической химии и технологии. Кроме россиян в списке пять граждан и одно учреждение из Сирии². Блокирующие санкции использовались и в рамках регламента о санкциях за киберпреступления 2020 г.³ В списки внесено 14 физических лиц и три юридических лица. Помимо россиян регламент был использован в отношении двух граждан КНР, по одной организации из КНДР, КНР и Турции⁴. Россияне блокировались по регламенту глобальных санкций в ответ на нарушение прав человека 2020 г.⁵ Здесь они соседствуют с гражданами Республики Беларусь, КНР, Саудовской Аравии и других стран (всего 75 физических и 6 юридических лиц)⁶. 14 граждан России числятся и в списке по регламенту о санкциях в рамках борьбы с коррупцией 2021 г.⁷, наряду с гражданами Судана, Ирака, ЮАР, Индии и др. (всего 27 лиц)⁸. Впрочем, применение данных регламентов можно считать периферийным. Они имели скорее

¹ UK Government (2019) The Chemical Weapons (Sanctions) (EU Exit) Regulations. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2019/618/introduction/made> (дата обращения 09.05.2022)

² UK Government (2022) Consolidated List of Financial Sanctions Targets in the UK. Regime: Chemical Weapons. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1061764/Chemical_Weapons.pdf (дата обращения 09.05.2022)

³ UK Government (2020) The Cyber (Sanctions) (EU Exit) Regulations 2020. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2020/597/contents/made> (дата обращения 09.05.2022)

⁴ UK Government (2022) Consolidated List of Financial Sanctions Targets in the UK. Regime: Cyber. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1063152/Cyber.pdf (дата обращения 09.05.2022)

⁵ UK Government (2020) The Global Human Rights Sanctions Regulations. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2020/680/contents/made> (дата обращения: 09.05.2022)

⁶ UK Government (2022) Consolidated List of Financial Sanctions Targets in the UK. Regime: Global Human Rights. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1057481/Global_Human_Rights.pdf (дата обращения: 09.05.2022)

⁷ UK Government (2021) The Global Anti-Corruption Sanctions Regulations. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2021/488/made> (дата обращения: 09.05.2022)

⁸ UK Government (2022) Consolidated List of Financial Sanctions Targets in the UK. Regime: Global Anti-Corruption. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1057478/Global_Anti-Corruption.pdf (дата обращения: 09.05.2022)

характер политического сигнала и в отличие от «украинского пакета» не затрагивали российские компании или сектора экономики.

Российская специальная операция на Украине стала поводом для радикального усиления санкционной политики Британии. Еще за две недели до операции в качестве реакции на маневры российской армии на юго-западном направлении британский МИД внес поправки в регламент о санкциях в отношении России 2019 г.¹. Теперь под блокирующие санкции могло попасть не только лицо, которое прямо или косвенно участвовало в событиях вокруг Украины, но и любое лицо, имеющее прямое или косвенное отношение к российскому правительству, а также работающее в стратегических секторах российской экономики в интересах российского правительства. В числе секторов химическая промышленность, строительство, оборонно-промышленный комплекс, электроника, энергетика, добывающая промышленность, финансовый сектор, коммуникации и цифровые технологии, транспорт. До начала российской операции регламент не применялся.

После начала операции и вплоть до настоящего времени было принято еще восемь поправок к регламенту 2019 г. Поправка 2 уточняла запреты на операции с долговыми обязательствами, запреты на ведение корреспондентских счетов в Британии, ряд ключевых понятий, а также исключений из режима санкций². Поправка 3 давала уточнения по ограничениям в отношении товаров двойного назначения, военных товаров, а также товаров для «критически значимых промышленных отраслей», вводила исключения для бытовой электроники³. Поправка 4 фиксировала ограничения на доступ в порты Британии морских судов под российским флагом или принадлежащих российским лицам, а также регистрацию таких судов⁴. Поправка 5 определяла финансовые санкции в отношении активов Центральной Банка, Фонда национального благосостояния, Минфина России и подконтрольных им лиц⁵. Поправка 6 расширяла экспортный контроль на авиакосмическую отрасль и услуги страхования для данной отрасли. Она вводила ограничения на доступ российских воздушных судов в Британию, запрещая их посадку, пролет в воздушном пространстве страны, регистрацию в Соединенном Королевстве⁶. Поправка 7 расширяла критерии для блокирования «вовлеченных лиц». В их числе, например, блокирование со стороны США, Канады, Австралии и ЕС. Запрещалось техниче-

¹ UK Government (2022) The Russia (Sanctions) (EU Exit) (Amendment) Regulations. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2022/123/regulation/3/made> (дата обращения: 09.05.2022)

² UK Government (2022) The Russia (Sanctions) (EU Exit) (Amendment) (№2) Regulations. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2022/194/contents/made> (дата обращения: 09.05.2022)

³ UK Government (2022) The Russia (Sanctions) (EU Exit) (Amendment) (№3) Regulations. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2022/195/contents/made> (дата обращения: 09.05.2022)

⁴ UK Government (2022) The Russia (Sanctions) (EU Exit) (Amendment) (№4) Regulations. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2022/203/made> (дата обращения: 09.05.2022)

⁵ UK Government (2022) The Russia (Sanctions) (EU Exit) (Amendment) (№5) Regulations. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2022/205/contents/made> (дата обращения: 09.05.2022)

⁶ UK Government (2022) The Russia (Sanctions) (EU Exit) (Amendment) (№6) Regulations. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2022/241/contents/made> (дата обращения: 09.05.2022)

ское обслуживание судов и самолетов, принадлежащих заблокированным лицам¹. Поправка 8 вводила запрет на экспорт в Россию ряда «товаров роскоши» (ранее аналогичные меры приняли США и ЕС, причем речь идет о весьма широком наборе – от автомобилей и часов, до роялей и одежды в высоких ценовых категориях). Данная поправка также запрещала импорт российской стали и продукции черной металлургии. ЕС также ранее принимал аналогичное решение. Были добавлены ограничения по экспертному контролю: под него попадали технологии и товары, необходимые для переработки нефти, квантовые компьютеры и высокотехнологичные материалы (advanced materials)². Кроме того, было объявлено о запрете на импорт серебра, товаров из дерева и иных продуктов, включая икру, а также о повышении тарифов на резину и алмазы³. Наряду с другими членами «Большой Семерки», Британия отменила режим наибольшего благоприятствования в торговле с Россией и Белоруссией⁴. Поправка 9 запрещала провайдерам интернет-услуг предоставлять доступ к социальным сетям, сервисам, приложениям российским лицам, находящимся под санкциями⁵. Также объявлено о запрете на предоставление россиянам (вне зависимости от санкционных списков) услуг в области консалтинга, бухгалтерии и PR⁶.

Наряду с указанными поправками, Лондон активно вводил блокирующие финансовые санкции в отношении российских граждан и организаций. 22 февраля заблокировано три крупных предпринимателя (Геннадий Тимченко, Игорь и Борис Ротенберги) и пять банков (банк «Россия», Черноморский банк развития, ИС банк, Генбанк и Промсвязьбанк). Данные меры можно было считать громким предупреждением, которое закономерно было проигнорировано Москвой. Спустя два дня последовала новая волна. На этот раз были заблокированы крупные оборонные предприятия (Объединенная судостроительная корпорация, Объединенная авиастроительная корпорация, Уралвагонзавод, Ростех, Тактическое ракетное вооружение, а также банк ВТБ – один из крупнейших российских финансовых институтов). В списке заблокированных лиц внесли и пятерых граждан России, включая детей крупных государственных деятелей, занимающих различные управленческие посты. 25 фев-

¹ UK Government (2022) The Russia (Sanctions) (EU Exit) (Amendment) (№7) Regulations. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2022/395/contents/made> (дата обращения: 09.05.2022)

² UK Government (2022) The Russia (Sanctions) (EU Exit) (Amendment) (№8) Regulations. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2022/452/made/data.pdf> (дата обращения: 09.05.2022)

³ UK Government (2022) UK Announces Further Import Sanctions Against Russia. URL: https://www.gov.uk/government/news/uk-announces-further-import-sanctions-against-russia?utm_medium=email&utm_campaign=govuk-notifications-topic&utm_source=c7895b38-02ff-4495-9183-eb9196464657&utm_content=daily (дата обращения: 09.05.2022)

⁴ UK Government (2022) UK Announces New Economic Sanctions Against Russia. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-announces-new-economic-sanctions-against-russia> (дата обращения: 09.05.2022)

⁵ UK Government (2022) The Russia (Sanctions) (EU Exit) (Amendment) (№9) Regulations. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2022/477/made/data.pdf> (дата обращения: 09.05.2022)

⁶ UK Government (2022) Russia Cut Off From UK Services. URL: https://www.gov.uk/government/news/russia-cut-off-from-uk-services?utm_medium=email&utm_campaign=govuk-notifications-topic&utm_source=82c72197-4728-4d31-9c48-2e4d1a67f2d3&utm_content=immediately (дата обращения: 09.05.2022)

раля в список заблокированных лиц власти Британии добавили президента России Владимира Путина и министра иностранных дел Сергея Лаврова. Сама по себе такая мера является редкостью. Обычно инициаторы санкций предпочитают не блокировать высших должностных лиц. Однако данный шаг был осуществлен и другими инициаторами, включая США и ЕС. 28 февраля запрещены транзакции с Центральным Банком, Фондом национального благосостояния и Минфином России. В этот же день списки заблокированных лиц пополнили Банк Открытие, Совкомбанк и Внешэкономбанк. В течение марта-мая блокирующие санкции в отношении российских лиц интенсивно расширялись. Под них попали Российский фонд прямых инвестиций, компании «Согаз», Зеленодольский судостроительный завод, «Роснефть Аэро», Уральский банк реконструкции и развития, Альфа-Банк, Алроса, Газпромбанк, Русгидро, Россельхозбанк, РЖД, Российская венчурная компания, СМП Банк, Совкофлот, Московский кредитный банк, Сбербанк, медиагруппа «Россия Сегодня» и др. Среди физических лиц под санкции попали такие крупные бизнесмены и государственные чиновники, как Игорь Шувалов, Алишер Усманов, Роман Абрамович, Игорь Сечин, Андрей Костин, Алексей Миллер, Николай Токарев, Дмитрий Лебедев, Герман Греф, Дмитрий Шугаев, Олег Тиньков, Юрий Трутнев, Леонид Михельсон, Тигран Худавердян, все члены Государственной Думы и Совета Федерации, голосовавшие за признание суверенитета Луганской и Донецкой народных республик¹.

Всего в британском списке заблокированных лиц (Consolidated List of Financial Sanctions) по состоянию на май 2022 г. числилось 1255 физических и 148 юридических лиц². Для сравнения, ЕС заблокировал 1110 физических и 83 юридических лиц³. В США только по исполнительному указу 14024 заблокировано 826 физических и юридических лиц. Этот правовой механизм является ключевым для блокирующих санкций в связи с военной операцией на Украине. Сюда можно добавить и 232 лица, которые были заблокированы по «украинскому досье» с 2014 г. по иным указам (13660, 13661, 13662 и др.). Итого – 1058 лиц. Это число не учитывает тех, кто был заблокирован по иным направлениям – «вмешательство в выборы», права человека, конфликт в Сирии и т.п.⁴

Иными словами, блокирующие санкции Лондона во многом совпадают с аналогичными мерами США и ЕС. То же можно сказать и об экспортном контроле. Его правила имеют в британском случае свою специфику. Например, Лондон не ведет отдельные списки физических и юридических лиц, на которые распространяются

¹ UK Government (2022) Consolidated List of Financial Sanctions Targets in the UK. Regime: Russia. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1073489/Russia.pdf (дата обращения: 09.05.2022)

² Ibid.

³ Council of the EU (2014-2022) Council Decision 2014/145/CFSP of 17 March 2017. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014D0145-20220414> (дата обращения: 09.05.2022)

⁴ U.S. Department of the Treasury (2022) Specially Designated Nationals And Blocked Persons List (SDN). URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/specially-designated-nationals-and-blocked-persons-list-sdn-human-readable-lists> (дата обращения: 09.05.2022)

определенные торговые ограничения, тогда как США, ЕС и, например, Япония, такие списки ведут. Однако номенклатура товаров, в отношении которых введен экспортный контроль, в целом совпадает с другими инициаторами, включая электронику, товары двойного назначения, оборудование для нефтепереработки, товары роскоши и др.

Можно говорить и о сходстве планов по дальнейшему наращиванию санкций. Важную роль в них занимает частичный или полный отказ от импорта российского ископаемого топлива. США уже полностью запретили его ввоз¹. Евросоюз запретил поставки угля после августа 2022 г.². Британия пока формальных запретов не ввела, но озвучивала планы отказа от угля и нефти из России до конца 2022 г.³. Такие расхождения можно считать временными. Вытесняя российское сырье, инициаторы санкций руководствуются своими экономическими интересами и степенью зависимости от российских сырьевых товаров. Введение санкций по ним будет неоднородным, но сам курс на отказ от сырья из России является общим для указанных инициаторов санкций.

Таким образом, можно говорить о применении в отношении России практически всего набора санкций, предполагаемых британским законодательством. Впрочем, это не говорит об исчерпанности санкционных инструментов. В будущем санкции могут наращиваться путем расширения списка заблокированных лиц, номенклатуры товаров, ограниченных экспортными контролем и запретами на импорт, запретами на инвестиции и т.п. Возможны и новые качественные изменения. В их числе – конфискация собственности российских лиц, которая ранее была заморожена в юрисдикции Британии по причине введения блокирующих санкций. Подобная практика получила свое развитие в законодательстве США. Вполне вероятно ее отражение и в британском законодательстве и правоприменении.

* * *

После выхода из ЕС Британия перезапустила самостоятельно механизмы политики санкций. Был доработан институциональный дизайн и появился базовый «Закон о санкциях и борьбе с отмыванием денег». На его основе подготовлены регламенты, отражающие политику санкций по отдельным направлениям. Несмотря на специфику институтов и законодательства, можно говорить об универсальности санкционных инструментов, применяемых Лондоном и его союзниками, прежде всего, США и ЕС. Ими используются сходные инструменты блокирующих финан-

¹ U.S. President (2022) Prohibiting Certain Imports and New Investments With Respect to Continued Russian Federation Efforts To Undermine the Sovereignty and Territorial Integrity of Ukraine. URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/eo_14066.pdf (дата обращения: 09.05.2022)

² Council of the EU (2014-2022) Council Decision 2014/512 CFSP of 31 July 2014. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014D0512-20220409> (дата обращения: 09.05.2022)

³ ИА Интерфакс (2022) Британия намерена отказаться от импорта угля и нефти из РФ до конца года. 06.04.2022. <https://www.interfax.ru/world/833558> (дата обращения: 09.05.2022)

совых санкций, торговых ограничений, транспортных запретов и т.п. Сопоставимы и параметры принудительных мер в отношении нарушителей санкционных режимов. База данных санкционных событий показывает достаточно высокую активность Лондона в применении санкций. Однако место России в общей доле санкционных действий Британии до 2022 г. было второстепенным: число таких событий было невелико. Резкое изменение политической обстановки в феврале 2022 г. привело к взрывному обострению политики санкций как в количественном, так и в качественном отношении.

В целом можно говорить о высоком уровне координации политики санкций Лондона, Брюсселя и Вашингтона. Им присущ сопоставимый охват российских физических и юридических лиц блокирующими санкциями, общие направления экспортного контроля и запретов на импорт, идентичные транспортные санкции. Прослеживается и общность стратегических целей, включая вытеснение российского сырья со своего рынка. Существуют отдельные расхождения по спискам заблокированных лиц или по тем или иным запретам. Например, США и ЕС, в отличие от Британии, пока не запретили консалтинговые услуги в интересах российских лиц. Такие расхождения все же трудно назвать принципиальными. Политика санкций в отношении России на фоне украинского кризиса задействовала практически все возможные инструменты. Их применение не исчерпано. По мере углубления политических противоречий можно ожидать расширения ограничительных мер в отношении России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьева Е.В., Годованюк К.А. (2021) Стратегия национальной безопасности Британии: замыслы и воплощение. *Аналитические записки Института Европы РАН*, Выпуск IV, № 30. С. 12–21.

Ананьева Е.В. и др. (2021) Британия после Брекзита. *Доклады Института Европы РАН*, № 386. Отв. редактор Годованюк К.А. Институт Европы РАН, Москва. 184 с.

Гландин С.В., Панов Ф.Ю. (2020) Применение экономических и финансовых санкций Великобритании после Brexit. *Закон*, № 6. С. 142–158.

Годованюк К.А. (2018) Ядерная сделка с Ираном – позиция Лондона. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 3. С. 106–112.

Тимофеев И.Н. (2018) Экономические санкции как политическое понятие. *Вестник МГИМО-Университета*, № 2 (59). С. 26–42.

Тимофеев И.Н. (2021) Политика санкций Европейского Союза. Опыт событийного анализа. *Современная Европа*, № 2, март-апрель. С. 17–27.

Тимофеев И.Н. (2022) Политика санкций США на уровне исполнительной власти. *Мировая экономика и международные отношения*, № 3 (22). С. 23–32.

Хесин Е.С. (2019) Россия-Британия: экономические отношения в условиях санкций и брекзита. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. № 2 (12). С. 164–180.

Chase, I., Dall, E. and Keatinge, T. (2019) ‘Designing Sanctions After Brexit. Recommendations on the Future of UK Sanctions Policy’. RUSI Occasional Paper. September. 51 p.

Chase, I., Dall, E. and Keatinge, T. (2020) ‘Coordinating Sanctions After Brexit. Considerations for the Future of UK Sanctions Policy’. RUSI Occasional Paper. May. 27 p.

Douhan, A. (2020) 'Negative Impact of Unilateral Coercive Measures: Priorities and Road Map'. U.N. General Assembly Human Rights Council, July 21.

Drezner, D. (2015) 'Targeted Sanctions in a World of Global Finance', *International Interactions* 41: pp. 755–764.

Giumelli, F., Hoffmann, F. and Ksiazczakova, A. (2020) 'The When, Where and Why of European Union Sanctions', *European Security*, Vol 30 (1): pp. 1–23.

Hanauer L. (2015) 'The Days after a Deal with Iran. Congress's Role in Implementing a Nuclear Agreement'. Rand Corporation. 38 p.

Giumelli, F. (2016) 'The Purposes of Targeted Sanctions' in T. Beirsteker, S. Eckert and M. Tourinho (eds). *Targeted Sanctions. The Impacts and Effectiveness of United Nations Action*, New York: Cambridge University Press: pp. 38–59.

Jazairi, I. (2015) 'Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights', United Nations General Assembly Human Rights Council Thirty Session.

Moret, E. and Pothier, F. (2018) Sanctions After Brexit. The Future of Joint UK-EU Work on Sanctions Faces Substantial Risk. *Survival* 60 (2): pp. 179–200.

UK Policy of Sanctions: Institutional Design and the Russian Track

I.N. Timofeev*

Candidate of Sciences (Politics)

Associate Professor at MGIMO-University,

Director of Programs at Russian International Affairs Council (RIAC)

Room 324, 76, Vernadskogo prospect, Moscow, Russia, 119454.

***E-mail:** itimofeev@russiancouncil.ru

ORCID: 0000 0003 1676 2221 **SCOPUS:** 35293701300

Abstract. United Kingdom is among major initiators of sanctions against Russia. London has been using restrictive measures independently since the withdrawal from the EU. However, both institutional design and practice of British sanctions policy remain poorly covered by the academic literature. These gaps generate a number of questions: what are the key institutional characteristics of contemporary UK policy of sanctions? What are the trends in comparison with other actors like the U.S., the EU and others? In what way are these institutional and practical features implemented in relation to Russia? Three assumptions follow. The first one purports that the UK institutional design provides high autonomy for the executive power to implement sanctions, though the tool-box is standard and similar to the ones of other Western initiators (including blocking sanctions and export control). The second one expects relatively extensive use of sanctions by London. The UK is still less active in comparison with the U.S. and the EU, however, far more active in terms of use of sanctions in comparison with China and Russia. The third one implies that the Russian track of the UK sanctions policy emerges as a backbone priority both in terms of variety of tools and the frequency of their use. To test these assumptions, the article relies on the analysis of the legal and official documents and the use of "Sanctions Events Database" designed by Russian International Affairs Council (RIAC).

Key words: sanctions, policy of sanctions, United Kingdom, Russia.

DOI: 10.31857/S0201708322040027

EDN: gipbjv

REFERENCES

- Anan'eva E.V., Godovanyuk K.A. (2021) Strategiya nacional'noj bezopasnosti Britanii: zamysly i voploshchenie [The National Security Strategy of Britain: plans and implementation]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, Vol. IV, No 30, pp. 12–21. (in Russian).
- Anan'eva E.V. i dr. (2021) Britaniya posle Brekzita [Britain after Brexit]. *Doklady Instituta Evropy RAN*, No 386. Otv. redaktor Godovanyuk K.A. Institut Evropy RAN, Moscow. 184 p. (in Russian).
- Glandin S.V., Panov F.YU. (2020) Primenenie ekonomicheskikh i finansovykh sankcij Velikobritanii posle Brexit [Application of economic and financial sanctions of Great Britain after Brexit]. *Zakon*, No 6, pp. 142–158. (in Russian).
- Godovanyuk K.A. (2018) Yadernaya sdelka s Iranom – poziciya Londona [Nuclear deal with Iran – London's position]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, No 3, pp. 106–112. (in Russian).
- Timofeev I.N. (2018) Ekonomicheskie sankcii kak politicheskoe ponyatie [Economic sanctions as a political concept]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, No 2 (59), pp. 26–42. (in Russian).
- Timofeev I.N. (2021) Politika sankcij Evropejskogo Soyuza. Opyt sobytijnogo analiza [The policy of sanctions of the European Union. Experience of event analysis]. *Sovremennaya Evropa*, No 2, pp. 17–27. (in Russian).
- Timofeev I.N. (2022) Politika sankcij SSHA na urovne ispolnitel'noj vlasti [The policy of US sanctions at the level of the executive branch]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, No 3 (22), pp. 23–32. (in Russian).
- Hesin E.S. (2019) Rossiya-Britaniya: ekonomicheskie otnosheniya v usloviyah sankcij i brekzita [Russia-Britain: Economic relations under sanctions and Brexit.]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. No 2 (12), pp. 164–180. (in Russian).
- Chase, I., Dall, E. and Keatinge, T. (2019) 'Designing Sanctions After Brexit. Recommendations on the Future of UK Sanctions Policy'. RUSI Occasional Paper. September. 51 p.
- Chase, I., Dall, E. and Keatinge, T. (2020) 'Coordinating Sanctions After Brexit. Considerations for the Future of UK Sanctions Policy'. RUSI Occasional Paper. May. 27 p.
- Douhan, A. (2020) 'Negative Impact of Unilateral Coercive Measures: Priorities and Road Map'. U.N. General Assembly Human Rights Council, July 21.
- Drezner, D. (2015) 'Targeted Sanctions in a World of Global Finance', *International Interactions* 41: pp. 755–764.
- Giumelli, F., Hoffmann, F. and Ksiazczakova, A. (2020) 'The When, Where and Why of European Union Sanctions', *European Security*, Vol 30 (1): pp. 1–23.
- Hanauer L. (2015) 'The Days after a Deal with Iran. Congress's Role in Implementing a Nuclear Agreement'. Rand Corporation. 38 p.
- Giumelli, F. (2016) 'The Purposes of Targeted Sanctions' in T. Beirsteker, S. Eckert and M. Tourinho (eds). *Targeted Sanctions. The Impacts and Effectiveness of United Nations Action*, New York: Cambridge University Press: pp. 38–59.
- Jazairi, I. (2015) 'Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights', United Nations General Assembly Human Rights Council Thirty Session.
- Moret, E. and Pothier, F. (2018) Sanctions After Brexit. The Future of Joint UK-EU Work on Sanctions Faces Substantial Risk. *Survival* 60 (2): pp. 179–200.

УДК 327.2

Исследование выполнено в рамках научного проекта РНФ № 20-78-10159 «Феномен стратегической культуры в мировой политике: специфика влияния на политику безопасности (на примере государств Скандинавско-Балтийского региона)»

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПОЛЬШИ: ВАРИАЦИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

© 2022 **ЛОШКАРЁВ Иван Дмитриевич***

*Кандидат политических наук
научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России.
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.
E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

© 2022 **КУЧУК Андрей Валерьевич****

*Аналитик Лаборатории интеллектуального анализа данных
в области международных отношений ИМИ МГИМО МИД России.
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.
**E-mail: kuchuk.a.v@my.mgimo.ru*

Поступила в редакцию 03.03.2022
После доработки 20.04.2022
Принята к публикации 16.05.2022

Аннотация. В статье проанализирована проблема оценки и интерпретации современного международно-политического поведения Польши. Проблема изучена с помощью концепта стратегической культуры государств, который включает в себя убеждения, представления и язык описания собственных действий и действий других государств. В статье выяснено, какие типы стратегической культуры сформировались в Польше, какова степень их востребованности и в чем их расхождения и сходства. Для этого авторы последовательно раскрыли содержание и идейные установки польских концептуальных документов в сфере национальной безопасности и внешней политики. Данное исследование выявило среднесрочные (до пяти лет) основания международно-политического поведения Польши, в том числе, в контексте обострения противоречий в сфере безопасности в Европе.

Ключевые слова: Польша, стратегическая культура, культура форпоста, культура «осажденной крепости», культура ограниченной силовой политики.

DOI: 10.31857/S0201708322040039

EDN: gjhmndo

Данная статья призвана оценить, какие варианты стратегической культуры Польши преобладают в официальном дискурсе – концептуальных документах по вопросам национальной безопасности и внешней политики. Задача состоит не только в том, чтобы выявить преобладающие субкультуры, но и показать, что остается на второстепенных ролях. Выбор официального дискурса не случаен, поскольку обычно он отражает медианные и наиболее распространенные точки зрения и подходы к проблематике национальной безопасности и внешней политики. При этом авторы не отрицают, что в польском обществе представлены разные точки зрения и что даже в сходных по взглядам сообществах существуют значительные разногласия по затронутой проблематике [Лыкошина, 2016; Palczewska, 2021]. В контексте активной роли Польши в событиях на Украине после февраля 2022 г. данный анализ приобретает дополнительную актуальность, поскольку официальная Варшава нередко озвучивает наиболее радикальные предложения по урегулированию конфликта.

Понятие стратегической культуры введено в 1970-е гг. и описывает предпосылки возможных реакций государств на изменение внешней среды. В сходных условиях государства по-разному реагируют на события, процессы и угрозы – причин тому множество (географические, экономические, конъюнктурные). Однако в основе различий в реакциях лежат не только материальные и внешние факторы, но и субъективные и интерсубъективные представления о должном и правильном, о первоочередности целей и допустимости средств для их достижения [Klein, 1991: 7–12]. Данные представления и наиболее устоявшиеся способы их выражения и получили название стратегической культуры.

Данное понятие, в сущности, обозначает «болевого порог» государств, после которого руководство страны неизбежно выберет какие-то силовые варианты поведения. Подобный выбор обусловлен особенностями исторического развития (наличие или отсутствие опыта ведения войн, традиции дипломатии), политико-философскими и даже мистическими идеями, преобладающими среди широких кругов населения и элит [Legro, 1996; Van Evera, 1984]. В целом стратегическая культура относится к уровню ролевой идентичности государств, поскольку задает ориентиры для поведения в отношении других акторов, предопределяет цели и задачи при решении конкретных международно-политических проблем [Wendt, 1999: 227–228]. Она характеризует военно-политическую индивидуальность государств, различия в их реагировании на внешние вызовы и угрозы.

Стратегическая культура – крайне неоднородный феномен. Во-первых, слово «культура» в данном случае не должно обманывать, поскольку, в первую очередь, оно описывает возможные стратегии и предпочтения по поводу стратегий [Gray, 1999: 130]. Во-вторых, как и любая другая культура, она содержит скорее отдельные слои и архетипические модели (субкультуры), а не целостную и непротиворечивую картину действительности (в прошлом, настоящем или будущем). Взаимобогащение различных слоев и/или субкультур в данном случае неизбежно, хотя и ограничено спецификой конкретной политической ситуации. В итоге происходит постепенная кристаллизация субкультур внутри страновой стратегической культуры: конкуренция концептов и представлений оттачивает аргументы, текущие проблемы

стимулируют переосмысление или закрепление тех или иных идейных конструкций [Bloomfield, 2012; Wilson, 2000].

Мы считаем, что в польской стратегической культуре можно выделить как минимум четыре основных разновидности (см. табл.1). Польская государственность прошла через различные этапы истории: от крупнейшей державы, успешно противостоявшей Габсбургам, и малоуправляемой шляхетской республики, которую сравнительно легко разделили соседи, до государства среднего размера, обеспечивающего свою безопасность за счет внешней поддержки.

Таблица 1

Основные типы (субкультуры) стратегической культуры Польши

Типы стратегической культуры	Культура «осажденной крепости»	Ограниченная силовая политика (realpolitik)	Культура нейтралитета	Культура форпоста
Условный основоположник(и)	Анджей Фрыч Моджевский, Роман Дмовский	Галл Аноним	Винцентий Кадлубек	Станислав Сташиц, Юзеф Пилсудский
Степень распространности	слабая	сильная	средняя, но ближе к слабой	сильная
Какие риски и угрозы видит перед собой государство	неосторожность руководителей, моральные аспекты конфликтов	«два врага», опасность остаться в конфликте один на один с более сильным оппонентом	внутренняя слабость как основа неудач	утрата независимости/суверенности
Какие существуют убеждения и дискуссии по разным аспектам безопасности	развитие vs безопасность	региональное лидерство vs подчиненность	политика vs экономика	суверенность vs внутреннее устройство
Как оценивается внешняя среда	опасная	очень опасная	зависит от случая к случаю	очень опасная
Кем Польша выступает по отношению к остальным странам	Польша как рассудительная держава	Польша как образец героизма	Польша как этический образец	Польша как форпост (нередко католицизма)
Что Польша должна внушать соседям?	главное – не внушать опасения	уважение к ее силе	восхищение ее республиканским строем	обоснованные опасения
Основа поведения Польши по отношению к остальным странам	заимствование наиболее прогрессивных управленческих и технологических решений	закрепление добавочного места Польши в регионе	посредничество, выстраивание мостов между конфликтующими сторонами	активная разведка, игра на опережение
Отношение к военным и политическим союзам	Положительная, если такой союз необременителен	положительная – для решения краткосрочных и среднесрочных задач	нейтральное	положительное – если речь идет об отстаивании «высших» ценностей

Заимствование зарубежного опыта и обобщение античного наследия предопределили, что уже в XV–XVI вв. в Речи Посполитой сложилось несколько оригинальных трактовок работ Аристотеля, Цицерона и ряда других философов. Их использовали для обоснования прав отдельных сословий или, наоборот, для укрепления королевской власти [Rzegocki, 2008: 225–227].

Самой древней разновидностью стратегической культуры в Польше, по-видимому, была культура «ограниченной силовой политики», которая отражает амбиции лидеров страны в раннем Средневековье. Условным основоположником этой субкультуры можно считать безымянного придворного хрониста начала XII в., известного как Галл Аноним. Примерно с этого времени в польской стратегической культуре достаточно прочно присутствует идея о необходимости формирования собственного регионального политического проекта, на который Речь Посполитая (и ее современные продолжатели) претендует по праву, как одно из наиболее крупных государств Восточной Европы [Галл Аноним, 1961: 27–28]. Этот региональный проект представляет собой скорее долгосрочную цель, поскольку в тактическом плане данная субкультура тяготеет к гибким и подвижным комбинациям, сменам партнеров и потенциальных противников.

Почти такая же длинная история в Польше у культуры нейтралитета, которая восходит к хронике епископа Винцентия Кадлубека (XIII в.). Для этой разновидности польской стратегической культуры также характерно осознание внешних угроз, но меры по преодолению их предлагаются другие. Хроника Кадлубека очень многое позаимствовала у римских стоиков и отождествляла нравственные действия с самосохранением, в том числе в вопросах внешней политики. Поэтому культура нейтралитета в Польше подразумевала этическую эталонность государственности, притягивающую соседние народы и скрепляющую связь между ними и Речью Посполитой невоенными способами [Демяновский, 2015; Nowak, 2020: 311–313].

Культура «осажденной крепости» возникла в период усиления Габсбургов в Восточной Европе и стала попыткой продумать способы сдерживания негативных процессов во внешней среде Речи Посполитой. Условным основоположником этого комплекса представлений о роли Польше в мире можно считать мыслителя XVI в. Анджея Фрыча Моджевского. Позднее интерес к этой точке зрения проявил видный идеолог польского национализма Роман Дмовский (1864–1939). В рамках этой субкультуры сделан особый акцент на рассудительности внешнеполитического и военно-политического поведения, предпочтение отдается малым превентивным действиям, а также хаотизации внешней среды для других акторов. Иными словами, вместо выравнивания возможностей с сильными государствами данная субкультура предлагает выравнивать неопределенность для остальных акторов [Nowak, 2020: 330–334; Simlat, 2003].

Наконец культура форпоста возникла в Польше, прежде всего, в условиях обострения угрозы утраты независимости. В эпоху Просвещения глашатаем этой разновидности стратегической культуры был Станислав Сташиц (1755–1826), а во второй Речи Посполитой – многолетний руководитель страны Юзеф Пилсудский (1867–1935). К этому времени Польша не могла ставить откровенно амбициозные цели и сконцентрировалась на повышении издержек при нападении на нее, искала

внешней поддержки для обеспечения собственной безопасности. В этой субкультуре парадоксальным образом переплелись стремление польской элиты сохранить свое государство и необходимость включаться в более масштабные политические проекты, которые подразумевали какую-то форму зависимости от третьих сторон [Kornat, 2017; Nosow, 2000; Pietrzyk-Reeves, 2017].

Безусловно, данные разновидности (субкультуры) стратегической культуры в чистой форме вряд ли существовали. Скорее, эти разновидности переплетались, конкурировали и взаимно обогащались смыслами в ходе многовековой дискуссии. Однако их выделение и последующий анализ позволяют понять, какие ориентиры перед собой видит Польша и какие альтернативные варианты для них существуют, какие способы достижения целей и их приоритетность выстраиваются в польской внешнеполитической деятельности.

Приоритеты польской внешней политики (2012)

Долгое время в Польше не было принято публиковать официальные концепции или стратегии внешней политики, доступные для широкой публики: чаще всего, подобные документы предназначались для внутривластного пользования [Mgóz, 2014]. Начало периода открытых документов в области безопасности и внешней политики положила Оборонная доктрина 1990 г., которая была написана в духе «нового политического мышления» и декларировала отказ от блокового мышления [Minkina, 2011: 623–625].

Первым документом, в котором были системно изложены инструменты и цели Польши во внешней политике, стали «Приоритеты польской внешней политики на 2012–2016 гг.» (март 2012). Подход польского руководства в оценке рисков и ситуации на мировой арене колеблется между установками и объяснительными схемами культур ограниченной силовой политики и нейтралитета. Авторы документа видят в качестве основного вызова для Польши последствия мирового финансового кризиса 2008 г., уменьшение роли Запада на международной арене и неустойчивость мирового порядка. Далее они представляют список ключевых национальных направлений внешней политики: европейская политика, безопасность, региональное сотрудничество, сотрудничество в области развития и поддержка демократии, создание позитивного образа Польши за границей, взаимодействие с соотечественниками за границей (т.н. полонией) и улучшение деятельности дипломатической службы¹.

В «Приоритетах на 2012–2016 гг.» внешняя среда не оценивается как очень опасная, но тем не менее констатируется риск появления «новых угроз» – терроризма, распространения оружия массового поражения, манипулирования поставками энергоносителей. Другой угрозой признаны региональные конфликты, особенно вблизи ЕС. Россия в данном документе является государством, с которым Польша должна выстраивать «прагматические» отношения. И вот тут возникает некоторый диссонанс – прагматизм в отношениях с Россией и оценка внешней среды как не слишком опасной подразумевают разворот к идеям А. Моджевского («осажденная

¹ Priorytety polskiej polityki zagranicznej 2012–2016 [Электронный ресурс]. Р.3–7. URL: <https://www.bbn.gov.pl/download/1/9620/prpol.pdf> (дата обращения: 06.02.2022)

крепость»). Однако «Приоритеты» предписывали Варшаве укреплять свою безопасность в рамках долговременных отношений с НАТО и ЕС, участвуя в эволюции этих надгосударственных структур. То есть даже в условиях отсутствия непосредственных угроз польское руководство в 2012 г. все равно видело необходимость в поиске защиты от них (угроз) на длительный период, что более характерно для стратегических культур ограниченной силовой политики или даже культуры форпоста¹.

В документе зафиксирована определенная иерархия государств: «важные партнеры»/«близкие государства» (ФРГ, Франция, Британия), «стратегические союзники» (США, Швеция, Украина), «страны с общими взглядами» (Вишеградская четверка), «страны с общими вызовами» (Литва, Латвия, Эстония), Россия². Региональное досье в «Приоритетах» четко фиксирует желание официальной Варшавы укреплять Вишеградскую группу и по мере возможности способствовать расширению региона Центрально-Восточной Европы на юг и восток – что опять же отражает установки культуры ограниченной силовой политики.

Таким образом, «Приоритеты польской внешней политики на 2012–2016 гг.» фиксируют в официальном дискурсе по вопросам безопасности и внешней политики, главным образом, установки и представления стратегической культуры ограниченной силовой политики. В вопросах оценки внешней среды документ обращается к идеям и риторике культуры «осажденной крепости», однако практические рекомендации решают совершенно другие проблемы, исходя из основной логики документа. В региональном досье логика положений одной стратегической культуры также выдержана достаточно последовательно, хотя отдельные тезисы можно считать отражением культуры нейтралитета.

Стратегия польской внешней политики (2017)

Иначе выглядит «Стратегия польской внешней политики на 2017–2021 гг.», принятая в 2017 г. Документ начинается со слов о систематической эрозии мирового порядка. Она стала возможной вследствие кризиса западного мира, который спровоцировали многие факторы, но прежде всего, как считают авторы, это «ревизионистская» политика России.

Как следует из Стратегии, внешнеполитическая среда вокруг Польши значительно ухудшилась после начала затяжного конфликта на востоке Украины. Документ утверждает, что защитить Польшу, находящуюся в «невралгической точке на стыке геополитических тектонических плит Западной и Восточной Европы», может только Североатлантический альянс, чья роль ключевого гаранта европейской безопасности подчеркивается неоднократно. Одновременно Стратегия вновь подчеркивает важность демократических преобразований на постсоветском пространстве: на этом треке подтверждено желание Варшавы выступить в роли морального ориентира, как было ранее закреплено в предыдущих «Приоритетах». В разделе «Авторитет» авторы документа прямым текстом говорят, что основой польской внешней политики является политический реализм и стремление решать вопросы в

¹ Priorytety polskiej polityki zagranicznej 2012–2016, pp. 14–16.

² Priorytety polskiej polityki zagranicznej 2012–2016, pp. 15, 17–20.

прагматическом ключе, исходя из национальных интересов¹. В данном случае очевидны маркеры стратегической культуры форпоста, как и в разделах о вызовах и угрозах безопасности Польши. Исключительно негативная оценка действий и намерений России рассматривается в «Стратегии» 2017 г. как достаточное основание для превращения Польши в хаб трансатлантического противодействия политике Москвы и в основной узел долгосрочной военнополитической консолидации в Восточной Европе [Кондратов, 2018].

В Стратегии фактически отсутствует четкое региональное и страновое доось, хотя ряд приоритетных географических направлений все-таки перечислен. Во-первых, почти половина документа так или иначе посвящена восточному и южному флангам НАТО. Во-вторых, порядок перечисления приоритетных стран таков: крупные союзники (США, институты ЕС, важные страны ЕС – ФРГ, Франция), постсоветские государства (Грузия, Украина), соседние государства (Вишеградская группа, страны Прибалтики/Балтии, Румыния, Швеция и Финляндия). Россия фигурирует в документе исключительно как угроза и «деструктивная» сила, которая препятствует распространению европейской модели политического и экономического устройства². При сравнении с «Приоритетами» 2012 г. заметно, что значительно выросло положение США и постсоветского пространства в географической иерархии приоритетов. Более того, в представленной иерархии уменьшилось число уровней: видимо, составители документа попытались противопоставить широкое пространство соседних государств и конструируемую угрозу со стороны России. В этом отчетливо проявляется культура ограниченной силовой политики и стремление избежать повторения ситуаций, когда Польша оставалась один на один с более сильными оппонентами.

Стратегия 2017 г. отражает установки и представления стратегической культуры форпоста, хотя отдельные элементы культуры ограниченной силовой политики все-таки сохраняются.

Стратегии национальной безопасности (2014, 2020)

Стратегия, принятая в 2014 г., отличается определенной эмоциональной сдержанностью. Нельзя сказать, что авторы описывают внешнюю среду как безусловно безопасную, однако угрозы перечислены в самом общем виде; в частности, они говорят о потенциальной дестабилизации в Европе, которая может стать следствием политических и территориальных споров, а также этнических и религиозных противоречий³. В документе эти обстоятельства *могут* приобрести военный характер, хотя реализация такой возможности мало связана с Польшей [Moldovan, 2018].

Согласно документу, в окружении Польши также существует риск развития региональных конфликтов, способных затронуть непосредственно ее. После общего перечисления возможных угроз авторы вскользь упоминают российскую политику

¹ Strategia polskiej polityki zagranicznej 2017–2021, pp. 6–8, 21.

² Strategia polskiej polityki zagranicznej 2017–2021, pp. 6–11.

³ Strategia bezpieczeństwa narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbn.gov.pl/pl/prace-biura/publika_cje/6880,Strategia-Bezpieczenstwa-Narodowego-RP.html (дата обращения: 08.02.2022)

«восстановления великодержавности» и конфронтации, приводя в качестве примера конфликт с Украиной. Подобная градация угроз наталкивает на мысль, что правящая партия «Гражданская платформа» в момент принятия стратегии не была склонна рассматривать Польшу как форпост или даже как «осажденную крепость». Конечно, существовали опасения, что ситуация на востоке может угрожать Польше, но они не являлись основной детерминантой в политике безопасности. Авторы вновь заявляют о необходимости укрепления связей с НАТО как основой безопасности в Европе и в Евросоюзе, который представляет собой основу экономико-социального благосостояния Польши. Страны Восточного партнерства также не были забыты: им предлагается сотрудничество и поддержка в сфере демократизации¹. Стратегия, хоть и содержит пассажи о «великодержавии» России, отличается умеренностью и определенным прагматизмом, продолжая тем самым логику «Приоритетов на 2012–2016 гг.».

Общее преобладание представлений и идей стратегической культуры ограниченной силовой политики в тексте Стратегии 2014 г. дополнено отдельными установками культуры нейтралитета. Тезисы о внутреннем самосовершенствовании и преодолении внутренних проблем для реализации региональных амбиций свидетельствуют о внешней сдержанности. Документ предписывал Польше сдерживать укрепление авторитаризма, уделять внимание демографии и здравоохранению, сохранять промышленный потенциал и бороться с коррупцией².

Вполне предсказуемо, что Стратегия 2020 г. содержит совсем иные положения. С самого начала этого документа идет речь о нестабильной международной обстановке, в которой главную опасность для Республики Польша представляет «неоимпериалистическая» политика Российской Федерации³. Как считают авторы, эта политика выражена в «агрессии» против Грузии, в «аннексии» Крыма и действиях на востоке Украины. С точки зрения документа, именно эти действия нарушили основные принципы международного права и подорвали основы европейской системы безопасности. В Стратегии Россия выступает как главный «антагонист», развивающий военный потенциал на западном направлении (регион Балтийского моря и Калининградская область) и использующий кибератаки и средства дезинформации, чтобы ослабить западные страны, внести раскол между государствами-союзниками и восстановить свои позиции в качестве великой державы, обладающей сферами влияния. Из этих заявлений можно сделать следующий вывод: Польша воспринимает окружающую среду как крайне агрессивную, а себя она рассматривает как форпост, причем авторы недвусмысленно дают понять, что Польша – это форпост западных ценностей в широком смысле и форпост на «восточном фланге» НАТО – в узком.

Польские правящие круги, в очередной раз, признавая ключевое значение союза с США и странами ЕС (именно в таком порядке), обращают внимание на риски, истекающие из соперничества США, КНР и России. В столь опасных условиях Поль-

¹ Strategia bezpieczeństwa narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2014, pp. 10–12.

² Strategia bezpieczeństwa narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2014, pp. 17–26.

³ Strategia Bezpieczeństwa Narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2020 [Электронный ресурс], pp. 6–7. URL:

https://www.prezydent.pl/gfx/prezydent/userfiles3/files/2020_dokumenty/05_12__strategia_bezpiecz_narod/dokument_pl.pdf (дата обращения: 08.02.2022)

ша должна стремиться обеспечить свою экзистенциальную безопасность, что можно через укрепление связей с НАТО и одновременное усиление двусторонних отношений с США. Согласно документу, ЕС тоже имеет значение, но второстепенное по отношению к США. Странам-соседям на востоке Польша должна помочь освободиться от давления России, рассматривающей страны постсоветского пространства как свою зону влияния. Стоит отметить, что в документе нашли отражение негативные тенденции развития отношений ЕС и США в период президентства Дональда Трампа, о чем авторы говорят с явным сожалением и опасением, поскольку подобное положение дел может быть выгодно России¹. Ввиду этого документ выражает намерение способствовать укреплению евроатлантического единства для противостояния натиску с востока.

Обращает внимание и выбор средств обеспечения национальной безопасности. Помимо стандартных призывов к совершенствованию вооружений и тренировкам личного состава воинских частей в Стратегии сделан акцент на гражданском сопротивлении, развитии территориальной обороны. Вместе с рассуждениями о «гибридных угрозах» данные тезисы свидетельствуют о том, что вызовы и угрозы для Польши больше не получается сдерживать – они во многом приобрели трансграничный и внутренний характер, то есть требуют действий на упреждение².

Стратегия национальной безопасности 2020 г. отбрасывает установки и представления всех традиционных разновидностей стратегических культур, кроме культуры форпоста.

Выводы

Сравнивая несколько стратегий внешней политики и национальной безопасности, нельзя не заметить явного сдвига, произошедшего в соотношении типов стратегической культуры в течение последнего десятилетия. С позиций относительно умеренных, а подчас и довольно прагматичных, польские правящие круги на уровне документов перешли на позиции, с которых они рассматривают свое государство как форпост, на который Россия осуществляет «неоимпериалистический» натиск. По таблице 2 заметно, что с течением времени в концептуальных документах Польши становится меньше плюрализма в идейных установках и стратегических ориентациях. Отчасти это связано с переходом власти в 2015 г. от «Гражданской платформы» к более консервативной партии «Право и справедливость» – но лишь отчасти. Стратегия внешней политики 2017 г. все еще сохраняла преемственность с документами 2012 и 2014 гг. в вопросах экономического развития, диверсификации контактов и международного престижа. Видимо, появление Стратегии национальной безопасности 2020 г. в текущем виде напрямую связано не просто с эскалацией напряженности в отношениях Россия–Запад, но и с отсутствием viable альтернатив для такой эскалации. В среднесрочной перспективе (до пяти лет) практически отсутствует вероятность изменения линии поведения официальной Варшавы, что связано как с внутренней обстановкой (внутрипольский консенсус по

¹ Strategia Bezpieczeństwa Narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2020, pp. 8–10.

² Reeves C. Discerning Poland's Contemporary Strategic Culture: An analysis of the 2020 National Security Strategy of the Republic of Poland. Politeja. 2021. T. 18. № 6(75). С. 292–297.

вопросам внешней политики, особенно на восточном направлении), так и с современными внешнеполитическими реалиями.

Таблица 2

Соотношение концептуальных документов и разновидностей польской стратегической культуры

Название документа	Преобладание установок стратегической культуры	Отдельные установки стратегической культуры	Отсутствие установок стратегической культуры
Приоритеты польской внешней политики (2012)	Ограниченная силовая политика	«Осажденная крепость», нейтралитет	Форпост
Стратегия национальной безопасности (2014)	Ограниченная силовая политика, «осажденная крепость»	Нейтралитет	Форпост
Стратегия польской внешней политики (2017)	Форпост	Ограниченная силовая политика	Нейтралитет, «осажденная крепость»
Стратегия национальной безопасности (2020)	Форпост	-	Ограниченная силовая политика, нейтралитет, «осажденная крепость»

Негативная оценка состояния внешней среды ведет к трансформации представлений о допустимых способах ведения дел на международной арене и к более четкой ориентации Варшавы на США. Парадоксально, но опасения по поводу утраты суверенитета в результате угроз и вызовов регионального и глобального характера ведут к одобрению уступок этого суверенитета (размещение иностранной военной инфраструктуры, подчиненность польской повестки безопасности повестке военных блоков). Более того, от дискуссии о дальнейшем неконфронтационном развитии европейских и евроатлантических институтов польские концептуальные документы все больше уходят в сторону обсуждения сравнительно абстрактных ценностных моментов и в направлении дальнейшей секьюритизации «повседневных» социальных отношений. В условиях событий на Украине в 2022 г. данная тенденция имеет все основания стать долгосрочной для ролевых представлений Польши о себе и об окружающей внешней среде, а это, в свою очередь, укрепит стремление официальной Варшавы предлагать радикальные варианты укрепления безопасности в Восточной Европе (в том числе, в форме превентивных акций).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Галл Аноним. (1961) *Хроника и деяния князей, или правителей польских*. М.: Издательство АН СССР. 172 с.

Демяновский Н.А. (2015) Политическое устройство Речи Посполитой глазами публицистов конца XVIII века. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. № 4. С.116–125.

Кондратов А.И. (2018) Стратегия внешней политики Польши до 2021 года. *Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer*. № 6. С.55–65.

Лыкошина Л.С. (2016) Украинский кризис и проблемы европейской безопасности в польском политическом дискурсе / Пархалина Т.Г. (ред.). *Проблемы европейской безопасности*. М: ИНИОН РАН. С.175–191.

Bloomfield A. (2012) Time to move on: Reconceptualizing the strategic culture debate. *Contemporary Security Policy*, Vol. 33, N 3. P.437–461.

Gray C.S. (1999) *Modern Strategy*. Oxford: Oxford University Press. 432 p.

Klein Y. (1991) A theory of strategic culture, *Comparative strategy*. Vol. 10. N 1. P.3–23.

Kornat M. (2017) Realizm polityczny i imponderabilia. Józef Piłsudski i jego pojmowanie polskiej racji stanu na arenie międzynarodowej [Political realism and invisible structures. Józef Piłsudski and his understanding of the Polish raison d'état in the international arena], *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis Studia Politologica*. Vol. 17. N 214. P.61–79. (in Polish).

Legro J. W. (1996) Culture and preferences in the international cooperation two-step? *American Political Science Review*. Vol. 90. N 1. P.118–137.

Minkina M. (2011) Evolution of the Perception of Threats to the Security of the Republic of Poland in Polish Strategic Documents, *The Journal of Slavic Military Studies*. Vol. 24. N 4. P.623–625.

Moldovan A. G. (2018) Poland's National Security Policy in a New Regional Security Environment. Case Study: National Security Strategy of Poland (2014), *Toruńskie Studia Międzynarodowe*. Vol. 1. N 11. P.89–102.

Mróz M. (2016) Nowe możliwości i stare ograniczenia. Priorytety polskiej polityki zagranicznej 2012–2016 w kontekście dziesiątej rocznicy akcesji Polski do Unii Europejskiej [New possibilities and old limitations. Priorities of Polish foreign policy in 2012–2016 in the context of the tenth anniversary of Poland's accession to the European Union], *Dyplomacja i bezpieczeństwo*. N 1 (2). P.19–37. (in Polish).

Nosow B.W. (2000) Stanisław Staszic – ostatnia przestroga dla Polski [Stanisław Staszic – a final warning for Poland], *Napis. Pismo poświęcone literaturze okolicznościowej i użytkowej*. N 6. P.239–243. (in Polish).

Nowak A. (2020) Między nieładem a niewolą. Krótka historia myśli politycznej. Biały Kruk, Kraków. P.330–334. (in Polish).

Palczewska M. (2021) The security perception and security policy of Poland, 1989–2017, *Defense & Security Analysis*. Vol. 37. N 1. P.80–95.

Pietrzyk-Reeves Dorota. (2017) "Państwo jako rzecz wspólna (res publica) w renesansowej myśli politycznej." *Wartości polityczne Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Struktury aksjologiczne i granice cywilizacyjne. Tom III*. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. P.27–51. (in Polish).

Reeves C. (2021) Discerning Poland's Contemporary Strategic Culture: An analysis of the 2020 National Security Strategy of the Republic of Poland, *Politeja*. Vol. 18. N 6 (75). P.283–305.

Rzegocki A. (2008) *Racja stanu a polska tradycja myślenia o polityce* [The reason of state or the Polish tradition of political thought]. Ośrodek Myśli Politycznej, Kraków. 382 p. (in Polish).

Simlat M. (2003) Teoria polityczna Andrzeja Frycza Modrzewskiego. Próba rekonstrukcji, *Państwo i Społeczeństwo*. N 3. P.99–108. (in Polish).

Van Evera S. (1984) The cult of the offensive and the origins of the First World War, *International security*. Vol. 9. P.58–107.

Wendt A. (1999) *Social theory of international politics*, Cambridge: Cambridge University Press. 429 p.

Wilson R.W. (2000) The Many Voices of Political Culture: Assessing Different Approaches, *World Politics*. Vol. 52. N 2. P.246–273.

Poland's Strategic Culture: Variations and Their Reflection in Official Discourse

The study was carried out within the framework of the scientific project of the Russian Science Foundation No. 20-78-10159 "The Phenomenon of Strategic Culture in World Politics: Specifics of Influence on Security Policy the Example of the States of the Scandinavian-Baltic Region)".

I.D. Loshkariov*

Candidate of Sciences (Politics)

Research Fellow at the Institute of International Studies of MGIMO-University.

76, Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119454.

***E-mail:** *ivan1loshkariov@gmail.com*

A.V. Kuchuk**

Analyst of the Laboratory for Data Mining in the Field of International Relations

at the Institute of International Studies, MGIMO-University.

76, Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119454.

****E-mail:** *kuchuk.a.v@my.mgimo.ru*

Abstract. The article deals with the problem of assessing and interpreting the contemporary international political behavior of Poland. The authors analyze the issue of using the concept of the strategic culture of states, which includes beliefs, ideas and language for describing their own actions and the actions of other states. The article explores what types of strategic culture have been formed in Poland, to what degree they are in demand and what are their differences and similarities. The authors reveal the content and ideological guidelines of the Polish state-level conceptual documents. They include national security strategies and documents on foreign policy priorities. The authors propose four types of strategic culture in Poland. The earliest in Polish history were the culture of the besieged fortress and the culture of neutrality. Later, the culture of limited power politics and the culture of the outpost emerged. The study allows to identify the medium-term foundations of Poland's international political behavior in the light of growing contradictions in the sphere of security in Europe. The main conclusion of the article is that the culture of the outpost is gradually replacing the previous ones.

Key words: Poland, strategic culture, outpost culture, culture of a "besieged fortress", culture of limited power politics.

DOI: 10.31857/S0201708322040039

EDN: gjhmdo

REFERENCES

- Bloomfield A. (2012) Time to move on: Reconceptualizing the strategic culture debate. *Contemporary Security Policy*, Vol. 33, No 3, pp. 437–461.
- Demjanovskij N.A. (2015) Politicheskoe ustrojstvo Rechi Pospolitoj glazami publicistov konca XVIII veka [Political developments of the Rzeczpospolita in the eyes of publicists in XVIII century]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija*, No 4, pp. 116–125. (in Russian).
- Gall Anonim. (1961) *Hronika i dejanija knjazej, ili pravitelej pol'skih* [Chronicles of kings or Polish rulers], Izdatel'stvo AN SSSR, Moscow, 172 p. (in Russian).
- Gray C.S. (1999) *Modern Strategy*, Oxford University Press, Oxford, 432 p.

Klein Y. (1991) A theory of strategic culture, *Comparative strategy*, Vol. 10, No 1, pp. 3–23.

Kondratov A.I. (2018) Strategija vneshnej politiki Pol'shi do 2021 goda [Poland's foreign policy strategy until 2021]. *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel'-Observer*, No 6, pp. 55–65. (in Russian).

Kornat M. (2017) Realizm polityczny i imponderabilia. Józef Piłsudski i jego pojmowanie polskiej racji stanu na arenie międzynarodowej [Political realism and invisible structures. Józef Piłsudski and his understanding of the Polish raison d'état in the international arena], *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis Studia Politologica*, Vol. 17, No. 214, pp. 61–79. (in Polish).

Legro J. W. (1996) Culture and preferences in the international cooperation two-step? *American Political Science Review*, Vol. 90, No. 1, pp. 118–137.

Lykoshina L.S. (2016) Ukrainskij krizis i problemy evropejskoj bezopasnosti v pol'skom politicheskom diskursie [The Ukrainian Crisis and problems of the European security in the Polish discourse], in Parhalina T.G. (ed.), *Problemy evropejskoj bezopasnosti*, INION RAN, Moscow, pp. 175–191. (in Russian).

Minkina M. (2011) Evolution of the Perception of Threats to the Security of the Republic of Poland in Polish Strategic Documents, *The Journal of Slavic Military Studies*, Vol. 24, No 4, pp. 623–625.

Moldovan A. G. (2018) Poland's National Security Policy in a New Regional Security Environment. Case Study: National Security Strategy of Poland (2014), *Toruńskie Studia Międzynarodowe*, Vol. 1, No 11, pp. 89–102.

Mróz M. (2016) Nowe możliwości i stare ograniczenia. Priorytety polskiej polityki zagranicznej 2012–2016 w kontekście dziesiątej rocznicy akcesji Polski do Unii Europejskiej [New possibilities and old limitations. Priorities of Polish foreign policy in 2012–2016 in the context of the tenth anniversary of Poland's accession to the European Union], *Dyplomacja i bezpieczeństwo*, No 1 (2), pp. 19–37. (in Polish).

Nosow B.W. (2000) Stanisław Staszic – ostatnia przestroga dla Polski [Stanisław Staszic – a final warning for Poland], *Napis. Pismo poświęcone literaturze okolicznościowej i użytkowej*, No. 6, pp. 239–243. (in Polish).

Nowak A. (2020) Między nieładem a niewolą. Krótka historia myśli politycznej. Biały Kruk, Kraków, pp. 330–334. (in Polish).

Palczewska M. (2021) The security perception and security policy of Poland, 1989–2017, *Defense & Security Analysis*, Vol. 37, No1, pp. 80–95.

Pietrzyk-Reeves Dorota. (2017) "Państwo jako rzecz wspólna (res publica) w renesansowej myśli politycznej." *Wartości polityczne Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Struktury aksjologiczne i granice cywilizacyjne. Tom III*. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, pp. 27–51. (in Polish).

Reeves C. (2021) Discerning Poland's Contemporary Strategic Culture: An analysis of the 2020 National Security Strategy of the Republic of Poland, *Politeja*, Vol. 18, No 6 (75), pp. 283–305.

Rzegocki A. (2008) *Racja stanu a polska tradycja myślenia o polityce* [The reason of state or the Polish tradition of political thought]. Ośrodek Myśli Politycznej, Kraków, 382 p. (in Polish).

Simlat M. (2003) Teoria polityczna Andrzeja Frycza Modrzewskiego. Próba rekonstrukcji, *Państwo i Społeczeństwo*, No 3, pp. 99–108. (in Polish).

Van Evera S. (1984) The cult of the offensive and the origins of the First World War, *International security*, Vol. 9, pp. 58–107.

Wendt A. (1999) *Social theory of international politics*, Cambridge: Cambridge University Press, 429 p.

Wilson R.W. (2000) The Many Voices of Political Culture: Assessing Different Approaches, *World Politics*, Vol. 52, No. 2, pp. 246–273.

УДК 338: 327

НОВЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В ПЕРИОД САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЕС И США ПРОТИВ РОССИИ

© 2022 ТИМОШЕНКО Диана Сергеевна*

Кандидат экономических наук

Отдел страновых исследований

Центр арктических исследований, Институт Европы РАН

125009, Россия, Москва, Моховая, 11-3.

**E-mail: artemideus@gmail.com*

Поступила в редакцию 19.03.2022

После доработки 22.03.2022

Принята к публикации 16.05.2022

Аннотация. Туризм в российской Арктике является важным элементом миссии по социально-экономическому развитию региона и частью геополитического присутствия России. В статье определён новый туристский вектор в период санкционного давления ЕС и США, проведён сопоставительный анализ факторов развития туризма в условиях нестабильности. Массив санкций первого квартала 2022 г., связанных с проведением РФ специальной военной операции на Украине, отразился на туристском и научном сотрудничестве. Возможности российского председательства в Арктическом совете 2021–2023 гг. ограничены в текущей ситуации. Установлено, что развитие туризма в российской Арктике зависит от комплексного подхода и согласованности с программой председательства и государственной стратегией, от привлечения органов власти, общественных и научных организаций, бизнеса. Разработан перечень первоочередных задач. Туризм рассматривается как инструмент снижения конфликтного потенциала и элемент цивилизационного развития на севере.

Ключевые слова: Россия, Арктика, Арктический совет, председательство, экономика, туризм, наука, специальная военная операция, арктификация.

DOI: 10.31857/S0201708322040040

EDN: gjiiwf

Ресурсы и все виды экономической деятельности, проводимые на территории Арктики, находятся под пристальным вниманием мировых держав и Евросоюза, которые рассматривают этот регион как поле стратегического присутствия, всемирную кладовую сырья, а также удобный путь в рамках мировой логистической системы.

Арктика – жизненный ресурс для России на долгие времена и гарантия того, что при всех неблагоприятных международных событиях и возможных ошибках во внутренней экономической политике у нашей страны есть собственная надёжная опора для самосохранения, развития и обороноспособности [Федоров, 2018]. Комплексное освоение Арктики – один из приоритетов государственной политики России, что отражено в документах стратегического развития последних лет. Правовое обеспечение развития российской Арктики коррелирует с утвержденными международными соглашениями и стратегиями, в том числе Арктического совета (АС, Совет). Одним из последних знаковых документов международного уровня стало принятие Стратегического плана Арктического совета 2021–2030 гг.¹, которое российская сторона оценила как важный шаг в развитии арктического международного сотрудничества. У России были большие планы на свое председательство в АС в 2021–2023 гг., которое должно было дать мощный импульс комплексному социально-экономическому развитию Арктики, стимулировать развитие российских полярных регионов, интенсифицировать научное, деловое и туристское сотрудничество с крупнейшими игроками арктической арены, способствовать дальнейшему развитию Северного морского пути (СМП) [Журавель, 2021].

По данным Ростуризма и Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики, ежегодно в «допандемийный» период фиксировалось около миллиона поездок в российскую Арктику. В 2019 г. было совершено около 1,2 млн поездок, что на 5% больше, чем в 2018 г., при этом насчитывалось около 68 тысяч прибытий иностранных туристов, преимущественно из Китая, Германии и Таиланда. Наиболее популярным и доступным регионом Арктической зоны (АЗ) является Мурманская область (около 38% туристских прибытий). В 2020 г. в России число поездок в сегменте «арктический туризм» сократилось на 31% по отношению к 2019 г.²

Однако начало проведения специальной военной операции на Украине стало поводом для введения массива санкций против России в первом квартале 2022 г., которые сильно затронули и АЗ. Вектор политики изоляции России и российских интересов в Арктике прослеживался и ранее, он был четко оформлен в Коммюнике Евросоюза от 13 октября 2021 г. [Joint..., 2021; Тимошенко, 2021b]. ЕС, апеллируя к Конвенции по правам человека и принципами устойчивой экономики, выражает солидарность с политическим курсом Украины. При этом Брюссель целенаправленно ведет агрессивную политику по вытеснению РФ из глобальной экономики, что отражается и на отечественном туризме.

Это проявилось в санкциях западных стран и международных организаций, в закрытии воздушного пространства, ограничениях в выдаче виз, открытом притеснении российских компаний, отказе ряда стран от участия в мероприятиях предсе-

¹ Arctic Council Strategic Plan 2021 to 2030. (2021) 20.05.2021. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/2601/MMIS12_2021_REYKJAVIK_Strategic-Plan_2021-2030.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 16.03.2022)

² КМПГ. Туристическая привлекательность Дальнего Востока и Арктики. 2021. URL: <https://home.kpmg/ru/ru/home/insights/2021/10/tourist-attractiveness-of-far-east-and-arctic.html> (дата обращения: 21.03.2022)

дательства РФ в АС, в том числе по линии туризма, смежных и дополняющих его отраслей. В условиях необходимости сохранения устойчивого развития Арктического региона перед Россией сейчас стоит первоочередная задача активизации внутреннего туристского рынка и перераспределения туристских потоков, участники которых предпочитали отдых в северных широтах за рубежом.

Особенности Арктического туризма

Существует множество определений Арктики, они периодически оспариваются, дополняются и изменяются [АМАР, 1998; Müller, 2013; Barre et al., 2016; Лукин, 2016; Arctic Council, 2021; Joint communication, 2021]. Учитывая различные определения Арктики, основанные на физико-географических характеристиках, а также на политических и административных соображениях в разных странах, протяженность региона оценивается исследователями на основе компромисса между различными определениями. Сюда входят элементы Полярного круга, политические границы, границы растительности, границы вечной мерзлоты и основные океанографические особенности. В 1998 г. Программа арктического мониторинга и оценки (АМАР) определила границы исследуемого арктического региона как «морские районы к северу от Полярного круга (66° 32' северной широты), к северу от 62° северной широты в Азии и 60° северной широты в Северной Америке, измененные для включения морских районов к северу от Алеутских островов, Гудзонова залива и некоторых северных частей Атлантического океана, включая Море Лабрадор» [АМАР, 1998].

По утверждению Ю.Ф. Лукина, исчерпывающими основаниями для определения границ Арктики являются несколько взаимосвязанных подходов:

- 1) Северный Полярный круг – 66°33'44" северной широты.
- 2) Дифференциация ландшафтов, зонирование, тундра, лесотундра, тайга.
- 3) Изотерма июля +10°; критерии Норденшельда, Визе, величина радиационного баланса.
- 4) Дискомфортность жизнедеятельности человека в высоких широтах: здоровье, суровые природные условия (низкие температуры, снег, мороз, полярные ночи, ветра, влажность).
- 5) Внутренние территориально-административные границы регионов, муниципалитетов арктических государств.
- 6) Этнокультурный ландшафт, права коренных народов, культурно-исторические традиции.
- 7) Талассократия, выход арктических государств к морскому побережью Северного Ледовитого океана какой-то частью своей суши.
- 8) Удорожание рабочей силы, затраты на производство продукции, износ основных фондов.
- 9) Качество жизни населения, социальная сплочённость, накопление и использование человеческого капитала [Лукин, 2016].

Европейский север за Полярным кругом уже более ста лет привлекает путешественников и туристов [Jacobsen, 2015]. Определение «*арктический туризм*» впервые было использовано исследователями Холлом и Джонсоном [Hall&Johnson, 1995], которые предприняли попытку охарактеризовать полярный туризм в Аркти-

ке и Антарктике по принципу географического охвата. Зарубежные и отечественные исследователи констатируют, что туристская активность неуклонно растет в течение последних десятилетий [Stewart et al., 2005; Hall&Saarinen, 2010; Лукин, 2016; Timoshenko, 2021].

Ряд современных зарубежных авторов выделяли процессы смещения страновых и региональных интересов в сторону глобальной Арктики как «арктификацию», обращая внимание на расширение возможностей для негосударственных и субгосударственных организаций трансформировать исторически неблагополучное периферийное положение северных регионов в конкурентное преимущество. Так называемая «арктификация» представляет собой геополитический процесс, меняющий представление об арктических и северных странах, который тем не менее уходит своими корнями в глобальные схемы современного капитализма [Bohn & Varnajot, 2021; Maġġavaaga et al, 2022]. Это явление имеет значение для развития туристской деятельности стран «арктической восьмерки» на уровне государственного управления, для рыночных и некоммерческих предприятий и ассоциаций, а также для организаций в сфере туризма в формате государственно-частного партнерства.

В настоящей статье арктический туризм определен как концепт, отраженный в Докладе о развитии человека в Арктике [AHDR, 2004]. Относительно географических границ этот концепт включает туристскую деятельность на Аляске, в северной Канаде, Гренландии, Фарерских островах, Исландии, северной Фенноскандии и северной России. За пределами своего географического охвата арктический туризм характеризуется как отдаленный и труднодоступный, а также соотносится с хрупкой природной и культурной средой [Müller, 2011]. Для России это сухопутные территории АЗ РФ, острова в Северном Ледовитом океане. Для всех арктических путешественников это и поездки на Северный полюс.

Развитие международного туризма в условиях геополитической нестабильности страны сильно затруднено ввиду острой зависимости туристской индустрии от ряда политических, производственных, транспортных, финансовых, экономических, социальных, страховых, имиджевых и других факторов. В зону риска, в первую очередь, попадают сами туристы, находящиеся в момент кризиса за пределами страны. Первостепенным становится вопрос об их возвращении из мест временного пребывания в места постоянного проживания, что особенно усложняется резким сокращением авиарейсов, а также наличием организованных и самостоятельных форм туризма. Эвакуация каждого соотечественника оценивается от 80 до 250 тыс. рублей¹.

Курс иностранной валюты напрямую определяет покупательную способность в международной туристской сфере и в современных условиях ставит под сомнение как приоритетность и эффективность вложений отдельно взятых домохозяйств, так и инвесторов и действующих операторов в зарубежный туризм.

Правительством России в сложившейся ситуации оперативно предпринимаются меры государственной поддержки внутреннего туризма. С одной стороны, 2 марта 2022 г. был введен особый порядок вывоза из РФ наличной валюты и денежных

¹ Турбизнес собирает выездные. «Коммерсантъ». 16.03.2022. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5259005?from=glavnoe_1 (дата обращения: 16.03.2022)

валютных инструментов, по которому среди дополнительных временных мер экономического характера по обеспечению финансовой стабильности запрещается вывоз из РФ наличной иностранной валюты и (или) денежных инструментов в иностранной валюте в сумме, превышающей эквивалент 10 тыс. долл. и рассчитанной по официальному курсу ЦБ России, установленному на дату вывоза¹. Для выезжающих за рубеж это вызывает препятствия в организации путешествий, особенно на фоне прямой угрозы отключения российских кредитных организаций от финансовой системы *SWIFT*², а также проблем со снятием наличной валюты с российских карт *VISA* и *Mastercard* за рубежом.

На фоне нарастающих препятствий для международного, в частности, выездного туризма, Правительство России принимает меры для оперативной переориентации отечественного потребителя на внутренний туристский рынок, среди которого арктические регионы обладают высоким уровнем туристской привлекательности. Например, по поручению вице-премьера Правительства России Д.Н. Чернышенко Ростуризм и Минцифры запустили 5 марта 2022 г. на портале «Госуслуги» форму обратной связи для туристов, которые испытывают сложности с возвращением в Россию³. Представители малого и среднего бизнеса в сфере туризма и гостеприимства в 2022 г. смогут воспользоваться кредитными каникулами. Для туроператоров в сфере выездного туризма утвержден единый размер финансовых гарантий в 10 млн рублей. Обязательные взносы в ассоциацию «Турпомощь» отменены. Полный перечень мер государственной отраслевой поддержки туризма с описанием налоговых льгот, механизмов отсрочки уплаты налогов, способов урегулирования задолженностей и прочих мер по всем административным единицам представлен на сайте Федеральной налоговой службы РФ⁴.

Запущен очередной этап программы «Туристский кэшбэк», с гарантированным возвратом 20% от стоимости поездки на карту «Мир» за туристские услуги, оплаченные потребителями с 15.03 по 30.04.2022 г.⁵ Продляется возмещение части стоимости оплаченной услуги внутреннего туризма для детского оздоровления, т.е. «Детский кэшбек-2022»⁶. Продолжает действовать программа «Гектар Арктики».

Премьер-министр М.В. Мишустин предложил продлить срок уплаты налога на шесть месяцев по упрощенной системе за прошлый год и первый квартал 2022 г. с

¹ Указ Президента РФ «О дополнительных временных мерах...» №81 от 01.03.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67886/> (дата обращения: 16.03.2022)

² Official Journal of the European Union, L 063, 2 March 2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L:2022:063:TOC> (дата обращения :16.03.2022)

³ Госуслуги. Форма сообщения. URL: <https://www.gosuslugi.ru/395103/1/form> (дата обращения: 11.03.2022)

⁴ ФАС РФ. Меры поддержки – 2022. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn51/anticrisis2022/> дата обращения: 27.03.2022)

⁵ Программа «Туристский кэшбэк». URL: <https://xn--b1afakdgpzinidi6e.xn--p1ai/> (дата обращения: 11.03.2022)

⁶ Постановление Правительства РФ от 28.03.2022 г. № 489. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203280050> (дата обращения: 11.03.2022)

последующей рассрочкой в течение полугода, подчеркнув, что это позволит бизнесу перенести на осень начало этих платежей и высвободить около 37 млрд рублей¹. Данная мера, а также другие преференции будут способствовать снижению административной нагрузки на малый и средний бизнес, к которому относится большинство предприятий туризма и гостеприимства.

Стандартизация арктического туризма в России: поиск новых подходов

В последнее десятилетие все арктические регионы России обратили внимание на перспективы туристского развития и его экономический эффект. Однако в условиях отсутствия регуляторов арктической туристской деятельности еще в 2010–2011 гг. остро встала проблема выработки соответствующих регламентов для всех участников туристского рынка северного направления.

Для этого были разработаны и утверждены приказом Росстандарта 29 ноября 2021 г. нормы серии «Арктический туризм», действие которых вступает в силу 30 июня 2022 г. К разработке ГОСТ Р 59850 Ростуризм привлек АНО НИЦ «Полярная инициатива», ФГКУ «Арктический спасательный учебно-научный центр «Вытегра» МЧС России, ООО «Санаторий «Вятичи», Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ в рамках деятельности технического комитета № 401 «Туризм и сопутствующие услуги»².

В серию «Арктический туризм» вошло шесть разделов, регламентирующих туристские и экскурсионные услуги в АЗ РФ, содержащие требования по обеспечению безопасности туристов, инфраструктуре, информационному и навигационному сопровождению.

Содержание указанного стандарта вызвало немало споров в профессиональном туристском сообществе. К тому же ставится под сомнение позиционирование его уникальности в качестве первого подобного опыта в мировой практике, как было заявлено руководством Ростуризма³. Множество аспектов арктического туризма прописаны на уровне законодательства отдельных регионов России и стран АС. Так, неоднократно была прописана техника безопасности и рекомендации на случай встречи с хищником (полярным медведем), а также ответственность за отстрел в случае охоты или с целью самозащиты⁴. Сама формулировка раздела ГОСТа

¹ Совещание с членами Правительства. 23.03.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68037> (дата обращения: 24.03.2022)

² Росстандарт. Стандарты для национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». URL: https://www.gost.ru/portal/gost/home/presscenter/news?portal:isSecure=true&navigationalstate=JBPNS_rO0ABXczAAZhY3Rpb24AAAABAA5zaW5nbGVOZXdzVmlldwACaWQAAAABA AQ4NDgyAAdfX0VPRl9f&portal:componentId=88beae40-0e16-414c-b176-d0ab5de82e16 (дата обращения: 11.03.2022)

³ Ростуризм. В России утверждены национальные стандарты арктического туризма. 04.02.2022. URL: <https://tourism.gov.ru/news/18068/> (дата обращения: 11.03.2022)

⁴ Sarah R. Morgan. 2007. Detailed Discussion of Polar Bears and the Laws Governing Them in the Five Arctic States. URL: <https://www.animallaw.info/article/detailed-discussion-polar-bears-and-laws-governing-them-five-arctic-states> (дата обращения: 11.03.2022)

«Предотвращение конфликтных ситуаций между туристами и белым медведем. Требования» вызывает сомнения и неоднозначную трактовку в среде экспертов, ученых, исследователей и профессионалов в сфере арктического туризма. Также растет озабоченность в связи с вероятностью лоббирования интересов отдельных компаний, принимавших участие в разработке данного стандарта. Положения ГОСТа, где речь идет о механизме мониторинга его исполнения, оценки качества и ранжирования арктического турпродукта, слабо проработаны.

Однако цель стандартизации услуг в сфере арктического туризма в России - обеспечение безопасности для всех участников туристской деятельности, рост уровня базового комфорта для потребителей турпродуктов в Арктике, повышение уровня ответственности и культуры как самих туристов, так и предприятий туризма и гостеприимства в рамках концепции устойчивого развития.

Проблемы развития международного научного сотрудничества

Научное взаимодействие является важнейшим приоритетом деятельности АС. Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества в рамках Совета было подписано в Фэрбанксе (Аляска) на Министерской сессии 2017 г.¹ При этом для многих государств мира вовлечение в арктические исследования стало наиболее простым инструментом приобщения к арктической проблематике, включая её пространственную и ресурсную составляющие [Гудев, 2019]. До 2022 г. научное и туристское сотрудничество стран-членов АС с Россией развивалось в хорошем темпе, о чем свидетельствуют ряд соглашений, совместных проектов, торговые, экономические и инвестиционные показатели [Тимошенко, 2021а]. 28 февраля 2022 г. Международный совет по науке (ISC) выпустил заявление, в котором подчеркнул негативные последствия конфликта для исследовательского и академического сообщества,² но при этом указал, что в будущем обязуется отстаивать равноправное участие и сотрудничество между учеными всех стран в своей деятельности и принцип свободной и ответственной науки.

Семь стран АС официально отказались участвовать в мероприятиях и встречах под председательством России, о чем 3 марта 2022 г. было сказано в их совместном заявлении³. Этот демарш означал ничто иное как бойкот арктической политики РФ, которая до мая 2023 г. будет председателем Совета. Перспективы развития научного, делового и иных видов туризма в Арктике в данном контексте ставятся под вопрос на ближайшее время в силу объективных причин.

¹ Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1916/EDOCS-4288-v2-ACMMUS10_FAIRBANKS_2017_Agreement_on_Enhancing_International_Arctic_Scientific_Cooperation.pdf?sequence=2&isAllowed=y (дата обращения: 11.03.2022)

² International Science Council. 28 February 2022. URL: <https://council.science/current/news/isc-statement-ukraine/> (дата обращения: 11.03.2022)

³ U.S. Department of State. Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine. 03 March 2022. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-of-ukraine/> (дата обращения: 05.03.2022)

Вслед за заявлением ISC 7 марта 2022 г. Международный арктический научный комитет (IASC) сообщил о невозможности «работать в обычном режиме в рамках IASC». 9 марта 2022 г. страны-участницы Совета Баренцева/Евроарктического региона (БЕАС), среди которых Финляндия, Дания, Исландия, Норвегия, Швеция и ЕС, объявили о приостановлении сотрудничества с РФ «ввиду нарушений принципов и целей организации со стороны России»¹. С введением пятого пакета санкций Еврокомиссия исключила из общих научных программ ЕС *Horizon* и *Euroatom* российских учёных, усиливая давление на Россию в научной сфере². К сожалению, подобные реакции отрицательно сказываются на научном сотрудничестве, ставя под угрозу исполнение достигнутых ранее договорённостей между арктическими научными центрами и институтами.

Важную роль в содействии развитию научного сотрудничества и делового туризма играет международная выставочная деятельность. В туристских выставках России ежегодно принимали участие национальные офисы по туризму европейских стран, члены дипломатических миссий. 12–14 марта 2022 г. состоялась XVII Международная туристическая выставка «ИНТУРМАРКЕТ», в которой из арктических регионов России приняли участие Мурманская область, Республика Карелия, Республика Коми, Красноярский край, Чукотский автономный округ. В международной выставке «МИТТ» (15–17 марта 2022 г.) приняли участие представители Мурманской и Архангельской областей, ЯНАО, Республики Карелия, Республики Коми, Таймыра (Красноярский край). Зарубежные участники из сферы туризма от стран «арктической восьмерки» на этих крупных выставочных мероприятиях представлены не были, что подрывает работу по укреплению сотрудничества, которая велась последние 15 лет в этом направлении. Подобные решения представителей арктических стран нарушают принципиально достигнутые договоренности, отраженные в ряде межправительственных и межведомственных соглашений о сотрудничестве.

Арктические регионы активизировали работу по формированию и продвижению турпродукта. Открыты туристские информационные центры, созданы интернет-ресурсы. Так, в Мурманской области 4 марта 2022 г. начала работу «Арктическая лаборатория туризма», мероприятия которой в дальнейшем должны охватить всю российскую Арктику в рамках объявленного Года экологически ответственного туризма.

Научный туризм в Арктике важен и как часть просветительской работы. Например, на базе Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова ежегодно проводится научно-образовательный проект «Арктический плавучий университет», который объединяет молодежь и исследователей для комплексного изучения арктических территорий. Руководство САФУ приняло решение по проведению в 2022 г. двух морских экспедиций вокруг Новой Земли и к Земле Франца-

¹ European Union External Action. 09.03.2022. URL:

https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/112462/barents-euro-arctic-cooperation-joint-statement-european-union-finland-denmark-iceland-norway_en (дата обращения: 11.03.2022)

² Ukraine: EU agrees fifth package of restrictive measures against Russia. 08.04.2022. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_2332 (дата обращения: 08.04.2022)

Иосифа. Темп наращивания экономики знаний в Арктике постоянно растет, расширяя возможности для организации делового, образовательного и научного туризма. На базе 13 научных институтов, 10 университетов, представителей бизнеса и технологических компаний, объединенных в Западно-Сибирский межрегиональный научно-образовательный центр, сформирован Арктический научно-инновационный кластер. Сфера туризма в настоящее время лидирует по количеству инвестиционных проектов, реализуемых в Дальневосточном федеральном округе и в российской Арктике. Резиденты территорий опережающего развития, свободного порта Владивосток и АЗ РФ смогут создать в общей сложности более 250 туристских проектов на общую сумму 189 млрд рублей¹.

В Арктике важно проводить исторические и патриотические туры, рассказывая жителям северных регионов и гостям из неарктических областей о подвигах нашего народа во времена всеобщей мобилизации, о самоотверженности, неповторимой сметке и храбрости представителей коренных народов Севера, которые в период Великой Отечественной войны проявляли колоссальную стойкость духа и героизм в экстремально тяжелых условиях высоких широт. В г. Нарьян-Мар Ненецкого автономного округа, например, установлен единственный в своем роде памятник «Подвигу участников оленно-транспортных батальонов в годы Великой Отечественной войны», открытый 23 февраля 2012 г. Среди важнейшей задач, которые решали оленьи транспорты, были санитарная эвакуация раненых, доставка провизии, грузов, оружия и снарядов. Численность эшелонов во времена войны составляла более шестисот человек и семи тысяч голов ездовых оленей, не считая ездовых собак. Эшелоны стали основой для создания на Карельском фронте оленно-лыжных батальонов, частично сформированных из оленеводов и оленьих транспортов. Большой популярностью пользуется межрегиональный проект «Гастрономическая карта России», целью которого является популяризация локальной, в том числе северной российской кухни. В программу вошли Республика Карелия, Мурманская и Астраханская области, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и другие регионы. С целью продвижения туристских объектов российской Арктики в 2021 г. был создан имиджевый «Арктический паспорт».

В современных условиях чрезвычайно важно вести информационно-пропагандистскую и просветительскую работу, направленную на становление национальной идеи, сохранение культуры, самобытности народов России, памяти об их боевых и гражданских подвигах.

Новые вызовы

В странах Северной Европы прослеживается политика противостояния России, в том числе по линии развития туризма и международного научного сотрудничества. Норвежское правительство 13 февраля 2022 г. сообщило об отмене особых

¹ Минвостокразвития. Комплекс туристских объектов создадут в Мурманской области. 25.03.2022. URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/kompleks_turistskikh_obektov_sozdadut_v_murmanskoy_oblasti_na_puti_iz_sankt_peterburga_v_zapolyare/ (дата обращения: 25.03.2022)

требований для въезда в Норвегию и возможности въезда в страну на тех же основаниях, как и до начала пандемии, т. е. без вакцины или ПРЦ теста¹, но уже 9 марта заявило о невозможности подать новые заявления на получение шенгенской визы или вида на жительство ни в один из норвежских визовых центров в России².

В этой политике явно прослеживаются двойные стандарты и действия одностороннего порядка, что идет в разрез с ключевыми принципами устойчивости в туризме и свободы человека на перемещение. Это искусственное стимулирование и усиление турпотоков и экономических связей с другими странами, минуя РФ. Наиболее выражено это в росте туристских поездок жителей Германии в Норвегию. Стоит отметить, что россияне являются активными потребителями туристского продукта скандинавских стран. Особенно это касается Финляндии (график 1) в силу ее близости к РФ, налаженным социальным и экономическим связям.

Поток в Норвегию, Швецию и Данию характеризуется достаточно высокими показателями с точки зрения интереса российских туристов к арктическим дестинациям (график 2). Вступление Финляндии и Швеции в НАТО также может отрицательно повлиять на количество взаимных туристских поездок.

Со стороны компаний ряда стран ЕС принимаются меры по ограничению туризма. Так, 3 марта 2022 г. «Сэйбр», ведущая корпорация в области программного обеспечения и технологий в сфере туризма, объявила о расторжении своего дистрибьюторского соглашения с «Аэрофлотом», крупнейшим государственным перевозчиком в РФ³. С 4 марта голландская организация бронирования услуг туризма и гостеприимства «Букинг» приостановила предоставление туристских услуг в РФ из-за «увеличивающихся трудностей ведения бизнеса в государстве». При этом в сервисе нельзя забронировать объекты размещения внутри России, в том числе регионах российской Арктики. Компания создала актуальный ресурс для поиска убежища от украинского кризиса⁴, в котором в списке стран, принимающих беженцев, отсутствует Россия. Одновременно с «Букинг» о приостановке деятельности в РФ и Беларуси также сообщил «Эирбнб», крупнейший информационный ресурс по поиску средств размещения и краткосрочной аренды частного жилья по всему миру, запустив масштабный проект по размещению украинских беженцев⁵.

Зарубежные компании, ранее осуществлявшие туры на Северный полюс на российском атомном ледоколе «50 лет Победы», среди которых крупнейшие полярные

¹ VFS Global Group. 13.02.2022. URL: <https://visa.vfsglobal.com/rus/en/nor/news/entry-to-norway> (дата обращения: 11.03.2022)

² VFS Global Group. 09.03.2022. URL: <https://visa.vfsglobal.com/rus/en/nor/news/submit-new-applications> (дата обращения: 11.03.2022)

³ Sabre terminates distribution agreement with Aeroflot. 03.03.2022. URL: <https://www.sabre.com/insights/releases/sabre-terminates-distribution-agreement-with-aeroflot/> (дата обращения: 11.03.2022)

⁴ Information for travelers from Ukraine seeking refuge in neighboring countries. URL: <https://joinsherpa.zendesk.com/hc/en-us/articles/4515544970765-Important-Information-in-Support-of-Ukrainians> (дата обращения: 17.03.2022)

⁵ Airbnb.org. URL: <https://ru.airbnb.org/help-ukraine> (дата обращения: 17.03.2022)

туроператоры *Quark Expeditions* и *Poseidon Expeditions*, сняли^{1,2} программы бронирования «На ледоколе к вершине планеты» на 2022–2023 гг.

15 марта 2022 г. Европейское агентство по безопасности полетов (EASA) после введения ЕС санкций против РФ приостановило действие сертификатов российских предприятий гражданской авиации, сформировало и опубликовало список приостановленных сертификатов и разрешений EASA³. ЕС, Великобритания, Канада, США и еще ряд других стран закрыли небо для отечественных самолетов, в ответ на это Россия закрыла свое воздушное пространство более чем для тридцати государств. Проблема с лизингом в авиации остро ставит вопрос о первоочередных государственных мерах, которые должны быть срочно предприняты и способствовать импортозамещению в сфере пассажирских перевозок, грузоперевозок и туризма.

В пятом пакете санкций от 8 апреля 2022 г. Еврокомиссия наложила запрет на заход судов под российским флагом в порты ЕС и работу грузовых дорожных операторов на территории ЕС (с некоторыми исключениями на предметы первой необходимости, гуманитарную помощь и др.).

График 1

Источник: Составлено автором по данным Ростуризма. Число выездных туристских поездок граждан Российской Федерации за рубеж (Росстат) URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/chislo-vyezdnykh-turistskikh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-za-rubezh-rosstat/> (дата обращения 15.03.2022)

¹ Quark Expeditions. URL: https://www.quarkexpeditions.com/departures?f%5B0%5D=departure_destination%3Arussia (дата обращения: 27.03.2022)

² Poseidon Expeditions. URL: <https://poseidonexpeditions.com/northpole/> (дата обращения: 27.03.2022)

³ EASA publishes details of implementation of EU restrictive measures against Russia. 14.03.2022. URL: <https://www.easa.europa.eu/newsroom-and-events/news/easa-publishes-details-implementation-eu-restrictive-measures-against> (дата обращения: 17.03.2022)

График 2

Источник: Составлено автором по данным Ростуризма. Число выездных туристских поездок граждан Российской Федерации за рубеж (Росстат). URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/chislo-vyezdnykh-turistskikh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-za-rubezh-rosstat/> (дата обращения 15.03.2022)

По словам главы Минвостокразвития России А.О. Чекунова, «санкции западных партнеров не повлияют на разработку и запуск серийного выпуска многоцелевых девятиместных самолетов ЛМС-901 «Байкал» малой авиации, призванных заменить в эксплуатации Ан-2. На наш взгляд, на уровне Госкомиссии по вопросам развития Арктики необходимо провести проверку хода исполнения конструкторских и испытательных работ, дать оценку эффективности реализации выделенных бюджетных средств на этот проект»¹. Требуется решение вопроса и в вопросе железнодорожного транспорта. Стоит стимулировать развитие проекта «Северный широтный ход» и оценить его возможности в развитии туризма и обеспечения внутренней миграции населения в Арктике.

После двух сложных сезонов 2020–2022 гг. периода пандемии COVID-19, вся туристская сфера России находится в крайне сложном состоянии. В условиях развития событий первого квартала 2022 г. туроператоры не могут вернуть потребителям деньги за нереализованные туры, а также не в состоянии частично вернуть средства, которые были переведены зарубежным партнерам, ввиду блокировки

¹ В Минвостокразвития уверены, что санкции не повлияют на разработку самолета «Байкал». ТАСС, 18 марта 2022 г. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14119785> (дата обращения: 26.03.2022)

банковских международных переводов. Российские туроператоры должны вернуть клиентам около 60 млрд рублей за отмененные туры. Финансовый резерв объединения «Турпомощь», который представляет консолидированный фонд персональной ответственности туроператоров, не в состоянии покрыть более 5% от ущерба.

Первоочередные задачи

Первоочередными задачами для развития туризма в условиях геополитической нестабильности являются:

– доработка финансово-экономических моделей поддержки потребителей и турбизнеса АЗ РФ в условиях санкций и геополитической нестабильности, а также ГОСТа «Арктический туризм»;

– обновление и расширение транспортных сетей, парка российских дальнемагистральных самолетов, развитие малой авиации;

– стимулирование развития туристской инфраструктуры, ускорение процессов подписания двусторонних соглашений о сотрудничестве в сфере туризма со странами-сторонниками РФ;

– использование снятия COVID-ограничений для интенсификации въездного туризма из дружественных стран и организации туров в российскую Арктику;

– развитие и продвижение проекта «Арктический гектар», его использования с туристскими целями;

– аудит туристских дестинаций и туристских объектов Севера;

– продвижение туристских и популяризация смежных проектов, направленных на просвещение жителей России и дружественных стран о туристском потенциале АЗ РФ;

– наращивание кадрового резерва с применением современных методик для развития арктического туризма в России, что особенно важно в условиях продолжающегося уменьшения населения в северных регионах.

Предложенные первоочередные задачи позволят сохранить туристскую привлекательность российского Севера, дадут толчок развитию арктической туристской инфраструктуры, создадут рабочие места и стабилизируют социальные настроения в обществе через развитие и популяризацию делового, экологического, патриотического и культурного туризма в АЗ РФ.

В условиях санкций руководство РФ поддерживает рост внутренней экономики, быстрый поиск альтернатив для отечественного потребителя, что нашло отражение и в активизации туристского развития в российской Арктике. Введение ГОСТ «Арктический туризм» является своевременной попыткой внедрения правовых основ обеспечения туристской деятельности в регионах российской Арктики, повышает шансы их практической реализации. В разделах ГОСТа прослеживается комплексный подход, что важно для его внедрения, исполнения и дальнейшей доработки. Выполнение первоочередных задач позволит туристской индустрии АЗ РФ быстрее выйти из сложившегося кризиса, станет важным стимулом развития внутреннего и въездного туризма для граждан из дружественных стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гудев П.А. (2019) Новые риски и возможности межгосударственного сотрудничества в Арктике *Арктика и Север*. № 36. С.57–83. DOI 10.17238/issn2221-2698.2019.36.57. EDN QEBIQG.
- Журавель В.П. (2021) Председательство России в Арктическом Совете. *Современная Европа*. № 5(105). С.90–99. DOI 10.15211/soveurope520219099. EDN: NLCCSZ
- Лукин Ю.Ф. (2016) Арктический туризм: рейтинг регионов, возможности и угрозы *Арктика и Север*. № 23. С.96–123. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.23.96. EDN: VVMSQB
- Тимошенко Д.С. (2021а) Сотрудничество России и стран Северной Европы в развитии арктического туризма. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 6(24). С.87–95. DOI 10.15211/vestnikieran620218795. EDN: KBGKIP
- Тимошенко Д.С. (2021б) Арктическая стратегия Еврокомиссии: вызов для России или мера вынужденной интеграции? *Европейская аналитика 2021*. С.174–182. DOI: 10.15211/978-5-98163-178-8.18. EDN: YCZABZ
- Фёдоров В.П. (2018) Арктические преобразования *Современная Европа*. № 1. С.5–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120180514>
- Arctic Council Strategic Plan 2021 to 2030. (2021) 20.05.2021. URL: https://oarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/2601/MMIS12_2021_REYKJAVIK_Strategic-Plan_2021-2030.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.03.2022)
- AMAP (Arctic Monitoring and Assessment Programme) (1998) *AMAP Assessment Report: Arctic Pollution Issues*. Oslo.
- Arctic Human Development Report (AHDR) (2004) Akureyri: Stefansson Arctic Institute. URL: <http://www.svs.is/en/projects/ahdr-and-asi-secretariat/ahdr-chapters> (дата обращения: 05.03.2022)
- Barre S. et al. (2016) Tourism and Arctic Observation Systems: exploring the relationships. *Polar Research* 35: 24980.
- Bohn D. & Varnajot A. (2021) A geopolitical outlook on Arcticification in northern Europe: Insights from tourism, regional branding and higher education and research institutions *Arctic Yearbook 2021*.
- Gromyko A.I.A. (2022) Diplomacy vs Brinkmanship. Article in the journal «Analytical papers of the Institute of the Russian Academy of Sciences. Vol. I. Issue 4 (271). DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics1420223034> (дата обращения: 26.03.2022)
- Hall C.M. and Johnson M.E. (1995) *Polar Tourism: Tourism in the Arctic and Antarctic Regions*. Wiley, Chichester. UK.
- Hall C.M. & Saarinen J. (2010) Polar tourism: definitions and dimensions. *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. Vol. 10 (4). P.448–467. DOI: 10.1080/15022250.2010.521686
- Jacobsen J.K.S. (2015) The North Cape: In the land of the midnight sun. In N. Herrero, & S. R. Roseman (Eds.) *The tourism imaginary and the pilgrimage to the edges of the world*. Vol. 44. P.120–140.
- Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A stronger EU engagement for a peaceful, sustainable and prosperous Arctic. 2021. URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/2_en_act_part1_v7.pdf (дата обращения: 13.03.2022)
- Marjavaara R., Nilsson R.O., & Müller D.K. (2022) The Arcticification of northern tourism: a longitudinal geographical analysis of firm names in Sweden *Polar Geography*. DOI: 10.1080/1088937X.2022.2032449
- Müller D.K. (2013) Tourism and the definition of the Arctic. In: R.H. Lemelin et al. (eds) *From talk to action: how tourism is changing the polar regions*. Thunder Bay. Lake head University Centre for Northern Studies. 920 p.
- Müller D.K. (2011) Tourism development in Europe's «last wilderness»: an assessment of nature-based tourism in Swedish Lapland. In: A.A. Grenier and D.K. Müller (eds) *Polar Tourism: A Tool for Regional Development*. Montréal, QC: Presses de l'Université du Québec, pp. 129–153.

Stewart E.J., Draper D., Johnston M.E. (2005) A Review of Tourism Research in the Polar Regions. *Arctic*. Vol. 58. N 4. P.383–394.

Timoshenko D.S. (2021) Tourism 4.0: Education, Pedagogy, and Digital Learning Solutions for the Russian Arctic. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. Vol. 816. P.012020. DOI 10.1088/1755-1315/816/1/012020. EDN: BFBHHA

A New Vector of the Arctic Tourism and the EU and the US Sanctions Against Russia

D.S. Timoshenko*

Candidate of Sciences (Economics)

Department of Country Studies

*Center for Arctic Studies, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences
11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009.*

***E-mail:** *artemideus@gmail.com*

Abstract. Tourism in the Arctic not only carries the mission of socio-economic development but also is a reflection of the geopolitical presence. The European Union intends to carry out a comprehensive expansion of its influence in the North and demonstrates a desire to interfere in the state affairs of the circumpolar countries (restrictions on the sovereign rights of the Arctic countries to extract natural resources, set out in the Joint communication dated October 13, 2021). The main goal of this policy is destabilisation and deterioration of the economic condition of Russia as the largest polar power, including through an active sanctions policy. A powerful array of sanctions against Russia in the first quarter of 2022, related to the special military operation by the Russian Federation to protect Donbas, affected both Russian tourism in the Arctic regions of the country and, in general, the organisation of international travel in northern latitudes. At the same time, the active development of domestic tourism in the Russian Arctic can become one of the pillars of stabilising the country's socio-economic development. Tourism and related sectors of the economy can be used as tools to reduce the conflict potential of development in the North. A new concept "Arctification" is introduced and interpreted.

Key words: Russia, Arctic, Arctic Council, chairmanship, economics, tourism, science, special military operation, Center for Arctic Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, arctification.

DOI: 10.31857/S0201708322040040

EDN: gjiiwf

REFERENCES

Arctic Council Strategic Plan 2021 to 2030. (2021) 20.05.2021. URL: https://oarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/2601/MMIS12_2021_REYKJAVIK_Strategic-Plan_2021-2030.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 26.03.2022)

AMAP (Arctic Monitoring and Assessment Programme) (1998) *AMAP Assessment Report: Arctic Pollution Issues*. Oslo.

Arctic Human Development Report (AHDR) (2004) Akureyri: Stefansson Arctic Institute. URL: <http://www.svs.is/en/projects/ahdr-and-asi-secretariat/ahdr-chapters> (accessed: 05.03.2022)

Barre S. et al. (2016) Tourism and Arctic Observation Systems: exploring the relationships. *Polar Research* 35: 24980.

Bohn D. & Varnajot A. (2021) A geopolitical outlook on Arctification in northern Europe: Insights from tourism, regional branding and higher education and research institutions *Arctic Yearbook 2021*.

- Fyodorov V.P. (2018) Arkticheskiye preobrazovaniya [Arctic transformations] *Sovremennaya Evropa*. No. 1, pp. 5–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120180514> (in Russian).
- Gromyko A.I.A. (2022) Diplomacy vs Brinkmanship. Article in the journal «Analytical papers of the Institute of the Russian Academy of Sciences. Vol. I. Issue 4 (271). DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics1420223034> (accessed: 26.03.2022)
- Gudev P.A. (2019) Novyye riski i vozmozhnosti mezhgosudarstvennogo sotrudnichestva v Arktike [New risks and opportunities for interstate cooperation in the Arctic]. *Arktika i Sever*. Vol. 36, pp. 57–83. DOI 10.17238/issn2221-2698.2019.36.57. EDN QEBIOG. (in Russian).
- Hall C.M. and Johnson M.E. (1995) *Polar Tourism: Tourism in the Arctic and Antarctic Regions*. Wiley, Chichester. UK.
- Hall C.M. & Saarinen J. (2010) Polar tourism: definitions and dimensions. *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. Vol. 10 (4), pp. 448–467. DOI: 10.1080/15022250.2010.521686
- Jacobsen J.K.S. (2015) The North Cape: In the land of the midnight sun. In N. Herrero, & S. R. Roseman (Eds.) *The tourism imaginary and the pilgrimage to the edges of the world*, Vol. 44, pp. 120–140.
- Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A stronger EU engagement for a peaceful, sustainable and prosperous Arctic. 2021. URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/2_en_act_part1_v7.pdf (accessed: 13.03.2022)
- Lukin Yu.F. (2016) Arkticheskiy turizm: reyting regionov, vozmozhnosti i ugrozy [Arctic tourism: the rating of regions, the opportunities, and threats]. *Arktika i Sever*. Vol. 23, pp. 96–123. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.23.96. EDN: VVMSQB (in Russian).
- Marjavaara R., Nilsson R.O., & Müller D.K. (2022) The Arcticfication of northern tourism: a longitudinal geographical analysis of firm names in Sweden *Polar Geography*. DOI: 10.1080/1088937X.2022.2032449
- Müller D.K. (2013) Tourism and the definition of the Arctic. In: R.H. Lemelin et al. (eds) *From talk to action: how tourism is changing the polar regions*. Thunder Bay. Lake head University Centre for Northern Studies. 920 p.
- Müller D.K. (2011) Tourism development in Europe's «last wilderness»: an assessment of nature-based tourism in Swedish Lapland. In: A.A. Grenier and D.K. Müller (eds) *Polar Tourism: A Tool for Regional Development*. Montréal, QC: Presses de l'Université du Québec, pp. 129–153.
- Stewart E.J., Draper D., and Johnston M.E. (2005) A Review of Tourism Research in the Polar Regions. *Arctic*. Vol. 58, No 4, pp. 383–394.
- Timoshenko D.S. (2021a) Sotrudnichestvo Rossii i stran Severnoy Evropy v razvitii arkticheskogo turizma [Russian and Northern European Countries Cooperation in Developing Arctic Tourism]. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS* Vol 6(24) pp. 87–95. DOI 10.15211/vestnikieran620218795. EDN: KBGKIP (in Russian).
- Timoshenko D.S. (2021b) Arkticheskaya strategiya Evrokomissii: vyzov dlja Rossii ili mera vyznuzhdennoj integracii? [The Arctic Strategy of the European Commission: a challenge for Russia or a measure of forced integration?]. *Evropejskaja analitika 2021*, pp. 174–182. DOI: 10.15211/978-5-98163-178-8.18. EDN: YCZABZ (in Russian).
- Timoshenko D.S. (2021) Tourism 4.0: Education, Pedagogy, and Digital Learning Solutions for the Russian Arctic. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. Vol. 816. P. 012020. DOI 10.1088/1755-1315/816/1/012020. EDN: BFBHHA
- Zhuravel V.P. (2021) Predsedatel'stvo Rossii v Arkticheskom Sovete. [Russian Chairmanship of the Arctic Council]. *Sovremennaya Evropa*. No 5(105), pp. 90–99. DOI 10.15211/soveurope520219099. EDN: NLCCSZ (in Russian).

УДК 339.9

ИННОВАЦИИ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

© 2022 **СТОЛЯРОВА Екатерина Вячеславовна***

Кандидат экономических наук, доцент

Кафедра международных экономических отношений

*Факультет международных отношений, Белорусский государственный университет
220030, Республика Беларусь, Минск, ул. Ленинградская, 20.*

***E-mail:** *e.staliarova@bsu.by*

Поступила в редакцию 19.03.2022

После доработки 22.03.2022

Принята к публикации 16.05.2022

Аннотация. В статье проанализирована активность различных государств мира в развитии инноваций в области искусственного интеллекта как одного из стратегических направлений цифровизации мировой экономики. Определены страны-лидеры в области венчурного инвестирования в искусственный интеллект, в том числе объемы инвестирования, темпы прироста и доля в ВВП. Рассмотрен уровень научных достижений и образования в сфере искусственного интеллекта в разных странах как фактор развития инноваций в указанной области, а также общий уровень цифровизации и развития венчурных экосистем в этих государствах как элементы, содействующие инновациям в сфере искусственного интеллекта. В статье приведена классификация стран по потенциалу и уровню развития в области искусственного интеллекта. Доказаны лидирующие позиции США и Китая в области искусственного интеллекта, а также отмечен потенциал других стран в данной области, в том числе с малой открытой экономикой. Помимо этого, уделено внимание ключевым направлениям венчурного инвестирования в искусственный интеллект в странах-лидерах и их особенностям.

Ключевые слова: искусственный интеллект; мировая экономика; цифровизация.

DOI: 10.31857/S0201708322040052

EDN: gjjrqo

Развитие экономик отдельных государств напрямую связано с созданием и внедрением инноваций, которые можно рассматривать как фактор производства [Шумпетер, 2008] и которые тесно связаны с изменением технологических укладов [Глазьев, Харитонов, 2009]. На отдельных этапах инновации в экономике относились к различным областям. Особенно актуальны инновации, относящиеся к цифровизации мировой экономики, в особенности к искусственному интеллекту (ИИ)¹. Под ним понимается «технология, включающая набор средств, позволяющих компьютеру на основании накопленных знаний давать ответы на вопросы и делать на базе этого экспертные выводы, то есть получать знания, которые в него не закладывались разработчиками» [Пройдаков, 2018]. Предполагается, что к 2030 г. использование данной технологии будет способствовать ежегодному дополнительному приросту мирового ВВП на 1,2%². Развитие и интерес к искусственному интеллекту напрямую связаны с увеличившимся количеством создаваемых данных в мировой экономике, в том числе тех, к которым имеют доступ транснациональные компании [Смирнов, Лукьянов, 2019]. Их анализ позволяет выявлять закономерности, которые могут использовать экономические субъекты в процессе принятия решения. В результате можно говорить о формировании «цифрового», «платформенного» и «следающего» капитализма [Климович, 2021].

Одним из ключевых условий для осуществления инноваций в области ИИ является наличие капитала. Для этих целей можно привлекать как государственный, так и частный капитал. Высокий уровень риска инвестиций в ИИ снижает их привлекательность для государственного капитала. Альтернативой ему являются частные венчурные инвестиции. В целом, в развитых странах частные инвестиции обеспечивают большую часть исследовательских разработок [Иванова, 2016]. К примеру, среди мировых лидеров в области искусственного интеллекта можно выделить Google, Yandex и Baidu [Резаев, Трегубова, 2021]. Более того, большая часть патентов в области искусственного интеллекта в США была выдана частным компаниям [Hidemichi, Shunsuke, 2017].

Появлению разработок в области ИИ также способствует соответствующее образование и развитие науки в данной области, а также общая политика государства, которая нацелена на поддержку создания в стране венчурных экосистем (систем, ключевыми элементами которых являются стартапы; различные типы венчурных инвесторов; законодательство, содействующее развитию венчурного бизнеса; инфраструктура для создания инновационных идей, например, инкубаторы, акселераторы), цифровизацию экономики и интерес к использованию и внедрению разработок в области ИИ. Это соответствует теории «тройной спирали», предполагающей тесное взаимодействие бизнеса, государства и университетов в процессе создания инноваций [Etzkowitz, 2008].

¹ UNCTAD (2019) Digital economy report 2019. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_en.pdf (дата обращения: 11.04.2022)

² ITU (2018) Assessing the economic impact of artificial intelligence. Issue Paper No 1, September. URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-s/opb/gen/S-GEN-ISSUEPAPER-2018-1-PDF-E.pdf (дата обращения: 11.04.2022)

Все это позволяет сделать вывод, что степень инновационности отдельных экономик в дальнейшем будет зависеть, в том числе от объема венчурных инвестиций в ИИ, уровня образования и научных достижений в данной сфере, а также общей государственной поддержки развития этого направления.

Цель статьи заключается в выявлении стран-лидеров в области венчурного инвестирования в ИИ и обосновании роли отдельных факторов, способствующих созданию инноваций в этих государствах (развития науки и образования в данной сфере, содействия государства цифровизации и развитию венчурных экосистем). Это позволит, в том числе, классифицировать существующие страны-лидеры по достигнутому уровню и потенциалу в области развития ИИ. Под инвестициями при этом понимаются, прежде всего, инвестиции в программное обеспечение, в основе которого лежит технология искусственного интеллекта.

Объем и динамика венчурных инвестиций в искусственный интеллект в мире

Общий объем мировых венчурных инвестиций в области искусственного ИИ в 2020 г. составил 81 млрд долл., что сопоставимо, в соответствии с данными Всемирного Банка¹, с ВВП Люксембурга (73,4 млрд долл.) в этом же году и больше, чем ВВП Болгарии (69,9 млрд долл.). Общий накопленный объем таких инвестиций с 2012 г. по 2020 г. составил 346,4 млрд долл., что схоже с ВВП Сингапура (340 млрд долл.) в 2020 г. Начиная с 2012 г., такие инвестиции росли в среднем на 51%, увеличиваясь в среднем наполовину по отношению к предыдущему году (график 1). С одной стороны, это является подтверждением интереса венчурных инвесторов к теме ИИ. С другой стороны, говорит о низкой стартовой базе в самом начале зарождения таких инвестиций. Непосредственно в 2020 г. темп прироста финансирования сократился до 17%, по-прежнему обеспечивая двухзначный рост несмотря на пандемию. Венчурные инвестиции в ИИ в мире росли быстрее, чем венчурные инвестиции в целом. Доля таких вложений в искусственный интеллект в общем объеме венчурных инвестиций увеличилась с 5% в 2012 г. до 23% в 2020 г. (график 1)². Цифры подтверждают интерес венчурных инвесторов к разработкам в области ИИ и к потенциальному увеличению его значимости для мировой экономики.

Мировые центры венчурного инвестирования в искусственный интеллект

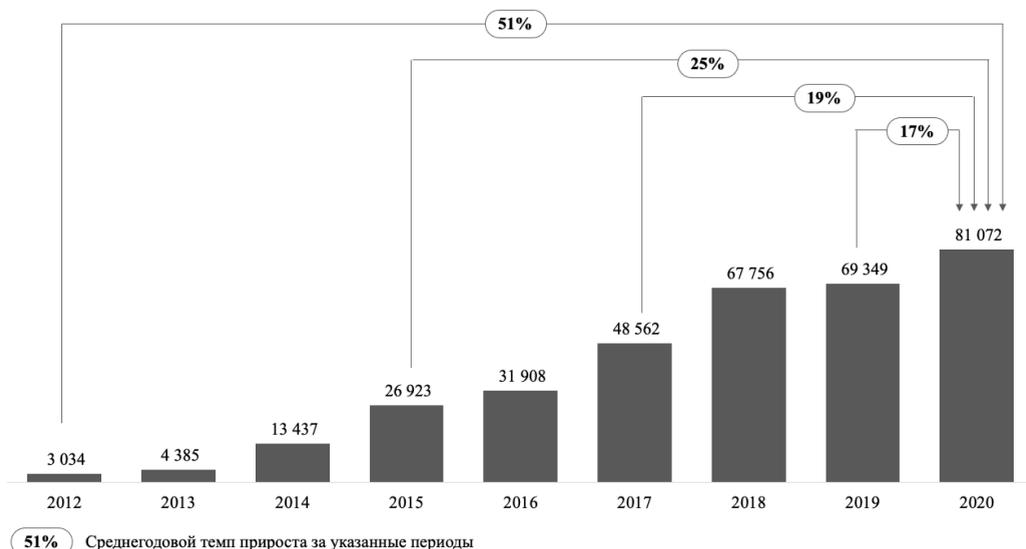
Основная часть венчурных инвестиций в сфере ИИ сконцентрирована в двух странах (США и Китае), которые значительно опережают страны Европейского союза и Британию.

¹ World Bank (2020) GDP (Current US\$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 27.03.2022)

² Дополнительные материалы к статье размещены в электронном виде на сайте журнала (www.sov-europe.ru) на странице номера.

График 1

Объем венчурных инвестиций в области искусственного интеллекта в мире с 2012 г. по 2020 г., млн долл.

Источник: Разработка автора на основе данных OECD.AI (2022)¹.

В 2020 г. на США и Китай приходилось 80,3% рассматриваемых инвестиций, что на 5,8 п. п. выше, чем было в 2012 г., когда их совместная доля составила 74,5%. Это означает, что две страны обеспечивают большую часть венчурных инвестиций в ИИ, постоянно увеличивая свою совместную долю.

При этом доля США значительно уменьшилась, на 15,1 п. п., а доля Китая, наоборот, выросла на 20,9 п. п. Если в 2012 г. абсолютным лидером в части венчурных инвестиций в искусственный интеллект являлись США, то уже через восемь лет в 2020 г., несмотря на сохранение лидерства, вес этой страны снизился.

Отдельно стоит отметить позицию Евросоюза в составе 27 стран, а также Британии. Так, их общая доля в 2012 г., когда Британия еще входила в ЕС, составляла 4,5%, из которых 1,8% приходилась на Британию. В 2020 г. их совместный вклад увеличился до уровня 7,5%, из которых 3,2% приходились на Лондон. Эти цифры позволяют сделать вывод о том, что вклад ЕС-27 и Британии значительно ниже, чем Китая и США. Брюссель и Лондон значительно отстают в части инвестирования в сферу ИИ. Это связано с тем, что общее количество игроков в области ИИ (компании, университеты, исследовательские центры и местные органы власти) в

¹ OECD.AI (2022) World VC investments in AI. URL: <https://oecd.ai/en/data?selectedArea=investments-in-ai&selectedVisualization=worldwide-vc-investments-in-ai> (дата обращения: 11.04.2022)

странах ЕС-27 и Британии ниже, чем в США и Китае. При этом стоит отметить явное конкурентное преимущество ЕС-27 в области предоставления услуг, основанных на ИИ, и в области разработки автономных роботов¹.

В 2020 г. Британия осуществила венчурные инвестиции в ИИ практически в таком же объеме, как все экономики ЕС-27 вместе взятые. Ее успех связан в том числе с более развитым венчурным рынком, большим фокусом венчурных инвестиций на ИИ. В целом среди стран ЕС-27 наибольшую долю в анализируемых инвестициях имеют Германия (1,0% в 2012 г. и 1,8% в 2020 г.) и Франция (0,9% в 2012 г., которые сохранились и в 2020 г.).

Среди заметных игроков в части венчурного инвестирования в ИИ можно также выделить Израиль, Канаду, Индию, Японию, Сингапур, Республику Корею и Бразилию, несмотря на то что их доли в анализируемом виде инвестирования уменьшились с 2012 по 2020 гг.

Перечень представленных стран подтверждает, что лидерами являются страны с большой открытой экономикой. Доля стран с малой открытой экономикой, определенных по ряду критериев [Давыденко, Ботеновская, 2015], в данной области остается незначительной. К примеру, большая часть стран с малой открытой экономикой не имеет долю в мировом объеме венчурных инвестиций в ИИ более 0,5%, что говорит об их минимальной роли в этом процессе, несмотря на общие высокие показатели ряда таких стран в области цифровизации [Давыденко, 2019]. Исключением являются Израиль (наиболее успешный пример) и Сингапур. Их доля в 2020 г. в венчурных инвестициях в ИИ была больше долей таких стран, как Германия, Канада, Япония и Франция.

Ни одна из стран ЕАЭС независимо от своего размера не имеет долю в общемировых венчурных инвестициях в ИИ более 0,5%, не входя, таким образом, в список стран-лидеров. Объем венчурного инвестирования в ИИ в России, к примеру, в 2020 г. составил 28 млн долл.²

Среди рассматриваемых стран с наибольшими объемами абсолютного венчурного инвестирования в ИИ, наиболее высокие среднегодовые темпы прироста таких инвестиций (91%) отмечаются у Китая, практически в два раза выше, чем в среднем в мире (51%).

США, как самый крупный венчурный инвестор в ИИ в мире, характеризуются темпом прироста ниже (46%), чем в КНР. Из этого можно сделать вывод, что именно Китай является на данный момент основным глобальным двигателем роста венчурного инвестирования в ИИ.

Именно такие высокие темпы прироста позволили КНР значительно увеличить свою долю с 2012 по 2020 гг. При сохранении таких же среднегодовых темпов Ки-

¹ European Commission (2022) AI Watch Index 2021. URL: https://ai-watch.ec.europa.eu/publications/ai-watch-index-2021_en (дата обращения: 11.04.2022)

² OECD.AI (2022) VC investment in AI by country. URL: <https://oecd.ai/en/data?selectedArea=investments-in-ai&selectedVisualization=vc-investments-in-ai-by-country> (дата обращения: 11.04.2022)

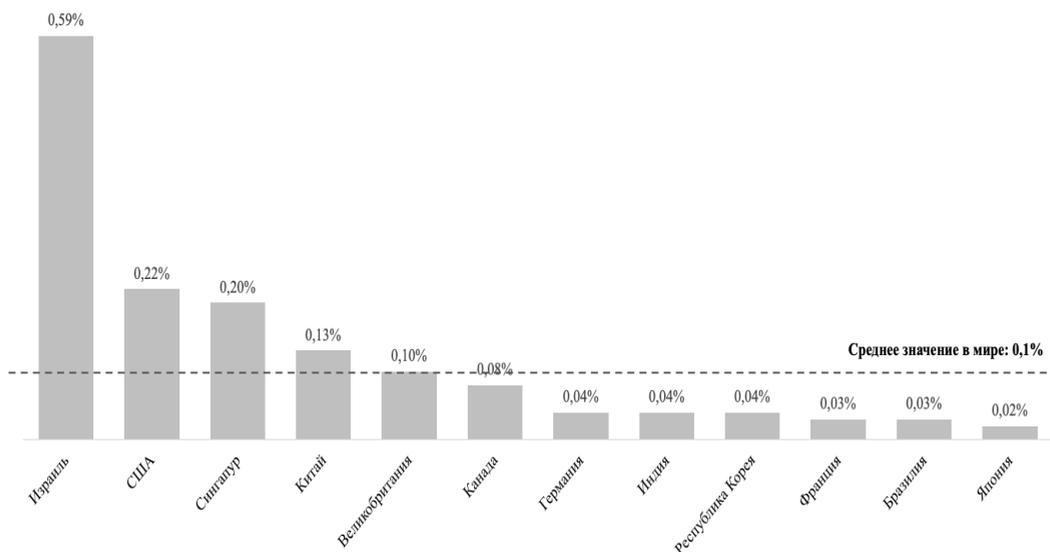
тай уже в 2024 г. сможет обогнать США и стать абсолютным лидером в данной области. Темпы прироста стран ЕС-27 (60%) и Британии (63%) также оставались выше в рассматриваемый период, чем в среднем в мире. Наиболее низкие среднегодовые темпы прироста привлекаемых венчурных инвестиций в ИИ за указанный период имели такие страны из рассматриваемого списка как Сингапур (30%), Индия (30%) и Республика Корея (29%).

Среднегодовые темпы прироста таких инвестиций в России в период с 2012 по 2020 гг. составили 7%, что значительно ниже стран-лидеров в области данного инвестирования. Также важно оценить вклад венчурных инвестиций в ИИ в ВВП стран-лидеров по объему таких инвестиций (график 2).

Лидером в мире, в том числе среди рассмотренных стран, является Израиль. Высокими показателями также характеризуются США и Сингапур. Китай соответствует среднемировому уровню по вкладу венчурных инвестиций в ИИ в ВВП страны, что говорит о наличии потенциала дальнейшего роста таких инвестиций.

График 2

Доля венчурных инвестиций в искусственный интеллект в ВВП стран в 2020 г.

Источник: Разработка автора на основе данных OECD.AI¹ и World Bank².

¹ OECD.AI (2022) VC investment in AI by country. URL: <https://oecd.ai/en/data?selectedArea=investments-in-ai&selectedVisualization=vc-investments-in-ai-by-country> (дата обращения: 11.04.2022)

² World Bank (2020) GDP (Current US\$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 27.03.2022)

Источники финансирования венчурных инвестиций в области искусственного интеллекта

Страны-лидеры, которые в большинстве своем являются большими открытыми экономиками, осуществляют венчурное инвестирование за счет внутренних ресурсов, а не за счет использования внешних источников финансирования.

Основная часть стран с большой открытой экономикой, являющихся лидерами в области венчурного инвестирования в области ИИ, характеризуется относительно высокой долей собственного финансирования, которая превышает 50%. Наиболее высокая доля среди таких стран – у Республики Корея, Японии, Китая и США. Это связано со значительным внутренним финансовым рынком данных стран. Доля собственных инвестиций в общем объеме венчурных инвестиций в ИИ в России составляет 62%, что соответствует показателям больших экономик. Доля собственного финансирования в странах ЕС составляет 51%, что отражает структуру Союза, состоящего из стран как с малой открытой, так и стран с большой открытой экономикой. Относительно низкая доля собственных венчурных инвестиций в Британии связана с общей привлекательностью данной страны для мировых венчурных инвестиций. Среди стран с малой открытой экономикой наблюдается меньшая доля собственного финансирования, что подтверждается примерами Израиля и Сингапура.

Экспортеры и импортеры венчурных инвестиций в ИИ

Основными экспортерами, поставщиками зарубежных венчурных инвестиций в ИИ, являются США, Британия, Япония, Китай и Германия. Важную роль также играют Сингапур, Канада, ОАЭ, Израиль, Саудовская Аравия, Республика Корея и Франция. Лидерами в области зарубежных венчурных инвестиций в ИИ являются страны с большой открытой экономикой. Общая доля таких государств составляет 67,4%. Это связано с тем, что, с одной стороны, они поддерживают свое лидерство за счет инвестиций в одно из наиболее перспективных с точки зрения цифровизации направлений. С другой стороны, данные государства являются лидерами в области венчурного инвестирования в принципе.

Доля стран с малой открытой экономикой значительно ниже. Наиболее яркими примерами в этой области являются Сингапур, ОАЭ, Израиль. Особенно интересно наличие в этом списке ОАЭ, которые активно инвестируют за рубеж нефтедоллары, выбирая для этого в том числе искусственный интеллект. Доля России равняется 0,4% мировых зарубежных инвестиций в ИИ за рассмотренный период, что составляет 566 млн долл. венчурных инвестиций в ИИ за пределами государства (расчет на основе OECD.AI).

Основным импортером зарубежных венчурных инвестиций в сфере ИИ являются США и Китай, как центры разработок в этой области. За ними следуют Британия, Израиль и Германия.

Как и в случае с экспортом венчурных инвестиций, США и Китай остаются лидерами по привлечению иностранных венчурных инвестиций в ИИ, вместе обеспечивая 78,9% таких инвестиций в мире. Израиль – одна из немногих стран с малой открытой экономикой, являющаяся центром притяжения таких инвестиций наряду

с Сингапуром. В целом, крупнейшим чистым нетто-экспортером венчурных инвестиций в ИИ являются Британия и Япония, нетто импортером – США и Китай. Большая часть стран ЕС – чистые экспортеры венчурного капитала в сфере ИИ.

Направления венчурных инвестиций в искусственный интеллект

Для стран-лидеров характерна высокая степень диверсификации венчурных инвестиций в ИИ. С одной стороны, практически во всех странах в той или иной степени присутствуют такие инвестиции в области медиа, ИТ-инфраструктуры, бизнес-процессов, цифровой безопасности, здравоохранения, финансовых и страховых услуг, логистики и роботов.

С другой стороны, у ряда стран высока доля венчурных инвестиций в ИИ в отдельных областях. В частности, абсолютные лидеры в таких инвестициях (США и Китай) в значительной степени инвестируют в мобильность и беспилотные автомобили. К этой категории можно также отнести Японию и Бразилию. В Сингапуре выделяется область недвижимости, что может быть связано с особенностями рынка недвижимости этой страны, учитывая ее географические особенности, образование – в Китае и Республике Корея, сфера путешествий – в Канаде и Германии.

Ключевые направления для венчурных инвестиций в ИИ в России – это ИТ-инфраструктура и хостинг (27,4% накопленных венчурных инвестиций в ИИ за 2012 по 2020 гг.), медиа и социальные платформы (16,8%), бизнес-процессы и услуги поддержки (15,8%), цифровая безопасность (13,7%) (расчеты на основе OECD.AI). Здесь присутствуют наиболее популярные с точки зрения венчурных инвестиций сферы, а также области, связанные с цифровой безопасностью.

Поддержка государства в части развития искусственного интеллекта

Для обеспечения эффективных венчурных инвестиций в ИИ важна роль государства. Оно может различным образом вовлекаться в данный процесс. Минимальный уровень поддержки проявляется в создании условий для появления в стране эффективных венчурных экосистем, а также для общей цифровизации экономики. Оценить успешность создания венчурных экосистем и общего уровня цифровизации предлагается на основе рейтингов *StartupBlink* и *IMD World Digital Competitiveness Ranking*, соответственно. В первом случае учитывается количество, качество стартапов, а также общая бизнес-среда, создаваемая при поддержке государства (например, легкость ведения бизнеса). Во втором случае в расчет принимается ряд показателей, значения которых зависят от действий государства (например, затраты на образование, количество выпускников университетов в области ИТ, кредитный рейтинг страны, влияющий на условия привлечения капитала, инвестиции в телекоммуникационную инфраструктуру, доступ к интернету, цифровизация правительства).

Мировые страны-лидеры в области венчурных инвестиций в ИИ, включая крупнейшие экономики Европы – Британию, Германию и Францию, являются центрами привлечения венчурных инвестиций в мире в целом, а также лидерами в области цифровизации. Они также имеют высокие позиции в части рейтингов в области ИИ. Наиболее высокие показатели по ряду параметров, связанных с ИИ, имеют США. Немного отставая от Сингапура, США наиболее активны в области создания данных, а значит, имеют потенциал в экономике данных (под экономикой данных понимается «процесс производства, распространения и потребления цифровой информации»)¹. Такую же позицию, как и США, в части создания данных имеет Китай. Страны-лидеры в области венчурного инвестирования демонстрируют одинаковый уровень спроса на решения в области ИИ, подтверждая, что их экономики готовы к интеграции данных решений. США характеризуются средним уровнем потенциала в области искусственного интеллекта. Это может быть связано, прежде всего, с общим лидерством страны в этой области и относительно более низким потенциалом по сравнению с другими странами, учитывая их отставание. Израиль в этом рейтинге отсутствует.

Научная деятельность в области искусственного интеллекта

Помимо непосредственно венчурного инвестирования в ИИ важно оценить уровень развития науки в данной области в странах-лидерах по объему венчурного инвестирования в эту сферу. В качестве показателя, отражающего научную активность в области ИИ, можно использовать количество публикаций в этой области на душу населения. Абсолютным лидером по количеству публикаций (включая статьи в журналах, книги, части книг) в области ИИ в 2021 г. являлись США (146, 8 тыс. публикаций), а также Китай (134,5 тыс. публикаций)². В пересчете на душу населения лидерство этих стран в мире теряется. Первое место занимает Сингапур. При этом крупнейшие экономики Европы, Британия и Германия, сохраняют достаточно высокие показатели по сравнению с другими странами, в том числе с Китаем.

В топ-10 институтов с публикациями в области ИИ входят 6 организаций США и 4 из Китая. В КНР наблюдается более высокая концентрация таких публикаций. В частности, 4 организации с большим количеством публикаций обеспечивают 12,8% таких объемов, в то время как в США шесть ключевых организаций обеспечивают 8,7%. Это говорит о более широком и диверсифицированном вовлечении в изучение вопросов искусственного интеллекта в США по сравнению с Китаем. При этом лидером с большим отрывом в КНР является Китайская академия наук. Институты европейских стран в рассматриваемом списке не представлены.

¹ UN (2019) Data economy: radical transformation or dystopia. URL: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/publication/FTQ_1_Jan_2019.pdf (дата обращения: 27.03.2022)

² OECD.AI (2022) AI publication time series by country. URL: <https://oecd.ai/en/data?selectedArea=ai-research&selectedVisualization=ai-publication-time-series-by-country> (дата обращения: 20.03.2022)

Абсолютный лидер в части количества патентов в области ИИ – США (8, 8 тыс. выданных в 2021 г. патентов в области ИИ)¹. Лидерами в количестве патентов в области ИИ на душу населения являются Республика Корея, а также США, за которыми следуют Япония и крупнейшие страны Европы. Таким образом, научная составляющая является важным элементом развития инноваций в области ИИ.

Для оценки уровня развития образования в области ИИ важно определить топ-университеты с точки зрения их программ, связанных с ИИ, а также исследованиями в этой области. Однозначно можно сделать вывод, что большая часть программ сконцентрирована в США. Также среди лидеров можно выделить китайские университеты. Наибольшее количество программ в области искусственного интеллекта находится в США, далее с большим отрывом следует Китай. Среди лидеров, хотя и со значительным отрывом, в списке топ-10 университетов также представлены крупнейшие экономики Европы, Британия и Германия.

Выводы

Анализ и обобщение полученных результатов позволяют классифицировать все рассмотренные страны в зависимости от достигнутого уровня и их потенциала в области развития ИИ. Абсолютным лидером являются США, Это и главный экспортер зарубежных инвестиций данного типа, и главная принимающая страна такого типа инвестиций. США лидируют в научной и образовательной сферах в области ИИ, что подтверждается относительными показателями публикаций, полученных патентов и университетов с программами в этой области. Китай является вторым игроком в мире в этой области. Несмотря на отставание от США по ряду параметров, в частности, по показателям высоких темпов прироста венчурных инвестиций, активности в научной и образовательной сфере, КНР является главным претендентом на лидерство в области ИИ в будущем.

Есть также ряд стран, которые обладают устойчивыми позициями в области ИИ и которых также можно отнести к категории лидеров. Их лидерские позиции базируются на темпах венчурного инвестирования в ИИ выше мировых, несмотря на незначительные объемы такого финансирования, а также развитой венчурной экосистеме, которая в будущем будет стимулировать создание инноваций в области ИИ. К этой категории стран относятся Британия и Германия.

Отдельно выделена группа стран, которые имеют значительный потенциал для развития в области ИИ. К ним относятся Республика Корея, Израиль и Сингапур. Несмотря на то что они значительно менее заметны с точки зрения масштабов венчурного инвестирования в данную сферу на фоне США и Китая, уровень венчурных инвестиций в экономике данных стран превышает общемировые значения (Израиль и Сингапур). Они имеют высокие показатели патентов (Республика Корея) и публи-

¹ OECD.AI (2022) AI publication time series by country. URL: <https://oecd.ai/en/data?selectedArea=ai-research&selectedVisualization=ai-publication-time-series-by-country> (дата обращения: 15.03.2022)

каций (Сингапур) в области ИИ на душу населения и характеризуются хорошо развитой венчурной экосистемой и общим уровнем цифровизации (Израиль). Это страны, которые наиболее эффективно используют все инвестиции, сделанные в ИИ.

Также можно выделить страны, нуждающиеся в более активных действиях в области венчурного инвестирования в сфере ИИ, к которым относятся Япония, Франция и Канада. С одной стороны, благодаря весу своих экономик, они также видимы в части таких инвестиций в мире. При этом не выделяются ни из одного из рассмотренных параметров, хотя имеют значительный потенциал к лидерству. Индия и Бразилия только заявляют о себе в этой сфере.

Таким образом, искусственный интеллект становится стратегически важным направлением для цифровизации мировой экономики. Топ-12 стран обеспечивают более 90% мировых венчурных инвестиций в данной области. В этой группе стран легко можно выделить явных лидеров, догоняющих, страны с большим потенциалом, наиболее эффективно использующих ресурсы, инвестированные в ИИ, а также тех, кто в разной степени использует свой потенциал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Давыденко Е.Л., Ботеновская Е.С. (2015) *Европейские страны с малой экономикой. Особенности внешней торговли и инновационного развития*. БГУ, Минск. 276 с.

Давыденко Е.Л. (2019) *Страны с малой экономикой в условиях интеллектуализации, дигитализации и экологизации*. Под ред. Е.Л. Давыденко. ИВЦ Минфина, Минск. 346 с.

Иванова Н.И. (2016) Инновационная политика. Теория и практика. *Мировая экономика и международные отношения*, № 1. Т. 60. С. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-1-5-16>

Климович А.П. (2021) Риски концентрации власти в эпоху искусственного интеллекта: между следящим капитализмом и цифровым Левиафаном. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 1. С. 154–170. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1784>.

Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике (2009) Под ред. С.Ю. Глазьева, В.В. Харитонов. Тривант, Москва. 304 с.

Пройдаков Э.М. (2018) *Современное состояние искусственного интеллекта*. Научно-исследовательские исследования. Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва. С. 129–153.

Резаев А.В., Трегубова Н.Д. (2021) Сайты компаний-разработчиков как источник данных об искусственном интеллекте. Сравнительный анализ Google, Yandex и Baidu. *Социологический журнал*, № 4. Т. 27. С. 118–145. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.4.8648>

Смирнов Е.Н., Лукьянов С.А. (2019) Формирование и развитие глобального рынка систем искусственного интеллекта. *Экономика региона*, № 1. Т. 15. С. 57–69. DOI: <https://doi.org/10.17059/2019-1-5>.

Шумпетер Й. (2008) *Теория экономического развития*. Эксмо, Москва. 861 с.

Etzkowitz Н. (2008) *The triple helix: university–industry–government innovation in action*. New York and London: Routledge. 176 p.

Hidemichi F., Shunsuke M. (2017) Trends and priority shifts in artificial intelligence technology invention: a global patent analysis. Research Institute of Economy, Trade and Industry. Discussion Paper, pp. 1–38.

Innovations in Artificial Intelligence in the Context of Digitalization of World Economy

K.V. Staliarova*

*Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor
Chair of International Economic Relations, Belarusian State University
20, Leningradskaya Street, Minsk, Republic of Belarus, 220030.*

***E-mail:** e.staliarova@bsu.by

Abstract. The article explores the experience of different countries in development of innovations in the area of artificial intelligence as one of the strategic directions of digitalization of world economy. It examines the countries with leading position in venture investment in artificial intelligence, including volumes, growth rates and share in GDP. The author provides an analysis of the level of scientific achievements and development of the education in the area of artificial intelligence as a factor of innovation. Additionally, the article assesses overall level of digitalization, as well as the development of venture ecosystem in such countries as elements, that contribute to the innovations in the area of artificial intelligence. The research allows to compare a selected group of countries based on a set of criteria and classify them depending on the level of their involvement and potential in the area of artificial intelligence. The USA and China have a leading role in the area of artificial intelligence. Also, there is a group of other countries, including those with small open economy, that have potential in this area. The author concludes the research with an analysis of key directions of venture investment in artificial intelligence in leading countries and their specificity.

Key words: artificial intelligence; world economy; digitalization.

DOI: 10.31857/S0201708322040052

EDN: gjjrqq

REFERENCES

Davydenko E.L., Botenovskaya E.S. (2015) *Evropeiskie strany s maloi ekonomikoi. Osobennosti vneshnei torgovli i innovazionnogo razvitiya [European countries with small economy. Specificity of external trade and innovative development]*. BGU, Minsk. 276 p. (in Russian).

Davydenko E.L. (2019) *Strany s maloi ekonomikoi v usloviyah intellektualizatsii, digitalizatsii i ekologizatsii [Countries with small economy in the context of intellectualization, digitalization and ecologization]*. Pod red. E.L. Davydenko. IVZ Minfina, Minsk. 346 p. (in Russian).

Ivanova N.I. (2016). Innovazionnaya politika. Teoriya i praktika [Innovation policy. Theory and practice]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, No 1. Vol. 60, pp. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-1-5-16> (in Russian).

Klimovich A.P. (2021) Riski koncentrazii vlasti v epohu iskusstvennogo intellekta: mezhdru sledyashchim kapitalizmom i zifrovim Leviafanom [Risks of power concentration in the age of artificial intelligence: between watching capitalism and digital Levafan]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sozialnie peremny*, No 1, pp. 154–170. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1784>. (in Russian).

Nanotehnologii kak klyuchevoi factor novogo tehnologicheskogo uklada v ekonomike [Nanotechnologies as a key factor of new technological paradigm in the economy] (2009) Pod red. S.Y. Glaz'evf, V.V. Haritonova. Trovant, Moscow. 304 p. (in Russian).

Proidakov E.M. (2018) *Sovremennoe sostoyanie iskusstvennogo intellekta [Contemporary state of the artificial intelligence]*. Naukovedcheskie issledovaniya. Institut nauchnoi informazii po obschestvennim naukam RAN, Moscow, pp. 129–153. (in Russian).

Rezaev A.V., Tregubova N.D. (2021) Saity kompanii-razrabotchikov kak istochnik dannyh ob iskusstvennom intellekte. Sravnitel'nii analiz Google, Yandex i Baidu [Websites of development companies as a source of data about artificial intelligence. Comparative analysis of Google, Yandex and Baidu]. *Soziologicheskii zhurnal*, No 4. Vol. 27, pp. 118–145. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.4.8648> (in Russian).

Smirnov E.N., Luk'yanov S.A. (2019) Formirovanie i razvitie globalnogo rynka system iskusstvennogo intellekta [Formation and development of the market of the systems of artificial intelligence]. *Ekonomika regiona*, No 1. Vol. 15, pp. 57–69. <https://doi.org/10.17059/2019-1-5>. (in Russian).

Shumpeter J. (2008) *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya [Theory of economic development]*. Eksmo, Moscow. 861 p. (in Russian).

Etzkowitz H. (2008) *The triple helix: university–industry–government innovation in action*. New York and London: Routledge. 176 p.

Hidemichi F., Shunsuke M. (2017) Trends and priority shifts in artificial intelligence technology invention: a global patent analysis. Research Institute of Economy, Trade and Industry. Discussion Paper, pp. 1–38.

УДК 338.242,339.924

РОЛЬ БИЗНЕСА В РАЗВИТИИ СТАНДАРТИЗАЦИИ ЕС И ЕАЭС В РАМКАХ ЕДИНОГО РЫНКА

© 2022 РАТУШНЯК Елена Сергеевна*

Кандидат экономических наук

МГИМО МИД России, 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

*ORCID 0000-0002-6121-4040 *E-mail: helenarat88@gmail.com*

Поступила в редакцию 11.03.2022

После доработки 08.04.2022

Принята к публикации 16.05.2022

Аннотация. Активное участие бизнеса в развитии стандартизации является одним из факторов развития единого рынка, нацеленного на обеспечение максимально безбарьерной деловой среды. Стандартизация выступает одним из ключевых направлений развития единого рынка с точки зрения минимизации технических барьеров. В статье проанализированы бизнес-модели национальных органов по стандартизации стран-представителей ЕС и ЕАЭС для выявления текущих возможностей, предоставляемых бизнесу. Сравнительный анализ бизнес-моделей проведен на основе восьми элементов оценки степени участия бизнеса в стандартизации и структуре финансирования. Выявлено, что в рамках национальных систем стандартизации стран ЕАЭС бизнес представлен слабо, частные инвестиции в развитии стандартизации являются минимальными во всех трех рассмотренных странах. В ЕАЭС стандартизация в большей степени ориентирована на внутренний рынок с акцентом на обслуживание потребностей государства, движущая сила бизнеса в стандартизации слабо выражена. В то же время работы по стандартизации в Германии на основе текущей бизнес-модели ориентированы на организационный и функциональный аспекты рынка, что позволило к текущему моменту сформировать рыночный механизм ее регулирования и обеспечить эффективность.

Ключевые слова: ЕАЭС, ЕС, единый рынок, интеграция, национальная система стандартизации, развитие бизнеса, регулирование рынка, стандарты.

DOI: 10.31857/S0201708322040064

EDN: gjlgcx

Формирование единого рынка определяет необходимость выработки соответствующих механизмов, принципов и методов регулирования для обеспечения интересов всех его участников. Базовыми установками являются безопасность и качество выпускаемых в свободное обращение на рынок отечественных и зарубежных

товаров. Именно поэтому стандартизация является одним из современных инструментов регулирования. Задачами эффективности единого рынка являются максимальная ориентация на потребности рынка критериев качества и обеспечение безбарьерной деловой среды, когда отсутствуют физические и технические препятствия в свободном перемещении товаров, работ, услуг, капитала. Так, в ЕС акцент делается на интенсификацию разработки европейских стандартов с учетом разнообразия всех национальных интересов, в ЕАЭС – на обеспечение качества и устойчивости экономического роста¹, в том числе через сокращение барьеров (на начало 2022 г. общее число – 52)².

Гипотеза исследования состоит в том, что организационно-функциональная динамичность стандартизации и максимальная ориентация на рынок определяется развитием бизнес-модели органа по стандартизации, в рамках которой обеспечивается надлежащая обратная связь с рынком. Цель статьи – анализ текущей бизнес-модели национального органа по стандартизации в Германии и трех наиболее крупных странах ЕАЭС для выявления элементов, способствующих ориентации стандартов на рынок в условиях подвижной рыночной среды, и оценки степени такой ориентации. Исследовательские вопросы:

- 1) Какие характерные элементы составляют бизнес-модель органа по стандартизации в условиях рынка?
- 2) Какие элементы бизнес-модели органа по стандартизации обеспечивают механизм обратной связи с рынком в ЕС и ЕАЭС на примере Германии и трех наиболее крупных стран ЕАЭС?
- 3) Какими показателями характеризуется степень ориентации стандартов на рынок анализируемых стран?

Опорное понятие для анализа — «бизнес-модель органа по стандартизации», под которой подразумеваются принципы, миссия и форма организации взаимодействия с заинтересованными сторонами. Она определяет возможность ориентации стандартов на рынок, с одной стороны, а с другой – способствует ее организационно-функциональной динамичности. Организационно-функциональная динамичность стандартизации означает возможность отойти от статичной модели и обеспечить гибкость, изменчивость, реактивность работ по стандартизации в условиях различных факторов рынка на основе определенной взаимосвязи заинтересованных сторон и реализации соответствующих видов деятельности, что проявляется в создании релевантных международному рынку стандартов.

Теоретическая основа исследования

В научной литературе стандартизация раскрывается либо с позиции ее технической значимости, либо в контексте определенной отрасли с точки зрения ее органи-

¹ Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года. Евразийская экономическая комиссия, 2015. URL: <https://eurasianeconomic.org/pdf/analiz02.pdf> (дата обращения: 04.03.2022)

² Портал общих информационных ресурсов и открытых данных: функционирование внутренних рынков. Реестр препятствий. URL: eaeunion.org (дата обращения: 04.03.2022)

зационно-функциональной структуры, либо через влияние на торговлю. Стандарты рассматриваются как инструменты обеспечения требований безопасности, а роль стандартизации в этом контексте определяется вопросами защиты потребителя и экологии [Аронов, Рыбакова, Саламатов, 2017: 97; Аронов, Рыбакова, Саламатов, Максимова, 2019: 12–18; Корешков, 2016; Румянцев, 2016].

Специалисты предлагают проактивную модель стандартизации и определяют ее значение для развития инноваций в области устойчивого развития в контексте Индустрии 4.0, а также для взаимосвязи стандартизации технологий и технологического развития [Белобрагин, 2019; Леонидов, Аронов, Рыбакова, 2022; Туровец, Вишневский, 2019; Шалаев, 2022; Blind, 2013; Jianga, Zhaoa, Zhangb, Xu, 2018].

Методологические основы, научная база, социальная роль, а также генезис российской национальной системы широко раскрыты в трудах российских ученых и практиков [Зажигалкин, 2017: 89]. Отдельно проанализирована отраслевая роль стандартов в условиях, когда увеличилась востребованность в производстве, в частности медицинских изделий и лекарственных средств [Шалаев, 2021].

Отраслевые аспекты стандартизации также находятся в центре внимания ученых [Петровский, 2016: 18–23; Geerten van de Kaaa, Greeven, 2017: 863–870; Daniel, 2019: 1282–1296; Freimuth, Oelmann, Amann, 2018: 375–389]. Концепция бизнес-модели выступает предметом современных исследований [Горевая, 2016; IETM, 2016; Gould S. at Al., 2013; Matricano, 2020; Osterwalder, Pigneur, Tucci, 2005; Parsons, 2022; Roy, 2021].

Экономические преимущества стандартизации широко раскрыты в работах, выполненных на базе немецких стандартов *DIN* [The Economic Benefits, 2011; Wakke, Blind, Ramel, 2016; Shape the Future, 2017]. В настоящий момент актуальны исследования, посвященные «содержательной части» стандартизации, включая место отдельных субъектов в ее развитии.

Методология

На первом этапе были отобраны страны ЕС и ЕАЭС по следующим критериям:

1) история развития национальной организации, что определяет накопленный опыт в стандартизации;

2) наличие статуса полноправного члена *ISO*, что открывает возможность влиять на содержание международных стандартов через участие в международных заседаниях и голосование на основе консенсуса. Все это способствует «обмену»: страна представляет национальные интересы в международных процессах, а принятие международного стандарта в качестве национального расширяет информационную и экспертную составляющую;

3) количество технических комитетов, в которых представлена страна, что позволяет определить масштаб участия в международной стандартизации как организационные экспертные группы, непосредственно осуществляющие разработку документов.

В *ISO* все страны ЕС имеют статус полноправного члена, но Германия – одна из наиболее влиятельных, участвует в 742 технических комитетах, уступая лишь Французской ассоциации по стандартизации *AFNOR*, созданной в 1926 г. Нацио-

нальные стандарты ФРГ легли в основу первых международных стандартов. Немецкая национальная организация создана в 1917 г. Из стран ЕАЭС только Киргизия не имеет статус полноправного члена в ISO, а представлена как член-корреспондент и наблюдает за разработкой стандартов через результаты голосования. Россия, Казахстан и Беларусь участвуют в наибольшем числе технических комитетов ISO: 694, 139 и 171, соответственно. Поскольку единый рынок ЕАЭС является более молодым в сравнении с европейским, то в работе для анализа выбраны три страны. ЕС представлен страной, пример которой позволяет показать общий подход к национальной стандартизации. На втором этапе выделены элементы бизнес-модели органа по стандартизации, на основе которых проводилось сравнение:

- 1) организационно-правовая форма (природа) органа по стандартизации, определяющая методы и формы работ;
- 2) миссия органа по стандартизации;
- 3) общепризнанные в международной практике принципы стандартизации: консенсус, вовлечение всех заинтересованных сторон, баланс интересов, прозрачность и открытость работ, определяющие ход практических работ;
- 4) процесс разработки стандартов;
- 5) связь системы стандартизации с глобальной экономикой и с национальным законодательством;
- 6) возможности для участия бизнеса в формировании Программы развития стандартизации;
- 7) финансирование разработки стандартов, текущей деятельности органа по стандартизации и текущей деятельности технических комитетов как организационно-экспертных подразделений;
- 8) движущая сила стандартизации как материальная заинтересованность сторон в рамках установленных договоренностей в работах.

В качестве эталона для сравнения выступил *DIN* ввиду эффективности национальной стандартизации как составляющего типичного элемента всей региональной системы. На третьем этапе выделены сходства и отличия между европейским и евразийским подходами, а также элементы, которые в наибольшей степени ориентируют стандарты на рынок, что раскрывает дополнительные возможности для участия субъектов рынка, в частности, бизнеса. На четвертом этапе оценена степень участия бизнеса в работах по стандартизации, которая определяется его ролью и связана с уровнем интереса, отражает ориентацию работ на текущие потребности рынка, свидетельствует об их гибкости и релевантности, на основе двух показателей (количественного и качественного) – объем финансирования процесса разработки стандарта из частных источников и возможности для участия бизнеса в работах по стандартизации.

Формализация бизнес-модели национальных органов по стандартизации

Практика работ по стандартизации на базе бизнес-модели *DIN* как представителя европейской системы стандартизации осуществляется в форме частной некоммерческой ассоциации на принципах государственно-частного партнерства. Само-

регулирование определяет ориентацию немецкой стандартизации на потребности рынка, ведущую роль заинтересованных сторон в развитии работ, а также высокий уровень востребованности на международном рынке принимаемых документов на основе консенсусного и инклюзивного подходов.

Организационно-правовая форма *DIN* позволяет четко разграничить функции между непосредственно разработчиками стандартов и самой национальной организацией. Разработчики – это эксперты из различных областей, опыт которых *DIN* «объединяет» организационно на базе технических комитетов и координирует работы. При этом стандарт принимается лишь на основе отсутствия принципиальных возражений у экспертов (консенсуса), информация о процессе разработке публикуется, все комментарии и замечания учитываются до принятия стандарта, государство никак не определяет программу разработки стандартов и возможность принятия либо отклонения документа – является лишь представителем одной из заинтересованных сторон. Помимо финансирования работ по стандартизации, участия в разработке стандартов, представления страны в международных и региональных процессах, государство может осуществлять активную пропаганду стандартизации в обществе и реализовывать ее рекламу при необходимости. Таким образом, создание инструментов реализации требований законодательства, возложенных на стандартизацию через ссылки в правовых актах, переданы частному сектору и не требуют вмешательства государства в детальную проработку, что ориентирует результаты на потребности рынка и одновременно реализует механизм постоянного учета разнообразия интереса.

Бизнес-модели органов по стандартизации России, Казахстана и Беларуси свидетельствуют о том, что национальные процессы трансформируются и переориентируются на рынок. Государственные учреждения регулируют национальные процессы стандартизации, что определяет их влияние и доминирование. Описание соответствующих элементов бизнес-модели национального органа по стандартизации стран-представителей ЕС и ЕАЭС приведены в таблице 1.

Формирование механизма обратной связи с рынком в рамках текущей бизнес-модели национальных органов

Связь с рынком в европейской стандартизации является ядром ее развития и осуществляется на основе саморегулирования, это позволяет определить бизнес-модель *DIN* как рыночную как с точки зрения организационно-правовых основ, миссии, принципов функционирования и взаимодействия с внешними контрагентами, так и в контексте учета и обеспечения интересов стейкхолдеров в рамках системы менеджмента ISO серии 9000. Элементы бизнес-модели *DIN* (табл. 1) организованы с непосредственным участием бизнеса как равноправного и независимого участника работ по стандартизации, степень гармонизации национальных документов с международными находится на уровне 85%.

Таблица 1

**Элементы бизнес-модели национального органа по стандартизации
Германии, России, Казахстана и Беларуси**

Критерий	Страна	DIN	Россия	Казахстан	Беларусь
Природа национального органа стандартизации		<i>German Institute for Standardization, DIN</i> – частная саморегулируемая организация. Имеет статус национального органа по стандартизации Германии на основании Соглашения о стандартах между Правительством Германии и DIN 1975 г.	Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) – государственный орган, находится в ведении Министерства промышленности и торговли Российской Федерации.	Республиканское государственное предприятие «Казахстанский институт стандартизации и сертификации (РГП «КазИнСт»)» является государственным юридическим лицом, находится в ведении Комитета технического регулирования и метрологии Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан.	Научно-производственное республиканское унитарное предприятие «Белорусский государственный институт стандартизации и сертификации» (БелГИСС) – государственное научно-практическое предприятие, находится в ведении Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь (Госстандарта).
Миссия национального органа по стандартизации		«Стандартизация в Германии способствует бизнесу и обществу укреплять, развивать и открывать региональные и глобальные рынки». Стратегическое видение: «Определять будущее с помощью стандартизации».	Официально миссия не сформулирована. Согласно федеральному Закону «О стандартизации в Российской Федерации» от 29.06.2015 № 162-ФЗ цели стандартизации: 1) содействие социально-экономическому развитию России; 2) содействие интеграции России в международные системы стандартизации как равноправного партнера; 3) улучшение качества жизни населения; 4) обеспечение обороны и безопасности страны; 5) техническое перевооружение промышленности;	Официально миссия не сформулирована. Согласно Закону Республики Казахстан «О стандартизации» от 05.10.2018 № 183-VI ЗРК цели стандартизации: 1) аналогично целям РФ (пп. 2, 4, 6); 2) экономия ресурсов; 3) предупреждение действий, вводящих в заблуждение потребителей; 4) эффективное внедрение инноваций и развития высокотехнологичных производств, содей-	Миссия БелГИСС заключается в генерации и распространении новых знаний в целях оказания помощи бизнесу, обществу и государству в области безопасности, эффективности через: - устранение технических барьеров; - укрепление конкурентоспособности продукции; - защита интересов потребителей; - развитие инноваций.

Страна Критерий	DIN	Россия	Казахстан	Беларусь
		6) повышение качества продукции, работ, услуг и повышение конкурентоспособности отечественной продукции.	ствие трансферу технологий и наилучших лабораторных практик; 5) развитие безопасности и качества.	
Принципы стандартизации	1) широкое вовлечение всех стейкхолдеров; 2) выполнение требований директив (безопасности); 3) добровольность применения стандартов; 4) развитие международного сотрудничества через гармонизацию документов.	1) добровольность применения стандартов; 2) обязательность применения стандартов в отношении законодательно установленных объектов; 3) обеспечение комплексности и системности стандартизации; 4) обеспечение соответствия общих характеристик, правил и общих принципов стандартов современному уровню научно-технического развития, передовому зарубежному опыту; 5) открытость разработки стандартов, обеспечение участия всех заинтересованных лиц на основе консенсуса; 6) установление в стандартах требований, обеспечивающих возможность контроля за их выполнением; 7) унификация разработки и применения документов по стандартизации; 8) соответствие документов по стандартизации действующим техническим регламентам; 9) непротиворечивость национальных стандартов; 10) доступность информации о документах по стандартизации.	1) совпадает с пунктами 1, 3-5 и 10 принципов, установленных в России; 2) единая терминологическая основа объектов стандартизации.	1) совпадает с пунктами 1-2, 4-5, 8 и 10 принципов, установленных в России; 2) приоритет международных, региональных документов по стандартизации.

Критерий	Страна	DIN	Россия	Казахстан	Беларусь
Процесс стандартизации		Инициатор разработки нового документа по стандартизации – любой заинтересованный субъект (государство, бизнес или общественность). Прозрачность, инклюзивный подход, консенсус – базовые составляющие работ по стандартизации. Пересмотр стандартов осуществляется хотя бы один раз в пять лет для поддержания их актуальности для рынка.	Ни одно действие не может быть инициировано лишь по запросу частного лица, минуя согласование с государством.		
Связь системы стандартизации с глобальной экономикой и связь с законодательством		Результаты стандартизации поддерживают региональное и международное сотрудничество в большей степени.	Уклон в сторону национальной ориентации. Результаты стандартизации поддерживают национальное законодательство, региональное (межгосударственное, евроазиатское) в меньшей степени.		
Возможности для участия бизнеса в формировании Программы развития стандартизации		Стандарты разрабатываются тогда, когда возникает в них потребность.	Есть, но необходимо согласование с государством. Независимость отсутствует.		
Финансирование стандартизации		Более 60% – доходы от деятельности организации, лишь около 9% – поступления от государства.	Финансируется из бюджета и частными лицами.		
Движущая сила стандартизации		Бизнес	Государство		

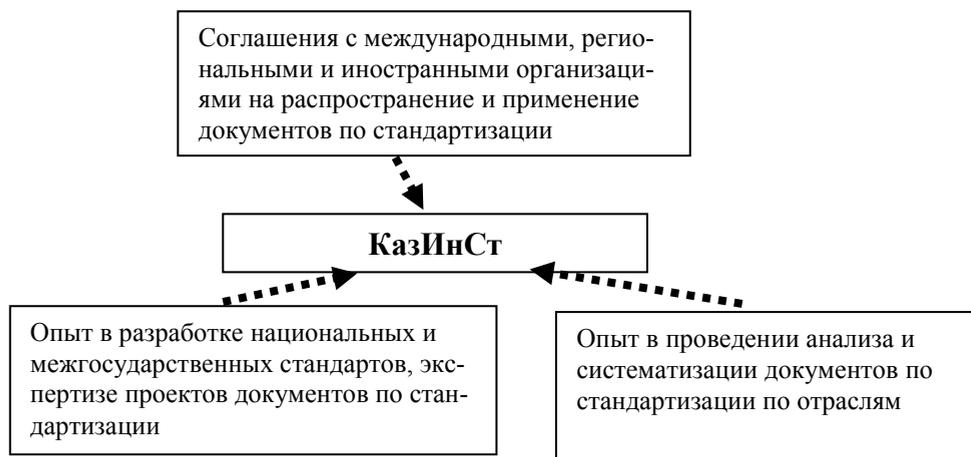
Источник: составлено автором по официальным данным национальных органов по стандартизации Германии, России, Казахстана и Беларуси.

Бизнес-модель национального органа по стандартизации в странах-представителей ЕАЭС схожа для всех трех стран и может быть определена как модель смешанного типа, где присутствуют элементы рыночного и государственного типов, что закладывает *функциональные* возможности для расширения участия бизнеса. Принципы функционирования органа в меньшей степени способствуют вовлечению представителей деловых кругов в развитие стандартизации в части инициации разра-

ботки нового документа. При этом можно выделить Казахстан, где предъявляются такие требования к органу по стандартизации, которые приближают к рынку (рис. 1).

Рис. 1

Требования, которым должен удовлетворять Национальный орган по стандартизации в Республике Казахстан

Источник: составлено автором на основе Закона Республики Казахстан «О стандартизации» от 05.10.2018 № 183-VI ЗРК.

Существует тесная связь между принципами консенсуса и баланса интересов, проявляющаяся в необходимости компромисса между запросами потребителя и текущими возможностями производителя, что позволяет повысить уровень качества продукции с одновременным сохранением ее рыночной конкурентоспособности.

Принцип консенсуса предусмотрен только в России и Казахстане, в Беларуси стандарт принимается большинством голосов (50%). Прозрачность и открытость заложены в концепцию развития стандартизации анализируемых стран ЕАЭС. Уровень гармонизации национальных стандартов с международными, свидетельствующий о функции национального органа как представителя страны в процессах по стандартизации в мире, для стран евразийского региона составил на 2019 г.: Россия – 50%, Казахстан – 73%, Беларусь – около 80%.

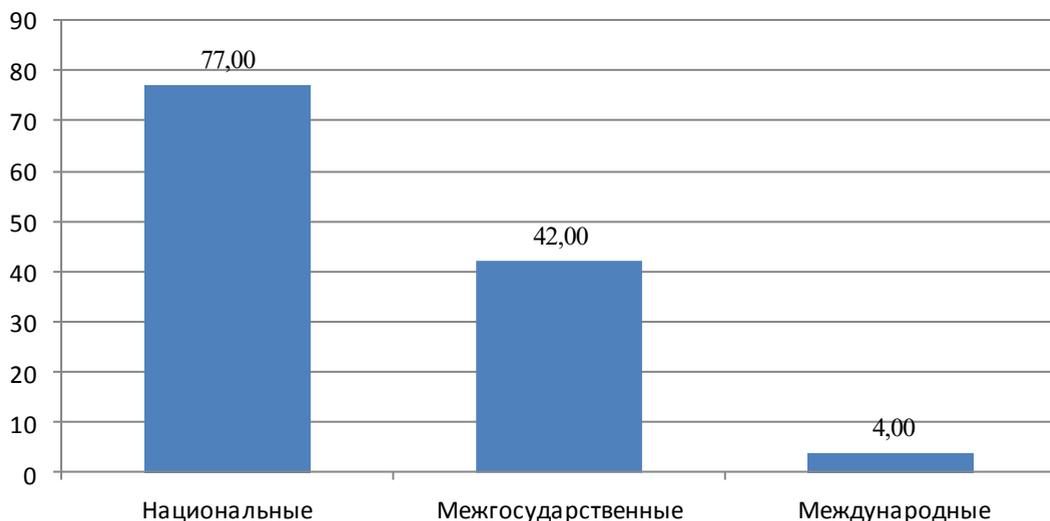
Количественные показатели степени участия бизнеса в стандартизации на базе бизнес-модели национального органа в Германии, России, Казахстане и Беларуси

Структура финансирования деятельности *DIN*, по официальным данным портала на 2022 г., следующая: собственные доходы ассоциации – 62%; финансирование из частных источников – 18,5%; доходы от членских взносов – 9,9%, государствен-

ное финансирование – 9,6%, работы ориентированы на региональный и международный рынок. Инвестиции бизнеса в стандартизацию в ЕАЭС минимальные, что ограничивает стимулирующий характер стандартизации в контексте инноваций и низкую ориентацию на рынок. Доля стандартов, разрабатываемых по инициативе и за счет средств бизнеса, в России составила в 2018 г. 36,5%. При этом бизнес-сообщество участвует в стандартизации в двух направлениях: субсидирование части затрат на разработку стандартов из федерального бюджета и полное финансирование процесса разработки документов. В 2018 г. в России более 70% национальных документов по стандартизации были профинансированы за счет бюджетных средств, в то время как на долю международных приходится всего 4% (рис. 2).

Рис. 2

Доля финансирования за счет бюджетных средств документов по стандартизации в России в 2018 г., %

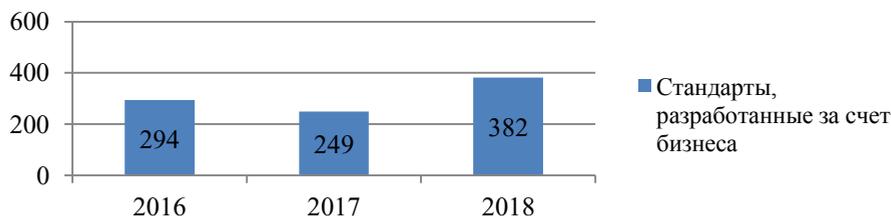

Источник: составлено автором по официальным данным Росстандарта.

Одновременно в России наблюдается положительная тенденция в области расширения числа стандартов, профинансированных организациями (рис. 3).

Разработка национальных стандартов Казахстана осуществляется исключительно за счет средств республиканского бюджета. Инвестиции бизнеса не предусмотрены, он участвует на этапе инициирования разработки документа и публичного обсуждения проекта. В Беларуси 60% объема финансирования – средства республиканского бюджета, 20% – организаций-разработчиков, инновационных фондов, концернов. Таким образом, в евразийских странах ввиду специфики бизнес-модели национального органа на текущий момент стандартизация в большей степени ориентирована на внутренний рынок с акцентом на интересы государства, а не всех заинтересованных сторон, в том числе представителей бизнес-кругов.

Рис. 3

Число стандартов в России, профинансированных из частных источников за период 2016-2018 гг.

Источник: составлено автором по официальным данным Росстандарта.

Заключение

Формирование единого рынка направлено на обеспечение равных условий для всех его субъектов, в том числе за счет сокращения технических барьеров. Вместе с тем они будут так или иначе существовать всегда и выступать основным инструментом экономической политики для обеспечения национального суверенитета внутри интеграционного объединения в виде различных критериев качества по отношению к одному и тому же объекту.

Одним из методов гибкого регулирования является максимальное вовлечение субъектов рынка в процесс разработки критериев качества. Так обеспечивается постоянный учет динамичных факторов деловой среды в развитии стандартизации. Организационно-функциональная динамика стандартизации и ее рыночное соответствие реализуются на основе бизнес-модели национального органа, в рамках которой выстраивается взаимосвязь со стейкхолдерами.

Бизнес-модель *DIN* является рыночной, реализует функциональные возможности участия бизнеса. Принцип саморегулирования определяет тесную связь деятельности по стандартизации с рынком, где направляющей силой является бизнес. Бизнес-модели национальных органов по стандартизации России, Казахстана и Беларуси характеризуются чертами государственной направленности с частичной ориентацией на рынок, что способствует расширению возможностей для деловых кругов. Происходит процесс трансформации подхода к стандартизации – переход от спецификационной к функциональной модели стандартов.

На текущем этапе частный сектор слабо вовлечен в развитие стандартизации ЕАЭС из-за низкой привлекательности текущей бизнес-модели, сфокусированной в большей степени на регулятивных функциях. Вместе с тем исследование ограничено недостаточной информационной базой статистических данных по стандартизации в странах ЕАЭС – последний доступный отчет по российской системе на текущий момент датирован 2018 г. Перспективным направлением дальнейших исследований может выступить анализ влияния текущих внешних факторов рынков – санкционной политики в отношении России, последствий пандемии COVID-19, изменения и переориентации торговых приоритетов стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аронов И.З., Рыбакова А.М., Саламатов В.Ю. (2017) *Техническое регулирование ЕАЭС. Доступ на рынок*. Изд-во Исследовательского центра «Международная торговля и интеграция» (ИТИ), Москва. 97 с.
- Аронов И.З., Рыбакова А.М., Саламатов В.Ю., Максимова О.В. (2019) Мифы технического регулирования в сфере международной торговли. *Стандарты и качество*. № 1. С. 12–18.
- Белобрагин В.Я., Зажигалкин А.В., Зворыкина Т.И. (2019) *Техническое регулирование на рубеже индустрии 4.0.*: монография. Изд-во «Научный консультант», Москва. 100 с.
- Горевая Е.С. (2016) Управление бизнес-моделью: становление концепции и современные бизнес-тренды. *Российское предпринимательство*. Т. 6. № 16. С. 1925–1944. DOI: 10.18334/гр.17.16.36482
- Зажигалкин А.В. (2017) *Стандартизация: методология и практика: монография*. РИА «Стандарты и качество», Москва. 89 с.
- Корешков В. (2016) Единая система технического регулирования в ЕАЭС – путь к интеграции. *Стандарты и качество*. URL: <https://ria-stk.ru/stq/adetail.php?ID=101979> (дата обращения: 14.09.2021)
- Леонидов К., Аронов И., Рыбакова А. (2022) Обзор патентной политики национальных органов по стандартизации. *Стандарты и качество*. URL: <https://ria-stk.ru/stq/adetail.php?ID=209836> (дата обращения: 14.09.2021)
- Петровский М.А. (2016) Техническое регулирование и региональная стандартизация в газовой отрасли в Евразийском экономическом союзе. *Научно-технический вестник ОАО «НК «Роснефть»*. № 4. С. 18–23.
- Румянцев В. (2021) Техническое регулирование в рамках ЕАЭС как инструмент развития внешней торговли Беларуси. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/tehnickoe-regulirovanie-v-ramkah-eaes-kak-instrument-razvitiya-vneshney-torgovli-belarusi> (дата обращения: 10.09.2021)
- Туровец Ю.В., Вишневецкий К.О. (2019) Стандартизация цифрового производства: возможности для России и ЕАЭС. *Бизнес-информатика. Информационные системы и технологии в бизнесе*. Т. 13. № 3. С. 78–96. DOI: 10.17323/1998-0663.2019.3.78.96
- Шалаев А.П. (2021) О стандартизации как инструменте противостояния внешним угрозам. *Российский институт стандартизации*. URL: <https://www.gostinfo.ru/InformationOfStandardization/Details/2323> (дата обращения: 14.09.2021)
- Шалаев А.П. (2022) Стандарты для устойчивого развития. *Стандарты и качество*. URL: <https://ria-stk.ru/stq/adetail.php?ID=209823> (дата обращения: 14.09.2021)
- Blind K. (2013) The Impact of Standardization and Standards on Innovation. *Nesta Working Paper*. No. 13/15. P. 33.
- Daniel F. (2019) Normative market regulation by means of early standardization: A descriptive policy analysis for the biobased industry. *Journal of Cleaner Production*. V. 232. pp. 1282–1296. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.05.362>
- Freimuth C., Oelmann M., Amann E. (2018) Development and prospects of standardization in the German municipal wastewater sector. *Science of The Total Environment*. V. 635, pp. 375–389. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2018.03.347>
- Geerten van de Kaaa, Greeven M. (2017) LED standardization in China and South East Asia: Stakeholders, infrastructure and institutional regimes. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. Vol. 72, pp. 863–870. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2017.01.101>

Gould S., O'Sullivan M., Tilley C., Topazio N. (2013) Business Model Background Paper for <IR>. URL: <https://www.ifac.org/system/files/publications/files/Business-Model-IIRC.pdf> (дата обращения: 14.09.2021)

Matricano D. (2020) The business model. *Entrepreneurship Trajectories*. pp. 61–82. DOI:10.1016/b978-0-12-818650-3.00003-9

Osterwalder A., Pigneur Y., Tucci Christopher L. (2005) Clarifying Business Models: Origins, Present, and Future of the Concept. *Commun. Assoc. Inf. Syst.* V. 16. p. 1. DOI:10.17705/1CAIS.01601

Parsons N. (2022) What Is a Business Model? URL: <https://articles.bplans.com/what-is-a-business-model-business-models-explained/> (дата обращения: 14.09.2021)

Roy M. (2021) Sustainable Development Strategies, Butterworth-Heinemann, Page iv, ISBN 9780128189207, <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-818920-7.00010-4>

Jianga H., Zhaoa S., Zhangb S., Xu X. (2018) The adaptive mechanism between technology standardization and technology development: An empirical study. *Technological Forecasting & Social Change*. V. 135. pp. 241–248. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.11.015>

Wakke P., Blind K., Ramel F. (2016) The Impact of Participation within Formal Standardization On Firm Performance. DOI 10.1007/s11123-016-0465-3. URL: <https://www.dke.de/resource/blob/2005642/4f6062705fba4fba471afa9a6dc55a3f/the-impact-of-participation-within-formal-standardization-on-firm-data.pdf> (дата обращения: 14.09.2021)

IETM to Sell or Not to Sell? An Introduction to Business Models (Innovation) for Arts and Cultural organisations. (2016) URL: https://www.ietm.org/system/files/publications/ietm_business-models_2016.pdf (дата обращения: 14.09.2021)

Shape the Future With Standardization. German Standardization Strategy. DIN. (2017) URL: <https://www.din.de/resource/blob/333260/ac5667b8524c331684222d7a2ac47ab4/german-standardization-strategy-data.pdf> (дата обращения: 14.09.2021)

The Economic Benefits of Standardization. DIN German Institute for Standardization. (2011) P. 24. URL: <https://www.din.de/resource/blob/89552/68849fab0eeeaafb56c5a3ffee9959c5/economic-benefits-of-standardization-en-data.pdf> (дата обращения: 14.09.2021)

The Role of Businesses in Standardization Within a Single Market: Cases of the EU and EAEU countries

© 2022 E.S. Ratushnyak*

Candidate of Sciences (Economics)

MGIMO University, Prospect Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454.

ORCID 0000-0002-6121-4040

** E-mail: helenarat88@gmail.com*

Abstract. An active standardization is one of the key effective single market development features. One of the problems of the single market development process is to ensure barrier-free internal market. Standardization efficiency depends on the degree of business involvement in the development process. The author analyses the national standards body model of EU and EAEU to identify current opportunities offered to business, as well as to determine the role of business representatives in the standardization development at the present stage. A standardization systems comparative analysis is carried out on the basis of eight characteristics. An assessment of the degree of business participation in national standardization is

based on indicator of the level of financing by private entities. As the results, it was determined that in the framework of the national standardization systems of the EAEU countries, business is poorly represented, private investment in the development of standardization is minimal. In Russia, Kazakhstan and Belarus standardization mainly is focused on the domestic market with an emphasis on serving the state needs. The driving force or motivation of the business to participate in standardization is poorly visible. However, the results of the analysis are preliminary, since the standardization systems of Russia, Belarus and Kazakhstan are in the process of transformation, in search for a model that meets international requirements, market conditions and at the same time reflects its national aspects. In the EU contemporary German business models have paved the way for the development internal market.

Key words: business development, EAEU, EU, market regulations, national standardization system, single market, standards, standards body, standardization in economic paradigm, integration.

DOI: 10.31857/S0201708322040064

EDN: gjlgcx

REFERENCES

Aronov I.Z., Rybakova A.M., Salamatov V.Yu. (2017) Tekhnicheskoe regulirovanie EAES. Dostup na rynek [EAEU Technical Regulation. Access to the market]. Izd-vo Issledovatel'skogo centra «Mezhdunarodnaya trgovlya i integraciya» (ITI), Moscow. 97 p.

Aronov I.Z., Rybakova A.M., Salamatov V.Yu., Maksimova O.V. (2019) Mify tekhnicheskogo regulirovaniya v sfere mezhdunarodnoj trgovli. *Standarty i kachestvo* [Myths of Technical Regulation in International Trade. *Standards and Quality*]. No 1, pp. 12–18.

Belobragin V.Ya., Zazhigalkin A.V., Zvorykina T.I. (2019) Tekhnicheskoe regulirovanie na rubezhe industrii 4.0.: monografiya [Technical Regulation At the turn of Industry 4.0: monograph]. Izd-vo «Nauchnyj konsul'tant», Moscow. 100 p.

Gorevaya E.S. (2016) Upravlenie biznes-model'yu: stanovlenie koncepcii i sovremennye biznes-trendy. *Rossijskoe predprinimatel'stvo* [Business Model Management: Concept Generation and Current Business Trends. *Russian Journal of Entrepreneurship*]. T. 6. No 16, pp. 1925–1944. DOI: 10.18334/rp.17.16.36482

Zazhigalkin A.V. (2017) Standartizaciya: metodologiya i praktika: monografiya [Standardization: Methodology and Practice: a monograph]. RIA «Standarty i kachestvo», Moscow. 89 p.

Koreshkov V. (2016) Edinaya sistema tekhnicheskogo regulirovaniya v EAES – put' k integracii. «*Standarty i kachestvo*» [Unified System of Technical Regulation in the EAEU – the Path to Integration. "*Standards and Quality*"]. URL: <https://ria-stk.ru/stq/adetail.php?ID=101979> (accessed: 14.09.2021)

Leonidov K., Aronov I., Rybakova A. (2022) Obzor patentnoj politiki nacional'nyh organov po standartizacii. *Standarty i kachestvo* [The Review of the National Standards Body Patent Policy. *Standards and Quality*]. URL: <https://ria-stk.ru/stq/adetail.php?ID=209836> (accessed: 14.09.2021)

Petrovskij M.A. (2016) Tekhnicheskoe regulirovanie i regional'naya standartizaciya v gazovoj otrasli v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze. *Nauchno-tekhnicheskij vestnik OAO «NK «Rosneft»* [Technical Regulation and Regional Standardization in the Gas Industry in the Eurasian Economic Union. *Scientific and Technical Bulletin of Rosneft*]. No 4, pp. 18–23.

Rumyancev V. (2021) Tekhnicheskoe regulirovanie v ramkah EAES kak instrument razvitiya vneshnej trgovli Belarusi. [Technical Regulation within the EAEU as a Tool for the Development of Foreign Trade of Belarus]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/tekhnicheskoe-regulirovanie-v-ramkah-eaes-kak-instrument-razvitiya-vneshney-torgovli-belarusi> (accessed: 10.09.2021)

Shalaev A.P. (2021) O standartizacii kak instrumente protivostoyaniya vneshnim ugrozam. *Rossijskij institut standartizacii* [Standardization as a Tool of External Threats Overcoming. *Rus-*

sian Standards Institute]. URL:

<https://www.gostinfo.ru/InformationOfStandardization/Details/2323> (accessed: 14.09.2021)

Shalaev A.P. (2022) Standarty dlya ustojchivogo razvitiya. *Standarty i kachestvo* [Sustainable Development Standards. *Standards and Quality*]. URL: <https://ria-stk.ru/stq/adetail.php?ID=209823> (accessed: 14.09.2021)

Turovec YU.V., Vishnevskij K.O. (2019) Standartizaciya cifrovogo proizvodstva: vozmozhnosti dlya Rossii i EAES. *Biznes-informatika. Informacionnye sistemy i tekhnologii v biznese* [Standardization in Digital Manufacturing: Implications for Russia and the EAEU. *Business Informatics*]. T. 13. No 3. pp. 78–96. DOI: 10.17323/1998-0663.2019.3.78.96

Blind K. (2013) The Impact of Standardization and Standards on Innovation. *Nesta Working Paper*. No. 13/15. P. 33.

Daniel F. (2019) Normative market regulation by means of early standardization: A descriptive policy analysis for the biobased industry. *Journal of Cleaner Production*. V. 232. pp. 1282–1296. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.05.362>

Freimuth C., Oelmann M., Amann E. (2018) Development and prospects of standardization in the German municipal wastewater sector. *Science of The Total Environment*. V. 635, pp. 375–389. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2018.03.347>

Geerten van de Kaaa, Greeven M. (2017) LED standardization in China and South East Asia: Stakeholders, infrastructure and institutional regimes. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. Vol. 72, pp. 863–870. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2017.01.101>

Gould S., O’Sullivan M., Tilley C., Topazio N. (2013) Business Model Background Paper for <IR>. URL: <https://www.ifac.org/system/files/publications/files/Business-Model-IIRC.pdf> (accessed: 14.09.2021)

Matricano D. (2020) The business model. *Entrepreneurship Trajectories*. pp. 61–82. DOI:10.1016/b978-0-12-818650-3.00003-9

Osterwalder A., Pigneur Y., Tucci Christopher L. (2005) Clarifying Business Models: Origins, Present, and Future of the Concept. *Commun. Assoc. Inf. Syst.* V. 16. p. 1. DOI:10.17705/1CAIS.01601

Parsons N. (2022) What Is a Business Model? URL: <https://articles.bplans.com/what-is-a-business-model-business-models-explained/> (accessed: 14.09.2021)

Roy M. (2021) Sustainable Development Strategies, Butterworth-Heinemann, Page iv, ISBN 9780128189207, <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-818920-7.00010-4>

Jianga H., Zhaoa S., Zhangb S., Xu X. (2018) The adaptive mechanism between technology standardization and technology development: An empirical study. *Technological Forecasting & Social Change*. V. 135. pp. 241–248. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.11.015>

Wakke P., Blind K., Ramel F. (2016) The Impact of Participation within Formal Standardization On Firm Performance. DOI 10.1007/s11123-016-0465-3. URL: <https://www.dke.de/resource/blob/2005642/4f6062705fba4fba471afa9a6dc55a3f/the-impact-of-participation-within-formal-standardization-on-firm-data.pdf> (accessed: 14.09.2021)

IETM to Sell or Not to Sell? An Introduction to Business Models (Innovation) for Arts and Cultural organisations. (2016) URL: https://www.ietm.org/system/files/publications/ietm_business-models_2016.pdf (accessed: 14.09.2021)

Shape the Future with Standardization. German Standardization Strategy. DIN. (2017) URL: <https://www.din.de/resource/blob/333260/ac5667b8524c331684222d7a2ac47ab4/german-standardization-strategy-data.pdf> (accessed: 14.09.2021)

The Economic Benefits of Standardization. DIN German Institute for Standardization. (2011) P. 24. URL: <https://www.din.de/resource/blob/89552/68849fab0eeeaafb56c5a3ffee9959c5/economic-benefits-of-standardization-en-data.pdf> (accessed: 14.09.2021)

УДК 327

МАЛИ И РЕГИОН ГВИНЕЙСКОГО ЗАЛИВА В ФОКУСЕ СТАБИЛИЗАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ ЕВРОСОЮЗА

© 2022 ЩЕРБАК Игорь Николаевич*

Отдел Европейской Безопасности Института Европы РАН.

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3.

*E-mail: inshcherbak@gmail.com

Поступила в редакцию 22.03.2022

После доработки 09.04.2022

Принята к публикации 16.05.2022

Аннотация. В центре исследования находится стабилизационная стратегия Евросоюза в отношении Мали и соседних стран Гвинейского залива. Проанализированы ключевые элементы стратегии, в основе которой лежит интегрированный подход к управлению кризисами в нестабильных регионах и странах. В этой связи в статье особое внимание уделено опыту ООН в разработке и практическом применении современной концепции стабилизационных миссий. Показано, что продвигаемая Евросоюзом модель стратегии предполагает реализацию пакета мер силового характера в сочетании с социально-экономическими и финансовыми стимулами стабилизации ситуации в кризисных странах и регионах. Подчеркивается, что эффективность стабилизационных миссий во многом зависит от поддержания баланса между силовым компонентом и мерами по социально-экономической стабилизации кризисных стран и регионов. Как показал опыт стабилизационной миссии в Мали, смещение акцента в сторону приоритетности силовой части стабилизационной стратегии может стать контрпродуктивным в плане мирного урегулирования конфликта и восстановления управляемости. В этой связи в статье дан анализ проблем, с которыми столкнулся стабилизационный проект ЕС в Мали и обозначены возможные пути корректировки стабилизационной стратегии ЕС.

Ключевые слова: стабилизационная стратегия Евросоюза, Мали, Гвинейский залив, концепция стабилизационных миссий ООН, мирное урегулирование конфликтов, корректировка стабилизационной стратегии.

DOI: 10.31857/S0201708322040076

EDN: gjlxcc

17 февраля 2022 г. президент Франции Э. Макрон объявил о завершении анти-террористической операции Евросоюза (операция «Бархан» с участием 2400 военнослужащих из Франции) в Мали, а также о начале скоординированного вывода соответствующих военных контингентов Франции и ее союзников по ЕС. Вместе с тем Э. Макрон заявил о решимости ЕС продолжить оказывать помощь африканским странам региона Гвинейского залива в борьбе с террористической угрозой и о намерении передислоцировать военные подразделения ЕС в Нигер и частично в Буркина-Фасо для выполнения задач по борьбе с террористическими группировками в регионе. Принятое решение объяснялось невозможностью для ЕС эффективно осуществлять свои обязательства по борьбе с терроризмом в регионе в условиях создания многочисленных препятствий для этой деятельности со стороны переходных властей Мали [Macron announces, 2022].

Сворачивание Францией операции «Бархан» в Сахеле было неоднозначно встречено некоторыми постоянными членами СБ ООН. По мнению МИД России, вывод французского контингента из Мали может спровоцировать всплеск террористической активности, с которым страны региона пока не в состоянии справиться самостоятельно, и это чревато дестабилизацией всего субрегиона. При этом ни совместные силы «Сахельской пятерки», ни миссия ЕС «Такуба» не обладают достаточным потенциалом для полноценного отражения данной угрозы [В МИД рассказали..., 2021].

Особенности стабилизационного проекта ЕС и Франции для стран Гвинейского Залива и его эволюция

Завершение военного присутствия Франции в Мали подвело черту под применением Брюсселем и Парижем в регионе Гвинейского залива модели стабилизационной миссии в ее нынешнем специфическом виде.

Первоначальная концепция Евросоюза предусматривала сбалансированное сочетание военных, политических и социально-экономических функций стабилизационной миссии. Такой подход базировался на сложившейся в ЕС установке, что достижение устойчивой стабильности и мира в уязвимых государствах невозможно без обеспечения развития, улучшения условий безопасности в таких странах при должном рассмотрении глубинных причин возникновения внутренних конфликтов. В свою очередь, это требует от ЕС создания условий для социально-экономического развития в уязвимых государствах, формирования эффективных общественных институтов и ответственных правительств, способных обеспечить доступ населения к базовым услугам [Delina Goxho, Unpacking the EU New Sahel Strategy..., 2021].

Как правило, стабилизационные миссии ЕС осуществляются в рамках Общей политики безопасности и обороны и в основном ориентируются на предоставление помощи государствам в укреплении их правоохранительного потенциала в постконфликтных ситуациях (например, стабилизационные миссии ЕС в Ливии по содействию в охране границ и в Косово по реформе сектора безопасности – EULEX).

Вместе с тем ст. 43 Лиссабонского договора установила довольно широкие задачи для гражданских и военных стабилизационных миссий ЕС, которые дают возможность проведения как операций по разоружению сторон, предупреждению конфликтов, по предоставлению гуманитарной помощи и спасению населения, так и оказанию помощи третьим сторонам в их борьбе с терроризмом [Consolidated texts of the EU Treaties..., 2008].

Создание в 2013 г. многосторонней стабилизационной миссии ЕС в Мали (*Operation Serval*), в которой французский военный контингент играл ведущую роль, было продиктовано необходимостью предотвратить расширение влияния действующих на севере Мали террористических исламистских группировок на центральные и южные районы страны и на соседние африканские государства Гвинейского залива. Позднее эта операция была трансформирована при активной роли министра обороны Франции Жан-Ив Ле Дриана (в настоящее время министр иностранных дел) в антитеррористическую операцию «Бархан» с участием 4,5 тыс. французских военнослужащих (*Operation Barkhane*). Это способствовало созданию международной коалиции в поддержку стабилизации Мали и соседних государств (Нигер, Чад, Мавритания, Буркина-Фасо) и предотвращению проникновения террористических группировок в зону между Ливией и Атлантикой [Engrayer la communautarisation..., 2020].

Перевод стабилизационной миссии на решение приоритетных задач по борьбе с терроризмом руководство ЕС объясняло тем, что терроризм в регионе Гвинейского залива – Сахеля представляет прямую угрозу безопасности не только соседним с Мали государствам (Марокко, Алжир, Ливия), но и самому Евросоюзу¹. Для осуществления стабилизационного проекта ЕС в странах Сахеля в январе 2020 г. была создана в кооперации с Сахельской группой пяти стран (Мавритания, Мали, Буркина-Фасо, Чад, Нигер – «Сахельская пятерка») коалиция в пользу Сахеля. В вопросе Сахеля основной упор Евросоюз делал на интеграцию вопросов безопасности, развития и управления в целях эффективного кризисного регулирования.

Коалиция в пользу Сахеля, по сути, стала координационным механизмом для согласования интересов ЕС, основных доноров в лице ведущих государств-членов ЕС (Германии, Франции, Италии, Нидерландов) и «Сахельской пятерки» при осуществлении конкретных проектов. Наличие такого механизма снимало ряд проблем, связанных с отсутствием согласованности в действиях партнеров ЕС, включая ООН, обеспечением участия стран Сахеля в обсуждении приоритетов таких проектов с точки зрения реальных интересов этих стран, а также контроля использования финансовых инвестиций Евросоюза в регион.

Особенность Сахельского проекта в том, что он реализовался в условиях продолжающегося вооруженного противостояния между радикальными мусульманскими вооруженными группировками (ISGS) и вооруженными силами сахельской группы пяти стран, поддерживаемой французским контингентом (в рамках совместной операции *Task Force Tacuba*). Ситуация осложнялась террористическими

¹ Understanding the EU Strategy for the Sahel, European Parliament, briefing. 07.09.2020. URL: <https://euparl.europa.eu> (дата обращения: 25.05.2022)

атаками на военные базы Мали и Нигера и демонстрациями против военного присутствия Франции в регионе.

Первоначальный сценарий развертывания классической стабилизационной миссии ЕС в Мали (со сбалансированным военным и гражданским мандатами) подвергся серьезной эрозии в силу ряда обстоятельств. Это во многом негативно сказалось на его конечной результативности.

Во-первых, стабилизационная миссия ЕС была вынуждена решать поставленные задачи в условиях интенсивного и затяжного вооруженного противостояния сторон в конфликте (достигнутое в 2015 г. мирное соглашение в Алжире между центральными властями Мали и сепаратистскими группировками на севере страны практически было сорвано).

Во-вторых, в результате военного переворота в 2020 г. обострилась военно-политическая обстановка на севере и в центре Мали.

В-третьих, ухудшились отношения между Францией – основным поставщиком военного контингента для стабилизационной миссии ЕС и Мали (новые власти страны объявили о выходе из соглашений о сотрудничестве в сфере обороны с Парижем, юридической основы для пребывания военного французского контингента).

Сахельский проект был подкреплён солидным финансированием со стороны ЕС 800 различных программ в регионе до 2022 г. (на эти цели Союз мобилизовал 2,4 млрд евро; всего на содействие развитию региона на период с 2014 по 2020 гг. было выделено 8 млрд евро). Это позволяло одновременно обеспечивать стабилизацию ситуации в регионе путем модернизации национальных вооруженных сил и решать среднесрочные и долгосрочные задачи развития, воссоздания системы государственного управления и поддержания инфраструктуры. При этом упор делался на совместные военно-гражданские проекты (*CIMIC operations*) по линии французского агентства по развитию (*AFD*) и военного контингента Франции (*Operation Barkhane*) в районах с наибольшей интенсивностью противостояния с террористическими вооруженными группировками (например, Инде Лиман, Ансонго, Менака в Мали). Речь идет о проектах с быстрой отдачей (*quick-impact projects*), которые осуществляются местными неправительственными организациями в интересах первоочередных потребностей населения. Такой подход в принципе позволял обеспечить поддержку местным населением усилий центральных властей и их иностранных партнеров по борьбе с террористами, а в перспективе стабилизировать социально-экономическую и гуманитарную ситуацию и обеспечить устойчивое развитие [Enrauer la communautarisation..., 2020].

Создание ведущими странами ЕС коалиции в пользу Сахеля позволило отработать новую модель интегрированного подхода к управлению кризисами в условиях нестабильной ситуации в регионе. Важным моментом новой модели является пакетный подход к кризисному регулированию, основанный на применении силовых методов (в регионе задействованы две вооруженные миссии ЕС по борьбе с террористами и криминалом – *EUCAP Sahel Niger*; *EUCAP Sahel Mali*) в сочетании с социально-экономическими и финансовыми стимулами стабилизации внутривнутриполитической ситуации в кризисных странах. В ЕС исходили из того, что хотя такой подход не даст немедленных результатов в плане кардинального перелома в ситуации с

безопасностью (вооруженное противостояние в странах Сахеля продолжается), он может оправдать себя в долгосрочном плане, поскольку инвестиции в развитие создают основу для политического диалога и нахождения взаимоприемлемого компромисса для мирного решения кризисных ситуаций. С этим связывались и надежды ЕС на укрепление своего присутствия и влияния в регионе в посткризисной перспективе. Одновременно Брюссель сделал ставку на повышение уровня координации деятельности ЕС и ООН в контексте стабилизации ситуации в Мали. В апреле 2013 г. по инициативе Парижа Совет Безопасности ООН включил в мандат стабилизационной миссии ООН в Мали (MINUSMA) дополнительные функции, связанные с обеспечением защиты крупных городов Мали от террористических группировок, а также с восстановлением присутствия государственных структур на севере страны и оказанием содействия правительству в обучении сил безопасности. На практике стабилизационная миссия оказывала логистическую поддержку контртеррористическим силам Франции в Мали.

Параллельно в рамках стабилизационной стратегии в Мали Евросоюз приступил к поддержке национальных и региональных структур в обучении персонала сил безопасности и армии для охраны границ и обеспечения внутренней безопасности. В этих целях в Мали и Нигере были созданы учебные центры по подготовке и обучению специалистов для национальных сил безопасности и армии (*EUCAP Sahel Niger; EUCAP Sahel Mali; EUTM Mali*). Этим же целям послужило созданное при содействии Германии и Франции в 2019 г. региональное партнерство в сфере безопасности и стабильности (*Partnership for Security and Stability in Sahel – P3S*). В результате Брюсселю удалось усилить потенциал созданного в 2014 г. военного альянса пяти государств Сахеля (*G5 Sahel Joint Force*), на который в рамках партнерства с ЕС были возложены задачи по координации совместных операций ЕС и государств Гвинейского залива.

Стабилизационная стратегия ЕС в регионе приросла компонентом по социально-экономическому развитию стран Гвинейского залива. При финансовой поддержке Франции и Германии, а также ПРО ООН, Всемирного Банка и Африканского банка развития в 2017 г. был сформирован Сахельский альянс для решения задач по координации социально-экономического развития стран региона (Евросоюз мобилизовал более 11 млрд евро на инвестиции в программы в сферах занятости, образования, продовольственной безопасности и развития сельских районов, предоставления базовых услуг населению и обеспечения внутренней безопасности) [Transition au Mali..., 2021].

Таким образом, стабилизационная миссия ЕС в регионе Гвинейского залива на начальном этапе формировалась на основе двух интегрированных компонентов – силового (направленного на подавление террористических группировок в Мали и соседних государствах региона, а также на усиление военного потенциала государств региона и их вклада в совместные с ЕС операции) и пакета мер «мягкой силы», направленного на социально-экономическую стабилизацию и восстановление государственного управления. Такое сбалансированное сочетание «жестких» и «мягких» мер позволяло ЕС не допустить дестабилизации ситуации не только в Мали, но и в соседних государствах Гвинейского залива.

Операция ЕС и Франции в Мали стала составной частью более широкой региональной стратегии ЕС по стабилизации всего района Гвинейского залива. В таком подходе есть своя логика в силу взаимосвязанности стран Гвинейского залива в вопросах обеспечения безопасности, торгово-экономических отношений, культурной и социальной общности. Региональная стабилизационная модель впоследствии была применена Евросоюзом и в отношении преодоления последствий афганского кризиса и его негативного влияния на ситуацию в соседних с Афганистаном государствах Центральной Азии [Щербак, 2022].

Современная концепция стабилизационных стратегий и миссий

Миссия ЕС в зоне Гвинейского залива в целом следует разработанной в ООН и западном экспертном сообществе современной концепции стабилизационных миссий. На это, в частности, может указывать тот факт, что стабилизационная миссия ЕС в Мали осуществлялась в стыковке со стабилизационной миссией ООН в Мали (*MINUSMA*). На данную концепцию во многом повлияли утвердившиеся на Западе взгляды о том, что цель стабилизационных миссий должна состоять в восстановлении национальных институтов управления в «несостоявшихся государствах» или в странах, находящихся на грани разрушения. В этой связи стабилизационные миссии, начиная от «сил стабилизации НАТО и ЕС в Боснии и Герцеговине» (*Stabilization Force*) и последующих интервенций НАТО в Ираке и Афганистане, были подчинены задаче восстановления или укрепления государственных институтов управления в странах, в которых они были разрушены или практически не существовали. При этом в силу того, что государственные институты управления являются легитимным источником власти и порядка, они должны были поддерживаться даже с помощью применения силы против негосударственных игроков, сеющих хаос и беспорядки [Curran, Holtom, 2015].

Вместе с тем в экспертной среде существует точка зрения, что ставка стабилизационных миссий на поддержку исключительно центральных властей в конфликтных государствах приходит в противоречие с ситуацией на местах. В частности, отмечается, что в «несостоявшихся государствах» с ослабленной центральной властью возникают гибридные формы социально-политической власти или новый феномен «полицентрического управления», которые либо дополняют официальные структуры власти, либо заменяют их, в том числе в вопросах предоставления базисных услуг и обеспечения безопасности [Podder, 2014].

Более того, в условиях вооруженного противостояния проблема «полицентрического управления» обостряет борьбу между различными группировками и формальными представителями власти за легитимность своего статуса как части системы местного управления и за контроль над ресурсами и территорией. Все эти факторы во внутреннем балансе сил важно учитывать при планировании и осуществлении стабилизационных миссий в зонах конфликтов, поскольку исключение оппозиционному правительству группировок из политического диалога или игнорирование их интересов может привести к затягиванию процесса мирного урегулирования и постконфликтного восстановления.

Стабилизационная миссия ЕС столкнулась с комплексной социально-политической обстановкой в Мали, которая характеризовалась гибридной интеграцией государственных институтов с местными этническо-культурными, религиозными и общественными лидерами. С нарастанием вооруженной борьбы в стране в эту систему власти были включены представители организованной преступности и экстремистские религиозные группировки. Таким образом, эффективность деятельности стабилизационных миссий может зависеть от их способности учитывать в практической работе фактор взаимозависимости между государственными и негосударственными структурами [Voas, 2015].

Опыт деятельности стабилизационной миссии ООН в Мали (*MINUSMA*) в tandem с аналогичной миссией ЕС показывает, что ее ориентация на поддержку центрального правительства и лояльных ему вооруженных сил в борьбе против оппозиционных радикальных группировок, с одной стороны, укрепила связи миссии с официальными властями Мали и содействовала временному ослаблению террористических группировок в стране. С другой стороны, кооперация стабилизационной миссии ООН с воинским контингентом Франции в Мали и их совместные контртеррористические операции воспринимались экстремистскими группировками как ширма для реализации «неоколониалистской стратегии» западных стран в Мали и использовались ими для дискредитации нейтральности ООН в глазах местного населения [Chivvis, 2015].

Сам факт практического использования ООН стабилизационных миссий отражает новые реалии в геополитической ситуации и происходящие изменения в моделях миссий и операций ООН. Если в предыдущие десятилетия традиционные миссии ООН по поддержанию мира в основном были ориентированы на достижение соглашений о мирном урегулировании конфликтов, то на современном этапе акцент в операциях ООН смещается в сторону управления конфликтами с помощью как дипломатических инструментов, так и силовых средств. В последнее время наметилась устойчивая тенденция переключения политических инструментов кризисного реагирования ООН (специальные политические миссии, специальные представители Генерального секретаря ООН и т.д.) исключительно на урегулирование политических аспектов конфликтов. В то же время стабилизационные миссии ООН начинают в большей степени специализироваться на силовом сопровождении мирного процесса (недопущение подрыва террористами мирного процесса, защита гражданского населения и персонала ООН, противодействие криминальным структурам). Эти тенденции уже обозначились в деятельности ряда миротворческих операций ООН, мандаты которых предусматривают реализацию ими функций кризисного управления (миссия ООН в Южном Судане – *UNMISS*; совместная миссия ООН – ОАЕ в Дарфуре – *UNAMID*; стабилизационная миссия ООН в Мали – *MINUSMA*). В соответствии с концепцией ООН в отличие от традиционных миссий ООН по поддержанию мира стабилизационные миссии обладают расширенным мандатом на применение силы. При этом использование силы в ходе осуществления стабилизационных миссий в основном предназначено для побуждения сторон к решению своих проблем в рамках мирного политического процесса, а не к продолжению вооруженного противостояния. Применение силы подобными миссиями

подчинено задаче создания необходимых условий для стабилизации общей ситуации в зоне конфликта и последующего мирного восстановления. Однако такой подход на практике означает, что стабилизационные миссии должны обладать достаточным военным потенциалом и политической волей применять силу в случае потенциальных угроз целям и мандату миссий [Cedric de Coning, 2020]. В свою очередь, эффективность стабилизационных миссий во многом зависит от поддержания баланса между силовым компонентом и мерами по социально-экономической стабилизации кризисных регионов. Абсолютизация силовой части мандата таких миссий может стать контрпродуктивной в плане мирного урегулирования конфликтов особенно в условиях затяжных кризисных ситуаций и внутреннего раскола общественного мнения.

В экспертной среде выдвигаются следующие аргументы в пользу сбалансированного подхода к осуществлению стабилизационных миссий.

Упор на приоритетное использование силы в целях борьбы с терроризмом может привести к сужению «гражданского пространства» и ущемлению позиций легитимных оппозиционных сил в кризисных странах.

Сложившаяся практика получения международными организациями согласия принимающих правительств для развертывания стабилизационных миссий, независимо от их роли в конфликте, может подорвать нейтральный имидж международных организаций и вовлечь их в затяжные вооруженные конфликты, которые практически невозможно выиграть, несмотря на огромные финансовые и материальные ресурсы, потраченные на эти операции. Более того, участие международных организаций в подобных операциях серьезно повышает риски для них в зонах кризисов в будущем и подрывает значение принципов многосторонности в глазах населения «уязвимых государств».

Оптимальной стратегией для стабилизационных миссий может стать синхронизация борьбы с терроризмом с усилиями по мирному урегулированию конфликтных ситуаций и защите прав человека, оказанию гуманитарной помощи содействию развитию на всех стадиях конфликтного цикла [Larry Attree, Jordan Street, 2020].

Предлагаемая концепция синхронизации «жестких» и «мягких» мер реагирования на террористические угрозы применительно к стабилизационным миссиям заслуживает внимания. Однако в практическом плане пока нет успешных примеров эффективности подобной модели кризисного реагирования, поскольку террористические группировки используют методы гибридной подрывной деятельности и пытаются дестабилизировать политическую и социально-экономическую ситуацию.

Такая ситуация связана с природой современных конфликтов и появлением новых факторов, оказывающих непосредственное воздействие на их динамику. При этом сами конфликты имеют тенденцию к возобновлению конфликтного цикла и становятся все более бесперспективными в плане достижения прочного политического урегулирования. Одним из важнейших факторов, осложняющих политическое урегулирование конфликтов, представляется организованная преступность, которая подрывает хрупкую стабильность временных соглашений о прекращении вооруженного противостояния, а также легитимность структур управления кон-

фликтными странами, что переводит, как правило, такие конфликты в разряд тяжелых. Незаконная эксплуатация организованной преступностью «конфликтных ресурсов» (алмазы, руды цветных металлов, наркотики, драгоценные породы леса и т.п.) в сочетании с контролем со стороны международной преступности рынков сбыта и транзитных путей поставок нелегальной продукции из зоны конфликтов подпитывает их влияние в зонах конфликтов и способствует дальнейшему обострению конфликтных ситуаций, сужая тем самым перспективу их политического урегулирования при содействии как ООН, ЕС и других международных организаций.

Конфликт в регионе Гвинейского залива подтверждает эти негативные тенденции. Питательной материальной средой для организованной преступности в нем стали нелегальная миграция и наркотрафик в страны Западной Европы. Эти процессы сопровождалась обострением борьбы различных группировок организованной преступности за контроль над ресурсами и финансовыми потоками. В результате это привело к их фрагментации и децентрализации. В свою очередь, снизилась заинтересованность этих группировок в достижении какого-либо мирного и инклюзивного политического урегулирования, поскольку продолжение конфликта на фоне разрушения государственного управления и общей дестабилизации социально-экономической ситуации отвечает коммерческим интересам криминальных группировок.

Ситуация в регионе Гвинейского залива еще больше осложнилась во время пандемии COVID-19, которая затормозила операции как стабилизационной миссии ООН (*MINUSMA*), так и военного контингента Франции и ЕС (в рамках операции «Бархан»). Вследствие коронакризиса сократилось финансирование со стороны ЕС ряда программ по поддержке развитию стран региона.

Причины неэффективности силовой модели стабилизационной стратегии ЕС в регионе Гвинейского залива и возможные пути ее коррекции

Несмотря на то что совместная операция ЕС и его союзников из стран Сахеля против радикальных террористических группировок в Мали позволила временно обеспечить тактические преимущества для ЕС в плане их ослабления, не удалось решить главную задачу – преодолеть кризис управления, а также восстановить должный уровень доверия населения к центральным и региональным властям и обеспечить безопасность населения на уровне местных общин.

В самый разгар контртеррористических операций страна столкнулась с беспрецедентным уровнем межэтнического насилия в сельских районах, которое активно использовалось в своих целях террористическими группировками для расширения своего влияния. Спираль насилия в сельских районах не только в Мали, но и в Нигере отчасти генерировалась местными силами безопасности и полиции, участвующими вместе с ЕС в совместных операциях, что приводило к усилению позиций сторонников оппозиции официальным властям, в том числе из числа радикальных мусульманских группировок, недовольных итогами выборов, вмешательством Франции, процветающей коррупцией и неспособностью властей обеспечить безопасность. В результате произошло расширение зоны нестабильности и усиление

влияния экстремистских группировок как в Мали, так и в соседних странах – Нигере и Буркина-Фасо. Соответственно реализация намеченных ЕС проектов развития Мали, призванных восстановить социально-экономическую стабильность, оказалась практически невозможной [Transition au Mali..., 2021].

В складывающихся условиях растущей нестабильности в регионе используемая ЕС модель стабилизационной стратегии при опоре на силовые методы не принесла ожидаемых результатов. В этой связи возникает вопрос о внесении Евросоюзом коррективов в эту стратегию с целью повышения ее эффективности и возможности успешного применения в других кризисных регионах.

В экспертной среде обсуждают следующие элементы возможной корректировки стабилизационной стратегии Евросоюза.

Приоритет должен уделяться политическому диалогу в поисках мирного решения спорных проблем на местном уровне (доступ к природным ресурсам и финансированию), а также между центральными властями и местными общинами.

Внешним игрокам, включая ЕС, следует уделять первоочередное внимание содействию центральным властям в предоставлении базовых услуг населению как на местном, так и национальном уровнях – образование, здравоохранение, справедливое распределение и управление природными ресурсами (в настоящее время приоритет на национальном уровне в странах региона отдается вопросам безопасности – на это уходит почти 40% бюджетов).

Проведение реформы финансового сектора стран региона в целях обеспечения прозрачности расходов, устранения коррупции, в том числе использования предоставляемых ЕС донорских средств для развития.

Военные операции в регионе против террористических группировок должны быть встроены в реализацию вышеперечисленных приоритетов и подчинены созданию условий для укрепления доверия между центром и местными властями, а также для восстановления управления в стране и обеспечения безопасности населения.

Еще одним вариантом может стать разработка Евросоюзом и партнерскими региональными организациями «дорожных карт» по противодействию террористическим угрозам в зонах проведения стабилизационных операций применительно к конкретным странам и регионам с учетом особенностей ситуации в каждом конкретном случае. Подобные «дорожные карты» могут содержать планы приоритетных операций, основанных на поэтапной синхронизации мер по подавлению террористических группировок с мерами социально-экономической стабилизации данных стран и регионов [A Course Correction..., 2021].

Данные рекомендации экспертов в принципе могут привести к определенному повышению эффективности стабилизационной стратегии Евросоюза в кризисных регионах. Однако возрастающие масштабы современных конфликтов в мире и в отдельных регионах, в том числе в Африке, ставят вопрос о необходимости разработки согласованных международных мер по предотвращению и мирному урегулированию кризисных ситуаций на глобальном и региональном уровнях. Этому содействовала бы разработка и принятие Советом Безопасности ООН декларации о мирном урегулировании конфликтных ситуаций на глобальном и региональном

уровнях, в которой были бы закреплены международно-правовые обязательства всех государств в отношении мирного урегулирования конфликтов.

Заключение

Стабилизационная стратегия ЕС в Мали стала ответом на новые вызовы безопасности в Сахаро-Сахельском регионе, который остается одним из самых нестабильных в Африке. Основные причины многочисленных кризисных ситуаций в регионе состоят в значительном ухудшении социально-экономического положения населения, деградации государственного управления, обострении борьбы за природные ресурсы, росте межобщинных противоречий и организованной преступности. Кризисная ситуация усугубляется активизацией террористических группировок религиозного характера, которые целенаправленно используют конфликты на национальном и региональном уровнях для усиления своего влияния и создания альтернативного правления.

Современная модель стабилизационной стратегии ЕС в регионе, которая сформировалась на основе двух интегрированных компонентов – силового (антитеррористической направленности) и пакета «мягкой силы», была призвана решить задачу политической и социально-экономической стабилизации в геополитических интересах Евросоюза. Однако поставленных целей Брюсселю достичь не удалось в силу специфики внутривосточной ситуации в Мали, напряженных отношений между Францией и новыми властями и переориентации стабилизационной стратегии на использование военной силы для нейтрализации террористической угрозы. Реализация стабилизационной стратегии ЕС осложнялась комплексной социально-политической обстановкой в Мали и появлением нового феномена «полицентрического управления» в уязвимых государствах (гибридная интеграция государственных институтов с местными этническо-культурными и общественными кругами). Опыт стабилизационной миссии ЕС в Мали показывает, что эффективность подобных миссий в потенциально кризисных регионах во многом будет зависеть от синхронизации и сбалансированности применения силы и мер социально-экономической стабилизации. Оптимальной моделью стабилизационных миссий может стать их фокусирование на содействии в мирном урегулировании конфликтных ситуаций на местах, поощрении межобщинного диалога, восстановлении государственного управления, а также экономики этих стран и предоставлении базисных услуг населению. При этом определяющей тенденцией должно стать встраивание силовых методов в контекст решения вышеперечисленных первоочередных задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Европа между трех океанов (2019) Под общей редакцией Ал.А. Громыко и В.П. Федорова. Изд. Нестор-История, Москва, Россия.

Европа в поиске новых решений: монография (2020) Отв. ред. Р.Н. Лункин, П.В. Осолов. Институт Европы РАН, Москва. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report52020_372

- Щербак И.Н. (2019) Роль ООН, ЕС, ОБСЕ в кризисном урегулировании. *Доклад Института Европы РАН*, № 367, Институт Европы РАН, Москва. ISBN 978-5-981-63=152- 169
- Африка перед лицом современных вызовов и угроз. (2021) Отв. ред. Волков С.Н. Институт Африки РАН, Москва. 216 с. ISBN 978-5-91298-265-1
- Филиппов В.Р. (2021) Политический кризис 2020–2021 в Мали. *Ученые записки Института Африки РАН*, № 3(56). DOI: 10.31132/2412-5717-2021-56-3-42-55
- Щербак И.Н. (2022) Стратегия ЕС в Центральной Азии и Афганистане: новый подход. *Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН*. № 1. С. 17–24. DOI:10.15211/vestnikieran120221724
- Наджаров А.Н. (2021) Внешняя политика Франции в районе Африканского Рога. *Современная Европа*, № 5. С. 190–198. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52021190198>
- В МИД рассказали, к чему приведет вывод французских военных из Мали. (2021) РИА Новости, 27.12.2021. URL: <https://ria.ru/20211227/mali8-1765596479.html> (дата обращения: 25.05.2022)
- Boas, M. (2015) Crime, Coping and Resistance in the Mali- Sahel Periphery, *African security*, 8(4) 319. DOI: <https://doi.org/10.1080/19392206.2015.1100506>
- Cedric de Coning, UN Peacekeeping doctrine in a new era. (2020) 3 February 2020. United Nations. URL: cedricdeconing.net/2020/02/03/un-peacekeeping-doctrine-in-a-new-era/#idref17 (accessed 17.03.2022)
- Chivvis, C.S. (2015) *The French war on Al Qa'ida in Africa*. New York: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316343388>
- Consolidated texts of the EU Treaties as Amended by the Treaty of Lisbon. (2008) January 2008. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/228848/7310.pdf (accessed: 20.02.2022)
- A Course Correction for the Sahel Stabilization Strategy (2021) Report No 299. Africa, February 2021. URL: <https://www.crisisgroup.org/Africa/sahel/229-course-correction-sahel-stabilisation-strategy> (accessed: 25.03.2022)
- Curran, D and Holtom, P. (2015) Resonating, Rejecting, Reinterpreting: Mapping the Stabilization Discourse in the United Nations Security Council. 2000—14. *Stability: International Journal of Security and Development*, 4(1), Art. 50. DOI: <https://doi.org/10.5334/sta.gm>
- Delina Goxho. (2021) Unpacking the EU New Sahel Strategy, 22 April 2021, EGMONT. URL: <https://egmontinstitute.be> (accessed: 25.05.2022)
- Enrayer la communautarisation de la violence au centre du Mali, Crisis Group (2020) Report No 293, Africa, 9 November 2020. URL: <https://www.crisisgroup.org/fr/africa/sahel/mali/293-enrayer-la-communautarisation-de-la-violence-au-centre-du-mali> (accessed: 12.03.2022)
- Larry Attree, Jordan Street. (2020) Redefining a UN doctrine to avoid regime protection operations. September 2020. URL: https://www.t/files/safeworld_-_redefining_un_peace_doctrine_to_avoid_regime_protection_operations_-september_2020.pdf (accessed: 20.03.2022)
- Macron announces French troop withdrawal from Mali. (2022) 17.02.2022, France 24. URL: <https://www.../en/france20220217-live-macron-holds-conference-on-sahel-engagement-as-france-poised-to-withdraw-troops-from-mali> (accessed: 20.02.2022)
- Podder, S. (2014) Mainstreaming the non- state-bottom-up governance and post- conflict legitimacy. *Conflict, Security & Development*, 14(2): 213-43. DOI: <https://doi.org/10.1080/14678802.2014.889878>
- Transition au Mali: préserver l'aspiration au changement, Crisis Group. (2021) Report No 304. Africa, 21 September 2021. URL: <https://www.crisisgroup.org/fr/africa/sahel/mali/304-transition-au-mali-preserver-laspiration-au-changement> (accessed: 21.03.2022)

Mali and Gulf of Guinea in the focus of the European Union's stabilization strategy

I.N. Shcherbak*

Candidate of Sciences (History)

*Department of European Security at the Institute of Europe
of the Russian Academy of Sciences.*

11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009.

***E-mail:** *inshcherbak@gmail.com*

Abstract. The article focuses on the EU stabilization strategy in a relationship to Mali and the region of Gulf of Guinea. The author analyses the key elements of the strategy which contains an integrated approach to crisis management in the unstable countries and regions. Special attention is paid to UN experience in development and practical utilization of modern concept of stabilization missions. It is argued that EU's stabilization strategy presupposes realization of a package of military measures in combination with economic and financial incentives aimed at stabilization of crisis situations in fragile states and regions. The author stresses the point that stabilization strategy's effectiveness depends on ability to maintain a balance between the approach based on utilization of force and measures of economic stabilization of fragile states and regions. The EU's and UN experience in Mali showed that focus on priority of military approach could be counterproductive in terms of achieving peaceful agreements and restoration of stability and governance in fragile states. The article explores the challenges confronting the EU's stabilization mission in Mali and possible ways for correction of the EU's stabilization strategy.

Key words: EU's stabilization strategy, Mali, Gulf of Guinea, UN concept of stabilization missions, peaceful regulation of conflicts, correction of stabilization strategy.

DOI: 10.31857/S0201708322040076

EDN: gjlxcc

REFERENCES

- Volkov S.N. (2021) (ed.), *Africa pered lytsom sovremennyh vyzovov i ugroz* [Africa and modern challenges and threats], Institut Afriki RAN, Moscow. 216 p. ISBN978-5-91298-265-1 (in Russian).
- Fillipov V.R. (2021) *Politichesky crisis 2020–2021* [Political crisis 2020–2021 in Mali], *Uchenyy zapiski instituta Afriki RAN*, No 3(56). DOI: 10.31132/2412-5717-2021-56-3-42-55 (in Russian).
- Najarov A.N. (2021) *Vneshnyaya politika Francii v raione Africanskogo Roga* [French Foreign Policy in the region of Horn of Africa], *Sovremennaya Evropa*, No 5, pp. 190–198. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52021190198> (in Russian).
- Shcherbak I.N. (2022) *Strategia ES v Zentralnoy Azii i Afganistane: noviy podhod* [EU strategy in Central Asia and Afghanistan: new approach]. *Vestnic Insituta Evropy RAN*, No 1, pp. 17–24. DOI: 10.15211/vestnikieran 120221724 (in Russian).
- Gromyko A.I.A., Fedorov V.P. (2019) (eds.), *Evropa Mejdu treh okeanov* [Europe between three oceans], Nestor-Istoriya, Moscow. 608 p. (in Russian).

Evropa v poiske novyh reshenij [Europe in search of new solutions]: monografiya. (2020) Otv. red. R.N. Lunkin, P.V. Oskolkov. Institut Evropy RAN, Moscow. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report52020_372 (in Russian).

Shcherbak I.N. (2019) Rol OON, ES, OBSE v krizisnom uregulirovanii [Role of the UN, EU, OSCE in crisis management]. *Doklad Instituta Evropy RAN*, Moscow. ISBN 978-5-98163-152-8 (in Russian).

V MID rasskazali, k chemu privedet vyvod francuzskih voennyh iz Mali [The Foreign Ministry told what the withdrawal of the French military from Mali will lead to]. (2021) RIA Novosti, 27.12.2021. URL: <https://ria.ru/20211227/mali8-1765596479.html> (accessed: 25.05.2022) (in Russian).

Boas, M. (2015) Crime, Coping and Resistance in the Mali- Sahel Periphery, *African security*, 8(4) 319. DOI: <https://doi.org/10.1080/19392206.2015.1100506>

Cedric de Coning, UN Peacekeeping doctrine in a new era. (2020) 3 February 2020. United Nations. URL: cedricdeconing.net/2020/02/03/un-peacekeeping-doctrine-in-a-new-era/#idref17 (accessed 17.03.2022)

Chivvis, C.S. (2015) *The French war on Al Qa'ida in Africa*. New York: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316343388>

Consolidated texts of the EU Treaties as Amended by the Treaty of Lisbon. (2008) January 2008. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/228848/7310.pdf (accessed: 20.02.2022)

A Course Correction for the Sahel Stabilization Strategy (2021) Report No 299. Africa, February 2021. URL: <https://www.crisisgroup.org/Africa/sahel/229-course-correction-sahel-stabilisation-strategy> (accessed: 25.03.2022)

Curran, D and Holtom, P. (2015) Resonating, Rejecting, Reinterpreting: Mapping the Stabilization Discourse in the United Nations Security Council. 2000—14. *Stability: International Journal of Security and Development*, 4(1), Art. 50. DOI: <https://doi.org/10.5334/sta.gm>

Delina Goxho. (2021) Unpacking the EU New Sahel Strategy, 22 April 2021, EGMONT. URL: <https://egmontinstitute.be> (accessed: 25.05.2022)

Enrayer la communitarisation de la violence au centre du Mali, Crisis Group (2020) Report No 293, Africa, 9 November 2020. URL: <https://www.crisisgroup.org/fr/africa/sahel/mali/293-enrayer-la-communitarisation-de-la-violence-au-centre-du-mali> (accessed: 12.03.2022)

Larry Attree, Jordan Street. (2020) Redefining a UN doctrine to avoid regime protection operations. September 2020. URL: https://www.t/files/safeworld_-_redefining_un_peace_doctrine_to_avoid_regime_protection_operations_-_september_2020.pdf (accessed: 20.03.2022)

Macron announces French troop withdrawal from Mali. (2022) 17.02.2022, France 24. URL: <https://www.france24.com/en/france/20220217-live-macron-holds-conference-on-sahel-engagement-as-france-poised-to-withdraw-troops-from-mali> (accessed: 20.02.2022)

Podder, S. (2014) Mainstreaming the non- state-bottom-up governance and post- conflict legitimacy. *Conflict, Security & Development*, 14(2): 213-43. DOI: <https://doi.org/10.1080/14678802.2014.889878>

Transition au Mali: préserver l'aspiration au changement, Crisis Group. (2021) Report No 304. Africa, 21 September 2021. URL: <https://www.crisisgroup.org/fr/africa/sahel/mali/304-transition-au-mali-preserver-laspiration-au-changement> (accessed: 21.03.2022)

УДК 327

СТАМБУЛЬСКИЙ КАНАЛ: ТУРЕЦКИЙ ПРОЕКТ ИЛИ СКОРАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

© 2022 ВЛАСОВА Ксения Викторовна*

Кандидат исторических наук, доцент

Вятский государственный университет.

61000, Россия, Киров, ул. Московская, д. 36.

**E-mail: vlasovaksen@gmail.com*

Поступила в редакцию 22.03.2022

После доработки 28.04.2022

Принята к публикации 16.05.2022

Аннотация. В последние десятилетия Черноморский регион привлекает к себе повышенное внимание, поскольку здесь сталкиваются интересы региональных государств и великих держав. Важнейшей проблемой в сфере региональной безопасности может стать реализация масштабного турецкого проекта по строительству искусственного канала, который будет служить дублёром естественного пролива Босфор. В статье проанализированы международно-правовые вопросы, связанные с режимом судоходства в Черноморских проливах, который регулирует принятая ещё в 1936 г. и действующая до сих пор Конвенция Монтрё. Отдельное внимание в исследовании уделено не только юридическому статусу будущего Стамбульского канала, но и истории создания и географическим особенностям проекта. Особый акцент был сделан как на протестном движении в самой Турции, связанном со строительством канала, так и противоречиях, возникающих между черноморскими и нечерноморскими государствами.

Ключевые слова: Стамбульский канал, Турция, Черноморский регион, Босфор и Дарданеллы, Черноморские проливы, Конвенция Монтрё, режим морского судоходства.

DOI: 10.31857/S0201708322040088

EDN: gjvehu

Проливы Босфор и Дарданеллы (далее – Проливы) и соединяющее их Мраморное море являются идеальным и, что самое главное, естественным путем из Чёрного (закрытого) моря в Эгейское (открытое) море, а далее в Средиземноморье и мировой океан. Корабль, следующий из Чёрного моря в Средиземное, входит в Бос-

фор, на европейском и азиатском берегах которого располагается бывшая турецкая столица – город Стамбул. Этот пролив довольно узкий: его ширина в различных местах составляет всего от 750 м до 3,7 км., а длина насчитывает около 30 км. Далее морское судно попадает в неглубокое Мраморное море площадью в 12 кв. км., соединяющееся с Эгейским морем проливом Дарданеллы: чтобы выйти в Средиземноморье, кораблю необходимо преодолеть ещё 120 км., и ширина прохода на различных участках составит от 1,3 до 18,5 км.

С течением времени загрузка Проливов только увеличивалась: если по Босфору в 1930-е гг. должно было проходить около 3 тыс. судов, то сегодня ежегодно насчитывается около 45 тыс. при пропускной способности пролива 25 тыс. Для сравнения: в 2019 г. через Босфор прошли 43 тыс. судов, в то время как через Суэцкий канал – почти 18 тыс., а Панамский – 14 тыс. Ожидается, что к 2050 г. через Босфор будут проходить уже 78 тыс. судов, в 2070-х гг. – до 86 тыс.¹

Помимо многократного роста количества проходящих ежегодно судов и связанных с этим проблем, Проливы испытывают серьёзную экологическую нагрузку: с 1953 по 2005 гг. только при прохождении Босфора произошло 570 морских происшествий, большинство из которых были столкновениями. При этом львиная доля судов, пострадавших в авариях, не имели на борту лоцмана. В результате несчастных случаев гибли не только люди, но и происходил разлив нефти и горючесмазочных материалов, что приводило к непоправимому ущербу для местной флоры и фауны.

Неудивительно, что в современной Турецкой Республике (ТР) стали высказывать идеи создания параллельного искусственного канала, который будет служить дублёром естественных путей и существенно их разгрузит. Первый подобный проект предлагалось сделать в XVI в., когда Османская империя переживала пик своего развития. Однако тогда Порты не смогла изыскать не только необходимые материальные ресурсы, но и предложить соответствующее технологическое решение для реализации подобных амбиций.

География и проект канала

Современный проект «Стамбульского канала» («Турецкий канал», «Босфор-2») (далее – СК) предложил в 2011 г. тогдашний премьер-министр Р.Т. Эрдоган. СК предполагалось открыть к знаменательной дате – 100-летию ТР в 2023 г. Между тем поиск средств по финансированию проекта, окончательное согласование технической стороны, протесты экологов и местного населения постоянно отодвигали начало работ. Окончательный вариант проекта из пяти предложенных был утверждён национальным министерством транспорта лишь к 2018 г.

Согласно утвержденному маршруту, СК будет начинаться от озера Кючюкчекмедже на стороне Мраморного моря, далее пройдет через озеро Дурусу и плотину Сазлыдере и выйдет к мысу Карабурун, вдающемуся в Чёрное море. Длина канала

¹ Статистические данные здесь и далее взяты с официального сайта СК. URL: <https://www.kanalistanbul.gov.tr/tr/> (дата обращения: 21.04.2022)

составит 45 км., а ширина достигнет 600 м. Глубина планируется на уровне 25 м. Канал разделит город Стамбул на две части, и 19 из 35 районов на европейской стороне станут островом, а 6 останутся за его пределами. Связь между разорванными районами предполагается осуществлять через новые мосты. Тем самым большая часть европейского Стамбула превратится в остров, став своеобразным Манхэттеном в Нью-Йорке или Васильевским островом в Санкт-Петербурге.

По маршруту СК будут построены аварийные причалы, волнорезы, маяки, зоны ожидания, контейнерные грузовые порты. Планируется также соорудить три группы островов в Мраморном море, где будут расположены элитные жилые районы. Оставшаяся часть раскопок будет использована для заполнения черноморского побережья и строительства нового берега района Дурусу.

Проект СК тесно связан с другими крупными инфраструктурными мегапроектами, реализуемыми в ТР в последнее время [Соснов, 2018: 188–189]. Среди них, прежде всего, Третий (Новый) аэропорт, который уже был открыт 29 октября 2018 г. рядом с устьем будущего канала на европейской части Стамбула в связи с невозможностью расширения существующих аэропортов имени Ататюрка и Саби-хи Гёкчен. Планируется, что Третий аэропорт не только возьмёт на себя пассажирские потоки законсервированного аэропорта Ататюрка, но и постепенно станет крупнейшим глобальным транспортным хабом с годовым обслуживанием около 150 млн пассажиров¹.

Помимо Третьего аэропорта, вокруг СК планируется дальнейшее развитие туристической инфраструктуры, подразумевающей развитие исторического района Каракёй и круизного порта в Еникапы. Предполагается, что после открытия СК Босфор закроют для грузового транспорта и откроют для яхт, прогулочных пароходов и круизных лайнеров, что существенно снизит уровень загрязнения в проливе. Сегодня круизным кораблям вместимостью более 6,5 тыс. пассажиров запрещено заходить в порт Стамбула. Однако после окончания строительства СК большие круизные суда смогут пройти из Эгейского моря в Чёрное, что позволит существенно нарастить объём туристического потока и открыть новые маршруты, значительно увеличив прибыль ТР от этого вида туризма.

Правовой статус СК: национальный или международный?

С реализацией СК связана проблема его международно-правового статуса. В частности, вопрос состоит в том, подпадёт ли новый канал под принятую ещё в 1936 г. Конвенцию Монтрё (далее – КМ) или под турецкое национальное законодательство. Напомним, что под международным каналом понимаются «искусственные гидротехнические сооружения, соединяющие моря и океаны, которые пересекают сухопутную территорию государств и используются для международного судоходства» [Копылов, 2009: 199]. По сути, важнейшая особенность правового режима

¹ Dünyanın en büyük havalimanı İstanbul'a yapılıyor. URL: <https://www.star.com.tr/ekonomi/dunyanin-en-buyuk-havalimani-istanbula-yapiliyor-haber-721825/> (дата обращения: 21.04.2022)

международного канала состоит в том, что он, будучи неотъемлемой частью территории государства-владельца, попадает под действие международного права, которое регулирует отношения, относящиеся к зонам канала, и значительно ограничивает юрисдикцию государства-владельца канала.

Что касается правового статуса Проливов, то в истории есть три периода, когда применялся тот или иной правовой режим:

1. период односторонних практик (1453–1809 гг.), в течение которого Османская империя полностью владела Проливами и в основном применяла принцип полного их закрытия;
2. период двусторонних соглашений (1809–1841 гг.), когда были заключены международные договоры, впервые предусматривающие принцип свободы торговых судов в зоне Проливов;
3. период многосторонних договоров (1841 г. – по н.в.), когда с подписанием Лондонской конвенции началась эпоха международных соглашений, по которым проход иностранных военных кораблей в мирное время стал правилом, основанным на международных обязательствах [Zenginkuzucu, Çintan, 2019: 68–72].

Действующий в настоящее время правовой режим Проливов установлен в 1936 г. КМ, которая сняла многие ограничения, наложенные на Турцию Лозаннским мирным договором 1923 г. Однако турецкий суверенитет был восстановлен при условии сочетания двух основных принципов – «свободы торгового мореплавания и приоритета интересов безопасности черноморских государств», когда «независимо от восстановления суверенитета Турции над проливами Турция обязана эти принципы соблюдать» [Котляр, 2014: 184].

КМ закрепила принцип свободы и мореплавания торговых судов (ст. 1), когда «в мирное время торговые суда будут пользоваться правом свободного прохода и плавания в Проливах днём и ночью, независимо от флага и груза без каких-либо формальностей» (ст. 2–3). Проводка лоцманами и пользование буксирами не являются обязательными. Суда должны сообщать властям ТР лишь свои «название, флаг, тоннаж, место отправления и место назначения». Принцип свободы и мореплавания будет соблюдаться и в случае, если ТР будет считать себя находящейся под угрозой непосредственной военной опасности (ст. 6). Даже в случае войны, в которой участвует или не принимает участия ТР, будет соблюдаться принцип свободы и мореплавания (ст. 4–5).

Однако с учётом уникального положения Чёрного моря и вытекающих из этого уязвимости прохода через Проливы кораблей черноморских держав и приоритета проблем безопасности региональных государств над всеми остальными, КМ подразделяет военные корабли на принадлежащие государствам, «прибрежным или не прибрежным к Чёрному морю». Отсюда проход военных кораблей нечерноморских держав ограничен сроком пребывания, классом, тоннажем отдельного судна и общим лимитом: такие суда должны находиться в Чёрном море не более 21 дня, а максимальный тоннаж всех иностранных судов ограничен 15 тыс. тонн и общим количеством в 9 кораблей (ст. 14).

Во время войны военные корабли невоюющих стран будут пользоваться правом полной свободы прохода через Проливы, однако военным кораблям всякой воюющей державы это будет запрещено, за исключением особых случаев, оговоренных в КМ (ст. 19). Если ТР будет являться воюющей стороной (ст. 20) или будет считать себя находящейся под угрозой непосредственной военной опасности (ст. 21), то проход военных кораблей будет осуществляться «исключительно по усмотрению турецкого правительства».

Контроль над соблюдением и выполнением положений КМ возложен на ТР (ст. 24), что делает её своеобразной «хранительницей Проливов».

Следует признать, что ТР довольно аккуратно исполняет военные статьи КМ: в августе 2008 г. во время пятидневной войны в Грузии ТР не позволила пройти через Проливы американским военным судам. В феврале 2022 г. во время специальной военной операции России на Украине в ответ на просьбы Киева закрыть Проливы для российского ВМФ ТР запретила проход военных кораблей обоих государств, за исключением тех военных судов, которые возвращаются в свои военноморские базы, расположенные в Чёрном море. ТР также предупредила все иностранные державы о недопустимости прохода любых военных кораблей нечерноморских государств через Проливы.

Между тем подобной скрупулезности относительно принципа свободы торгового судоходства со стороны Анкары не наблюдается. После распада СССР, крайне заинтересованного в сохранении статус-кво в Черноморском регионе, ТР попыталась значительно усилить национальное законодательство в этой области. В частности, в 1994 г. было объявлено о введении в Проливах национального Регламента судоходства, некоторые положения которого прямо ставили под сомнение выполнение отдельных статей КМ. Под давлением России и международной общественности в 1998 г. ТР приняла новый регламент, который отменил многие спорные статьи предыдущего документа [Котляр, 2014: 189–194]. Систематические попытки внести поправки в правила прохода предпринимались ТР и в 2000-е гг. Последние изменения относятся к 2018 г., когда торговым судам, в случае перевозки ими военных грузов, стали присваивать статус военных.

Несмотря на определённые усилия по укреплению своих полномочий в зоне Проливов, ТР крайне заинтересована в сохранении КМ, поскольку она даёт ей больше свободы действий, чем Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. При этом стоит отметить, что в силу различных обстоятельств, среди которых немалую роль до сих играет греко-турецкое противостояние в Эгейском море [Россия – Турция – Греция, 2021: 147–158], Анкара не подписала Конвенцию 1982 г. Однако в случае эрозии режима КМ применение положений Конвенции 1982 г. будет означать, что «Проливы будут отнесены к категории международных, и к ним в полном объёме будет применимо право транзитного прохода, как для гражданских судов, так и для военных кораблей» [Современная Турция, 2019: 49]. Кроме того, давно сложилась норма обычного морского права, когда в каналах, используемых или планируемых для международного судоходства, должен соблюдаться принцип свободы судоходства, одинаковый для гражданских и военных судов всех государств мира.

Таким образом, строительство СК не может нивелировать действие КМ, но может ухудшить положение черноморских держав, прежде всего ТР и России, в сфере безопасности. По сути, СК попадёт под действие КМ, поскольку охватит только часть маршрута из Черноморья в Средиземноморье: Дарданеллы в качестве входной точки в Эгейское море по-прежнему будет регулировать Конвенция Монтрё. Следовательно, проход военных кораблей нечерноморских держав останется в силе. Однако между Проливами находится Мраморное море, воды которого по правовому статусу являются внутренними водами ТР и полностью подпадают под турецкое национальное законодательство. Поэтому «пока теоретически, но с согласия турецких властей нахождение любого иностранного военного корабля водоизмещением не более 10 тыс. тонн в новом турецком канале, но не заходящего в акваторию Чёрного моря, уже может быть не ограничено конвенционным лимитом в 21 сутки. Соответственно, невозможность их не пересечения позволяет турецкому правительству рассматривать эти каналы не как единую судоходную систему, а исключительно по отдельности, в т.ч. в части применения национального законодательства» [Современная Турция, 2019: 50].

Тем не менее некоторые турецкие исследователи считают, что Анкара может определить правовой статус СК самостоятельно, без созыва особой международной конференции, поскольку ТР, обладая необходимым внутренним суверенитетом, реализует проект исключительно на своей собственной территории [Öğüt, 2014: 139]. Юридический статус СК был официально определён в 2018 г.: он, в отличие от Босфора, признанного в соответствии с КМ «международным водным путём», будет иметь статус «внутреннего водного пути»¹, на которое распространится турецкое законодательство. По словам министра транспорта ТР М.Дж. Турхана, «в случае реализации второго маршрута, если Босфор останется открытым для морского транспорта, СК не нарушит КМ»².

В любом случае будет ли режим нового СК в дальнейшем либерализован под давлением международного сообщества и, прежде всего США, или ТР удастся отстоять правила судоходства, подобные режиму КМ, зависит от политического желания и воли Анкары. Однако существует реальная опасность появления в Проливах двух параллельных правовых режимов – действующего в течение почти ста лет режима КМ, который полностью устраивает региональных игроков, но не импонирует великим державам (в первую очередь, США), и национального турецкого, основанного на судоходных регламентах и усиливающего, прежде всего, позиции ТР.

Позиции заинтересованных сторон

СК не просто потребует крупных инвестиций и создаст новый торговый маршрут, но уже ставит под вопрос сложившийся баланс сил в регионе. Среди крупных

¹ Channel Istanbul's Legal Status Announced. URL: <https://en.rayhaber.com/2018/12/kanal-istanbulun-hukuki-statusu-aciklandi/> (дата обращения: 21.04.2022)

² 3-Storey Grand Istanbul Tunnel and Canal Istanbul Projects OK. URL: <https://raillynews.com/2019/02/3-multiplied-by-big-Istanbul-tunnel-and-canal-in-Istanbul/> (дата обращения: 21.04.2022)

игроков следует рассмотреть позицию США - страны, претендующей на глобальное лидерство, и некоторых черноморских государств, среди которых особое место принадлежит России как ведущей черноморской державе.

После окончания холодной войны США остались единственной сверхдержавой, которая хотела быть представленной во всех важнейших региональных организациях, где ведущая роль принадлежала бы Вашингтону. В своё время США не стали участвовать в работе и подписании КМ, которая существенно ограничивает американское присутствие в Чёрном море. С 1990-х гг. отмечаются активные попытки американцев всячески обойти положения КМ, и с этой целью Вашингтон предпринял несколько шагов. Первый из них был сделан после принятия Болгарии и Румынии в НАТО (2004 г.) и Евросоюз (2007 г.). К уже имеющемуся ВМФ ТР добавились военные болгарские и румынские корабли, что значительно усилило южный фланг Альянса в Чёрном море в рамках правового применения военных статей КМ.

Вторая попытка США по укреплению своего положения в регионе относится к 2004 г., когда на Украине произошла «оранжевая революция». Тогда же в Грузии благодаря стараниям Вашингтона пришёл к власти прозападный президент М. Саакашвили, также развернувшийся в сторону коллективного Запада.

Третья попытка США укрепиться в Причерноморье была снова осуществлена через Украину в период евромайдана, однако благодаря воссоединению Крыма с Россией в 2014 г. Москва не позволила американцам усилить свои позиции на Крымском побережье. За период 2014–2022 гг. США успели закрепиться на украинской территории, построив среди прочего военно-морскую базу в Очакове. Специальная военная операция России на Украине, начавшаяся в феврале 2022 г., фактически нивелировала успехи Вашингтона на украинском направлении.

Четвёртым шагом, который США предпримут для укрепления на Чёрном море, может стать реализация проекта СК, который позволит Вашингтону не только пересмотреть или вовсе отменить ограничивающую его КМ, но и навязать новое международное соглашение, где США сыграют далеко не последнюю роль. Ещё в 2009 г., в самом начале дискуссий о возможном строительстве СК, тогдашний американский посол в ТР Дж. Джеффри предлагал отставному вице-адмиралу А. Кияту нарушить КМ, утверждая, что «никто ничего не может сделать, когда этого хотят и ТР, и США»¹. Однако, по мнению К. Жарова, с одной стороны, СК для США – «это потенциальная возможность неограниченно находиться в Чёрном море, а также посылать туда авианосцы и подводные лодки. С другой – КМ не лишена выгод для них самих, ведь в военное время она дает исключительное право контроля над проливами их союзнику по НАТО – Турции»².

В любом случае для американцев СК может стать тем самым правовым обходом КМ и идеальным вариантом, по которому в Чёрное море может быть отправле-

¹ Öztürk S. ABD Büyükelçisi, 2009'da Montrö'yü delmeyi önerdi. URL: <https://www.sozcu.com.tr/2019/gundem/abd-buyukelcisi-2009da-montroyu-delmeyi-onerdi-5511541/> (дата обращения: 21.04.2022)

² Жаров К. Плюс один пролив. Как мегастройка Эрдогана изменит баланс сил в Черном море. URL: <https://carnegie.ru/commentary/85117> (дата обращения: 21.04.2022)

но столько необходимых военных кораблей, сколько понадобится в каждый конкретный момент.

Что касается мнения черноморских держав о проекте СК, то из всех черноморских государств эта инициатива более всего затрагивает интересы РФ. Из исторического опыта видно, что «закрытие Проливов только тогда устраивало Россию, когда было ею самой инициировано и лично к ней не относилось... доступ к Чёрному морю контролировало лояльное к России государство, заинтересованное в сохранении баланса сил и безопасности в Черноморской акватории» [Занина, 2014: 86–87]. Следовательно, какие-либо инициативы вокруг Проливов могут быть расценены Москвой только как попытки расшатать сложившуюся систему достигнутых договорённостей и создать такие условия, чтобы возникла возможность подписания нового соглашения, где не будут учтены российские национальные интересы в Причерноморье.

Позиция МИД РФ по поводу строительства СК базируется на абсолютном соблюдении международных договоренностей, о чём высказался ещё в апреле 2011 г. посол В.Е. Ивановский, отметив, что международное право имеет для России первостепенное значение, и проект канала не должен нарушать КМ. Однако в этой связи у Москвы возникают естественные сомнения относительно экономической целесообразности проекта: «Если КМ будет действовать, то и право свободного прохода останется. Следовательно, кто будет платить деньги?»¹. Эту линию в 2019 г. подтвердил нынешний посол РФ в ТР А.В. Ерхов, особо подчеркнув «долгосрочность» и «будущее» проекта². Схожую с МИД точку зрения разделяет и российская экспертная среда, интерес к проекту которой «ограничен ввиду уверенности в том, что скудность ресурсов не позволит ТР его реализовать» [Болдырев, 2020: 168].

Среди аналитиков черноморских держав тему строительства СК не упускают из вида и эксперты из Румынии. Так, по мнению К. Корняну³, проект СК в любом случае усилит позиции ТР в Причерноморье и может спровоцировать три возможных сценария. Первый сценарий заключается в применении к режиму канала КМ, что даст возможность ТР вести прямые переговоры с крупными игроками, чтобы реализовать свои собственные геополитические интересы. Во втором сценарии содержится отказ от применения КМ, который неизбежно приведёт к милитаризации Чёрного моря, что естественным образом создаст трудности для России на украинском и кавказском треках её внешней политики. Третий сценарий заключается в частичном применении КМ, когда СК будет выведен из-под её юрисдикции, что позволит ТР влиять на ситуацию в Черноморье и Восточном Средиземноморье,

¹ Yetkin M. Rusya Büyükelçisi: Montrö korunmalı. URL: <http://www.radikal.com.tr/yazarlar/murat-yetkin/rusya-buyukelcisi-montro-korunmalı-1047796/> (дата обращения: 21.04.2022)

² Rusya: Kanal İstanbul, Montrö'yu değiştirmedigi sürece Türkiye'nin meselesi. URL: <https://t24.com.tr/haber/rusya-kanal-istanbul-montro-yu-degistirmedigi-surece-turkiye-nin-meselesi,853749> (дата обращения: 21.04.2022)

³ Istanbul Canal to Become Erdogan's Geopolitical Tool, Says Expert. URL: <https://tass.com/economy/1279731> (дата обращения: 21.04.2022)

заставляя наиболее заинтересованные стороны (США, НАТО, ЕС, Россию) учитывать её собственные национальные интересы.

Живо интересуется СК и Греция, исторически и экономически тяготеющая к региону Чёрного моря и являющаяся подписантом КМ. Афины твёрдо настаивают на полном соблюдении КМ. В греческой печати, подчёркивая масштабность задуманного, СК называют не иначе, как «проектом фараонов». Отмечается, что электорат ТР склонен к реализации крупных инфраструктурных проектов, считая их признаком роста национальной экономики и международного престижа. Так, в связи с развитием гидроэнергетической инфраструктуры в историю ТР под именем «короля плотин» вошел президент С. Демирель. Между тем повторить достижения Демиреля Эрдогану, по мнению Греции, вряд ли удастся, поскольку проекту СК придется преодолеть сопротивление местного населения. В целом при оценке возможности реализации СК греческими экспертами отмечается, что шанс проиграть сейчас выше, чем в любом подобном случае в прошлом¹.

Способность реализовать проект

Старт строительству СК был дан 26 июня 2021 г. лично президентом Эрдоганом, который заложил фундамент моста на северо-западе Стамбула. На реализацию проекта рассчитывают потратить приблизительно 6 лет и 15 млрд долл., в т.ч. из числа зарубежных инвестиций (хотя называются цифры и в 25–50 млрд долл.). Однако уже на стадии проектирования возникли серьёзные сомнения, сможет ли ТР реализовать столь амбициозный проект.

Одной из главных проблем проекта можно назвать его изначально негативную репутацию, поскольку СК турки зачастую называют «безумным проектом». При этом за последнее время протесты турецкой общественности против строительства только усиливаются. Недовольные демарши возглавляют позиции военных и гражданских экспертов ТР, которые сходятся во мнении, что СК либо так или иначе поставит под вопрос судьбу крайне выгодной Анкаре КМ, либо будет напрямую угрожать (прежде всего, экологической и экономической) безопасности Черноморского региона. Об этом свидетельствуют открытые письма к турецкому правительству, которые подписали видные отставные дипломаты² и адмиралы³.

¹ Σταματόπουλος Θ. Ο ρόλος της Τουρκίας στην ζώνη σύγκρουσης στην Ανατολική Μεσόγειο: Μια διαφορετική χώρα και μια ματιά στο μέλλον. URL: <https://www.eliamep.gr/wp-content/uploads/2021/10/Stamatopoulos-Policy-paper-85-Stamatopoulos-EL-final.pdf> (дата обращения: 21.04.2022)

² Türk Ü. Büyükelçilerden ortak duyuru: Kanal İstanbul beka sorununa yol açar. URL: <https://www.sozcu.com.tr/2020/gundem/buyukelcilerden-ortak-duyuru-kanal-istanbul-beka-sorununa-yol-acar-5599249/> (дата обращения: 21.04.2022)

³ Emekli amirallerin bildirisi nedir, ne yazıyor? İşte tam metni... URL: <https://www.sozcu.com.tr/2021/gundem/emekli-amirallerin-bildirisi-nedir-ne-yaziyor-iste-tam-metni-6358403/> (дата обращения: 21.04.2022)

Не поддерживают СК и обычные турецкие граждане: из данных социологических опросов известно, что большинство респондентов (72,4%) также высказываются против строительства (поддерживают 21,2%, не знают о нём 6,4%)¹.

Своеобразным символом протестного движения стал мэр Стамбула Э. Имамоглу, который может стать наиболее вероятным противником Эрдогана на следующих президентских выборах 2023 г.: рейтинг чиновника растёт одновременно с усилением недовольства турецкой общественности.

Вторым важнейшим препятствием по реализации СК стала экологическая составляющая проекта. Известные национальные и международные специалисты-экологи выражают тревогу за состояние экосистемы Проливов и всего Причерноморья, изменение природного ландшафта, сейсмологическую обстановку, водоснабжение Стамбула и др.² Характерный лозунг экоактивистов «Либо канал, либо Стамбул» был провозглашён в 2013 г. турецким отделением «Всемирного фонда природы»³. Опасения экологов не напрасны: велика вероятность не только «сползания» Стамбула в Чёрное море, но и неизбежность катастрофических изменений в уникальной экосистеме Черноморско-Средиземноморского региона.

Не менее важной проблемой при реализации СК остаётся и финансовая составляющая. Напомним, что за последние полтора десятилетия ТР проводит активную внешнюю политику, участвуя во многих региональных конфликтах. Анкара достаточно много сил и средств потратила на Ближнем Востоке, в частности на организацию протестов в арабских странах («арабскую весну») 2011 г. и сирийскую кампанию, в которой задействована до сих пор. Добавляет проблем нелегальная миграция: по различным подсчётам, на турецкой территории в особых лагерях и попросту на улице проживают несколько миллионов сирийских беженцев. В течение длительного времени ТР также борется с курдами, выступающими за провозглашение независимого Курдистана. В 2020 г. ТР активизировала военное присутствие и энергетическую политику в Восточном Средиземноморье, где столкнулась сразу с целым блоком региональных держав (Грецией, Кипром и Израилем) [Власова, 2021: 32–36]. В то же время наряду с Москвой Анкара предприняла немалые усилия для урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе между Арменией и Азербайджаном. Активизировались усилия ТР и в сфере безопасности: после подачи заявок Швеции и Финляндии на вступление в НАТО в мае 2022 г. именно требования со стороны Эрдогана могут если не остановить, то временно отодвинуть очередное расширение Альянса.

Просчёты во внешней политике и демонстративные акции Эрдогана привели к серьёзным трениям Анкары не только с государствами-членами ЕС, но и США,

¹ Anket sonuçları açıklandı! Kanal İstanbul projesi yapılmalı mıdır? URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/anket-sonuclari-aciklandi-kanal-istanbul-projesi-yapilmali-midir-1711467> (дата обращения: 21.04.2022)

² Canal Istanbul Workshop. 10 January 2020. URL: https://kanal.istanbul/wp-content/uploads/2021/12/the_istanbul_canal_workshop_en.pdf (дата обращения: 21.04.2022)

³ Ya Kanal, ya İstanbul. Kanal İstanbul Projesinin Ekolojik, Sosyal ve Ekonomik Değerlendirmesi. URL: https://wwftr.awsassets.panda.org/downloads/yakanalyaistanbulpdf_duzeltimi_1_1.pdf (дата обращения: 21.04.2022)

которые ввели пошлины на ряд товаров ТР (прежде всего, сталь и алюминий), что, несомненно, скажется на её валютных поступлениях.

Немалую брешь в национальном бюджете проделала и пандемия COVID-19. Значительные средства были затрачены на выявление и лечение больных, организацию работы больниц, медицинское оборудование, средства индивидуальной защиты и проч. При этом правительству периодически приходилось применять крайне жёсткие меры, когда вводился круглосуточный комендантский час, закрывались рестораны и магазины, запрещалось перемещение между городами без разрешения и другие подобные меры. Пандемия сказалась на доходах ТР от туризма: только за 2020 г. страна потеряла 16 млн туристов и недополучила 10 млрд долл. [Çetin, Göktere, 2020: 92–93].

Неудивительно, что ТР решила привлечь к реализации СК иностранные инвестиции. Проектом заинтересовался Катар, укрепляющий в последние годы своё экономическое присутствие в ТР и планирующий вложиться в строительство жилых секторов вдоль СК. В ноябре 2020 г. достигнутые договорённости были подтверждены подписанием ряда соглашений, по которым Доха приобрела долю в различных инфраструктурных проектах ТР, в т.ч. и в СК¹.

Проявляет интерес и КНР, которая заинтересована в большей вовлечённости со стороны ТР в своём мегапроекте «Один пояс – один путь». «Участие ТР в инициативе повысило её привлекательность как площадки для китайских компаний» [Фактор Китая в Средиземноморье, 2022: 136]: в случае передачи СК в китайскую собственность и включения его в состав «Одного пояса» Анкара получит 30 млрд долл. при общем объёме инвестиций 65 млрд².

Между тем ещё одной проблемой в реализации СК могут стать личные амбиции турецкого президента Эрдогана и его желание войти в историю Турции наряду с султаном Сулейманом Великолепным, при котором Османская империя достигла вершины процветания, и первым президентом независимой ТР Мустафой Кемалем Ататюрком, заложившим основы её современного облика. Успешное начало строительства СК и навязываемый образ мегапроекта как символа счастливого будущего ТР может отвлечь внимание потенциальных избирателей на предстоящих президентских и парламентских выборах 2023 г. от внутриэкономических провалов команды Эрдогана и отдать голоса за кандидатуру нынешнего президента и пропрезидентской «Партии справедливости и развития». Соответственно, какие-либо неудачи или неожиданные препятствия в реализации проекта СК могут стоить Эрдогану занимаемой должности. В подтверждение того, что мегапроект направлен преимущественно на внутреннюю турецкую аудиторию, говорит тот факт, что официальный сайт СК размещает информацию о проекте исключительно на турецком языке.

¹ Son olarak Borsa İstanbul'dan da pay alan Katar'ın Türkiye «yatırımları». URL: <https://www.evrensel.net/haber/419784/son-olarak-borsa-istanbuldan-da-pay-alan-katarin-turkiye-yatirimlari> (дата обращения: 21.04.2022)

² Kanal İstanbul projesinde Çin ve Katar ayrıntısı! URL: <https://emlakkulisi.com/kanal-istanbul-projesinde-cin-ve-katar-ayrintisi/670588> (дата обращения: 21.04.2022)

* * *

Уже сейчас ясно, что реализация проекта СК в свете происходящих в мире событий, несомненно, затянется, отражаясь на двусторонних и многосторонних отношениях в Черноморском регионе. Следует учитывать тот факт, что решения относительно проекта Анкара зачастую принимает без предварительных консультаций со своими соседями по региону, которые, за исключением Украины и Грузии, твёрдо настаивают на неукоснительном соблюдении турецкой стороной всех договорённостей в рамках КМ. Становится ясно, что строительство СК воспринимается правительством Эрдогана в контексте принятых политических и военно-стратегических доктрин как глобальный геополитический проект, благодаря которому ТР за счёт региональных партнеров (прежде всего, России) сможет усилить собственные позиции не только на Чёрном море, но и в Восточном Средиземноморье, где не учитываются, прежде всего, интересы Греции, Кипра, Израиля. Кроме того, именно СК может стать тем окном возможностей, через которое в Причерноморье, до недавнего времени относительно замкнутое пространство, станут усиленно проникать глобальные игроки (в основном США и Китай). Немаловажную роль могут сыграть и репутационные издержки: успех или провал вокруг СК окажет колоссальное влияние на предстоящие в следующем году президентские и парламентские выборы, от результатов которых зависит не только политическое будущее самого Эрдогана и возглавляемой им «Партии справедливости и развития», но и общая стратегия развития страны. С одной стороны, до окончания избирательной кампании 2023 г. на официальном уровне будут всячески демонстрироваться определённые видимые успехи в строительстве СК, ставшего символом преуспевающей в XXI в. Турции, способной разработать и, самое главное, полностью реализовать столь масштабный проект. С другой стороны, велика вероятность того, что внутренние протесты, невнимательность к озабоченностям других региональных игроков, вышеперечисленные финансовые и экологические сложности существенно затянут строительство и не позволят реализовать проект СК в полном объёме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болдырев А. (2020) Проект Стамбульского канала в фокусе российских и турецких публикаций, *Международные процессы*, т. 18, № 3. С. 164–178. DOI 10.17994/IT.2020.18.3.62.1
- Фактор Китая в Средиземноморье (2022) Под ред. О.В. Буториной, Е.С. Алексеенковой, *Доклады ИЕ РАН № 387*. ИЕ РАН, Москва. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report12022_387
- Власова К. (2021) Греко-турецкое противостояние и его влияние на регион Восточного Средиземноморья, *Современная Европа*, № 3. С. 27–37. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320212737>
- Занина В. (2014) Из Кремля Босфор не виден, *Международная жизнь*, № 6. С. 82–94.
- Копылов М.Н. (2009) Правовой статус международных каналов: история формирования и современные тенденции развития, *Вестник РУДН, Серия Юридические науки*, № 5. С. 199–208.

Котляр В.С. (2014) Международно-правовой режим Черноморских проливов и политика Турции в вопросе о режиме проливов, *Международное морское право. Статьи памяти А.Л. Колодкина*. Сост. Р.А. Колодкин, С.М. Пунжин. Статут, Москва. С. 182–205.

Россия – Турция – Греция: возможности диалога на Балканах (2021) Под ред. К.В. Никифорова. Институт РАН, Москва; Нестор-История, Санкт-Петербург. DOI: 10.31168/4469-2030-3

Современная Турция: тренды развития и значение для России (2019) Под ред. Л.С. Вартазаровой, И.Я. Кобринской, С.В. Уткина. ИМЭМО РАН, Москва. DOI: 10.20542/978-5-9535-0550-5

Соснов Г.И. (2018) Мегaproекты Турции: на пути к процветанию или кризису? *Проблемы национальной стратегии*, № 5. С. 187–199.

Çetin G., Göktere S. (2020) COVID-19 pandemisinin turizm endüstrisi üzerindeki etkileri [Impact of the COVID-19 Pandemic on the Tourism Industry]. In: Demirbaş D., Bozkurt V., Yorğun S (eds.). *COVID-19 pandemisinin ekonomik, toplumsal ve siyasal etkileri* [Economic, Social and Political Effects of the COVID-19 Pandemic]. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Yayınevi, pp. 87–97. DOI: 10.26650/B/SS46.2020.005.06 (in Turk.).

Öğüt S. (2014) Kanal İstanbul Projesi'nin Uluslararası Hukuk Açısından Değerlendirilmesi [The Assessment of Kanal İstanbul Project in Terms of International Law], *Uluslararası Hukuk ve Politika*, cilt 10, sayı 38, Ss. 119 – 153. (in Turk.).

Zenginkuzucu D.M., Çintan A. (2019) Montrö Boğazlar Sözleşmesi'nin Statüsünün Güncel Gelişmeler ve Kanal İstanbul Projesi Bağlamında Değerlendirilmesi [Revisiting the Status of Montreux Convention on Straits in the Context of Actual Developments and the Canal İstanbul Project], *Uluslararası Hukuk ve Sosyal Bilim Araştırmaları Dergisi*, cilt 1, sayı 2, pp. 67–79. (in Turk.).

Istanbul Canal: Turkish Pipedream or Coming Realty?

K.V. Vlasova*

Candidate of Sciences (History)

Associate Professor at the Vyatka State University.

36, Moskovskaya str., Kirov, Russia, 610000.

***E-mail:** vlasovaksen@gmail.com

Abstract. The Black Sea region has recently attracted considerable attention since the interests of regional states and great powers collide there. The author argues that the most important problem in the field of regional security may be the implementation of a large-scale Turkish project of artificial canal that will serve as a backup of the natural Bosphorus strait. The article analyzes international legal issues related to the marine navigation in the Black Sea Straits, which is regulated by the Montreux Convention, adopted in 1936. The article concludes that the future canal will fall under the Montreux Convention in any case. However, a real threat of the emergence of two parallel legal regimes may arise. The first one is the current regime of the Montreux Convention, which fully suits regional states, but does not appeal to the great powers (first of all the USA), and the second one is the national Turkish regime, which strengthens Turkey's position in the Black Sea. The author pays special attention not only to the legal status of the future Istanbul Canal, but also to the history of creation and geographical features of the project. Special emphasis is driven by both the protest movement in Turkey itself, related to the construction of the Istanbul Canal, and the contradictions arising between the Black Sea and non-Black Sea states.

Key words: Istanbul Canal, Turkey, Black Sea Region, Bosphorus and Dardanelles, Black Sea Straits, Montreux Convention, marine navigation.

DOI: 10.31857/S0201708322040088

EDN: gjvehu

REFERENCES

- Boldyrev A.V. (2020) Proekt Stambul'skogo kanala v fokuse rossiyskikh i turetzkikh publikatziy [Debate on the Istanbul Canal in Russian and Turkish Publications], *International Trends*, Vol. 18, No 3, pp. 164–178. DOI 10.17994/IT.2020.18.3.62.1 (in Russian).
- Butorina O.V., Alekseenkova E.S. (eds.) (2022) Faktor Kitaya v Sredizemnomorie [The China Factor in the Mediterranean], *Reports of the IE RAS No 387*, IE RAS, Moscow. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report12022_387 (in Russian).
- Çetin G., Göktere S. (2020) COVID-19 pandemisinin turizm endüsrisi üzerindeki etkileri [Impact of the COVID-19 Pandemic on the Tourism Industry]. In: Demirbaş D., Bozkurt V., Yorğun S (eds.). *COVID-19 pandemisinin ekonomil, toplumsal ve siyasal etkileri* [Economic, Social and Political Effects of the COVID-19 Pandemic]. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Yayınevi, pp. 87–97. DOI: 10.26650/B/SS46.2020.005.06 (in Turk.).
- Kopylov M.N. (2009) Pravovoy status mezhdunarodnykh kanalov: istoriya formirovaniya i sovremennye tendentzii razvitiya [Legal Status of International Canals: the History of Formation and Contemporary Tendencies of Development], *RUDN Journal of Law*, No 5, pp. 199–208. (in Russian).
- Kotlyar V.S. (2014) Mezhdunarodno-pravovoy rezhym Chernomorskikh prolivov i politika Turtzii v voprose o rezhime kanalov [The Legal Regime of the Black Sea Straits and the Position Adopted by Turkey in This Regard]. In: Kolodkin R.A., Punzhin S.M. (eds.) *Mezhdunarodnoe morskoe pravo. Stat'i pamyati A.L. Kolodkina* [International Law of the Sea. Essays in Memory of A.L. Kolodkin]. Statut, Moscow, pp. 182–205. (in Russian).
- Nikiforov K.V. (ed.) (2021) *Rossiya – Turtzia – Gretzia: vozmozhnosti dialoga na Balkanakh* [Russia – Turkey – Greece: Dialogue Opportunities in the Balkans]. Inslav RAS, Moscow; Nestor-Istoriya, Sankt-Petersburg. DOI 10.31168/4469-2030-3 (in Russian).
- Öğüt S. (2014) Kanal İstanbul Projesi'nin Uluslararası Hukuk Açısından Değerlendirilmesi [The Assessment of Kanal İstanbul Project in Terms of International Law], *Uluslararası Hukuk ve Politika*, cilt 10, sayı 38, Ss. 119 – 153. (in Turk.).
- Sosnov G.I. (2018) Megaproekty Turtzii: na puti k protzvetaniyu ili krizisu? [Turkey's Mega-projects: a Way to Prosperity or to a Crisis?], *RISS Journal "National Strategy Issues"*, No 5, pp. 187–199. (in Russian).
- Vartazarova L.S., Kobrinskaya I.Ya., Utkin S.V. (eds.) (2019) *Sovremennaya Turtziya: trendy razvitiya i znachenie dlya Rossii* [Modern Turkey: Development Trends and the Meaning for Russia]. IMEMO RAS, Moscow. DOI: 10.20542/978-5-9535-0550-5 (in Russian).
- Vlasova K. (2021) Greko-turetzkoe protivostoyanie i ego vliyanie na region Vostochnogo Sredizemnomoriya [Greek-Turkish Confrontation and Its Influence on the Eastern Mediterranean], *Sovremennaya Evropa*, No 3, pp. 27–37. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320212737> (in Russian).
- Zanina V. (2014) Iz Kremlya Bosfor ne viden [The Bosphorus Is Not Visible from the Kremlin], *The International Affairs*, No 6, pp. 82–94. (in Russian).
- Zenginkuzucu D.M., Çintan A. (2019) Montrö Boğazlar Sözleşmesi'nin Statüsünün Güncel Gelişmeler ve Kanal İstanbul Projesi Bağlamında Değerlendirilmesi [Revisiting the Status of Montreux Convention on Straits in the Context of Actual Developments and the Canal İstanbul Project], *Uluslararası Hukuk ve Sosyal Bilim Araştırmaları Dergisi*, cilt 1, sayı 2, pp. 67–79. (in Turk.).

УДК 323.173

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ СЕПАРАТИЗМА В СТРАНЕ БАСКОВ

© 2022 ФРОЛОВА Юлия Николаевна*

Кандидат политических наук

Старший преподаватель кафедры политологии

РГПУ им. А.И. Герцена,

191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, дом 48.

**E-mail: frolovayuliya@yahoo.com*

Поступила в редакцию 01.04.2022

После доработки 29.04.2022

Принята к публикации 16.05.2022

Аннотация. Статья посвящена проблеме секьюритизации аспектов баскского сепаратизма, изучению способов и причин трансформации проблемы самоопределения в вопрос безопасности. Исследование основано на концепции секьюритизации Копенгагенской школы и с учетом данных, полученных из аккаунтов лидеров баскских националистов в сети Twitter¹ с использованием методов качественного контент-анализа в программе Atlas.ti. Период анализа: январь 2017 – октябрь 2021 гг. Исследование показало, что баскские националистические партии по-разному понимают необходимость самоопределения. Радикальные политические группы, такие как *EH Bildu*, обращаются к социальной секьюритизации на основе идентичности, а умеренные националистические группы отдают предпочтение транснациональным идеям, таким как концепция «Европа регионов». Формулируется предположение о том, что путь секьюритизации был избран в связи с растущей незаинтересованностью общества в исторических и культурных корнях баскского самоопределения. Прослежен рост секьюритизации сепаратизма в националистическом дискурсе, что требует внимания в связи с его высоким террористическим потенциалом. Ввиду высокого уровня взаимозависимости в Европе нестабильность в Стране Басков актуальна и для других европейских регионов, где вопросы национализма находятся на повестке дня.

Ключевые слова: сепаратизм, секьюритизация, Страна Басков, *Twitter*, качественный контент-анализ.

DOI: 10.31857/S020170832204009X

EDN: gkfvpd

¹ 4 марта 2022 г. Роскомнадзор заблокировал Twitter на территории России по требованию Генпрокуратуры на основании статьи 15.3 «Закона об информации РФ» (*прим. редакции*).

Летом 2021 г. в Стране Басков возобновились дебаты по разработке нового Статута автономии. Такие обсуждения не новы в регионе, однако текущая дискуссия представляет интерес по ряду причин. Резонанс приобрели высказывания главы левой националистической партии Страны Басков *EH Bildu* – А. Отеги, который заявлял, в частности, что без суверенитета народа Страны Басков никаких социальных перемен быть не может¹. В таком контексте суверенность народа (именно на этом термине настаивают баскские националисты, хотя в Конституции Испании баски определяются как национальность (*nacionalidad*)²) представляется как способ решить проблемы социального и экономического характера для сохранения идентичности всего баскского социума. Баскская идентичность и ранее играла важную роль в риторике сепаратизма, однако суверенитет представлял собой самоцель, сформированную историческими, культурными особенностями и моральными правами, а не единственный способ решения проблем всего социума, без которого существование баскской идентичности может находиться под угрозой. Подобного рода высказывания могут свидетельствовать о наличии секьюритизирующих тенденций в политическом дискурсе региона, в рамках которых безопасность рассматривается в социальной плоскости. Таким образом, цель исследования – проверить данную гипотезу и установить, имеет ли место секьюритизация проблемы национального самоопределения и сепаратизма в политическом дискурсе ключевых политических акторов регионального правительства (Баскской Националистической партии (БНП) и *EH Bildu*).

Исследование основано на концепции секьюритизации Копенгагенской школы, ее применении в политическом интернет-дискурсе. Методы исследования – технологии качественного контент-анализа (*qualitative data analysis*) и интеллектуального анализа текста (*text mining*) [Yu et al., 2011] в программе Atlas.ti с применением принципов «обоснованной теории» (*grounded theory*).

Секьюритизация в социальном секторе

Теория секьюритизации определяет безопасность как особую форму дискурса, направленную на изменение расстановки политических приоритетов [Морозов, 2011]. Практики секьюритизации обычно реализуются на национальном и международном уровнях. Исследованию этих аспектов в отечественной науке посвящены работы Морозова В.Е., Ефременко Д.В., Акопова С.В., Прошиной Е.М., Макарычева А.С., Урсула А.Д. и др. Эта форма дискурса – речевой иллокутивный акт, цель которого определить конкретный случай как относящийся к определенной категории («безопасность») [Wæver, 1989: 42], и который можно определить как своего

¹ El País. «El nuevo Estatuto vasco de nunca jamás». 03.07.2020. URL: <https://elpais.com/espana/2020-07-03/el-nuevo-estatuto-vasco-de-nunca-jamas.html> (дата обращения: 08.12.2021)

² Constitución Española. URL: <https://www.senado.es/web/conocersenado/normas/constitucion/index.html> (дата обращения: 10.10.2021)

рода угрозу. При этом, как отмечал Б. Бузан [Buzan, 1983], сам концепт безопасности является весьма неопределенным и в каждом конкретном случае означает разное. Иллокутивный акт – действие, обладающее определенной конвенциональной силой [Гайдаев, 2021: 29]; применительно к безопасности это означает информирование об угрозе, предостережение. В такой риторике формулировка угрозы может быть различной, не содержать прямого упоминания и/или подразумеваться. Й. Галтунг и Я. Эберг сформулировали концепцию безопасности, основанную на целях, связанных с человеческими потребностями: выживание, развитие, свобода и идентичность. В этих рамках безопасность становится «оборонной политикой для каждой категории потребностей, совокупностью оборонных усилий всей организации человека и общества» [Wæver, 1995].

Исследование посвящено социальному уровню секьюритизации. О. Вевер указывал, что в этом случае механизмы секьюритизации определяются главной характеристикой – идентичностью [Wæver, 1995: 14], самооценкой сообществ и индивидов. Идентичность в случае социальной безопасности играет ту же роль, что и суверенитет в государственной безопасности: «общество, которое теряет свою идентичность, больше не может существовать само по себе» [Wæver, 1995: 15]. В этом случае секьюритизацией националистических аспектов (спектр таких аспектов широк: как требования полной независимости, так и углубление самоопределения) становится признание их значимыми для сохранения идентичности конкретной общности. Националистические требования позиционируются как практики, позволяющие решать вопросы социальной безопасности. Под националистическими практиками в данном случае понимаются конкретные механизмы, регулирующие угрозу безопасности: будь то требования расширения прав, углубление самоопределения и автономии в целом, либо призывы сформировать независимое государство.

Политический интернет-дискурс как поле безопасности

В работе рассматриваются приемы секьюритизации в поле политического интернет-дискурса. Особенности политического интернет-дискурса посвящены работы Сиркия Н.П., Ефановой Е.В., Тагильцевой Ю.Р., Чижик А.В., Миловановой М.В., Терентьевой Е.В. и др. Политический интернет-дискурс – вид политического дискурса, который реализуется в глобальной сети. Интернет в политической коммуникации обладает высоким потенциалом для деятельности политических акторов, именно поэтому сегодня «практически у каждого политического деятеля есть свой сайт, на котором через опцию обратной связи можно обратиться к политику; или даже страница в социальной сети, а также блог» [Уварова, 2018: 18]. При этом политический интернет-дискурс имеет ряд отличий от классического политического дискурса [Сиркия, 2018: 168], одним из которых является возможность интерактивного общения политика и аудитории (в форме комментариев к постам или реакций – «лайков»), а также его неинституциональный характер, который подразумевает выход общения за рамки статусно-ролевого. Успех секьюритизации зависит от того, «какое влияние политические акторы смогли оказать на целевую аудиторию»

[Гайдаев, 2021: 21], поэтому здесь важно, где происходит процесс секьюритизации. В политическом интернет-дискурсе такими площадками могут выступать популярные социальные сети, которые стали влиятельным средством политической коммуникации и борьбы политических деятелей за доверие избирателей.

Для исследования выбрана социальная сеть *Twitter* в силу ряда причин. Существует мнение, что политизация *Twitter* началась в 2007 г., «когда там зарегистрировался Барак Обама с целью всестороннего охвата аудитории во время своей первой предвыборной кампании» [Ефанова, 2020: 175]. На сегодняшний день в *Twitter* можно найти как личные аккаунты политических деятелей, так и «рабочие» (например, таким является *@POTUS* – аккаунт президента США). В испанской политической коммуникации *Twitter* играет важную роль. В Стране Басков интернет остается предпочтительным средством коммуникации, опережающим телевидение и радио¹, и важным средством получения новостей, наряду с телевидением². Отмечается рост использования социальных сетей: с 2012 по 2021 гг. на 12%³ выросла доля тех, кто обычно использует социальные сети. *Twitter* является одной из двух социальных сетей⁴, которые респонденты признают в качестве канала информирования в том числе о политических новостях. Правительство Страны Басков уделяет внимание использованию социальных сетей для политической коммуникации, с этой целью было разработано «Руководство по стилю и использованию социальных сетей Правительством Страны Басков» (далее – Руководство)⁵. Что касается *Twitter*, то в Руководстве подчеркиваются такие его основные преимущества: «место, где новости появляются раньше всего и где они актуализируются»; маркетинговый потенциал сети; направленность на разные уровни аудитории; сеть позволяет сделать общение более личным; «позволяет акцентировать внимание на конкретной теме»⁶. Для целей исследования были отобраны три *Twitter*-аккаунта: Президента Страны Басков Иньиго Уркульо (*@iurkullu*) – члена БНП; Андони Ортузара

¹ Sociometro vasco 67. Medios de comunicación -EITB. Junio 2018. URL: https://www.euskadi.eus/contenidos/documentacion/sociometro_vasco_67/es_def/adjuntos/18sv67.pdf (дата обращения: 08.12.2021)

² Gobierno Vasco. Medios de comunicación. Enero 2019. URL: https://www.euskadi.eus/contenidos/documentacion/o_18tef5/es_def/adjuntos/18tef5.pdf (дата обращения: 08.12.2021)

³ Gobierno Vasco. Impacto de las tecnologías digitales en la vida cotidiana. Abril 2020. URL: https://www.euskadi.eus/contenidos/documentacion/o_20tef2/es_def/adjuntos/20tef2.pdf (дата обращения: 08.12.2021)

⁴ Gobierno Vasco. Medios de comunicación. Enero 2019. URL: https://www.euskadi.eus/contenidos/documentacion/o_18tef5/es_def/adjuntos/18tef5.pdf (дата обращения: 08.12.2021)

⁵ Gobierno Vasco. Guia de usos y estilo en las Redes Sociales del Gobierno Vasco. URL: http://bideoak2.euskadi.net/redesyblogs/guia_usos_y_estilos_en_rrss_del_ejgv/guia_de_usos_y_estilo_en_las_redes_sociales_del_gobierno_vasco_v2.pdf (дата обращения: 20.09.2021)

⁶ Gobierno Vasco. Guia de usos y estilo en las Redes Sociales del Gobierno Vasco. URL: http://bideoak2.euskadi.net/redesyblogs/guia_usos_y_estilos_en_rrss_del_ejgv/guia_de_usos_y_estilo_en_las_redes_sociales_del_gobierno_vasco_v2.pdf (дата обращения: 20.09.2021)

(@andoniortuzar) – главы БНП; Арнальдо Отеги (@ArnaldoOtegi) – лидера левой националистической партии *EH Bildu*. На протяжении длительного времени эти две партии лидируют в парламенте Страны Басков, представляют основную националистическую политическую силу региона и занимают подавляющее большинство мест: 101 из 153. Следовательно, можно говорить о том, что аккаунты трех вышеперечисленных политиков отражают ключевые националистические тренды региона, что и объясняет выбор этих аккаунтов для анализа.

Программа исследования

Для целей исследования были выгружены все сообщения *Twitter*-аккаунтов указанных политических деятелей за период 01.01.2017 – 13.10.2021 гг. объемом 10530 твитов. Выгрузка осуществлялась программой «веб-скрапером» с открытым исходным кодом, позволяющей делать сплошную выгрузку твитов с целевых аккаунтов. Дата начала выгрузки объясняется проведением каталонского референдума 2017 г. как события, которое оказало влияние на националистические настроения в Испании. Характеризуя аккаунты баскских националистических лидеров, стоит отметить, что наиболее активным пользователем *Twitter* является лидер *EH Bildu* А. Отеги: общее количество твитов, выгруженных с его аккаунта, составляет 5889, что представляет собой 56% всей выгрузки. Его аккаунт также является наиболее популярным среди всех трех лидеров: 151 тыс. подписчиков против 41,3 тыс. у И. Уркульо и 12,7 тыс. у А. Ортузара.

В процессе анализа применялись методы *qualitative data analysis* и *text mining*: использовались как функции «ручного» кодирования и написания заметок, так и автокодирование, и автоматический подбор синонимичных конструкций на основе имеющихся в программе словарей естественного языка. На первом этапе исследования в программе *Atlas.ti* были отобраны материалы по ключевым словам, связанным с темой национализма, и их синонимам на испанском языке, а также аналогичные слова на баскском языке. Всего было отобрано 1555 твитов.

На втором этапе осуществлялся процесс кодирования отобранных записей по следующему принципу. В основу логики кодирования легли компоненты секьюритизации [Севастьянова, Ефременко, 2020: 70]: объект секьюритизации, актер секьюритизации, аудитория, проблема секьюритизации. Таким образом, каждый твит мог иметь больше одного кода, что позволяло делать вывод о его содержании с точки зрения наличия секьюритизирующих тенденций. Наиболее значимыми для подобных выводов являлись коды «объект» (чему угрожает опасность) и «проблема секьюритизации» (что именно угрожает), а точнее их наличие или отсутствие в конкретных твитах в силу того, что коды «актер» и «аудитория» по умолчанию присутствовали во всех тематических твитах: актер – сам политический деятель, «аудитория» – читатели твитов (важными для анализа становятся такие показатели как популярность аккаунта в целом и количество «лайков» и «ретвитов» конкретных твитов). Помимо этого, с использованием принципов «обоснованной теории» в процессе кодирования сформировались и другие коды, которые помогли идентифицировать ряд тематик, связанных с национализмом.

Ключевые тенденции

В результате исследования были выявлены основные особенности политического интернет-дискурса, которые сгруппированы по годам.

2017 год. Общей темой для всех твитов является Каталония и октябрьский референдум. Подавляющее большинство твитов по теме национализма А. Отеги посвящены каталонскому референдуму, где можно выделить следующие группы: общая поддержка Каталонии (в том числе и на каталанском языке), проблема жертв борьбы за независимость, критика политики БНП по отношению к Каталонии, перенос каталонской тематики на баскскую. На этом фоне достаточно умеренным выглядит аккаунт А. Ортузара: всего в 15 твитах прослеживается умеренная поддержка каталонских националистов. В твитах президента Страны Басков И. Уркульо уже с 2017 г. можно выявить основные отличия его заявлений от публикаций других политических деятелей. Ключевая тема – поддержка идеи «Европы регионов» как конфедеративного образования: эта тематика остается основой его твитов и в последующие годы. Страна Басков представляется как европейский регион, а не испанский. Как и другие националистические деятели он сочувствует Каталонии, но в его заявлениях поддержка Каталонии значительно отличается от позиции А. Отеги: И. Уркульо делает акцент на необходимости диалога между регионом и центром, а не на отделении региона, как это делает А. Отеги. Как следствие такой умеренности И. Уркульо не секьюритизирует сепаратизм.

2018 год. В твитах этого года А. Отеги есть общие темы с 2017 г.: каталонская тематика и идеологическое противостояние с БНП по вопросам национализма. В тех заявлениях, которые можно охарактеризовать как секьюритизирующие часто встречаются отсылки к ст. 155 Конституции Испании по отношению к Каталонии. Внимание уделено и теме политических заключенных. В 2018 г. появляются твиты по предполагаемому новому Статуту. *EH Bildu* является наиболее активным сторонником включения этой концепции в проект нового Статута¹. Отличительной характеристикой публикаций лидера *EH Bildu* является использование баскского языка. Публикации А. Ортузара в 2018 г. малочисленны, как и в 2017 г. В них можно выделить две темы: попытка проведения параллелей с Шотландией и характеристика Страны Басков как европейского, а не испанского региона. В этом его сходство с другим коллегой по партии И. Уркульо, который в 2018 г. следует аналогичной тенденции. Ряд его заявлений также критикует применение 155 статьи Конституции Испании, однако, в отличие от А. Отеги, эта тема не политизируется и не секьюритизируется. Это может быть следствием общей умеренности и неэмоциональности публикаций, хотя поднимаемые темы во многом схожи: проблема Каталонии, нового Статута, Страны Басков как европейского региона и др.

2019 год. Основная тема А. Отеги – проблема жертв террористического насилия (эта тема не секьюритизируется), обсуждение судьбы политических заключенных.

¹ El Independentiente «Urkullu reclamará hoy consensos "sólidos" y transversales para un nuevo estatuto vasco». URL: <https://www.elindependiente.com/espana/2021/09/15/urkullu-reclamara-hoy-consensos-solidos-y-trasversales-para-un-nuevo-estatuto-vasco/> (дата обращения: 29.09.2021)

По-прежнему актуальной остается каталонская тематика, критика действий центрального правительства и обсуждение реформы Статута Страны Басков. В аккаунте А. Ортузара в 2019 г. общее количество публикаций увеличивается в 5 раз по сравнению с предыдущим периодом, однако «секьюритизирующие» публикации практически отсутствуют. Основные темы: проблемы реформы Статута Страны Басков, поддержка движений за самоопределение в других регионах мира, проблема жертв политических репрессий и терроризма «ЭТА». И. Уркульо, как и его коллега по партии А. Ортузар, в своих публикациях этого периода настаивает на «углублении самоуправления», а не независимости («profundizar autogobierno»). Ключевой темой, как и в 2018 г., остается принадлежность Страны Басков к европейским регионам, а также интернационализация региона посредством прямого взаимодействия с международными организациями.

2020 год. Секьюритизация националистических идей в публикациях А. Отеги заметно уступает место теме коронавируса. Актуальны и темы прошлых лет: поддержка самоопределения в других регионах мира, критика правительства и т.д. Среди публикаций А. Ортузара заметна концентрация элементов секьюритизации в предвыборный период. Однако в целом в его публикациях компонентов секьюритизации мало: это связано с тем, что в отличие от А. Отеги самоопределение и независимость баскского народа трактуется им не как необходимость для сохранения идентичности этноса, а как ключевые принципы правительства Страны Басков. Значимой составляющей риторики БНП остается проблема обновления Статута Страны Басков. В публикациях И. Уркульо компонентов секьюритизации нет, внимание уделено теме пандемии и интернациональному сотрудничеству Страны Басков, как европейского региона.

2021 год. В этот период А. Отеги секьюритизирует не только национализм, но и ряд других проблем: пандемию и вопросы климата. А. Ортузар по-прежнему настаивает на необходимости самоопределения, а не независимости, при этом подчеркивает, что далеко не все баски поддерживают идеи национализма. В этом контексте А. Ортузар отражает позицию всей партии: политик понимает, что БНП представляет все баскское общество, в котором есть как сторонники национализма, так и его противники. Значимое место в публикациях занимает тема пандемии и вакцинации, как и у его коллеги по партии И. Уркульо. 2021 г. стал по сути первым годом, когда некоторые элементы вопросов безопасности можно найти в аккаунте Президента Страны Басков: теперь пандемия представляется как угроза возможному углублению самоопределения.

В результате можно сделать следующие выводы: большинство публикаций, в которых присутствуют компоненты секьюритизации, приходится на аккаунт лидера *EH Bildu* А. Отеги. Его твиты можно охарактеризовать как самые эмоциональные среди анализируемых (наличие эмоционально окрашенных слов, восклицательных знаков, увеличенного шрифта). Помимо этого, его аккаунт лидирует по использованию баскского языка (в 2021 г. – 45% всей выгрузки). Что касается двух других политиков, то нет достаточных доказательств в пользу того, что они представляют отсутствие независимости басков как угрозу идентичности, так как присутствуют лишь некоторые элементы секьюритизации. Это также объясняется тем,

что политики БНП открыто не поддерживают независимость, а говорят о необходимости углубления автономии региона. В публикациях И. Уркульо секьюритизации не встречается, баскский язык используется лишь для официальных заявлений, поздравлений значимых деятелей культуры и спорта в регионе. А. Ортузар уделяет внимание внутрорегиональной политике и отношениям региона с центральным испанским правительством, а И. Уркульо все 5 лет поддерживает идею интернационализации региона, делает акцент на том, что регион европейский, а не испанский, и призывает к межрегиональному сотрудничеству как в Европе, так и во всем мире (в том числе через поддержку диаспор).

Общий статистический анализ выгрузки показывает растущий тренд на наличие секьюритизирующих элементов в публикациях. Подсчитаны отдельные компоненты секьюритизации (кодировались в процессе разработки программы исследования) и количество публикаций, где присутствовало более двух компонентов секьюритизации одновременно. Затем посчитана доля таких твитов в общем количестве публикаций националистического характера, что можно условно обозначить как процент секьюритизации. Таким образом, в 2017 г. – 4,3%; в 2018 г. – 10%; в 2019 г. – 6% (при этом абсолютные показатели по компонентам секьюритизации выросли); в 2020 г. – 11%; в 2021 г. – 26,3%.

В теории секьюритизации значимым компонентом является аудитория, то есть те, на кого направлен нарратив секьюритизации, те, кто может принять/не принять проблему как угрозу безопасности. Успех процесса секьюритизации зависит от того, удастся ли актору убедить свою аудиторию в реальности угрозы. В *Twitter* такой аудиторией являются подписчики аккаунтов политиков, а их реакцию можно проследить в виде т. н. «лайков» и «ретвитов» конкретных заявлений. А. Отеги более популярен в *Twitter*, чем его коллеги, как по количеству подписчиков, так и по количеству реакций на его заявления. В связи с тем, что к методам секьюритизации в большей части прибегает именно он, то здесь можно сделать вывод о значимости таких практик в развитии националистических настроений в регионе. Однако, стоит определить, какие же именно твиты вызывают наибольший отклик у аудитории в каждом из аккаунтов.

В 2017 г. абсолютное большинство «лайков» у всех трех политиков получили публикации, посвященные Каталонии и референдуму, а также критике действий правительства, особенно применению 155 ст. Конституции. В 2018 г. ситуация схожая: у всех политиков лидируют твиты по каталонской тематике, а также посвященные вопросу террористического прошлого. 2019 г. представлен уже не так однородно: у А. Отеги самыми популярными стали публикации с критикой государственной политики в Каталонии и твиты с элементами секьюритизации национализма. У А. Ортузара наибольшую популярность получили публикации националистического характера. Что касается И. Уркульо, то здесь наиболее поддержанными стали твиты, посвященные внутрорегиональным аспектам. 2020 г. значительно повлиял на тематику сообщений и их поддержку. Тема коронавируса – одна из лидирующих в аккаунтах И. Уркульо и А. Отеги, но вопросы национализма не потеряли своей актуальности. Так, самой популярной публикацией А. Отеги стало сообщение, секьюритизирующее самоопределение. Особое место в лидирующих

публикациях у всех политиков занимают сообщения с критикой деятельности других партий внутри региона и на общегосударственном уровне. 2021 г. схож по тенденциям с 2019 г.: самые популярные публикации И. Уркульо посвящены различным региональным вопросам, а у А. Отеги и А. Ортузара наибольшую поддержку получили критические сообщения в отношении испанского правительства, националистические твиты (в том числе про Каталонию) с элементами секьюритизации.

Наблюдается неоднозначность поддержки идеи самоопределения в баскском обществе, что подтверждается и другими опросами общественного мнения. Некоторые исследования¹ подчеркивают значимость сохранения собственной политической культуры, отличной от общеиспанской, однако аргументов за или против независимости не определяется. Возникает парадокс: в 2021 г. доля тех, кто не поддерживает идею сецессии, поднялась до рекордных для региона 41%², при этом также значительно выросла поддержка националистических партий (66,7%³), что говорит о росте националистических настроений, но не в сторону индпендизма, а в сторону расширения автономии. Вероятным выводом может стать формулировка причин секьюритизации через проблемы идентичности: баскскому обществу уже не так важна независимость региона по историческим и культурным причинам. На первое место выходят проблемы социально-экономического характера, поэтому секьюритизация строится вокруг включения этих проблем в общий дискурс идентичности как одной из фундаментальных ценностей, а также смещение фокуса в сторону независимости как единственной возможности решить проблемы социального характера.

Заключение

Восприятие идентичности как объекта безопасности проявляется и в других концептах, таких как культура безопасности (*security culture*), граница безопасности (*security border*). Общей является характеристика идентичности как принадлежащей «к разряду фундаментальных социальных ценностей (таких как суверенитет и пр.)» [Макарычев, 2008: 33]. Секьюритизация проблем идентичности и сепаратизма будучи вариантом политизации может приводить к непредсказуемым последствиям, ведущим к нестабильности всей политической системы. К крайним формам относятся терроризация и развитие экстремизма (как аспект политизации: « экстре-

¹ Estudio Cualitativo sobre la percepción ciudadana en torno a la situación y evolución socio-política vasca. Oleada 1. Año 2021. Informe de resultados (Junio de 2021). URL: https://www.ivap.euskadi.eus/contenidos/documentacion/o_21kua1/es_def/adjuntos/21kua1_es.pdf (дата обращения: 20.08.2021)

² El País. La paradoja de Euskadi: menos independismo, mas nacionalismo. 18.07.2021. URL: <https://elpais.com/espana/2021-07-18/la-paradoja-de-euskadi-menos-independentismo-mas-nacionalismo.html> (дата обращения: 20.08.2021)

³ El País. La paradoja de Euskadi: menos independismo, mas nacionalismo. 18.07.2021. URL: <https://elpais.com/espana/2021-07-18/la-paradoja-de-euskadi-menos-independentismo-mas-nacionalismo.html> (дата обращения: 20.08.2021)

мальным может быть все, что имеет свои границы» [Макарычев, 2008: 31]. Секьюритизация предусматривает предложение актором использовать исключительные меры для предотвращения угрозы, в связи с чем подобные попытки переноса проблем социальной идентичности в плоскость безопасности могут формировать реальную угрозу стабильности. Применительно к баскскому случаю в общеиспанском контексте ситуация осложняется такими факторами как: наличие продолжительного террористического прошлого, когда организация «ЭТА» являлась лидирующей националистической силой региона; присутствие тренда на секьюритизацию именно в риторике наиболее радикальной партии *EH Bildu*, связанной с бывшей партией «Батасуна» (политическое крыло «ЭТА»); усиление озабоченности социально-экономическими проблемами особенно в результате влияния пандемии COVID-19¹; рост поддержки националистов.

Наличие компонентов секьюритизации в публикациях наиболее радикальных представителей баскского национализма представляется ни чем иным, как способом «освежить» идею национализма в обществе: риторика исторической, культурной и лингвистической важности обретения независимости потеряла свою актуальность на фоне экономических и социальных проблем. В связи с чем суверенитет становится инструментом устранения угрозы социальной идентичности.

Баскский сепаратизм представляется более устойчивым и последовательным, чем каталонский (например, после неудавшегося референдума в Каталонии большинство в парламенте региона получила антинационалистическая центристская партия *Ciudadanos*). Националистические партии (прежде всего, БНП) прочно обосновались у власти в автономном сообществе с начала действия Статута Герники. Однако формат этого национализма видоизменился со времен «ЭТА», можно даже сказать приспособился к нынешним реалиям. Отсюда возникает вывод о высокой степени адаптивности баскского национализма. Когда апелляция к историческим корням потеряла общественную поддержку, был найден другой способ его рационализации: защита социальных прав, идентичности, решение актуальных проблем. С точки зрения целостности испанского государства именно баски представляют основную угрозу (существует точка зрения, что автономизм наносит больше вреда суверенитету, чем сепаратизм [Макаренко, 2009]: автономизм трансформирует государство изнутри, лишая его суверенности). С учетом нынешней риторики БНП – интернационализация региона, выход на общеевропейский и международный уровни и стремление к взаимодействию с другими этническими регионами – можно предположить, что именно баскский национализм может оказывать значимое влияние (в том числе негативное) на общеиспанские и общеевропейские процессы.

¹ Estudio Cualitativo sobre la percepción ciudadana en torno a la situación y evolución socio-política vasca. Oleada 1. Año 2021. Informe de resultados (Junio de 2021). URL: https://www.ivap.euskadi.eus/contenidos/documentacion/o_21kua1/es_def/adjuntos/21kua1_es.pdf (дата обращения: 20.08.2021)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гайдаев О.С. (2021) Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 21. № 1. С. 20–32. DOI 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32

Ефанова Е.В. (2020) Социальные медиа в американской публичной политике (на примере социальной сети Twitter). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. Т. 25. № 3. С. 172–179. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.15>

Макаренко В. П. (2009) Теория сецессии: посылки и аргументы. *Философия права*. № 2(33). С. 45–50.

Макарычев А. (2008) Безопасность и возвращение политического: критические дебаты в Европе. *Индекс безопасности*. Т. 14. № 4 (87). С. 25–40.

Морозов В.Е. (2011) Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 24–35.

Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В. (2020) Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности. *Политическая наука*. № 2. С. 66–86. DOI 10.31249/poln/2020.02.03.

Сиркия Н.П. (2018) Политический дискурс vs политический интернет-дискурс: сходства и различия (когнитивный аспект). *Историческая и социально-образовательная мысль*. Т. 10. № 2-2. С. 164–170. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-164-170

Уварова Е.А. (2018) Типологические характеристики новостного веб-сайта как поликодового текста (на примере информационного портала «The Onion»). Дис.... канд. филол. наук. Московский пед. гос. ун-т. Москва. 227 с.

Buzan B. (1983) *People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations*. Wheatsheaf Books. 262 p.

Perea Unceta J.A. (2014) El secesionismo catalane en el contexto del derecho internacional. *Foro, Nueva época*. Vol. 17. No 2, pp. 117–155.

Wæver O. (1989) *Security, The Speech Act: Analysing the Politics of a Word*. 2nd draft. Center of Peace and Conflict Research.

Wæver, O (1995) *Securitization and desecuritization*. In: Lipschutz, RD (ed.) *On Security*. New York. Columbia University Press, pp. 46–86.

Yu C.H., Jannasch-Pennell A., Digangi S. (2011) Compatibility between Text Mining and Qualitative Research in the Perspectives of Grounded Theory, Content Analysis, and Reliability. *Qualitative Report*. 16, pp. 730–744. 10.46743/2160-3715/2011.1085.

Securitization of Separatism in the Basque Country

Yu.N. Frolova*

Candidate of Science (Politics)

Senior Lecturer of Department of Political Science Herzen University.

48, Moika river, Saint-Petersburg, Russia, 191186.

***E-mail:** frolovayuliya@yahoo.com

Abstract. The article addresses the issue of securitization of Basque separatism. The author argues that Basque nationalist groups have transformed the problem of self-determination into matter of security and reveals the ways where and why it happens. The research is based on the Copenhagen School securitization concept and has been conducted on the basis of data obtained from Twitter accounts of Basque nationalist leaders with the use of qualitative data analysis methods in Atlas.ti research software. The analysis covers period from January 2017 – October 2021. The research revealed that Basque nationalist parties are different in understanding the necessity of self-determination. Radical political groups such as EH Bildu prefer societal securitization on the basis of identity while moderate nationalist groups prioritize transnational ideas such as «Europe of the regions» concept. The author assumes that the way of securitization was taken due to the growing disinterest of society in historical and cultural roots of Basque self-determination. The analysis shows that securitizing of separatism is a growing trend in nationalist discourse. This trend is monitored carefully due to its propensity to pose a terrorist threat. At the same time the author emphasizes a high level of interdependence between European regions. The instability in Basque Country may cause problems in other European regions where the issues of nationalism are at the top of the agenda.

Key words: Separatism, securitization, Basque Country, Twitter, qualitative data analysis.

DOI: 10.31857/S020170832204009X

EDN: gkfvpd

REFERENCES

- Buzan B. (1983) *People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations*. Wheatsheaf Books. 262 p.
- Efanova E. V. (2020) Sotsial'nye media v amerikanskoj publichnoy politike (na primere sotsial'noi seti Twitter) [Social media in American public policy (on the example of the social network Twitter)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 25. No 3, pp. 172–179. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.15> (In Russian).
- Gaidaev O. S. (2021) Teoriya sek'yuritizatsii, ili Khorosho zabytoe staroe: k voprosu o teoretiko-filosofskikh istokakh i zarozhdenii teorii [Securitization Theory or a Well Overlooked Old: On the Philosophical and Theoretical Premises and Origins of the Theory]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 21. No 1, pp. 20–32. DOI 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32 (In Russian).
- Makarenko V. P. (2009) Teoriya setsessii: posylki i argumenty [Theory of secession: premises and arguments]. *Filosofiya prava*. No 2(33), pp. 45–50. (In Russian).
- Makarychev A. (2008) Bezopasnost' i vozvrashchenie politicheskogo: kriticheskie debaty v Evrope [Security and the Return of the Political: Critical debates in Europe]. *Indeks bezopasnosti*. Vol. 14. No 4 (87), pp. 25–40. (In Russian).
- Morozov V.E. (2011) Bezopasnost' kak forma politicheskogo: o sek'yuritizatsii i politizatsii [Security as a form of Political: about securitization and politicization]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No 3, pp. 24–35. (In Russian).

Perea Unceta J.A. (2014) El scenismo catalane en el contexto del derecho internacional. *Foro, Nueva época*. Vol. 17. No 2, pp. 117–155.

Sevast'yanova Ya. V. Efremenko D.V. (2020) Sek'yuritizatsiya pamyati i dilemma mnemonicheskoi bezopasnosti [Securitization of memory and dilemma of mnemonic security]. *Politicheskaya nauka*. No 2, pp. 66–86. DOI 10.31249/poln/2020.02.03. (In Russian).

Sirkiya N.P. (2018) Politicheskii diskurs vs politicheskii internet-diskurs: skhodstva i razlichiya (kognitivnyi aspekt) [Political discourse vs political internet discourse: similarities and distinctions (cognitive aspect)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. Vol. 10. No 2-2, pp. 164–170. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-164-170 (In Russian).

Uvarova E.A. (2018) Tipologicheskie kharakteristiki novostnogo veb-saita kak polikodovogo teksta (na primere informatsionnogo portala «The Onion») [Typological characteristics of a news website as a policode text (on the example of an information portal «The Onion»)]. Dis.... kand. filol. nauk. Moskovskii ped. gos. un-t. Moscow. 227 p. (In Russian).

Wæver O. (1989) Security, The Speech Act: Analysing the Politics of a Word. 2nd draft. Center of Peace and Conflict Research.

Wæver O. (1995) Securitization and desecuritization. In: Lipschutz, RD (ed.) *On Security*. New York. Columbia University Press, pp. 46–86.

Yu C.H., Jannasch-Pennell A., Digangi S. (2011) Compatibility between Text Mining and Qualitative Research in the Perspectives of Grounded Theory, Content Analysis, and Reliability. *Qualitative Report*. 16, pp. 730–744. 10.46743/2160-3715/2011.1085.

УДК 327

ОТНОШЕНИЯ ТУРЦИИ И НАТО В ОЦЕНКАХ ТУРЕЦКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

© 2022 СВИСТУНОВА Ирина Александровна*

Кандидат исторических наук

*Старший научный сотрудник, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН,
117997, Россия, Москва, Профсоюзная, 23.*

**E-mail: svistunova.irina@gmail.com*

Поступила в редакцию 18.03.2022

После доработки 15.04.2022

Принята к публикации 16.05.2022

Аннотация. В статье представлен анализ основных направлений турецких дискуссий по вопросам отношений Турции и НАТО. Членство в НАТО является одним из важнейших направлений внешней политики Анкары со времен холодной войны и до наших дней. Вместе с тем эти отношения вызывают неоднозначные оценки турецких исследователей, которые не теряют интереса к данной теме, продолжая публиковать работы, посвященные как историческим сторонам вопроса, так и современным проблемам. Широкое внимание вызывает вопрос о причинах и последствиях вступления Турции в НАТО. В той или иной мере эта тема затронута почти во всех турецких публикациях. Экспертное сообщество Турции проявляет большой интерес и к проблеме вклада Анкары в деятельность альянса. На современном этапе этот вопрос приобретает иное измерение в связи с появлением у НАТО новых задач и поиском Турцией своей новой миссии как в рамках альянса, так и в целом в контексте изменившихся геополитических реалий. Важным аспектом проблемы остается традиционно высокий уровень антинатовских настроений в Турции, который подтверждается последними опросами общественного мнения. Дискуссии турецких экспертов относительно перспектив, положительных и отрицательных моментов турецко-натовских отношений являются реакцией на политические события, затрагивающие сотрудничество Анкары со странами Запада.

Ключевые слова: Турция, НАТО, внешняя политика Турции, международные отношения.

DOI: 10.31857/S0201708322040106

EDN: gkieqe

Присоединение Турции к Североатлантическому альянсу в 1952 г. стало важным этапом формирования внешней политики Анкары, не утратившей актуальности до настоящего времени. Президент Р.Т. Эрдоган заявил по случаю семидесятилетнего юбилея вступления страны в НАТО, что Турция всегда занимала принципиальную, ответственную и важную позицию внутри альянса, и что она намерена продолжать ту же линию в дальнейшем¹. Членство в НАТО остается ключевым элементом безопасности и свидетельством принадлежности Турции к Западному миру. Вместе с тем со времен холодной войны до наших дней турецкое общество отличается самым высоким среди прочих стран-членов альянса уровнем антинаатовских настроений. За прошедшие десятилетия из-под пера турецких ученых и журналистов вышло множество книг, научных статей и газетных публикаций, посвященных различным аспектам отношений Анкары и НАТО. В статье рассмотрены турецкие дискуссии по наиболее острым вопросам отношений с альянсом.

Вступление Турции в НАТО

Турция неоднократно выражала намерение стать членом новой организации еще в процессе подготовки к созданию НАТО. Однако приглашения присоединиться к странам-учредителям Анкара не получила. Нежелание западных стран принять Турцию в Атлантический пакт при его создании в 1949 г. вызвало неоднозначную реакцию и противоречивые оценки в Турции.

Официальные лица выступали за вхождение страны в альянс, воспринимая его как инструмент поддержания международного мира и безопасности. «Мы рассматриваем Атлантический пакт как великую оборонительную систему, которая сохранит мир и безопасность в Европе, мы верим в то, что этот пакт окажет великую помощь европейскому миру», – заявил министр иностранных дел Турции Неджметтин Садак в марте 1949 г.² В Турции были распространены ожидания столкновения между СССР и странами Запада, которое может привести к началу третьей мировой войны. Подход к внешней политике выстраивался с учетом этой угрозы. «Было бы желательно и наше участие в Атлантическом пакте, так как он не преследует агрессивной цели. Желательно, чтобы турецкие территории во время третьей мировой войны остались неприкосновенными», – отмечал турецкий президент Джелиаль Баяр³.

Оппозиционные газеты, напротив, выразили мнение, что неучастие Турции в НАТО позволит ей избежать вовлечения в третью мировую войну. «Атлантический пакт не является развлечением, и он содержит в себе как гарантии, так и риск, и никто сегодня не может утверждать, чего в нем больше – риска или гарантии. Хотя то обстоятельство, что мы остаемся вне Атлантического пакта, и лишает нас совместного и формального обязательства восьми государств, но зато оно дает нам

¹ Anadolu News Agency (2022), “Cumhurbaşkanı Erdoğan, NATO Genel Sekreteri Stoltenberg ile görüştü”. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/politika/cumhurbaskani-erdogan-nato-genel-sekreteri-stoltenberg-ile-gorustu/2506579#> (дата обращения: 09.04.2022)

² АВП РФ. Ф. 194. ОП. 146. П. 130. Д.5. Л.9.

³ АВП РФ. Ф. 194. ОП. 146. П. 130. Д.5. Л.6.

такую же свободу действий в третьем мировой войне, какая у нас была во время второй мировой войны. Эта свобода, которая дает нам шанс на нейтралитет, может изменить направление наступления агрессора и удалить его от турецких территорий», – писала турецкая газета «Улус» в марте 1949 г.¹

Дальнейшие дискуссии продолжались в том же ключе: власти Турции стремились заручиться западными, в первую очередь, американскими гарантиями безопасности. Оппозиция выражала сомнения в дальновидности такого подхода, призывая к нейтралитету.

В 1950 г. Турция дважды официально обращалась к НАТО по вопросу о членстве, но получала отказы под предлогом того, что географически она не входит в атлантическую зону. В июле 1950 г. турецкое правительство даже приняло решение отправить турецких солдат на войну в Корею в составе многонациональных сил. Премьер-министр Аднан Мендерес рассчитывал, что этот жест военной солидарности с Западом облегчит для Турции вступление в НАТО. Наконец, в сентябре 1951 г. при активном участии Вашингтона альянсом было принято положительное решение, и в феврале 1952 г. Турция, одновременно с Грецией, стала членом НАТО.

В официальной турецкой историографии принято считать важной причиной присоединения Анкары к Североатлантическому альянсу советские требования пересмотреть условия Московского договора 1921 г., включив Карс и Ардаган в состав СССР, и попытки Москвы добиться совместного с турками контроля над Черноморскими проливами [Sarınaç, 1988: 45]. Турецкие авторы ссылаются на тот факт, что в 1945 г. Москва денонсировала советско-турецкий Договор о дружбе и нейтралитете 1925 г., а также на советские ноты 1946 г., содержавшие требования по проливам [Atlantik ittifakı, 1970: 16–17]. Этой проблеме посвящены отдельные исследования, среди которых можно выделить изданную в 2010 г. книгу бывшего директора государственного Центра ататюрковских исследований профессора Мехмета Сарая «Вступление Турции в НАТО перед лицом советской угрозы. Воспоминания и документы третьего президента Джемалья Баяра» [Saray, 2000].

В то же время ряд турецких исследователей придерживается мнения о том, что присоединение Анкары к НАТО определялось не только советско-турецкими отношениями, но являлось следствием более глубоких процессов поиска Турцией своего места на международной арене в условиях раскола мира на два противостоящих идеологических и военно-политических лагеря. Такая точка зрения, рассматривающая вступление в НАТО как цивилизационный выбор, встречается и в работах периода «холодной войны», и в современных турецких исследованиях.

Надо отметить, что после вступления в НАТО официальные лица также подчеркивали, что для Турции этот шаг был своего рода цивилизационным выбором. Так, турецкий министр иностранных дел Феридун Джемаль Эркин, выступая в сентябре 1963 г. на заседании Ассоциации Атлантического договора в Анкаре, заявил, что «НАТО не является лишь военным и политическим союзом, созданным под давлением преходящих событий. Она представляет собой такое сообщество, которое руководствуется одними и теми же идеалами свободы и справедливости и вдохновляется

¹ АВП РФ. Ф. 194. ОП. 146. П. 130. Д.5. Л.32.

источниками одной и той же цивилизации... Турция, которая является западным государством с точки зрения своих политических и социальных институтов, культурных ценностей и идеалов, вступая в это сообщество, взяла на себя роль, которая возлагается на нее в деле защиты цивилизации, к которой она относится»¹.

Интересный анализ причин вступления Турции в НАТО дал известный турецкий ученый профессор Тюрккая Атаёв – автор увидевшей свет в 1969 г. монографии «США, НАТО и Турция», которая была переведена на русский язык в 1983 г. и снова переиздана на турецком в 2006 г. Атаёв связывает сближение Турции с западным миром с экономическими факторами. После провозглашения республики новое руководство страны поставило цель обеспечения экономической независимости Турции. Важным этапом на этом пути было вытеснение из турецкой экономики иностранного капитала и возвращение национальной буржуазии. Несмотря на государственную поддержку, турецкая буржуазия не смогла завоевать ведущие позиции в основных отраслях экономики и постепенно взяла на себя роль представителя крупного иностранного капитала. По мнению Т. Атаёва, именно эта внутренняя ситуация стала подлинной причиной сближения со странами Запада во внешней политике Турции [Атаёв, 1983: 189–190].

Версию об экономической мотивации сближения Анкары с Западом поддерживают и некоторые современные турецкие исследователи. Они указывают, что не менее важной, чем советская угроза, причиной интеграции Турции в западные структуры была потребность в обеспечении быстрого экономического роста и модернизации экономики страны [70 yıllık..., 2022: 9].

В публикации «Турецкого общества Атлантического договора» за 1970 г. утверждалось, что вступление Турции в альянс в значительной степени определялось поиском баланса сил во внешней политике. Отмечалось также, что инициатива присоединения к НАТО исходила от Анкары, прилагавшей усилия для того, чтобы преодолеть сопротивление европейских стран и убедить США оказать поддержку членству Турции [Atlantik ittifakı, 1970: 21].

Современный турецкий автор Серхат Гювенч согласен с тем, что, вступая в НАТО, Анкара рассчитывала облегчить себе доступ к американской помощи на случай угрозы со стороны СССР [Güvenç, 2013: 1]. В то же время Гювенч не разделяет популярное в турецкой историографии мнение о том, что принятие Турции в альянс стало наградой за участие турецких солдат в Корейской войне. Он считает, что этот факт скорее определялся обострением глобальной геополитической борьбы, стремлением США сдерживать СССР, как в военном, так и в идеологическом плане [Güvenç, 2013: 1–2].

Еще один современный турецкий политолог Тарык Огузлу полагает, что помимо соображений безопасности, вступление Турции в НАТО было связано с поиском Анкарой своей идентичности, попытками определить направления дальнейшего развития страны. Вступление в НАТО воспринималось турецким обществом как новый этап на пути вестернизации (европеизации, модернизации), по которому страна двигалась на протяжении десятилетий. Членство в альянсе позволяло Анка-

¹ АВП РФ. Ф. 132. ОП. 53. П. 168. Д.10. Л.11.

ре считать себя частью Европы. В то же время руководство НАТО было остро заинтересовано в сотрудничестве с Турцией по причине ее уникального географического положения и военного потенциала. Это обстоятельство воспринималось турецкой стороной в качестве «козыря», усиливающего позиции Турции в дискуссиях с Западом [Oğuzlu, 2012: 61].

Заслуживает внимания подход к проблеме сотрудницы анкарского Университета Билькент Нур Бильге-Крисс, опубликовавшей в 2012 г научную статью «Историческое измерение союза Турции и НАТО» в турецком журнале «Международные отношения». В работе была поставлена задача выйти за рамки «таких классических понятий, как «советская угроза» и «вестернизация» при рассмотрении вопроса о настойчивом стремлении Анкары вступить в НАТО» [Bilge-Criss, 2012: 3].

Автор утверждает, что необходимо учитывать глубинные мотивы внешнеполитического мышления турок на протяжении всего XIX столетия, боровшихся за то, чтобы стать частью системы международных отношений и не остаться один на один с грозным северным соседом. Наряду с этим не входившая в «европейский концерт» Османская империя опасалась повторить судьбу Речи Посполитой, которую великие державы разделили в конце XVIII в. с целью сохранения баланса сил на мировой арене. Таким образом, османы начали считать своей жизненно важной задачей включение в систему европейских стран в качестве полноправного субъекта [Bilge-Criss, 2012: 7].

Опасения международной изоляции влияли на политику Турции и после Второй мировой войны, в ходе которой Анкара лавировала между двумя воевавшими коалициями. Что касается послевоенных советских требований к Турции, то, по мнению Н. Бильге-Крисс, они были элементом психологического давления, которое Москва применяла к Анкаре, начиная с Ялтинской конференции. В реальности Турция не ожидала никакого удара с севера, несмотря на антитурецкие публикации в советской прессе и концентрацию войск на границе. Истощенному войной и потерявшему более 20 млн своих граждан СССР не нужен был еще один вооруженный конфликт [Bilge-Criss, 2012: 13].

Рассматривая вопрос о советских предложениях совместной с турками обороны проливов, следует принимать во внимание их исторический контекст. В годы Второй мировой войны при формальном нейтралитете Турция поставляла в Германию сырьё стратегического значения – хром и медь, необходимые для военной промышленности Третьего Рейха. Вопреки положениям Конвенции Монрё турки неоднократно пропускали через проливы немецкие военные и военно-вспомогательные суда, участвовавшие в морских операциях против СССР¹. Неудивительно, что у советского руководства появилось желание гарантировать национальную безопасность своей страны.

С другой стороны, можно вспомнить и о том, что на международной Женевской конференции по разоружению 1932 г., на которой Москва и Анкара придерживались близких позиций, турецкий министр иностранных дел Тевфик Рюшту Арас сам предлагал участникам признать совместную ответственность СССР и Турции за обо-

¹ АВП РФ. Ф. 132. ОП. 31. П. 112. Д.4. Л. 31–33.

рону проливов. Возвращение Москвы к этому проекту в 1945 г. вовсе не было новой идеей, не известной турецкой стороне и не обсуждавшейся СССР и Турцией ранее.

Роль Турции в Североатлантическом альянсе

Граничившей с Советским Союзом Турция всегда отводилось важное место в контексте натовской политики сдерживания и окружения СССР. Анкара готова была предоставить в распоряжение альянса 18 дивизий, которые служили внушительным дополнением к 20-ти западноевропейским дивизиям. Членство Турции в НАТО вынуждало Москву постоянно держать значительные силы на Кавказе, что облегчало положение Европы и задачу США по ее защите. На турецкой территории были созданы десятки натовских и американских военных объектов. В стратегических концепциях альянса Турции отводилась роль «буфера», призванного принять на себя первый удар советской армии в случае начала войны.

Современные турецкие авторы отмечают, что Турция всегда была верным союзником НАТО и могла служить примером для других членов альянса по многим параметрам своего участия в его деятельности. Даже в моменты серьезных кризисов в отношениях с организацией или отдельными странами-членами Анкара ни на шаг не отступала от выполнения своих обязательств, обеспечивая стабильность восточного и южного флангов альянса [70 yillik..., 2022: 31].

После окончания «холодной войны» и распада СССР «сдерживание советской угрозы» уже не могло служить ядром турецко-натовского сотрудничества. Новая геополитическая ситуация привела к изменению роли Турции в качестве члена Североатлантического альянса. Анкара стремилась к активному участию в процессе трансформации НАТО после «холодной войны», выработке новых подходов к миссии и географической зоне ответственности альянса. Благодаря развитию отношений со странами Закавказья, Балкан и Ближнего Востока Турция могла содействовать продвижению интересов НАТО в этих регионах, участвуя в подготовке военнослужащих в рамках программы «Партнерство ради мира». Вклад Анкары осуществлялся не только в области «жесткой силы», но также с применением инструментов «мягкой силы», которыми турки стали активно пользоваться в постбиполярном мире.

В программном докладе по внешней политике Турции на 2022 г. министр иностранных дел М. Чавушоглу отметил, что членство в НАТО усиливает способности Анкары противостоять новым угрозам безопасности, проистекающим из геостратегического положения страны. В числе таких угроз были упомянуты терроризм, гибридные войны, массовые миграции, гуманитарные кризисы и эпидемии [Çavuşoğlu, 2021: 27–28]. Таким образом, официальная Анкара продолжает поиск отвечающего современным реалиям наполнения своих отношений с НАТО.

В феврале 2022 г. близкий к правительству Турции аналитический центр СЕТА опубликовал серию интервью с известными турецкими политологами, которым предлагалось ответить на несколько вопросов, касающихся их оценки взаимоотношений Анкары и НАТО. Все эксперты полагают, что в дальнейшем значение Турции для альянса будет только увеличиваться. Турецкие исследователи отмечают,

что достижения Анкары в сфере развития оборонной промышленности отвечают интересам технологического совершенствования альянса. Турция может вносить вклад в натовскую стратегию сдерживания и делиться своим опытом борьбы с асимметричными угрозами. Стремление стран НАТО снизить энергетическую зависимость от России позволяет использовать территорию Турции для прокладки альтернативных маршрутов. Анкара может не только выступать проводником западных идей, но также обеспечивать альянс экспертными оценками ситуации в соседних с Турцией странах [70 yillik..., 2022].

В то же время ряд турецких экспертов, таких как М.А. Кирешчи, Ч. Эрхан, М. Аслан, разделяют мнение о том, что альянс не проявляет достаточного внимания к озабоченностям Турции в сфере безопасности. Недовольство Анкары вызывает индифферентное отношение союзников по НАТО к ее борьбе с угрозами, исходящими от действующих на территории Сирии курдских вооруженных формирований, которые в Турции считают террористами, связанными с Рабочей партией Курдистана (РПК) [70 yillik..., 2022: 13]. Как образно заметил политолог М. Аслан, «члены НАТО должны вести себя как союзники не только в штаб-квартире альянса» [70 yillik..., 2022: 30].

Дискуссии по вопросу отношений Турции и НАТО

Разногласия по поводу отношений Анкары с альянсом продолжают в турецком обществе с давних пор. Они зародились еще на этапе подготовки к членству и не прекратились после вступления Турции в НАТО. Напротив, дискуссии стали частью внутривнутриполитической жизни страны. Противников членства более всего волновали две угрозы: перспектива быть втянутыми в войну автоматически и утрата Турцией своей внешнеполитической и экономической независимости в связи с обязательствами по выделению крупных сумм на военные расходы. Критику вызывала практика создания в Турции американских военных баз под видом натовских и тот факт, что членство в альянсе тормозило развитие турецкой оборонной промышленности, превращая страну в покупателя американского вооружения [Doster, 2012: 36–37]. Недовольство подогревалось и тем обстоятельством, что значительная часть отношений Анкары с НАТО носила секретный характер, и власти нередко принимали решения без ведома парламентариев.

Конституция 1961 г., принятая после военного переворота в Турции, способствовала резкому оживлению политической активности в стране. Основными политическими силами, выступавшими против членства Турции в НАТО и сотрудничества с Вашингтоном, стали левые социалисты и кемалисты. Правые националисты и религиозные консерваторы, напротив, видели основную угрозу в коммунизме и полагали, что НАТО защищает Турцию от этой угрозы. Начались регулярные протестные выступления студенчества и рабочих профсоюзов, которые вступали в драки с американскими моряками в Стамбуле и сбрасывали их в море. В свою очередь турецкие националисты нападали на социалистов и устраивали публичные намазы на улице, используя американские корабли в качестве киблы, указывающей направление в сторону Мекки [Doster, 2012: 40]. Апофеозом противостояния стало

прибытие в Турцию Шестого флота США в феврале 1969 г. Это вызвало массовые протесты и беспорядки в Стамбуле, которые стали причиной гибели людей в ходе столкновений демонстрантов с полицией, а также вооруженных конфликтов между сторонниками правых и левых политических течений.

В этот же период появились работы турецких ученых левых взглядов, анализировавших отношения Турции с НАТО и США сквозь призму сотрудничества с империалистами и отхода от внешней политики Ататюрка, предполагавшей нейтралитет страны на международной арене. Ярким примером такого подхода служит изданная в 1968 г. монография Али Халиля «Ататюркистская внешняя политика и НАТО и Турция». Автор рассматривал отношения Анкары с альянсом и США в контексте внешней политики Турции, начиная со времен Освободительной войны (1919–1923) и вплоть до современного ему периода. А. Халиль утверждал, что НАТО является инструментом американской политики установления мировой гегемонии, вступление в альянс Турции отвечало интересам Запада, но не Анкары, и оказалось предательством политики Ататюрка [Halil, 1968].

В глазах турецкого общества отношения с США во многом были неотделимы от отношений с НАТО. Действительно, кризисы в турецко-американских отношениях одновременно становились конфликтами между Анкарой и НАТО. В период «холодной войны» острым разочарованием для турок стало письмо президента Джонсона, в котором содержалась угроза отказа альянса от защиты Турции, если она подвергнется советской атаке по причине интервенции на Кипр в 1964 г. Следующий кризис случился десять лет спустя, когда турецкая армия действительно вторглась на Кипр. Вашингтон ввел эмбарго на поставки оружия в Турцию, действовавшее с 1975 по 1978 гг.

Подобные события вносили свой вклад в рост антинаатовских настроений в Турции. Тенденция не изменилась и в реалиях XXI в. Турецкое общество с негодованием восприняло оскорбительный для страны инцидент 2003 г., когда американские военные арестовали турецких офицеров, находившихся при исполнении служебных обязанностей в Ираке, и вывели их на улицу, надев им на головы мешки, как террористам.

В 2004 г. вышла книга Эрала Бильбилика «НАТО, Стамбульский саммит и стратегия Большого Ближнего Востока», в которой анализировались задачи и стратегии альянса в период после холодной войны. В работе утверждалось, что Вашингтон снова стремится использовать Турцию в рамках НАТО в качестве «прифронтового государства» в своей стратегии Большого Ближнего Востока [Bilbilik, 2004: 23]. Автор делал вывод о том, что Анкара не может защищать свои национальные интересы, оставаясь членом альянса и подчиняясь американским стратегиям. По этой причине Турции следует выйти из него, например, воспользовавшись опытом Франции, которая в свое время покинула военную организацию НАТО, продолжая участвовать в политических структурах альянса [Bilbilik, 2004: 108–109].

Не иссякал интерес турецких ученых и к историческим аспектам турецко-наатовских отношений. В 2006 г. в Анкаре увидела свет монография Тургая Мериха «Холодная война и Турция (1945–1960)», в которой членство Анкары в НАТО рассматривалось в общем контексте международных отношений и турецкой внешней

политики того времени. Т. Мерих не критикует само вступление Турции в НАТО, полагая, что оно позволило стране обеспечить свою безопасность. Тем не менее, автор утверждает, что впоследствии Анкара заплатила за это высокую цену именно в области международных отношений. В частности, Турция была вынуждена блюсти чужие интересы в ближневосточном регионе и испортила отношения с арабским миром, предоставила свою территорию для военных баз США и наделила американцев правами, ущемляющими национальный суверенитет, и, в конечном итоге, утратила независимость во внешней политике [Merih, 2006: 149].

Кризисным моментом в турецко-натовских отношениях стала равнодушная реакция Запада на попытку военного переворота в Турции в 2016 г. Источником противоречий служат турецко-греческие конфликты в Эгейском регионе и Средиземном море. Попытки США заставить Анкару отказаться от военного сотрудничества с Россией и покупки российских систем С-400 внесли дополнительную напряженность в отношения Турции с альянсом. Исключение турок из программы производства истребителей F-35 и введение против Турции американских санкций СААТSA расцениваются турецкими экспертами как глубокий кризис доверия между союзниками по НАТО [70 uylük..., 2022: 17].

В 2019 г. Институт Турции 21-го века опубликовал доклад «Турция и НАТО. Кто из них больше нуждается друг в друге?». Автор доклада Бирджихан Дилек, отставной сотрудник командования ВВС Турции, подробно разбирает положительные и отрицательные аспекты союза Анкары и НАТО за весь период членства Турции в альянсе. Основная идея работы заключается в том, что пребывание в НАТО позволило турецкой армии получить доступ к западному вооружению, военно-инженерному опыту, образованию и т.д., но лишило Турцию возможности развития национальной оборонной промышленности и тем самым поставило ее в жесткую зависимость от других стран в вопросе обеспечения национальной безопасности. Рассуждает автор и о военно-стратегических последствиях гипотетического отказа Турции от вступления в НАТО в 1952 г. или выхода Анкары из альянса в наши дни. Приходя к выводу о том, что никаких катастрофических последствий для Турции это не повлекло бы, Б. Дилек утверждает, что НАТО больше нуждается в альянсе с Турцией, чем она с ним [Dilek, 2019].

На фоне противоречий Турции с НАТО и США дискуссии в экспертных кругах и турецком обществе приняли настолько оживленный характер, что в феврале 2021 г. Центром экономических и внешнеполитических исследований был издан доклад трех бывших постпредов Анкары при НАТО, озаглавленный «Турция без НАТО». Постпреды выражали озабоченность тем, что «недостаток знаний о НАТО и положении Турции в организации приводят к распространению в турецком обществе спекулятивных мнений» [Üzümcü, İldem..., 2021: 2]. Авторы попытались обосновать преимущества членства в альянсе и убедить общество в необходимости продолжать движение по этому пути. Они также стремились опровергнуть «распространенное в Турции мнение о том, что НАТО является «задним садом» США» и что Анкара подвергается давлению при принятии решений внутри альянса [Üzümcü, İldem..., 2021: 3].

Тем не менее в июне 2021 г. были обнародованы результаты опроса, проведенного стамбульским центром изучения общественного мнения AREDA. Согласно полу-

ченными данными, 90% респондентов не верят в то, что НАТО придет на помощь Анкаре в случае необходимости, 51,7% полагают, что альянс использует Турцию в своих интересах, а 70,4% расценивают пребывание на турецкой территории военных баз НАТО в качестве угрозы национальной безопасности [Çelik, 2021: 3].

Не прекратились и академические дискуссии по теме турецко-натовских отношений. Даже в журнале «Критер», издающемся проправительственным центром СЕТА, появилась статья известного турецкого профессора Кемаля Ината «Что НАТО предлагает Турции в XXI веке?», в которой ученый излагает скептические взгляды на проблему. По его мнению, Анкара вступила в альянс в сложных для нее международных условиях, а потому оказалась вынуждена принять неравноправную форму отношений с США. При этом Вашингтон продолжил попытки вмешиваться во внутренние дела Турции и после окончания «холодной войны», что приводит к конфликтам в турецко-американских отношениях и к отдалению Анкары от Запада [İnat, 2021: 62]. Инат полагает, что на современном этапе НАТО не способна защитить Турцию ни от глобальных, ни от асимметричных угроз. Анкара будет оставаться членом альянса в интересах сохранения баланса в своих отношениях со странами Запада, Россией и Китаем, однако союзникам по НАТО не следует раздражать Турцию, ущемляя ее возможности проводить независимую политику в области оборонной промышленности и разведки углеводородных ресурсов [İnat, 2021: 64].

В мае 2022 г. на фоне российской спецоперации на Украине Финляндия и Швеция подали заявки на вступление в НАТО. Анкара заблокировала начало переговоров о членстве до тех пор, пока Хельсинки и Стокгольм не откажутся от поддержки РПК и аффилированных с ней организаций сирийских курдов. Эти события вызвали в Турции новый всплеск дискуссий об отношениях страны с альянсом.

Директор аналитического центра СЕТА Бурханеттин Дуран в статье под названием «Благоприятная возможность, которую Турция предоставляет НАТО», назвал ошибочным мнение о том, что позиция Анкары может подорвать солидарность членов альянса. По мнению Дурана, ситуация прямо противоположна: требования Турции позволяют странам НАТО проявить единство в вопросе борьбы с терроризмом и усилить свою солидарность [Duran, 2022].

Известный политолог Мехмет Али Гюллер, оценивая происходящие события, написал в оппозиционной газете «Джумхуриет», что Хельсинки и Стокгольм приняли решение о вступлении в НАТО под давлением США, которые стремятся окружить Россию и восстановить свою гегемонию в Европе [Güller, 2022]. В свою очередь журналист газеты «Миллиет» Тунджа Бенгин заявил, что, даже если Финляндия и Швеция пообещают Турции изменить свою позицию, а Вашингтон сделает вид, что он солидарен с Анкарой, турецкому руководству не следует верить голословным обещаниям союзников по НАТО [Bengin, 2022].

* * *

Турция всегда занимала исключительное положение в Североатлантическом альянсе, будучи самой восточной и до вступления в альянс Албании единственной мусульманской страной-членом НАТО. Рост недоверия между Анкарой и другими

членами альянса, подталкивает Турцию к диверсификации внешних связей и поиску альтернативных способов обеспечения национальной безопасности, таких как покупка у России систем С-400.

Попытки США и НАТО давить на турецкое руководство, вынуждая его отказаться от военного сотрудничества с Россией, и другие случаи отсутствия взаимопонимания между членами альянса вызывают в турецком обществе дискуссии, касающиеся отношений Анкары с альянсом, и приводят к появлению целого ряда критических публикаций. Турецкие исследователи продолжают издавать все новые работы, посвященные истории и современному состоянию вопроса.

Приведенные в статье работы служат иллюстрацией основных трендов в подходах турецких исследователей к теме отношений Турции и НАТО. Наиболее критические позиции, как и во времена холодной войны, занимают политологи левых взглядов. Другие исследователи стремятся подходить к теме сквозь призму глубокого исторического анализа и отмечать позитивные стороны членства, но и они нередко приходят к скептическим выводам. Очевидно, что вопросы отношений Анкары с альянсом будут оставаться одной из непростых тем внешнеполитического анализа турецких исследователей, особенно на фоне роста международной активности Турции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
Атаёв Т. (1973) *США, НАТО, Турция*. М.: Прогресс. 319 с.
70 yıllık Türkiye-NATO ilişkileri. (2022) Özdemir G.S. (ed.). SETA Yayınları. İstanbul.
Atlantik ittifakı. (1970) Aydın Alacakaptan (ed.). Türk Atlantik Andlaşması Derneği Yayınları. Sayı: 2. Ankara.
Bengin T. (2022) Küstah İsveçli kendine gel! URL: <https://www.milliyet.com.tr/yazarlar/tunca-bengin/kustah-isvecli-kendine-gel-6758473> (дата обращения: 26.05.2022)
Bilbilik E. (2004) *NATO, İstanbul Zirvesi ve Geniş Ortadoğu Stratejisi*. İstanbul.
Bilge-Criss N. (2012) Türkiye-NATO İttifakının Tarihsel Boyutu. *Uluslararası İlişkiler Dergisi*. Cilt 9, Sayı 34. P.1–28.
Çavuşoğlu M. (2021) *2022 Yılına Girerken Dış Politikamız*. Ankara.
Çelik K.E. (2021) Türkiye-NATO İlişkileri: Güvensizlik Temelinde Müttefiklik. URL: <https://www.ankasam.org/turkiye-nato-iliskileri-guvensizlik-temelinde-muttefiklik/> (дата обращения: 09.04.2022)
Güller M.A. (2022) ABD'nin Arktik-Akdeniz hattı hedefi. URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/yazarlar/mehmet-ali-guller/abdnin-arktik-akdeniz-hatti-hedefi-1936312> (дата обращения: 26.05.2022)
Dilek B.D. (2019) *Türkiye ve NATO; Kimin Diğerine Daha Çok İhtiyacı Var?* URL: <https://21yyte.org/tr/merkezler/islevsel-arastirma-merkezleri/milli-guvenlik-ve-dis-politika-arastirmalari-merkezi/turkiye-ve-nato-kimin-digerine-daha-cok-ihciyaci-var> (дата обращения: 11.04.2022)
Doster B. (2012) Türkiye'de NATO Karşıtlığının Tarihsel ve Siyasal Kökenleri. *Ortadoğu Analiz*. Nisan. Cilt: 4. Sayı: 40. P.31–41.

- Duran B. (2022) *Türkiye'nin NATO'ya Sunduğu Fırsat*. URL: <https://www.setav.org/turkiyenin-natoya-sundugu-firsat/> (дата обращения: 27.05.2022)
- Güvenç S. (2013) *NATO'da 60 Yıl. Türkiye'nin Transatlantik Güvenliğine Katkıları*. İstanbul.
- Halil A. (1968) *Atatürkçü Dış Politika ve NATO ve Türkiye*. İstanbul.
- İnat K. (2021) 21.Yüzyılda NATO Türkiye'ye Ne Sunuyor? *Kriter*. Temmuz-Ağustos. Yıl 6, Sayı 59. P.62–64.
- Merih T. (2006) *Soğuk Savaş ve Türkiye (1945–1960)*. Ankara.
- Oğuzlu T. (2012) Türkiye'nin NATO'ya Karşı Değişen Bakış Açısını Anlamak ve Açıklamak. *Ortadoğu Analiz*. Nisan. Cilt: 4. Sayı: 40. P.58–67.
- Saray M. (2000) *Sovyet Tehdidi karşısında Türkiye'nin NATO'ya Girişi: III. Cumhurbaşkanı Celal Bayar'ın Hatıraları ve Belgeler*. Ankara.
- Sarımay Y. (1988) *Türkiye'nin Batı İttifakına Yönelişi ve NATO'ya Girişi (1939–1952)*. Ankara.
- Üzümcü A., İldem T., Ceylan F. (2021) *NATO'suz Türkiye*. EDAM. İstanbul.

Turkey and NATO Relations through Assessments of Turkish Experts

I.A. Svistunova *

Candidate of Sciences (History)

Senior Research Fellow in Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO).

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997.

**E-mail: svistunova.irina@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the main trends of Turkish discussions on the issue of Turkey-NATO relations. NATO membership has been one of the most important areas of Ankara's foreign policy since the Cold War to the present day. At the same time, these relations are the subject of diverging assessments of Turkish researchers who do not lose interest in this topic, preparing papers concerning both the historical aspects of the issue and modern problems. The reasons and consequences of Turkey's accession to NATO continue to attract wide attention. This topic is more or less covered in almost all Turkish publications. The Turkish experts also share significant interest in the issue of Ankara's contribution to the activities of the alliance. At present this problem is acquiring a different dimension due to the emergence of new tasks for NATO and Turkey's search for its new mission, both within the alliance and in changing geopolitical realities. Traditionally high level of anti-NATO sentiment in Turkey, which is confirmed by the latest public opinion polls, remains an important aspect of the problem. The discussions of Turkish researchers regarding the prospects, strengths and weaknesses of Turkey-NATO relations are a reaction to political events affecting Ankara's cooperation with Western countries.

Key words: Turkey, NATO, Turkish foreign policy, international relations.

DOI: 10.31857/S0201708322040106

EDN: gkieq

REFERENCES

- 70 yıllık Türkiye-NATO ilişkileri. (2022) Özdemir G.S. (ed.). SETA Yayınları. İstanbul.
- Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (AVP RF) [Archive of Foreign policy of Russian Federation (AVP RF)]. (in Russian).
- Atayov T. (1973) *SSHA, NATO, Turciya* [The USA, NATO, Turkey]. Progress, Moscow. 319 p. (in Russian).
- Atlantik ittifaki*. (1970) Aydın Alacakaptan (ed.). Türk Atlantik Andlaşması Derneği Yayınları. Sayı: 2. Ankara.
- Bengin T. (2022) Küstah İsveçli kendine gel! URL: <https://www.milliyet.com.tr/yazarlar/tunca-bengin/kustah-isvecli-kendine-gel-6758473> (accessed: 26.05.2022)
- Bilbik E. (2004) *NATO, İstanbul Zirvesi ve Geniş Ortadoğu Stratejisi*. İstanbul.
- Bilge-Criss N. (2012) Türkiye-NATO İttifakının Tarihsel Boyutu. *Uluslararası İlişkiler Dergisi*. Cilt 9, Sayı 34, pp. 1–28.
- Çavuşoğlu M. (2021) *2022 Yılına Girerken Dış Politikamız*. Ankara.
- Çelik K.E. (2021) Türkiye-NATO İlişkileri: Güvensizlik Temelinde Müttefiklik. URL: <https://www.ankasam.org/turkiye-nato-iliskileri-guvensizlik-temelinde-muttefiklik/> (accessed: 09.04.2022)
- Güller M.A. (2022) ABD'nin Arktik-Akdeniz hattı hedefi. URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/yazarlar/mehmet-ali-guller/abdnin-arktik-akdeniz-hatti-hedefi-1936312> (accessed: 26.05.2022)
- Dilek B.D. (2019) *Türkiye ve NATO; Kimin Diğerine Daha Çok İhtiyacı Var?* URL: <https://21yyte.org/tr/merkezler/islevsel-arastirma-merkezleri/milli-guvenlik-ve-dis-politika-arastirmalari-merkezi/turkiye-ve-nato-kimin-digerine-daha-cok-ihtiyaci-var> (accessed: 11.04.2022)
- Doster B. (2012) Türkiye'de NATO Karşıtlığının Tarihsel ve Siyasal Kökenleri. *Ortadoğu Analiz*. Nisan. Cilt: 4. Sayı: 40, pp. 31–41.
- Duran B. (2022) *Türkiye'nin NATO'ya Sunduğu Fırsat*. URL: <https://www.setav.org/turkiyenin-natoya-sundugu-firsat/> (accessed: 27.05.2022)
- Güvenç S. (2013) *NATO'da 60 Yıl. Türkiye'nin Transatlantik Güvenliğine Katkıları*. İstanbul.
- Halil A. (1968) *Atatürkçü Dış Politika ve NATO ve Türkiye*. İstanbul.
- İnat K. (2021) 21.Yüzyılda NATO Türkiye'ye Ne Sunuyor? *Kriter*. Temmuz-Ağustos. Yıl 6, Sayı 59, pp. 62–64.
- Merih T. (2006) *Soğuk Savaş ve Türkiye (1945–1960)*. Ankara.
- Oğuzlu T. (2012) Türkiye'nin NATO'ya Karşı Değişen Bakış Açısını Anlamak ve Açıklamak. *Ortadoğu Analiz*. Nisan. Cilt: 4. Sayı: 40, pp. 58–67.
- Saray M. (2000) *Sovyet Tehdidi karşısında Türkiye'nin NATO'ya Girişi: III. Cumhurbaşkanı Celal Bayar'ın Hatıraları ve Belgeler*. Ankara.
- Sarımay Y. (1988) *Türkiye'nin Batı İttifakına Yönelişi ve NATO'ya Girişi (1939–1952)*. Ankara.
- Üzümcü A., İldem T., Ceylan F. (2021) *NATO'suz Türkiye*. EDAM. İstanbul.

УДК 331.5.024.5

ЗАНЯТОСТЬ В ЕС: ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2022 **ГОВОРОВА Наталья Викторовна***

Кандидат экономических наук, доцент

*Отдел экономических исследований, Институт Европы РАН,
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3.*

**E-mail: n_govorova@mail.ru*

Поступила в редакцию 11.03.2022

После доработки 27.04.2022

Принята к публикации 16.05.2022

Аннотация. Трудовая жизнь многих людей повсюду в мире динамично меняется и будет продолжать трансформироваться в ближайшие годы. Предположительно искусственный интеллект и робототехника создадут на глобальном уровне десятки миллионов новых вакансий, в то время как многие рабочие места реформируются или даже исчезнут. Актуальность теме исследования придает динамика трансформаций, наблюдаемых на рынке труда, а именно: скорость и широта распространения многообразных форм занятости, отличных от стандартных, в странах Евросоюза и многих других государствах мира, включая Россию. Причины, масштабы и возможные последствия этого явления требуют проработки теоретических аспектов, понятийного аппарата, мониторинга на постоянной основе в страновом и региональном разрезе. Большинство стран мира испытывают различные трудности социально-экономического характера в силу несбалансированной структуры производства и народонаселения, роста прекаризации занятости, региональных различий уровня и качества жизни, цифрового неравенства, негативного влияния принятия отдельных политических решений, объективно усиленных пандемией COVID-19 и ее последствиями. Отсутствие безопасности в мире труда бросает вызов фундаментальным принципам Европейской социальной модели, касающимся надежности трудовых отношений и достойной социальной защиты, в результате сегментации рынка труда и социальной поляризации. В статье проанализировано состояние и перспективы европейского рынка труда и усилия властей ЕС по адаптации его к постиндустриальной реальности.

Ключевые слова: Евросоюз, Еврокомиссия, Европейская опора социальных прав, рынок труда, нестандартные формы занятости, неравенство, цифровизация.

DOI: 10.31857/S0201708322040118

EDN: gkqleo

В течение последних лет европейский рынок труда подвержен влиянию таких пересекающихся мегатрендов, как глобализация, цифровизация, демографический переход, реструктуризация промышленности и, соответственно, рабочей силы, эрозия социальных стандартов и прекаризация занятости на фоне роста разнообразных форм нестандартной занятости. Процесс нарастания доли работников с «гибкими» (нетипичными) контрактами ускоряется с начала текущего века [Gutiérrez-Barbarrusa, 2016; Kotulovski, Laleta, 2020]. Пандемия COVID-19 изменила мир труда на глобальном и национальных уровнях, с большой долей вероятности, навсегда. Коронакризис привел к потере сотен миллионов рабочих мест, непропорционально сильно затронув уязвимые группы населения, такие как женщины, молодежь, работники нестандартных форм занятости, мигранты. В то же время многим трудовым мигрантам и мобильным гражданам ЕС приходилось учитывать постоянно меняющиеся правила пересечения границ из-за асимметричного во времени и пространстве распространения различных волн пандемии. Пандемия сильно ударила по занятости: в целом за 2020 г. общая занятость в ЕС снизилась на 1,4%, в следующем году наблюдался ее рост лишь на 1,2%¹.

Текущие и будущие изменения мира труда широко обсуждаются в мировом научно-экспертном сообществе, международных организациях и бизнес-среде, порождая множество сценариев и прогнозов, иногда крайне противоречивых: от явно алармистских до вполне прагматично-позитивных. В течение 2020–2021 гг. на сферу занятости оказывали воздействие три основных фактора: ограничения на поездки, как на национальных, так и на международном уровнях; растущее значение виртуального сотрудничества вместо традиционного личного взаимодействия; необходимость приспособления к изменению приоритетов в условиях различных чрезвычайных ситуаций (санитарных, экономических, социальных) и ограниченности ресурсов. Пандемия привела к массовой удаленной или телеработе. Многие государства, включая Россию и страны ЕС, сумели не допустить лавинообразного сокращения занятости и роста безработицы, главным образом благодаря именно ей, а также в силу применения стратегий частичной (неполной) занятости [Говорова, 2020; Капелюшников, 2022; Mandl, 2021].

Можно с уверенностью утверждать, что на трудовую сферу в постпандемическом экономическом цикле ключевое влияние будут оказывать несколько основных тенденций – дальнейшее всеобъемлющее воздействие искусственного интеллекта (ИИ), Интернета вещей, Больших данных и других технологий, удаленная работа и детерминированный ими лавинообразный рост различных форм атипичной занятости. Не подлежит сомнению и то, что цифровые технологии создадут новые про-

¹ Europe Daily Bulletin N 12930. 12 April. 2022.

фессии и даже отрасли, изменится также спрос на соответствующие профессии и навыки. Во многих отраслях и сферах деятельности цифровизация уже перешла из разряда приоритетов в категорию императивов, в том числе для научно-исследовательской карьеры молодых европейских ученых [Водопьянова, 2022]. В этой связи роль и ответственность государства представляется дихотомной: с одной стороны, инициировать и диверсифицировать обучающее пространство для приобретения требуемых знаний и квалификации, с другой — создать правовую среду, отвечающую структуре и реалиям рынка труда для баланса интересов всех акторов, и особенно защиты вынужденных агентов прекарной занятости, прежде всего молодежи, впервые выходящей на рынок труда, часто задействованной в его неформальном секторе и наименее защищенной с точки зрения стабильности занятости и адекватной оплаты за нее [Стэндинг, 2014], а также внедрить стандарты, соответствующие современным реалиям.

В этой «новой нормальной» ситуации вполне предсказуемо усилится неравенство между работниками в зависимости от сектора их деятельности и уровня квалификации на фоне прогнозируемого многими специалистами К-образного восстановления мировой экономики, при котором возобновление роста и занятости не будет равномерным по времени, масштабам, регионам, секторам и видам хозяйственной деятельности, генерируя все большее расхождение по социально-экономическим, технологическим, экологическим и иным параметрам. Многие эксперты подчеркивают опасность отдачи приоритета в распределении финансирования наиболее пострадавшим секторам, в которых сосредоточена немалая часть рабочей силы, в ущерб инновационным сферам производства¹. Это в свою очередь способно замедлить экономический рост и развитие человеческого капитала в условиях недостатка адекватных действий по переобучению и переквалификации рабочей силы с уделением усиленного внимания образованию в течение всей жизни (*Long Life Learning, LLL*) и продуктивному ученичеству. Дефицит соответствующих постиндустриальной реальности кадров неминуемо замедлит восстановление экономики после шоков коронакризиса; чтобы этого не произошло, образовательным системам и учебным заведениям всех уровней следует максимально быстро и эффективно адаптироваться к новым целям и требованиям [Lanvin, Monteiro (eds.), 2021]. Можно с уверенностью утверждать, что это также послужит возврату на трек относительно успешного искоренения бедности, различных видов неравенства (в том числе между теми, кто может вносить свой вклад в работу онлайн, и теми, кто должен физически присутствовать на рабочем месте); то же самое относится и к возможностям получения профессионального образования и социальной интегра-

¹ См. подробнее: Are we experiencing a K shaped recovery from COVID-19? URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/12/k-shaped-covid19-coronavirus-recovery/> (дата обращения: 13.02.2022); The Shape of Global Recovery. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/vaccinations-restore-overall-economic-growth-advanced-economies-by-michael-spence-2021-03?a_la=english&a_d=605201d31594a04e903e11fa&a_m=&a_a=click&a_s=&a_p=%2Fcolumnist%2Fmichael-spence&a_li=vaccinations-restore&barrier=accesspaylog (дата обращения: 13.02.2022)

ции, как на национальном уровне (например, между городскими и сельскими районами), так и, в еще большей степени, на международном.

Постпандемическая повестка для социально-трудовой сферы

В начале марта 2021 г. Европейская комиссия (ЕК, Комиссия) представила План действий по созданию сильной социальной Европы, ориентированной на рабочие места и навыки для будущего на пути к справедливому, инклюзивному и устойчивому восстановлению после пандемии, который следует расценивать как своеобразную эстафету от не вполне удавшихся в отношении социально-экономических параметров предыдущих планов – Стратегии «Европа 2020» и предшествующей ей Лиссабонской стратегии 2000–2010 гг. Напомним, что показатели уровня занятости (не менее 75 % для лиц в возрасте от 20 до 64 лет) не были достигнуты ЕС-27 к 2020 г. (72,4%), хотя в 15 странах сделать это удалось. Национальные целевые показатели, отражающие ситуацию и возможности каждого государства-члена, значительно различались по странам: от 63% в Хорватии до 80% в Дании, Нидерландах и Швеции. На Мальте и в Венгрии зафиксированы самые высокие темпы роста уровня занятости в 2010–2020 гг. (+17,3 и +15,1% соответственно). 12 стран ЕС продемонстрировали результаты ниже своих национальных целей: Италия (-4,4%), Испания (-8,3%) и Греция (-8,9%) оказались дальше всего от поставленных задач¹. Гораздо в большей степени проиграл Союз в борьбе с бедностью и социальной изоляцией (*At Risk of Poverty or Social Exclusion, AROPE*): в 2020 г. под угрозой *AROPE* в ЕС находились 96,5 млн человек (21,9%). По сравнению с 2008 г. снижение числа неблагополучных европейцев составило 6,5 млн вместо запланированных 20 млн. Наиболее проблематичная ситуация сложилась в Болгарии, Румынии, Латвии, Испании, Литве, Эстонии и Италии, где более пятой части всего населения угрожала многомерная бедность².

В документе определены действия по дальнейшей реализации принципов Европейской опоры социальных прав (*EPSR*), которую можно трактовать как современный этап развития социального измерения ЕС [Борко, Биссон, 2019]. Опора включает 20 ключевых принципов, структурированных по трем направлениям: равные возможности и доступ к рынку труда; справедливые условия труда; социальная защита и включенность. Одним из приоритетов Союза в области занятости по-прежнему выступает создание большего количества и лучшего качества рабочих мест, в том числе в приоритетных для ЕС «зеленом» и цифровых секторах, наряду с обеспечением того, чтобы люди обладали необходимыми навыками для этих рабочих мест и доступом к надлежащему обучению, жили в справедливом и инклюзивном обществе, в котором преодолены бедность и неравенство. Поэтому, в соответствии с планами ЕК, к 2030 г. не менее 78% европейцев должны быть трудоустроенными; не менее 60% всех взрослых – ежегодно проходить профессиональное обуче-

¹ Employment – annual statistics. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Employment_-_annual_statistics (дата обращения: 24.03.2022)

² Living conditions in Europe. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Living_conditions_in_Europe (дата обращения: 24.03.2022)

ние; число людей, подверженных риску бедности и/или социальной изоляции, – должно быть сокращено как минимум на 15 млн человек, пять из которых – дети.

Очевидно, что достижение целевого показателя занятости невозможно без сокращения гендерного разрыва, увеличения предоставления дошкольного образования и ухода за детьми младшего возраста и улучшения перспектив трудоустройства за счет существенного снижения доли молодых людей в возрасте 15–29 лет вне занятости, образования или обучения (*Not in Education, Employment, or Training, NEET*). Росту занятости может также способствовать рост участия в трудовой деятельности пожилых людей (поскольку продолжительность трудовой жизни в ЕС увеличивается из-за старения населения и политических реформ), низкоквалифицированных работников, лиц с ограниченными возможностями, а также проживающих в отдаленных сельских и/или неблагополучных районах, представителей меньшинств, мигрантов.

Для улучшения возможностей трудоустройства, стимулирования инноваций и устранения разрыва в цифровых навыках в контексте двойного перехода немаловажное значение имеет повышение квалификации и переквалификация взрослого населения на постоянной основе и в течение всей жизни наравне с увеличением уровня успеваемости на начальных стадиях образования и сокращением числа детей и подростков, покидающих среднюю школу. Эти меры являются предварительным условием для успешного участия в рынке труда и будут способствовать достижению целевых показателей ЕК (не менее 80% лиц в возрасте от 16 до 74 лет должны обладать базовыми цифровыми навыками), соответствующих Европейской программе развития навыков, Рекомендации Совета по профессиональному образованию и обучению и Резолюции Совета о Европейском образовательном пространстве.

Бедность и социальная изоляция в ЕС за последнее десятилетие снизились, но темпы этого процесса были ниже намеченных Стратегией «Европа 2020», серьезно ухудшила ситуацию пандемия COVID-19 и ее последствия. Стоит отметить, что включение в качестве показателя пяти миллионов детей, которых необходимо вывести из *AROPE*, может в будущем дать долгосрочный синергетический эффект. Насколько достижимы три основные цели на 2030 г. предсказать нелегко из-за высокого уровня неопределенности, связанной с коронакризисом и неравномерным выходом из него стран ЕС и их регионов. С большой долей вероятности можно утверждать, что государства-члены, как и в предшествующие периоды, будут ставить разные национальные цели и демонстрировать сильно различающиеся результаты. Это затруднит выполнение целей ЕС-27, особенно по параметрам NEET, LLL и AROPE.

В качестве действий в рамках Принципа 4 *EPSR* (Активная поддержка занятости), Комиссия обнародовала Рекомендацию по его обеспечению в посткризисный период (*EASE*)¹, в которой изложены предложения для постепенного перехода от чрезвычайных мер, принятых для сохранения рабочих мест, к мероприятиям, необходимым для постковидного восстановления. *EASE* предоставляет странам руко-

¹ EUROPEAN COMMISSION. Brussels, 4.3.2021. C(2021) 1372 final. COMMISSION RECOMMENDATION of 4.3.2021 on an effective active support to employment following the COVID-19 crisis (EASE).

водство по активной политике на рынке труда и инструкцию по использованию средств ЕС, включая возможности, доступные в рамках программы *Next Generation EU* (посредством Фонда восстановления и устойчивости, *RRF*, и Европейского социального фонда плюс, *ESF+*). Странам предложено разработать инициативы, сочетающие временные и постоянные меры для решения проблем рынка труда, вызванных пандемией, преодоления нехватки квалифицированных кадров, сдерживающей экономический рост. Они должны включать стимулы для найма и поддержки предпринимательства, меры по усилению служб занятости с особым акцентом на молодежь и работников всех возрастов в секторах, наиболее пострадавших от пандемии.

До конца 2021 г. Комиссия в пределах своих компетенций инициировала ряд шагов, основываясь на действиях, уже предпринятых после провозглашения *EPSR* в 2017 г.: реновацию Новой промышленной стратегии для Европы, принятие Новой стратегии по охране труда и здоровья, Европейской платформы по борьбе с бездомностью, Плана действий для социальной экономики, Законодательной инициативы по работе на цифровых платформах и др. На период 2022–2024 гг., то есть в течение текущего мандата ЕК, намечен широкий спектр действий в отношении директив о рабочем времени и минимальной заработной плате, качества стажировок, доступа к адекватной и устойчивой социальной защите, в том числе самозанятых, здравоохранению и долгосрочному уходу, основным услугам и многое другое.

Реализация Европейской опоры социальных прав – совместное политическое обязательство и ответственность институтов ЕС, национальных, региональных и местных органов власти, социальных партнеров и гражданского общества. Государствам-членам, в компетенции которых находится большинство инструментов для достижения целей 2030 г. предоставлена возможность в полной мере задействовать фонды и бюджет ЕС, максимально эффективно используя Европейский семестр для координации экономических, трудовых и социальных реформ и инвестиций.

Организация труда

Проблемы организации труда в постиндустриальную эпоху активно обсуждаются в мировом и отечественном научном сообществе, генерируя острую полемику и рождая множество понятий и определений. Термин «нетрадиционная занятость» имеет немало зачастую не тождественных прочтений [Колесникова и др., 2021; Егоров и др., 2021]. Традиционный подход к тому, когда, где и как работает большинство людей, в значительной степени определялся реалиями индустриального мира, в котором доминировало посменное производство, основанное на жестких моделях управления, и не было цифровых (коммуникационных) платформ. Подчеркнем, что само понятие «традиция» (от лат. *traditio* – передача, предание) является дискуссионным в силу своей смысловой широты и в некотором смысле может быть противопоставлено понятиям «новое», «инновационное».

Различные исследования показывают, что более вероятным ответом на вызовы «новой» реальности является не рост безработицы, а распространение нестандартных форм занятости [Капелюшников, 2017; Ляшок и др., 2020]. «Нестандартная занятость не ошибка, не случайность и не симптом несостоятельности экономиче-

ских моделей развитых стран, равно как и развивающихся. Неформальная занятость — это локомотив постиндустриальной трансформации экономики и труда, закономерный итог развития науки и техники» [Егоров и др., 2021: 93]. Очень лаконичное и при этом емкое выражение, которое разделяют многие исследователи. Необходимость научного анализа атипичных форм занятости как явления обозначилась в середине XX в., когда к этой сфере приписывались малый бизнес и просто отношения (обмена) между домохозяйствами. Дуальная экономика, то есть имеющая формальную и неформальную часть, впервые была описана в середине XX в. в рамках изучения развивающихся стран, где неформальная составляющая играла основную роль в хозяйственных процессах тех лет; в дальнейшем исследования в этом направлении распространились на развитые государства и страны социалистического блока.

За последние два года произошли существенные изменения в сфере организации труда и структуре занятости, в спросе на профессионалов определенной квалификации и специализации, обусловленные пандемией и воплотившиеся в жизнь благодаря предшествующим ей трендам, прежде всего динамичному развитию новых технологий. Значительная часть рабочей силы покинула офисы и начала работать дома, продолжая делать это до сих пор. Сегодня порядка трети рабочей силы в развитых странах имеют возможность трудиться в гибридной среде, то есть в смешанном формате — офис/дом. Гибридная работа сочетает преимущества трудовой деятельности на рабочем месте с «плюсами» удаленной работы; многие быстрорастущие компании уже успешно перешли к данному типу взаимодействия с персоналом (*Microsoft, Apple, Twitter* и др.)¹.

В Евросоюзе за последние 15 лет доля занятых, работающих иногда или обычно дома, неуклонно росла: с 10,1% до 14,4% в 2006–2019 гг., причем удаленно трудились пропорционально больше мужчин, чем женщин. Этот тип занятости продемонстрировал стремительный рост на фоне пандемии — до 21%, при этом женщины, работающие надомно, стали преобладать: 21,8% женщин против 20,4% мужчин. Ситуация существенно различается по странам: в западной, более богатой части Евросоюза доля таких работников находится в пределах от трети до почти половины, в разы меньше она на востоке Европы (Табл.).

Во многих сферах деятельности гибридную модель следует расценивать как наиболее подходящую с точки зрения продуктивности, эмоционального равновесия и возможностей коммуникации трудящихся. Среди ее достоинств можно выделить также улучшение баланса между личной жизнью и профессиональной деятельностью, снижение различных издержек как для работодателя, так и для работника, включая их экологическую составляющую. При этом для того, чтобы труд был высокопродуктивным, определенных усилий требует обеспечение доступа к организационным ресурсам и постоянной обратной связи; к возможностям для развития навыков с помощью онлайн-курсов, наставничества и стажировок; необходима также высокая степень владения цифровыми технологиями и значительный уровень доверия между социальными партнерами.

¹ Accenture Future of Work Study 2021. URL: https://www.accenture.com/_acnmedia/PDF-155/Accenture-Future-Of-Work-Global-Report.pdf#zoom=40 (дата обращения: 25.12.2021)

Таблица

Удаленная занятость, % от общей занятости (20–64 лет), 2020 г.

ЕС-27	8,7/12,2* (20,9)		
Максимум		Минимум	
Люксембург	24,6/23,2 (47,8)	Болгария	1,8/1,2 (3,0)
Нидерланды	23,8/18,9 (42,7)	Румыния	0,6/2,6 (3,2)
Финляндия	25,9/14,5 (40,4)	Латвия	1,6/4,5 (6,1)
Дания	19,2/17,7 (36,9)	Кипр	2,9/4,5 (7,4)
Ирландия	21,9/10,7 (32,6)	Литва	5,4 /5,4 (10,8)

* Иногда/Обычно

Источник: составлено автором по данным Eurostat. URL:

https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/LFSA_ENOMP__custom_2354416/default/table?lang=en

Становится все более очевидным, что производительность, эффективность и снижение производственных затрат связаны новой динамикой, призывающей к созданию соответствующей структуры для управления и баланса потребностей всех участников рынка труда. В этих условиях высококвалифицированную рабочую силу в области цифровой и экологической трансформации ждет повышенный спрос. В ее рядах много «цифровых кочевников» и то, что многим сотрудникам многонациональных корпораций больше не нужно переезжать, работая над международными проектами, оказывает существенное влияние на глобальные стратегии привлечения талантов. Более того многие исследователи считают, что компании, исповедующие принципы гибкости в вопросах трудоустройства, способны привлечь самых лучших и талантливых [например, Younger, 2020]; все это окажет долгосрочное влияние на профессиональные отношения в будущем.

Недостаточность государственного регулирования телеработы в эпоху, предшествующую COVID-19, приводит к неясности в отношении того, какие категории трудящихся имеют право на нее, как осуществлять контроль рабочего времени и возмещать операционные расходы. Совершенно очевидно также, что сокращение социального взаимодействия между работниками имеет и негативные последствия (прежде всего психологические), а что касается производительности, то пока еще слишком рано оценивать все последствия расширения гибридной занятости.

Цифровые платформы

Одной из тенденций растущего неравенства в сфере занятости выступает нивелирование традиционных границ между наемным работником и самозанятым лицом на фоне растущей неоднородности самозанятых, включая работающих через цифровые платформы (ЦП) и иные виды атипичной занятости. Их уязвимость ярко проявилась в период пандемии, прежде всего в отношении доступа к социальной защите, а также рисков для здоровья и безопасности. Ускоренная цифровизация

рабочих мест также привлекает внимание к вопросам, связанным с использованием данных и применением алгоритмических инструментов управления. Системы искусственного интеллекта часто применяются при наборе персонала, контроле рабочей нагрузки, определении ставок вознаграждения, управлении карьерой.

В течение 2021 г. Комиссия предпринимала различные усилия по определению возможного направления действий ЕС и в конце года предложила пакет законодательных и незаконодательных инициатив по усилению защиты работников цифровых платформ с целью гарантировать справедливую конкуренцию между ЦП, а также между ними и традиционными игроками на европейском рынке труда. Он включал директиву о презумпции наличия трудовых отношений, обеспечении адекватной категоризации работника, прозрачности алгоритмического управления. Для определения факта трудовых отношений Комиссией установлены критерии, касающиеся уровня вознаграждения, внешнего вида и поведения работников, проверки качества результатов работы, организации рабочего времени, а также ограничений сторонней деятельности. При наличии не менее двух из перечисленных признаков суверенные органы власти станут рассматривать платформы как работодателей со всеми вытекающими обязательствами в соответствии с национальным законодательством по выплате минимальной заработной платы, соблюдении рабочего времени, отпуска. В разрезе алгоритмического управления для ЕК важно повысить прозрачность мониторинга и автоматизированного принятия решений, исключить создание баз персональных данных, не имеющих прямого отношения к трудовой деятельности, а также обеспечить связь работников с контактными лицами при спорных ситуациях и предоставить возможность опротестовать автоматизированное решение. Подавляющее большинство работников ЦП являются самозанятыми, поэтому ЕК разработала также проект руководящих принципов по созданию коллективных ассоциаций. Можно предположить, что решение проблем алгоритмического управления, в частности рисков необъективных решений и отсутствия прозрачности, послужит росту лояльности к внедрению ИИ в цифровые экосистемы и уровня защиты основных прав работников.

* * *

На рынках труда в европейских странах происходит динамичная трансформация стандартных форм занятости в направлении различных видов атипичной трудовой деятельности. Люди (у которых есть такая возможность) переосмысливают свою карьеру, выбор места и способов работы. Удаленная работа стала нормой для многих из-за пандемии и, вероятно, останется обычной в долгосрочной перспективе. Изменения в мире труда повлекут за собой необходимые для цифровой эпохи подвижки в структуре занятости с неминуемой «флексбилизацией» прав и условий труда многих миллионов работников при проявлении новых видов неравенства, прежде всего цифрового. Возможность работать из любого места в любое время требует регулирования границ договорного рабочего времени для баланса между работой и личной жизнью. Возникла также значительная потребность в ин-

струментах для видеоконференций, приложениях для обмена сообщениями, и платформах для онлайн-сотрудничества. Это диктует необходимость для властей всех уровней пересмотреть существующие законы, правила и политику или разработать новые для баланса интересов работодателей и работников. При этом следует отметить, что наличие у государства ресурсов (обеспечение правовых рамок, институционализация постиндустриального труда, сглаживание противоречий и рисков переходного периода и др.) для встраивания новых типов занятости в современные и будущие социально-трудовые и экономические отношения – необходимое, но недостаточное условие для ее успешной интеграции. Параллельно необходима модернизация и широкое применение инноваций в сферах образования для всех возрастов и групп населения, для того чтобы занятость в новых секторах экономики смогла компенсировать потерянные рабочие места в традиционных.

Все вышесказанное имеет прямое отношение и к ситуации в трудовой сфере нашей страны. В современной геоэкономической реальности представляется особенно актуальным анализировать возможности и угрозы повышения гибкости рынка труда и развития нестандартных форм занятости для государства и общества, а также особенности развития институтов рынка труда и регулирования социально-трудовых отношений для разработки и оптимизации государственной политики в области занятости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борко Ю.А., Биссон Л.С. (2019) Европейская интеграция: перезапуск идеи «социальной Европы», *Современная Европа*, № 6(92). С. 5–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620190517>

Водопьянова Е.В. (2022) Карьера молодого ученого в Европе: постиндустриальная перспектива, *Современная Европа*, № 1. С. 196–207. DOI: 10.31857/S0201708322010156

Говорова Н.В. (2020) Европейский рынок труда в условиях пандемической реальности, *Современная Европа*, № 7(100). С. 67–78. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720206778>

Егоров П.А., Ефимова Т.В., Ильинская Е.А. и др. (2021) *Конфликтогенный потенциал нетрадиционной занятости и пути его снижения*. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. Санкт-Петербург. 200 с.

Капелюшников Р.И. (2017) Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? Вопросы экономики, № 11. С. 111–140.

Капелюшников Р.И. (2022) Анатомия коронакризиса через призму рынка труда, Вопросы экономики, № 2. С. 33–68.

Колесникова О.А., Маслова Е.В., Зенкова О.А. (2021) Нестандартная занятость и прекаризация населения: проблемы, интерпретации, изучения, регулирования, *Регион: системы, экономика, управление*, № 1 (52). С. 74–81.

Ляшок В. Ю., Малева Т.М., Лопатина М.В. (2020) Влияние новых технологий на рынок труда: прошлые уроки и новые вызовы, *Экономическая политика*, Т. 15, № 4. С. 62–87.

Стэндинг Г. (2014) *Прекариат: новый опасный класс*. Ад Маргинем Пресс. Москва. 328 с.

Gutiérrez-Barbarrusa T. (2016) The growth of precarious employment in Europe: Concepts, indicators and the effects of the global economic crisis. *International Labour Review*, Vol. 155, International Labour Organization.

Kotulovski K., Laleta S. (2020). Atypical forms of employment – a hint of precariousness? Struggling with the segmentation and precarisation of the labour market. *EU and Comparative Law Issues and Challenges Series (ECLIC)*, 4, 701–732.

Lanvin B., Monteiro F. (eds.) (2021) *The Global Talent Competitiveness Index 2021: Talent Competitiveness in Times of COVID*. Fontainebleau: INSEAD. URL: <https://www.insead.edu/sites/default/files/assets/dept/fr/gtci/GTCI-2021-Report.pdf> (дата обращения: 2.03.2022)

Mandl I. (2021) *The digital age: Implications of automation, digitisation and platforms for work and employment*. Challenges and prospects in the EU series. Eurofound. Publications Office of the European Union, Luxembourg.

Younger J. (2020). The coronavirus pandemic is driving huge growth in remote freelance work, *Forbes*, 29 March 2020. URL: <https://www.forbes.com/sites/jonyounger/2020/03/29/this-pandemic-is-driving-huge-growth-in-remote-freelance-work/?sh=52d325d07747> (дата обращения: 24.01.2022)

Employment in the EU: post-industrial challenges and prospects

N.V. Govorova*

Candidate of Science (Economics), Assistant Professor

Leading Researcher at the Department of Economic Studies, Institute of Europe RAS.

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009.

***E-mail:** n_govorova@mail.ru

Abstract. The work lives of many people everywhere are changing dynamically and will continue to be transformed in the coming years. Artificial intelligence and robotics are expected to create tens of millions of new jobs globally, while many jobs will reform or even disappear. The dynamics of transformations observed in the labor market, namely the speed and breadth of the spread of diverse forms of employment, different from the standard one, in the European Union and many other countries around the world, including Russia, make the topic of this study especially relevant. The causes, scale and possible consequences of this phenomenon require the elaboration of theoretical aspects, conceptual apparatus, and monitoring on a permanent basis in the country and regional context. Most countries of the world are experiencing various socio-economic difficulties due to unbalanced structure of production and population, growing precarization of employment, regional differences in living standards and quality of life, digital inequality, the negative impact of certain political decisions, objectively reinforced by the COVID-19 pandemic and its consequences. Insecurity in the world of work challenges the fundamental principles of the European Social Model concerning job security and decent social protection through labor market segmentation and social polarization. The article analyzes the state and prospects of the European labor market and the efforts of EU authorities to adapt it to the postindustrial reality.

Keywords: European Union, European Commission, European Pillar of Social Rights, labor market, non-standard forms of employment, inequality, digitalization.

DOI: 10.31857/S0201708322040118

EDN: gkqleo

REFERENCES

Borko Yu.A., Bisson L.S. (2019) Evropejskaya integraciya: perezapusk idei – “social’noj Evropy” [European Integration: Relaunching the idea of a – “social Europe?”], *Sovremennaya Evropa*, No 6, pp. 5–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620190517> (in Russian).

Egorov P. A., Efimova T. V., Il'inskaya E. A. et al. (2021) *Konfliktogennyj potencial netradsionnoj zanyatosti i puti ego snizheniya* [Conflictogenic potential of non-traditional employment and ways to reduce it], Sankt-Peterburgskij gumanitarnyj universitet profsoyuzov. Sankt-Petersburg. 200 p.

Govorova N.V. (2020) Evropejskij rynek truda v usloviyah pandemicheskoy real'nosti [European Labour Market in Pandemic Reality]. *Sovremennaya Evropa*, No 7, pp. 67–78. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720206778> (in Russian).

Gutiérrez-Barbarrusa T. (2016) The growth of precarious employment in Europe: Concepts, indicators and the effects of the global economic crisis. *International Labour Review*, Vol. 155, International Labour Organization.

Kapeliushnikov R.I. (2017) Tekhnologicheskij progress – pozhiratel' rabochih mest? [Is technological change a devourer of jobs?], *Voprosy ekonomiki*, No 11, pp. 111–140. (in Russian).

Kapelyushnikov R. I. (2022) Anatomiya koronakrizisa cherez prizmu rynka truda [The anatomy of the corona crisis through the lens of the labor market adjustment], *Voprosy ekonomiki*, No 2, pp. 33–68. (in Russian).

Kolesnikova O.A., Maslova E.V., Zenkova O.A. (2021) Nestandartnaya zanyatost' i prekarizaciya naseleniya: problemy, interpretacii, izucheniya, regulirovaniya [Non-standard employment and precarization of the population: problems of interpretation, study, regulation], *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie*, No1 (52), pp. 74–81. (in Russian).

Kotulovski K., Laleta S. (2020). Atypical forms of employment – a hint of precariousness? Struggling with the segmentation and precarisation of the labour market. *EU and Comparative Law Issues and Challenges Series (ECLIC)*, No 4, pp. 701–732.

Lanvin B., Monteiro F. (eds.) (2021) *The Global Talent Competitiveness Index 2021: Talent Competitiveness in Times of COVID*. Fontainebleau: INSEAD. URL: <https://www.insead.edu/sites/default/files/assets/dept/fr/gtci/GTCI-2021-Report.pdf> (accessed: 2.03.2022)

Lyashok V. YU., Maleva T.M., Lopatina M.V. (2020) Vliyanie novyh tekhnologij na rynek truda: proshlye uroki i novye vyzovy [The Impact of New Technologies on the Labor Market: Past Lessons and New Challenges], *Ekonomicheskaya politika*, Vol. 15, No 4, pp. 62–87. (in Russian).

Mandl I. (2021) *The digital age: Implications of automation, digitisation and platforms for work and employment*. Challenges and prospects in the EU series. Eurofound. Publications Office of the European Union, Luxembourg.

Standing G. (2014) *Prekariat: novyy opasnyj klass* [The Precarious: The New Dangerous Class], Ad Marginem Press, Moscow, 328 p. (in Russian).

Vodopianova E.V. (2022) Kar'era molodogo uchenogo v Evrope: postindustrial'naya perspektiva [Career of a Young Scientist in Europe: Post-Industrial Perspective], *Sovremennaya Evropa*, No 1, pp. 196–207. DOI: 10.31857/S0201708322010156 (in Russian).

Younger J. (2020). The coronavirus pandemic is driving huge growth in remote freelance work, Forbes, 29 March 2020. URL: <https://www.forbes.com/sites/jonyounger/2020/03/29/this-pandemic-is-driving-huge-growth-in-remote-freelance-work/?sh=52d325d07747> (accessed: 24.10.2021)

УДК 322

ПАНДЕМИЯ И КОНТУРЫ ПОСТКОВИДНОГО МИРА: ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИТАЛЬЯНСКИХ КАТОЛИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

© 2022 ЯЗЬКОВА Вероника Евгеньевна*

Кандидат исторических наук

Центр по изучению проблем религии и общества, Институт Европы РАН.

125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.

**E-mail: yazkova@yandex.ru*

Поступила в редакцию 12.03.2022

После доработки 02.05.2022

Принята к публикации 16.05.2022

Аннотация. В статье предпринята попытка осмысления «уроков» пандемии в трудах исследователей, принадлежащих к католической историографической традиции. В числе «медийных» сценариев освещения пандемии рассмотрены «военный», «эмпатический» и «секуритарный» нарративы. Автор приходит к выводу, что интерес к постковидному устройству мира в Италии продиктован стремлением сохранить в полном объеме гражданские права, культурные и религиозные ценности. Пандемия стимулировала пробуждение общественной активности, интерес к теориям критиков неолиберализма, выступивших за пересмотр нынешней социальной модели как изжившей себя либо предавшей интересы большинства. Политизация и осмеяние таких концепций как «конспирологических» обесценивает тезисы противников неолиберализма, уводя дискуссию из научной и политической сфер в псевдонаучную и даже псевдорелигиозную плоскость «теории заговора». Основными принципами постковидного устройства мира Католическая церковь считает принципиально новые формы человеческой солидарности, построение социально ориентированного общества, признание ценности различных культурных традиций в рамках единой христианской идентичности европейских народов.

Ключевые слова: Католическая церковь, Ватикан, коронакризис, пандемия, конспирология, неолиберализм, постковидный мир.

DOI: 10.31857/S020170832204012X

EDN: gkskkq

Пандемия коронавирусной инфекции бросила вызов всему мировому сообществу, выявила системные сбои и риски мировой экономики, дефекты сферы здравоохранения, поставило вопрос о правомерности отказа от базовых гражданских прав во имя общего блага и преодоления эпидемиологической опасности. Как отмечает академик А.В. Торкунов, фактически «общество вступило в новую эру социально-экономических ограничений, которые приняли повсеместный и повседневный характер» [Пандемия, 2021: 7]. Обернувшись подлинным цивилизационным кризисом, затронувшим все стороны жизни европейского общества, события 2020–2022 гг. продемонстрировали, что здоровье человека — не товар, приобретаемый за деньги в медицинском учреждении, а общее благо, не «личное дело», а «социальный конструкт», включающий в себя, согласно определению ВОЗ, физическое, психическое, духовное, экономическое, социальное благосостояние [Londra, 2020: 456].

Ватикан принял деятельное участие в борьбе с пандемией. Финансовая, организационная, духовная помощь итальянского епископата и всего духовенства жертвам коронавируса, сотрудничество Католической церкви с Итальянским государством в вопросе об обязательной вакцинации от Covid-19 и введения «зеленого пропуска» (сертификата о вакцинации) стали значимыми «вехами» пандемической «летописи».

Экстраординарные условия локдаунов обнаружили настоятельную необходимость осмыслить произошедшее и спрогнозировать будущее. Сопровождающая коронакризис «инфодемия», став беспрецедентным медийным явлением, вызвала к жизни множество интерпретаций, подчеркнула роль цифровых СМИ и авторских медиа – как профессиональных, так и любительских. Вследствие «инстаграмизации, ютубизации, тиктокизации массовой коммуникации», пришедшей на смену традиционным медиа, соцсети стали «едва ли не единственным окном в мир» [Коломийцева, 2021: 145]. Цифровые платформы получили тотальный контроль над интернет-пользователями, не столько их информируя, сколько успокаивая, утешая, развлекая, предлагая формы бегства от реальности путем создания параллельных миров. Важной частью такого конструирования стал конспирологический нарратив, давший пищу ряду ковидных теорий и дискуссий, ставших поистине «значимой частью публичного дискурса» [Артеев, 2022: 58]. Исключительно важно, по мнению А.М. Прилуцкого, что конспирологические мифологемы «грандиозного обмана» или заговора могущественных групп, «руководимых корыстными или иными неблагоприятными мотивами», будучи производными такого нарратива, нередко имеют апокалиптические черты: они апеллируют к картине мироустройства, в которой «исторические события и процессы интерпретируются как результат воздействия inferнальных сил на профанный мир» [Прилуцкий, 2016: 264–265].

Вместе с тем, наряду с псевдорелигиозным – конспирологическим – «ответом» на страхи и фобии, вызванные пандемией и связанными с ней ограничениями, европейское общество продемонстрировало и принципиально иные формы проживания кризиса – подъем общественной активности, эпизоды неформальной солидарности, пробуждение интереса к политической жизни. Как отмечает Р.Н. Лункин, люди стали «более чувствительны к «осознанию собственной идентичности», к «идеологическим проблемам и конфликтам (традиционализма и неолиберализма)» [Лункин, 2021: 174], такому типу современного мировоззрения, которое сегодня

называют по-разному – «новым либерализмом», «неолиберализмом», «глобализмом», «демократическим либерализмом», «постдемократией» или «антиидентизмом» [Лункин, Филатов, 2019: 50; Pubst, 2019: 26].

Настоящая статья посвящена осмыслению пандемии и ее «уроков» в трудах исследователей, преимущественно итальянских, которые мировоззренчески сохраняют верность католической историографической традиции, представляют духовенство или католические университеты. Поскольку же их научные разработки, опираясь на современность, обращены в будущее, то и прогнозы неизбежно носят характер конструирования сценариев постковидного мироустройства.

Медийные сценарии освещения пандемии

По мнению П. Карелли, специалиста в области медиа-коммуникаций Миланского католического университета, в Италии получили распространение следующие «военная», «домашняя» и «утопическая» нарративные схемы. Сторонники «военной» риторики, сравнивая пандемию с «войной», призывали к борьбе против невидимого беспощадного врага — вируса. Идеологи «домашней» риторики, вдохновленные хэштегом «#яостаюсьдома», сосредоточили внимание на организации личного пространства в условиях локдаунов и «удаленной» работы. «Утописты» размышляли о новых путях развития общества в постковидном мире [Carelli, 2020: 589–590].

Выразители так называемого «эмпатического» направления стремились преобразовать психическую энергию общества в сострадание к самым уязвимым его членам – жертвам ковида, врачам и медицинским работникам, волонтерам, священникам. Эмоциональный порыв, выраженный в хэштеге «#всебудетхорошо», «#врачигерои», по сути, стал призывом к солидаризации людей перед лицом общей беды. Образно этот порыв вошел в историю эпизодами «балконной солидарности», пением «Белла Чао», печально знаменитыми кадрами нагруженных гробами грузовиков Бергамо.

По мнению Дж. Коста, главного редактора журнала итальянских иезуитов «Аджорнаменти сочиали», в подобной реакции прослеживаются отголоски «фольклорной традиции», отпечатавшейся где-то в глубинах коллективной памяти. Если очистить ее от привнесений извне – заклинаний от дурного глаза, суеверий, заговоров от страха, – то в глубине, под наносной «шелухой», нередко обнаруживается подлинное религиозное чувство. Это вовсе не «показной» оптимизм, полагает Дж. Коста: за фасадом форм, в которые он облечен, скрывается глубинное доверие людей к жизни, та вера, которая «не может быть осмеяна и не должна сбрасываться со счетов». Формы проявления её могут быть различны: одни трогательны, другие приводят в замешательство. Тем не менее, – подчеркнул исследователь, – было бы ошибкой церкви не различить в этих знаках, в попытках избавиться от страха перед неизвестностью с помощью священных предметов или религиозных практик стремление войти в прямой контакт с трансцендентным, с Богом [Costa, 2020: 274–275].

Антитезой «санитарной» риторики, рупорами которой были в основном официальные СМИ, представители государственных и медико-санитарных структур, эксперты-вирусологи, позиционировавшие себя в качестве носителей объективной информации и научного авторитета, стали ковид-скептицизм и ковид-диссидентство. П. Карелли объясняет это распространенной в части общества

убежденностью в ангажированности санитарных лозунгов, заинтересованности политического истеблишмента в инструментализации коронавируса в интересах государства и крупных компаний [Carelli, 2020: 590]. Рассматривая современную политическую повестку в контексте борьбы «элит» и идеологий, итальянские скептики, инициаторы «секуритарного» дискурса об общественной безопасности, укрепились в убеждении, что под «прикрытием» пандемии и беспрецедентных ковидных ограничений власть, на самом деле, стремится установить контроль над обществом, лишит его остатков демократических свобод, насадить на месте привычной новую «нормальность». Многие люди отдают себя «во власть эмоций, а подчас и агрессии, как если бы врагом была не болезнь, а те, кто с ней борются», – написала публицист Т. Симеоне в статье с красноречивым названием «Науки и псевдонауки в пандемию: слишком многие переживают борьбу с вирусом иррационально»¹.

Согласно данным социологических опросов, сфера иррационального, гипертрофированная в ходе пандемии, действительно начала побеждать рацию. Так, анализ 100 млн статей, которыми поделились пользователи Facebook, доказал, что самыми популярными были заголовки «С ума сойти», «Хочется плакать», «В шоке от увиденного». Подверженность импульсу, нарциссизм и авторитаризм замкнутых информационных «пузырей», – все это, по справедливому утверждению специалиста в области нравственной философии Сьюзи Дзанардо (Европейский университет в Риме, Папский теологический институт Иоанна Павла II), способствует атомизации общества, превращает его в сборище индивидов, «заблудившихся в лабиринте зеркал, одно из которых – экран смартфона» [Zanardo, 2020: 559]. Такие люди неизбежно оказываются объектом контроля, который проявляется вторжением в их частную сферу, цензурой контента, переадресацией импульсивной энергии в русло потребительской гонки, что, в свою очередь, ведет к депрессии, зависимостям, насилию, увлечением «теориями заговора».

«Секуритарный» нарратив, бесспорно, создал питательную среду для распространения дезинформации, «фейков» и сопряженной с ними конспирологии. Вместе с тем, как ни парадоксально, именно панические настроения стимулировали гражданскую активность части итальянцев, побудили их поставить вопрос о законности ограничительных мер и правовых актов, принятых в связи с пандемией. Так, в довольно разношерстной массе ковид-диссидентства выделяется компактная группа авторитетных итальянских ученых и общественных деятелей, заявивших в декабре 2021 г. о создании в Турине Комиссии «DuPre» (название образовано в результате слияния первых слогов слов «*dubbio*», сомнение, и «*precauzione*», предосторожность). Совпадение названия с фамилией французского психиатра Э. Дюпре (Dupré, 1862–1921), изучавшего феномен патологического вранья или «мифомании», думается, не случайно. В состав Комиссии вошли философ Джорджо Агамбен, философ, профессор эстетики, в прошлом мэр Венеции Массимо Каччари, он-

¹ Simeone T. Scienze e pseudoscienze in pandemia: in troppi affrontano la lotta al virus in modo irrazionale, Il Vaglio, 04.01.2022. URL: <https://www.ilvaglio.it/article/14796/scienze-e-pseudoscienze-in-pandemia-in-troppi-affrontano-la-lotta-al-virus-in-modo-irrazio.html> (дата обращения: 20.04.2022)

колог и публицист Мариано Биццарри, телекритик, журналист, в прошлом директор телеканала «Рай-2» Карло Фреччери, специалист в области гражданского права Уго Маттеи. Манифест «DuPre», в котором в числе прочих были высказаны сомнения относительно эффективности вакцины, правомерности ее использования у детей, законности введения «зеленого» и «суперзеленого» паспортов, подписали 22 человека – 8 философов, 8 ученых и 6 юристов¹. Свою цель идеологи движения видят в том, чтобы заставить разучившихся итальянцев думать: «Проблема не в одном зелёном пропуске. Проблема в глобальном капитализме. В *amazon*-изации общества... зелёный пропуск был не главной причиной, он стал просто последней каплей»².

Известие о создании Комиссии «DuPre» вызвало бурю негодования среди сторонников вакцинации, которые, впрочем, и прежде утверждали, что заявления по ковиду «продемонстрировали интеллектуальный и философский упадок»³ в стране. В ряде изданий, в том числе в католической «Аввенире», был фактически поставлен знак равенства между приверженностью конспирологии, антипрививочным движением и симпатиями к В.В. Путину и России⁴. Не удивительно поэтому, что феномен «DuPre», Агамбена и итальянских философов-«по вах» заслуживает пристального внимания и непредвзятого изучения.

Очищение от «конспирологии»

Еще в 2018 г. в статье «Новые теоретики “дьявольского” государства», опубликованной в газете Итальянской епископской конференции «Аввенире», итальянский критик, публицист А. Белардинелли отметил, что так называемые конспирологические теории изначально родились в споре адептов двух противоположных идей. Сторонники первой были склонны видеть в государстве «образ заботливого доброго отца», сторонники второй – «империю зла». Первая патерналистско-идеалистическая идея была в значительной степени дискредитирована, – написал Белардинелли в 2018 г. Вторая – исключительно популярная – концепция изложена в форме политико-философских теорий. Речь идет, по мнению публициста, о «своеоб-

¹ Strippoli S. Nasce la Commissione DuPre, il movimento No Pass promosso da Cacciari, Freccero e Mattei, *La Repubblica*, 12.12.2021. URL: https://torino.repubblica.it/cronaca/2021/12/12/news/nasce_la_commissione_dupre_dubbio_e_pr_ecauzione_il_portavoce_e_carlo_freccero_promotori_cacciari_mattei_bizzarri_agamb-329935947/ (дата обращения: 2.05.2022)

² Bianco L. "Con i nostri medici e avvocati organizziamo la resistenza". *La sfida dei No Pass*, Huffpost, 8.12.2021. URL: https://www.huffingtonpost.it/entry/con-i-nostri-medici-e-avvocati-organizziamo-la-resistenza-la-sfida-dei-no-pass_it_61b0ba04e4b0eb35170b8b32/ (дата обращения: 2.05.2022)

³ Ventura R. Per Agamben sono tutti fascisti tranne chi è fascista davvero, 30.07.2021. URL: <https://pierluigipiccini.it/archives/per-agamben-sono-tutti-fascisti-tranne-chi-e-fascista-davvero/> (дата обращения: 2.05.2022)

⁴ Guerra finta in Ucraina, No Vax e 5g: Freccero, Cacciari, Orsini e Mattei nel summit complottista, *Globalist*, 3.04.2022. URL: <https://www.globalist.it/news/2022/04/03/freccero-orsini-cacciari-complottismo-guerra-ucraina/>; Da No-vax a pro-Putin, sul web anche voci di cattolici diventati "anti-tutto", *Avvenire*, 1.03.2022. URL: <https://www.avvenire.it/attualita/pagine/danovax-a-proputin-sui-social-laventino-totale> (дата обращения 1.05.2022)

разной схоластике, которая цитирует в хаотическом миксе фрагменты из Маркса, поп-прочтения Мишеля Фуко, Жака Деррида, Жиля Делёза, Джорджо Агамбена, Гаятри Спивак, Антонио Негри и др»¹. Поверхностно-упрощенческое истолкование идей этих выдающихся мыслителей, переложенное изрядной долей эзотерики, собственно, и составляет основу так называемой «конспирологии». Ее адепты склонны, по словам Белардинелли, видеть в государстве «демоническую» репрессивную силу, а в существующей культуре – идеологическое обоснование интересов власти. Освобождение от такого «дьявольского государства» мыслится в рамках «антикультурного» переворота. Поскольку же опыт насильственного решения проблемы обнаружил несостоятельность в массовых протестных движениях в Европе 60–70 гг. XX в., сторонники этой концепции черпают вдохновение в онтологии М. Хайдеггера, размышляя об альтернативах современным моделям технологической культуры и цивилизации².

Тем не менее, обрушивая гнев на радикальные аспекты теории «дьявольского государства», католические исследователи де-факто склонны с вниманием отнестись ко многим из этих доводов. Достаточно вспомнить суровое осуждение церковью «глобальной политики, поставившей себя на службу алчным аппетитам “транснациональных глобальных игроков”», высказанное папой Франциском в энциклике «Fratelli Tutti» («Все – братья») в главе под «говорящим» названием «Тучи над замкнутым миром» (FT, пп. 12, 22)³. Как отмечает на страницах все той же газеты «Аввенире» французский экономист-иезуит Г. Жиро, директор Национального центра научных исследований, если правительство использует ковидные ограничения для укрепления «полицейского арсенала наших, так называемых демократических режимов», то философ Агамбен, в самом деле, окажется прав. Заимствовав у Фуко идею, что политическая власть на Западе интересуется прежде всего биополитикой, «голой жизнью», Агамбен, как и Фуко, сможет в таком случае с полным основанием утверждать, что эта власть склонна видеть во всем многообразии людей одну лишь «глобальную человеческую массу, вовлеченную в общие процессы биожиизни», в рамках которой эпидемии, в самом деле, играют решающую роль. В таких условиях насаждение «чрезвычайного государства» (термин, предложенный Дж. Агамбеном) на неопределенный, а возможно, на вечный срок, представляется логичной, хотя и не самой приятной перспективой [Giraud, 2020]. Жиро возражает философу, что, по его мнению, предупредить такой исход возможно, и помогут в этом меры, направленные на образование населения, сотрудничество национальных государств с медицинским сообществом, «прозрачность» информации, инвестирование в развитие системы общественного здравоохранения, научные исследования.

Однако реалистичны ли надежды Жиро в постковидном мире? Подвергая критике навязываемую неолибералами «безальтернативность» нынешней модели мироустройства [Costa, 2020: 271], профессор политологии Кентского университета,

¹ Belardinelli A. I nuovi teorici dello stato “diabolico”, Avvenire, 6.04.2018. URL: <https://www.avvenire.it/rubriche/pagine/i-nuovi-teorici-dello-stato-diabolico> (дата обращения 25.04.2022)

² Ibidem.

³ Энциклика. Fratelli tutti. О братстве и социальной дружбе /Франциск/, Издательский дом Медина, 24.12.2020. URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?7165> (дата обращения 25.04.2022)

член научного совета папского Фонда «Centesimus Annus» с 2015 г. А. Пабст еще в 2019 г. заявлял, что современная либеральная демократия рискует переродиться в «демократический деспотизм», при котором сохраняется иллюзия свободы выбора, но который неизбежно обернется «добровольным рабством», о котором писал Алексис де Токвилль. Отличие такой «демократии» от тоталитарных режимов XX в. в том, что она избегает прямого силового воздействия на гражданина, а осуществляет свою власть над ним «косвенно, формируя его вкусы и приводя к единому знаменателю его предпочтения». Неолиберализм, подчеркивает исследователь, базируется на трех «китах» – олигархии, популизме и анархии, ставшей результатом атомизации общества и ослабления социальных связей. Эта «олигархия», по мнению Пабста, включает в себя «старые элиты» (представителей политических династий и «капитанов индустрии») и «новые классы» – группы наподобие «технологической олигархии» Кремниевой долины, сторонников «капиталистической филантропии», команду технократов в национальных правительствах, использующих возможности представительной демократии для увеличения своей власти, богатства и социального престижа [Pabst, 2019: 26–27, 31]. Очевидно, что идеология неолиберализма не оставляет народу иного права, кроме как право «признать, что он не согласен» и довольствоваться абстрактными принципами гражданских свобод. Иными словами, она предоставляет людям «полную свободу выбора» в условиях, в которых, по выражению классика социологии Зигмунта Баумана, произвести этот выбор невозможно, поскольку сами условия, в свою очередь, не являются предметом выбора¹. Пабст заключает, солидаризируясь с Агамбенем, что, обороняя общество от «агентов» зла, олицетворенных в образах террориста, беженца, мигранта, «социального паразита», «индивидов, лишенных духа предпринимательства», олигархия узаконивает «чрезвычайное государство», проводя политику ограничения базовых конституционных прав, свободы слова, научного поиска, посягая на принципы «habeas corpus act» и т.д и т.п. [Pabst, 2019: 30]. В ситуации, когда волонтерские или демократически управляемые посреднические институты, профессиональные ассоциации и профсоюзы отсутствуют или недостаточно развиты, а общественные связи и вовсе сведены на нет, уступив место обезличенному общению в сети, такая перспектива выглядит вполне реалистичной.

К новым сценариям бытия

Критикуя абсолютизацию технологического прогресса и научного знания, католические исследователи апеллируют к тем же М. Хайдеггеру, М. Фуко, М. Маклюэну, в излишнем увлечении которыми упрекал идеологов «дьявольского государства» А. Белардинелли. «Больше всего поражает нас не то, что мир подпал под полную власть техники, – цитирует Хайдеггера Дж. Куччи, профессор философии и психологии Папского Григорианского университета в Риме. – Поразительнее то, что человек оказался совершенно не готов к такому радикальному изменению мира. Но еще более поразительно то, что мы по-прежнему неспособны при помощи

¹ Baumann Z. L'etica in un mondo di consumatori. Roma-Bari, Laterza, 2018, p. 109.

мысли дать сколько бы то ни было адекватную оценку того, что в реальности рождается в нашу эпоху» [Cucci, 2021: 80].

Психологи заметили, что вследствие цифровой революции люди отвыкли от долгого, кропотливого, вдумчивого, капиллярного поиска и предпочитают заполнить информационную пустоту первым более или менее подходящим ответом ради ощущения, что они по-прежнему контролируют реальность [Costa, 2020: 271], сами определяют свой выбор, создают собственную «карту смыслов» [Zanardo, 2020: 552]. Мгновенность обратной связи обедняет фантазию. Последнее особенно выгодно тем, кто, по словам Мишеля Фуко, стремится держать человека под неусыпным контролем, подсказывать ему «его» желания, формировать вкусы и предпочтения с помощью алгоритмов поисковых систем [Cucci, 2021: 78]. Итальянский социолог Дж. Маскерони, исследователь культурных и коммуникационных процессов Католического университета «Сакро Куоре» в Милане подметила еще в 2018 г., что алгоритмическое манипулирование на основе вычислительных механизмов «dataveillance», классифицирующее людей по категориям «полезности» в зависимости от типа потребления, привычек в использовании интернета, политических симпатий, возраста, пола, этнической принадлежности, позволяет большой пятерке (Google, Facebook, Microsoft, Amazon, Apple) развивать новые формы управления, предоставлять или блокировать свободный доступ к образованию, рынку занятости, кредитам, welfare и другим услугам. «Мы идентифицированы как “мужчина” и “женщина”, – поясняет Дж. Маскерони, – не потому, что мы ими являемся в плоти и крови, а в той мере, в какой наши действия (к примеру, поисковая активность в Google) *похожи* [курсив мой – В.Я.] на действия других мужчин и женщин» [Mascheroni, 2018: 34]. Превращенное в «данные» человечество представлено этой базой «данных» и ею же управляется. Речь идет, заключает Маскерони, ссылаясь на американского экономиста, профессора Гарвардской школы Шошану Зубофф, о «новой форме информационного капитализма», ориентированного на «предугадывание и манипулирование поведением людей ради извлечения выгоды и контроля рынка» [Mascheroni, 2018: 32–33].

Внедрение искусственного интеллекта в своей крайней форме насаждает большую некритическую модель прогресса, понимаемого как развитие любой ценой. По мнению Дж. Куччи, антагонистами такой теории выступают: в экономике – теоретик «антироста» как альтернативы глобальному потреблению, профессор университета Париж-Сюд С. Латуш¹; в философии – итальянский просветитель Джамбаттиста Вико, живший на рубеже XVII-XVIII вв.; в сфере общественных отношений – общины «амишей»². В выдвинутой Латушем концепции восьми «пере-» (*переоценка, переосмысление, переструктурирование, перестройка, перераспределение, перемещение, переработка, пересчет/сокращение*) первые два параметра, отметил Дж. Куччи, имеют прямое отношение к области воображаемого, а именно к конструи-

¹ Выступая против культурного единообразия глобализма и полагая, что «техника глобальна, тогда как культурны локальны», Латуш предложил иной взгляд на общество и социальные связи, принцип социальной справедливости, распределение благ, решение экологического кризиса и проблемы безработицы.

² «Амиши» – представители религиозного движения амманитов (разновидность анабиптизма), возникшего в Европе в 1693 г., впоследствии перебравшихся в Америку.

рованию будущего миропорядка. Апеллируя к автору книги «Хрупкое. Новое воображаемое прогресса» (2020 г.), доценту философии техники в ряде итальянских академий Ф. Монико, Куччи пишет, что освобождение сферы воображаемого от жесткого «экономизма ознаменует создание нового мира, который совсем необязательно будет подчинен Западу, глобализму, прогрессу» [Cucci, 2021: 76].

В плоскости философии теория «антироста» многим обязана Джамбаттиста Вико, полагавшему, что в своем стремлении «образовываться», то есть развивать способность к рационалистическому мышлению, люди на протяжении многих веков совершенно не уделяли внимания развитию воображения и в этой области остались сущими невежами. Будучи противником строго линейного, «прогрессивного» понимания истории, Вико полагал, что в своем движении человечество преследует определенные цели, по достижении которых обнаруживает «пути» и «обстоятельства», весьма далекие от тех, которые первоначально задумывало. Вот почему следующим этапом нередко становится качественный скачок, который «не сводится к планированию и вынуждает считаться со сложным образом мира» [Cucci, 2021: 77].

Практическое воплощение экономических принципов С. Латуша, Ф. Монико и вслед за ним Дж. Куччи видят в жизни американских «амишей». Сознательный отказ от благ цивилизации, неукоснительное соблюдение традиций позволили им сделать ставку на нематериальные ценности – приоритет человеческой личности и межличностного общения, тишину и размеренность молитвенной практики и труда в замкнутых общинах вдаль от бешеного ритма современных мегаполисов. Высокие показатели демографического роста, экологическое благополучие, крайне низкий уровень тревожности, депрессии и иных психических расстройств, верных спутников потребительской гонки, – эти обстоятельства уже давно привлекают внимание католических исследователей, с интересом наблюдающих за жизнью «амишей». Речь, разумеется, идет не о том, чтобы повернуть время вспять, сменить автомобили на экипажи. Как отмечает Ф. Монико, технологии там не табуированы, а находятся на службе общины, ни в коем случае не подменяя собой ее духовную жизнь – тот «социальный капитал», который в проекции мог бы лечь в основу экономического богатства всей нации [Cucci, 2021: 79–80].

В беседе с корреспондентом газеты «Оссерваторе романо», официального органа Ватикана, итальянский физик М. Ингушо, член старейшей академии наук Итальянской республики Деи Линчеи, заявил, что будущее – всегда «плод встречи науки, политической ответственности и общественного мнения». Не случайно, подчеркнул он, стремление «поощрять научные исследования», зафиксированное в ст. 9 Конституции Италии, уравновешено в этой же статье требованием «охранять природу страны, разнообразие био- и экосистем в интересах грядущих поколений»¹. Исходя из убеждения, что хищнически-безответственное расхищение природных богатств есть акт несправедливости по отношению к творению и к грядущим поколениям [Tatay, 2021: 107], иерархи Католической церкви самым непо-

¹ Il contributo della scienza al futuro dell'Europa, L'Osservatore romano, 28.03.2022. URL: <https://www.osservatoreromano.va/it/news/2022-03/quo-071/il-contributo-della-scienza-al-futuro-dell-europa.print.html> (дата обращения 20.04.2022)

средственным образом связывают экологическую повестку с темой социальной справедливости, чрезвычайно актуализированной вследствие экономической глобализации и технологической революции последних десятилетий. «Фундаментально важно, – провозгласил папа Франциск в энциклике «Laudato si» (“О заботе об общем доме”, 2015), – искать интегральные решения, учитывающие взаимодействие природных систем между собой и с социальными системами. Не существует двух отдельных кризисов – экологического и социального, есть один-единственный сложный социо-экологический кризис» (LS, п.139)¹.

Заключение

Коронакризис доказал несостоятельность многих бытующих сегодня в мире иллюзий. Представления о технологическом прогрессе как поступательном движении от низшего к высшему и интерпретация будущего как эпохи, ценностно превосходящей нынешнюю, оказались мифом. «Побочными» эффектами цифровой революции стала атомизация общества, подпавшего под тотальный контроль интернет-платформ и легко поддающегося манипулированию и информационному террору «инфодемии».

Католические исследователи единодушны в том, что пандемия ознаменовала крах индивидуализма, возведенного в систему, продемонстрировала «изъяны» неолиберализма, ставшего на стражу интересов узкого круга лиц и служащего оправданием жесточайшего социального неравенства, наступления на права и свободы граждан, девиантных форм индивидуализма, суверенизма, экологической катастрофы, стремления потеснить институт национальных государств и т. д. Интерес к постковидному устройству мира продиктован, таким образом, стремлением сохранить в полном объеме гражданские права, культурные и религиозные ценности, собственную идентичность. Католическая церковь прилагает все усилия, чтобы не обострять идеологические противостояния, особенно в области религии. Невзирая на заметную политизированность отдельных католических изданий, а в ряде случаев вопреки ей, церковь в целом стремится оставаться над «схватками» и политическими баталиями современности, сосредоточив главное свое «послание» не в политической, а в духовной области.

Пандемия вызвала всплеск общественной активности, спонтанные акты солидарности, упрочила позиции критиков неолиберализма, выступивших за полный пересмотр нынешней социальной модели, отказ от господствующих стратегий как изживших себя либо предавших интересы большинства. Обращает на себя внимание тот факт, что их концепции, даже будучи высказанными в академической среде, нередко расцениваются как «конспирологические», политизируются, демонизируются и подвергаются публичному осмеянию в СМИ. Это обстоятельство, несомненно, поставит перед исследователями задачу отделить «зерна от плевел». Потребуется поэтому дать более четкое определение «конспирологии» и «неолиберализма», выяснить, что из концепции «чрезвычайного», или «дьявольского» госу-

¹ Энциклика *Laudato si* святейшего отца Франциска «О заботе об общем доме», 2015. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/ru/encyclicals/documents/papa-francesco_20150524_encyclica-laudato-si.html (дата обращения 28.04.2022)

дарства представляет научный и практический интерес, а что, в самом деле, относится к сфере псевдорелигиозных и псевдонаучных теорий.

В целом же выход из создавшегося положения Католическая церковь видит в отказе человечества от индивидуалистического и хищнически-колониаторского отношения к окружающей среде, выработке принципиально новых форм человеческой солидарности, построении социально ориентированного общества, умении принять современный мир во всей множественности его «идентичностей», не умаляя уникальности каждой отдельной культуры в рамках единой христианской идентичности европейских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артеев С.П. (2022) Пандемия COVID-19: конспирология и антиконспирология. *Власть*. Том 30, № 1, С. 58–63. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8781>
- Коломийцева Е.Ю. (2021) Новые медиа в пандемию: пути трансформации. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*, № 1, том 1. DOI: 10.51965/2076-7919_2021_1_1_144
- Лункин Р.Н. (2021) Страхи и надежды европейцев на фоне пандемии. Ин-т Европы РАН, Москва. 186 с. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report32021_381
- Лункин Р. Филатов С. (2019) Борьба «за» и «против» идентичности во внутривнутриполитических процессах. *Мировая экономика и международные отношения*. Том 63, № 9. С. 50–60.
- Пандемия COVID-19: вызовы, последствия, противодействия (2021). Под ред. А.В. Торкунова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова. Издательство «Аспект Пресс», Москва. 248 с.
- Прилуцкий А.М. (2016) Семиотическое пространство конспирологического нарратива и мифа. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. Том 17, вып. 3. С. 264–265.
- Carelli P. (2020) Una pandemia, tante narrazioni: i media durante l'emergenza COVID-19. Fasc. aprile 2020, Milano.
- Costa G. (2020) Ricominciare con un altro sguardo, Aggiornamenti sociali. Fasc. aprile 2020, Milano.
- Cucci G. "Fragile" (2021) Un nuovo immaginario del progresso, La Civiltà Cattolica, quaderno 4093, pp. 71–80.
- Giraud G. (2020) Virus e potere. Prove tecniche di distopia? *Avvenire*, 12.05.2020. URL: <https://www.avvenire.it/agora/pagine/virus-e-potere-prove-tecniche-di-distopia> (accessed: 25.04.2022)
- Londra S. (2020) Ripartiamo da salute e cura, Aggiornamenti sociali. Fasc. Giugno-luglio 2020, Milano.
- Mascheroni G. (2018) Big Data: gli algoritmi non sono più infallibili, *Vita e pensiero*, No 3.
- Pabst A. (2019) L'Occidente va verso un dispotismo democratico? *Vita e pensiero*, 4, 2019.
- Tatay J. (2021) Agenda 2030 per lo sviluppo sostenibile e le religioni, La Civiltà cattolica, quaderno 4094, pp. 105–117.
- Zanardo S. (2020) Intelligenti digitali. Restare umani nella transizione tecnologica, Aggiornamenti sociali. Fasc. agosto–settembre 2020, Milano.

Pandemic and Postcovid World: Interpretations of Italian Catholic Researchers

V.E. Yazkova*

Candidate of Sciences (History)

Center of religion and society problems, Institute of Europe RAS

11-3, Mokhovaya st., Moscow, Russia, 125009.

*E-mail: yazkova@yandex.ru

Abstract. The article deals with the pandemic "lessons" in the works of researchers of the Catholic school. Among "media" scenarios for covering the pandemic, "military", "empathic" and "security" narratives are considered. The author comes to the conclu-

sion that the interest in the post-COVID world order in Italy is determined by the desire to fully preserve civil rights, cultural and religious values. The pandemic stimulated the public activity, interest in the theories of critics of neoliberalism, who pronounceded for complete revision of the current social model as obsolete or betraying the interests of the majority. Politicization and depreciation of such concepts as “conspiracy theories” devalues the theses of the opponents of neoliberalism, taking the discussion away from the scientific and political spheres into the “conspiracy theory”. The Catholic Church considers fundamentally new forms of human solidarity, construction of welfare state, recognition of values of various cultural traditions within the framework of a single Christian identity of European peoples, as the main principles of the post-COVID world order.

Key words: the Catholic Church, the Vatican, coronacrisis, pandemic, conspiracy theories, neoliberalism, postcovid world.

DOI: 10.31857/S020170832204012X

EDN: gkskkq

REFERENCES

- Arteev S.P. (2022) Pandemia COVID-19: konspirologya i antikonspirologya [The COVID-19 pandemic: conspiracy and anti-conspiracy]. *Vlast'*. Vol. 30, No 1, pp. 58–63. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8781> (in Russian).
- Kolomiytseva E.Yu. (2021) Novye media v pandemiju: puti transformatsii [New Media in a pandemic: ways of transformation]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N.Tatisheva*. No 1, Vol. 1. DOI: 10.51965/2076-7919_2021_1_1_144 (in Russian).
- Lunkin R.N. (2021) Strahi i nadezhdi evropejtcsev na fone pandemii [Fears and hopes of Europeans against the background of a pandemic]. Moscow, Russia, 186 p. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report32021_381 (in Russian).
- Lunkin R. Filatov S. (2019) Bor'ba “za” i “protiv” identichnosti vo vnutripoliticheskikh prozessah [The struggle "for" and "against" identity in intra-political processes]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnije otnosheniya*. Vol. 63, No 9, pp. 50–60. (in Russian).
- Pandemia COVID-19: vysovy, posledstvia, protivodejstvia [COVID-19 pandemic: Challenges, consequences, counteractions] (2021). Pod red. A.V. Torkunova, S.V. Rjasantseva, V.K. Levashova; vstup. slovo A.V. Torkunov. Izdatelstvo «Aspekt Press», Moscow, Russia. 248 p. (in Russian).
- Prilutskij A.M. (2016) Semioticheskoe prostranstvo konspirologicheskogo narrativa i mifa [Semiotic space of conspiracy narrative and myth]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*. Vol. 17, No 3, pp. 264–265. (in Russian).
- Carelli P. (2020) Una pandemia, tante narrazioni: i media durante l'emergenza COVID-19. Fasc. aprile 2020, Milano.
- Costa G. (2020) Ricominciare con un altro sguardo, Aggiornamenti sociali. Fasc. aprile 2020, Milano.
- Cucci G. “Fragile” (2021) Un nuovo immaginario del progresso, La Civiltà Cattolica, quaderno 4093, pp. 71–80.
- Giraud G. (2020) Virus e potere. Prove tecniche di distopia? *Avvenire*, 12.05.2020. URL: <https://www.avvenire.it/agora/pagine/virus-e-potere-prove-tecniche-di-distopia> (accessed: 25.04.2022)
- Londra S. (2020) Ripartiamo da salute e cura, Aggiornamenti sociali. Fasc. Giugno-luglio 2020, Milano.
- Mascheroni G. (2018) Big Data: gli algoritmi non sono più infallibili, *Vita e pensiero*, No 3.
- Pabst A. (2019) L'Occidente va verso un dispotismo democratico? *Vita e pensiero*, 4, 2019.
- Tatay J. (2021) Agenda 2030 per lo sviluppo sostenibile e le religioni, La Civiltà cattolica, quaderno 4094, pp. 105–117.
- Zanardo S. (2020) Intelligenti digitali. Restare umani nella transizione tecnologica, Aggiornamenti sociali. Fasc. agosto-settembre 2020, Milano.

УДК 338.48

ХРИСТИАНСКИЕ РЕТРИТЫ ЕВРОПЫ: ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ДЕСТИНАЦИЙ ТУРИЗМА РЕЛИГИОЗНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

© 2022 БАЛАБЕЙКИНА Ольга Александровна*

Кандидат географических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

191023, Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21.

**E-mail: olga8011@yandex.ru Orcid.org/0000-0001-9520-8880*

© 2022 НУММЕЛА Михаил*

*Архимандрит, игумен Спасо-Преображенская Валаамского монастыря
в Финляндии («Новый Валаам»)*

Valamon luostari, Valamontie 42, FI-79850 UUSI-VALAMO, Финляндия.

**E-mail: mikael@valamo.fi*

© 2022 ЯНКОВСКАЯ Анна Андреевна*

Кандидат экономических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,

191023, Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21.

**E-mail: aia777@yandex.ru Orcid.org/0000-0002-2185-6196*

Поступила в редакцию 16.01.2022

После доработки 21.03.2022

Принята к публикации 16.05.2022

Аннотация. Структурные изменения во взаимосвязанных общественной и экономической сферах функционирования современных государств отзываются существенными трансформациями в деятельности религиозных организаций, в том числе рекреационной. Цель исследования – выявить характерные черты, определяющие принцип работы и обслуживания в пределах христианских ретритов. Внимание авторов сфокусировано на отдельных примерах религиозных организаций Финляндии и Швеции. Исследование базируется на методах анализа и синтеза информации, полученного, в том числе, с помощью очного наблюдения. Предлагается введение в научный оборот авторского варианта определения понятия «христианский ретрит». Под таковым понимается инновационная форма рекреационной деятельности, осуществляемая на базе религиозных организаций, ориентированная на широкий по вероисповеданию (или отсутствию такового) контингент с обеспечением размещения и пребывания с целью отдыха. Представлены отличительные черты христианского

ретрита, обоснования для выделения ретритных центров и ретритных пунктов (отдельной категорией выделены христианские мультифункциональные смарт-пункты). Успешный опыт организации христианских ретритов в Европе представляет интерес для дальнейших исследований в силу сходства природно-климатических условий с условиями Северо-Запада РФ и наличием соответствующего спроса.

Ключевые слова: христианский ретрит, ретритный пункт, туристская дестинация, рекреационная деятельность, Швеция, Финляндия.

DOI: 10.31857/S0201708322040131

EDN: gkwsyd

В пределах подавляющего большинства стран зарубежной Европы с разной степенью интенсивности (например, менее – в Польше, более – в Норвегии, Швеции и др.) фиксируются структурные преобразования, связанные с деятельностью религиозных организаций. Они обусловлены широким распространением секулярных тенденций среди населения, а также особым усилением влияния ислама [Эйдмиллер, 2018; Агафшин и др., 2021]. Христианство в регионе продолжает сохранять культуuroобразующую роль, а религиозные институты – социальную значимость [Балабейкина, Янковская, 2021; Kettell, 2019]. Но одновременно с этим национальные церкви ряда европейских стран утрачивают государственный статус (Швеция, Норвегия), в динамике последних десятилетий стремительно сокращается численность прихожан (РКЦ Австрии¹, Германии² и др.), снижается степень их религиозной активности, идет процесс реорганизации, укрупнения и упразднения приходов и даже церковно-административных единиц регионального уровня – епархий.

Реакция на обозначенные процессы прослеживается в различных видах деятельности религиозных организаций и в том числе в сфере рекреационного хозяйства [Liro, 2021]. Предпринимаемые попытки сохранить интерес к посещению дестинаций туризма (обладающих туристкой привлекательностью территорий, объектов пр.), расширить контингент и число визитеров, многие популярные европейские монастырские и храмовые комплексы избрали путь диверсификации как перечня оказываемых услуг, так и направлений деятельности. В результате они превратились из паломнических или духовно-просветительских центров в так называемые христианские ретриты.

Христианские ретриты выступают в качестве инновационной модели организации туризма и отдыха, зародившейся в странах зарубежной Европы в конце XX в. и позиционируются как ориентированные на широкий по принадлежности к вероисповеданию (или отсутствию такового) контингент, обеспечивая размещение и пребывание в условиях режима тишины и покоя. Кроме того, рекреантам предоставляется возможность участия в духовных практиках (религиозно-культурные обряды, таинства, беседы со священнослужителями).

¹ Подробнее см.: Anzahl der Katholiken in Österreich nach Diözesen am 31. Dezember 2020. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/304757/umfrage/katholiken-in-oesterreich-nach-dioezesen/> (дата обращения: 04.03.2022)

² Подробнее см.: Kirchliche Statistik. URL: <https://www.dbk.de/kirche-in-zahlen/kirchliche-statistik> (дата обращения: 04.03.2022)

Примерами христианских ретритов могут послужить Райдл-Холл (Британия, Камберленд), Спасо-Преображенский Ново-Валаамский монастырь (Финляндия, Южная Савония), монастырь св. Биргитты (Вадстенское аббатство¹ в Швеции, Эстергётланде), Бергет (Швеция, Даларне) и др.

В России такого рода туристских дестинаций, расположенных на базе религиозных организаций, не представлено. Но перспективы для разработки и реализации такого рода проектов намечаются. Они продиктованы спросом на туристские маршруты религиозной тематики, усложнением их состава за счет вовлечения в пакет услуг досуговых и иных мероприятий, в том числе связанных с проведением свободного времени в условиях естественных природных ландшафтов, с возможностью пребывания в уединении. Дополнительным импульсом к созданию христианских ретритов в пределах России может послужить ограничение доступа к посещению зарубежных объектов отечественными туристами в условиях пандемии COVID-19. Реализации такого рода национальных проектов предполагает учет опыта стран, где ретриты религиозной направленности успешно функционируют уже несколько десятилетий.

При активном интересе зарубежных [Aurel и др., 2018; Bellia и др., 2021] и отечественных ученых [Афанасьев, 2019] к вопросам, связанным с туристской деятельностью религиозных организаций Европы, христианские ретриты нечасто становились отдельным предметом исследования. Исключение составляют научные труды К. Голубчак [Golubchak, 2019], Ю. Лиро [Liro и др., 2018] и некоторых других специалистов. Данная форма туризма традиционно ассоциируется с восточными культурами [Пеннер, 2018], но современные реалии таковы, что содержание самого понятия расширилось и требует научного осмысления в аспекте раскрытия специфики, обусловленной уже принадлежностью к христианским религиозным организациям.

Интерес потребителей туристских услуг к обозначенной форме отдыха продиктован возрастающей потребностью к проведению свободного времени в уединении и режиме тишины при возможности получить духовную поддержку или психологическую помощь, в том числе посредством участия в религиозных обрядах. Такого рода общественный запрос находит отражение и в территориально-планировочной структуре пространства некоторых европейских городов. Так, скорую популярность завоевала «Часовня тишины Камппи» (Kampin kappeli/Kamppi Chapel of Silence), расположенная в центре столицы Финляндии. Данное культовое сооружение позиционируется как межконфессиональное, хотя формально принадлежит национальной Евангелическо-лютеранской Церкви. Регулярные богослужения там не проводятся. Часовня свободна для посещения с целью релаксации в условиях тишины ежедневно в часы работы. Кроме того, в помещении постоянно дежурят священнослужители и социальные работники, готовые оказать необходимую духовную и психологическую помощь желающим. Приведенный пример можно обозначить как христианский ретритный пункт, расположенный в пределах городской территории, выполняющий важную узкоспециализированную функцию.

¹ Подробнее см.: Birgittaskloster. URL: <https://birgittaskloster.se/sv/retratt-besinningshelg> (дата обращения: 04.03.2022)

Общепринятой дефиниции, раскрывающей суть понятия «христианский ретрит», в научном обороте на данный момент нет. В рамках представленной работы под такими предлагается понимать функционирующие на базе действующих религиозных организаций (монастырей, храмовых комплексов, духовно-образовательных центров) реколлекционные¹ дестинации туризма с широким перечнем услуг в сфере отдыха и проведения досуга, ориентированные на разнообразный по вероисповеданию контингент и с акцентом на возможность получить восстановление эмоциональных и физических сил в условиях уединения и возможностью участия в духовных практиках.

К основным отличительным чертам христианского ретрита предлагается отнести следующие:

– *наличие сакрального ядра территории*, в качестве которого может выступать храм, собор, часовня, домовая церковь (молитвенный зал). Обязательное условие – совершение богослужений на регулярной основе. При этом участие в последних носит для рекреантов, пребывающих в христианском ретрите на условиях размещения, сугубо добровольный характер;

– *учет предписаний религиозной доктрины в организации питания*. В меню на выбор предлагаются постные блюда (в большей степени характерно для православных, в меньшей степени – для католических ретритов), а также расширенный их ассортимент в праздничные дни церковного календаря. Реализуется продовольственная продукция местного производства, связанная с ритуализированным потреблением (пасхальные куличи, творожные «пасхи» и т.д.). В христианских ретритах, принадлежащих протестантским религиозным организациям, обозначенный признак не является актуальным по причине отсутствия доктринально обусловленных пищевых запретов и ограничений. Кроме того, в качестве элемента формирования туристского брендинга могут проследиваться связи с традициями материальной культуры носителей этносов, конфессиональная принадлежность которых связана с христианским ретритом. Так, в перечне услуг ресторана «Трапеза» на Новом Валааме действуют специальные предложения для групп численностью от 10 человек. Например, меню «Валаамский чайный стол» позиционируется как модифицированная версия традиционного русского чаепития, разработанная с соблюдением исторических национальных традиций². По аналогичному принципу составлены комплексные меню праздничных групповых мероприятий под наименованиями «Стол по-славянски», «Стол по-византийски» и т. д.;

– *организация мероприятий духовной и религиозно-просветительской направленности*. К таковым относятся тематические беседы со священниками; семинары и мастер-классы; концерты духовной музыки и т. д.;

¹ Реколлекция (от лат. *recolligere* – вновь собирать). В христианстве понимается как особый период, посвященный личной молитве, размышлениям, принятию решений, а также духовному деланию, духовным упражнениям.

² Valamon luostari (Ресторан «Трапеза»). URL: <https://valamo.fi/ru/паломникам/ресторан-трапеза> (дата обращения: 04.03.2022)

- наличие зон отдыха для релаксации в условиях уединения. Они предполагают существенную вариативность форм – от беседок для чтения и искусственных оранжерей до оборудованных прогулочных и экологических троп;
- соблюдение режима тишины (после 21.00 или 22.00);
- ориентированность на широкий контингент посетителей независимо от их принадлежности к вероисповеданию.

Перечисленные выше особенности христианских ретритов могут получать различные проявления на практике в зависимости от природно-ландшафтных и иных условий, в которых расположен христианский ретрит, его площади, территориально-организационной структуры, доктринальных установок христианской конфессии.

Анализ данных, отражающих исходные характеристики рассматриваемых дестинаций туризма, позволил осуществить их некоторую классификацию.

В первую очередь в зависимости от объема занимаемой площади и планировочной структуры следует разделять христианские *ретритные центры* и *ретритные пункты*. Под первыми понимаются многофункциональные рекolleкционные комплексы, расположенные непосредственно вблизи естественных или минимально измененных природных ландшафтов (леса и национальные парки, побережья озер, рек и т. д.). Последнее создает условия для длительных, в том числе уединенных, моционов.

При этом могут выделяться прогулочные тропы, которые поддерживаются непосредственно религиозной организацией, к которой относится ретрит, а также прилегающие к его территории, но находящиеся в ведении муниципальных органов управления. Так, например, от Ново-Валаамского монастыря берут начало три пешеходных маршрута разной степени сложности, имеющие протяженность в 3, 4 и 18 км. Их конечными пунктами являются часовня, поклонный крест («крест путника», установленный в 1980 г.) и Свято-Троицкий Линтульский монастырь в д. Палокки, соответственно. На средства Ново-Валаамского монастыря все прогулочные маршруты оборудованы площадками для отдыха и навесами¹. Данью современности стала предоставляемая монастырем возможность найти рекомендуемые туристические маршруты с отмеченными «местами интереса» в специальном приложении для смартфонов. Бесплатное приложение доступно для загрузки в телефоны на платформах Android и iPhone под названием «Vaeltajakartta». Помимо указанных прогулочных троп, непосредственно к территории ретрита прилегают маршруты, которые находятся в ведении муниципалитета Хейнявеси. Монастырь оказывает также информационные услуги для туристов (например, предоставляет данные о возможности аренды велосипеда для комфортного путешествия).

Прогулки по оборудованным маршрутам, но в окружении естественных ландшафтов, – одиночные и групповые – являются очень привлекательным для туристов фактором, мотивирующим выбор такого рода дестинации для отдыха. Они создают импульс для расширения перечня дополнительных услуг, оказываемых на базе ретритных комплексов. К таковым относятся организация питания (в том чис-

¹ Valamon luostari (Маршруты для прогулок). URL: <https://valamo.fi/ru/паломникам/маршруты-для-прогулок> (дата обращения: 04.03.2022)

ле, горячего) на маршруте или предложение ланч-пакетов для участников группы. Так, например, в кафе-ресторане католического ретрита Нотр-Дам-дю-О¹ (Франция, Рошан) реализуется услуга «корзинка для пикника». По предварительной договоренности на специально оборудованных с целью кратковременного отдыха площадках для участников группы, совершающих длительную пешеходную прогулку, организуется прием пищи. Данная услуга направлена на создание комфортных условий отдыха путем устранения необходимости туристам переносить дополнительный груз в виде запаса продуктов питания.

Помимо непосредственно прилегающих к территории прогулочных маршрутов, христианский ретритный центр должен включать в свою планировочную структуру следующие компоненты:

– *входная зона*, где посетители обеспечиваются необходимой информацией, а также могут получить первичное обслуживание;

– *сакральное ядро* – христианский храм или часовня, где на регулярной основе совершаются богослужения, а в некоторых случаях находится почитаемая святыня — предмет религиозного поклонения христиан (Валаамская и Коневская иконы Божией Матери на Новом Валааме, мощи св. Биргитты в Вадстенском аббатстве и т.д.). В пределах христианского ретрита могут на разном расстоянии друг от друга располагаться несколько строений культового назначения. В таком случае их можно считать сателлитами сакрального ядра;

– *зрелищная зона* – открытая площадь для проведения концертов, ярмарок, праздничных мероприятий;

– *экспозиционная зона* христианского ретрита может быть представлена как музейными залами в зданиях специального назначения, так и уличными выставочными стендами;

– *хозяйственная зона* и расположенная рядом с ней *зона обслуживания* (кафе-ресторан, гостиницы, hostels, гостевые дома, коттеджи и т. д.);

– *рекреационно-досуговая зона (зоны)*, куда входят уже упоминавшиеся выше экотропы и пешеходные маршруты, содержит инфраструктуру, обеспечивающую рекреантам различные виды отдыха. Ее составляют также оборудованные детские и спортивные площадки, купальни открытых водоемов, беседки для чтения и настольных игр, скамьи, оранжереи, искусственные водоемы и пр., а также здания учебных корпусов, мастерских, библиотек и т.д.;

– *реколлеционные зоны, предназначенные для уединения и восстановления эмоциональных сил*, могут частично совпадать с рекреационно-досуговыми (медицинские сады, парки, уединенные тропы и т. д.).

По своему расположению в пределах поселений в зависимости от их типа христианские ретритные центры подразделяются на *городские* и *сельские*. В свою очередь, среди последних можно обозначить *природно-антропогенные*, с минимально измененным природным ландшафтом и *антропогенно-природные*, в планировочной структуре которых существенное место занимают искусственно созданные элемен-

¹ Chapel-Retreat in France. URL: <https://www.youthofgoldenage.de/en/chapel-retreat-in-france/> (дата обращения: 04.03.2022)

ты среды обитания флоры и фауны. Так, в Райдл-Холле (Англия) существенное внимание уделяется поддержанию прудов, регулярного парка и оранжерей, а на Новом Валааме, напротив, прослеживается стремление сохранить неизменными, насколько это возможно, природные ландшафты.

Примером городского христианского ретрита может послужить католический многофункциональный рекolleкционный комплекс, действующий на базе католического монастыря св. Биргитты в шведском городе Вадстена. Сам этот населенный пункт, насчитывающий около 5 тыс. жителей, находится на побережье озера Веттерн. Окружающие его природные ландшафты и средневековая замковая архитектура сами по себе являются факторами туристской привлекательности. Когда после длительного периода использования зданий и сооружений монастыря для удовлетворения различных социальных нужд, в связи с его упразднением в XVI в., он снова был открыт, силами его игумении и насельниц уже в 1935 г. была предпринята удачная попытка организовать в жилых корпусах дом отдыха.

Развитие этого проекта с позиции современного подхода приобрело форму рекolleкционного христианского ретрита. Помимо возможности индивидуального и группового размещения, здесь несколько раз в году на условиях полного пансиона предлагаются восстановительные тематические программы продолжительностью 3–4 дня, получившие название «Биргиттинские выходные размышлений». Содержание предполагает по желанию участие в духовных практиках (совместная с монахинями молитва, богослужения), совместный прием пищи в условиях режима тишины (под сопровождение в форме классических и духовных музыкальных произведений или чтение литературы духовно-нравственного содержания). Кроме того, организуются лекции-беседы по заранее оговоренной тематике. Специальных требований к рекреантам нет, но декларируется пожелание отказаться от использования мобильных телефонов, телевидения и радио на время пребывания в монастыре. Организация последних до введения ограничений, связанных с пандемией COVID-19 «Биргиттинских выходных размышлений» приходится на осень 2019 г.¹, а стоимость участия в программе на одного человека с полным пансионом составляла доступную по средней платежеспособности для европейского жителя сумму (от 1100 до 1510 шведских крон), что вполне можно рассматривать как конкурентное преимущество на рынке услуг отдыха и туризма. Но скорее всего высокий спрос обусловлен нестандартностью формы проведения отдыха и ее востребованностью в современных условиях.

Вадстенское аббатство с монастырем св. Биргитты по перечню компонентов своей планировочной структуры соответствует ретритному центру, а его расположение на озерном побережье открывает возможности и для пользующихся спросом рекреантов уединенных прогулок. Для городских христианских ретритов типична несколько иная ситуация. Таковые более соответствуют понятию рекolleкционный пункт.

В отличие от комплексных многофункциональных христианских ретритных центров они компактны, но также обладают туристической привлекательностью.

¹ Сестры Биргиттас в Вадстене. URL: <https://birgittaskloster.se/sv/retratt-besinningshelg> (дата обращения: 04.03.2022)

Среди городских христианских ретритных пунктов выделяются недоступные для размещения на ночлег с целью отдыха. Яркий пример – часовня тишины Камппи в Хельсинки. Кроме этого, можно обозначить отдельной категорией христианские мультифункциональные смарт-пункты, предоставляющие, помимо прочих, гостиничные услуги. К таковым относится расположенный в Ийсалми (Финляндия, Северная Карелия) центр культуры православных карел «Эваккоескус» с гостиницей «Артос». В его здании содержится номерной гостиничный фонд, зал-ресторан, оформленный в византийском стиле, а цокольный этаж отведен под экспозиционную зону. Здесь представлена музейная коллекция, состоящая из предметов быта финских карел, церковной утвари, византийской иконописи, а также макеты утраченных в советский период храмов Карелии. В рассмотренном случае здание христианского ретрита включает все компоненты – входную, хозяйственную, экспозиционную, внутренние досугово-рекреационные зоны, в том числе предназначенные для релаксации и уединения, кроме сакральной. В качестве таковой можно рассматривать расположенный в непосредственной близости храм Ильинского православного прихода Православной Церкви Финляндии.

Следует обозначить, что, несмотря на популярность христианских ретритов как дестинаций туризма, а значит, и их экономической целесообразности как компонента деятельности религиозных организаций, среди таковых нередко прослеживается отсутствие стремления изменить тип использования своей инфраструктуры, пользующейся очень высокой популярностью у посетителей и паломников с целью экскурсионного осмотра. Например, православный Богородице-Успенский Пюхтицкий монастырь (Эстония, Ида-Вирумаа) предоставляет возможность размещения с ночлегом на своей территории на условиях так называемого трудничества – т.е. без оплаты денежными средствами, но с обязательным посещением богослужений и участием в посильной помощи хозяйству обители. То есть изначально подразумевается, что такого рода форма проведения времени ориентирована на узкий по религиозной принадлежности контингент. Похожие правила действуют в православном Свято-Троицком Линтульском женском монастыре, расположенном в 18 км от Нового Валаама и, по сути, образующего единый с ним кластер туризма религиозной тематики. Пока что не получили распространения ретриты и в православных монастырях Греции, Кипра и др., многие из которых в принципе не ориентированы на прием посетителей или рекреантов, так как не стремятся к получению доходов, обеспечивая им условия для отдыха.

Важно обозначить и тот факт, что не каждая туристская дестинация, принадлежащая христианской религиозной организации, соответствует понятию ретритного комплекса. В ходе исследования была проанализирована территориально-организационная структура и специфика рекреационной деятельности, осуществляемой на базе 75 предприятий такого рода, расположенных на территории Евангелическо-лютеранской Церкви Швеции (ЕЛЦШ) в 2021 г. Сводное описание наиболее характерных примеров представлено в табл. 1.

Анализ приведенных выше данных позволил выявить наличие ключевых компонентов, характерных для ретритных комплексов у большинства представленных на тематических сайтах объектов рекреационно-туристической деятельности. Так, на

официальных интернет-порталах в 51 из всех рассмотренных случаев содержалась информация о наличии сакрального ядра непосредственно на территории (68%); в 59 анонсировалось проведение мероприятий духовной направленности (79%), в 9 из 75 приветствовалось или оговаривалось соблюдение в определенное время режима тишины (12%). Руководство 63 дестинаций не только подчеркивает ориентированность их на семейный отдых (84%), но и позиционирует как преимущество обеспеченность их всей необходимой инфраструктурой для такого (детские площадки, детское меню).

Таблица 1

Характеристика избранных объектов рекреационной деятельности на базе дестинаций ЕЛЦШ¹

Название	Сакральное ядро территории	Питание	Зоны отдыха	Режим тишины	Ориентированность отдыха
Хемаван Фьельстаун (Hemavan Fjällstation, www.hemavanfjallstation.se)	Храм	Трехразовое, местные ингредиенты	Заповедник, пещеры, велосипедные и пешеходные тропы	да	Семейная
Сандвикенгорден (Sandvikengården, www.sandvikengarden.se)	Храм «Sandviken kyrkan»	Только по предзаказу	Пляж, каноэ, спортивные площадки	нет	Семейная
ЕФС горден Осльонга (EFS gården Åsljunga, www.efsgarden.com)	Храм	Широкий ассортимент, мясо только со шведских ферм	Пешеходные тропы, плавание, рыбалка, каноэ, кемпинг	да	Одиночные, пары
Экше кэмпинг (Eksjö camping, www.eksjocamping.se)	Часовня	От бутербродов до праздничных ужинов	Плавание, рыбалка, каноэ, pedalные лодки, концерты	нет	Семейная
Гульбраннагорден (Gullbrannagården, www.gullbrannagarden.se)	Храм	Традиционные шведские блюда	Мини-гольф, теннис, пляжный волейбол, игровые площадки, велосипедные дорожки	нет	Семейная
Страндгорден (Strandgården, www.strandgarden.org)	Храм «Strandgårdskyrkan»	Ресторан	Пешеходные тропы, пляж, серфинг	нет	Семейная
Хьортсберггорден (Hjortsbergagården, www.hjortsbergagarden.se)	Храм «Kungssportskyrkan»	Самообслуживание	Рыбалка, плавание, каноэ, футбол, пляжный волейбол	нет	Семейная
Хьельвиксstrand (Höllviksstrand, www.hollviksstrand.se)	Храм «Stora Hammar»	Ресторан	Серфинг, гольф	нет	Одиночные, пары, семьи
Холландсгорден (Hållandsgården, www.hallandsgarden.nu)	Храм «Hållandsgården stavkyrka»	Домашняя пища	Выставки культуры Сами, модели Иерусалима и Галилеи, паломнический центр, тропа Святого Олафа	нет	Семейная

¹ Подробнее см.: Christian Hospitality. URL: https://www.christian-hospitality.com/list-business-map?title=&field_category_tid=4&field_location_tid=All (дата обращения: 04.03.2022)

Свф конференс (Svf konferens, www.svf.fhsk.se/hotell-konferens-jonkoping/)	Храм «Katolska kyrkan i Jönköping»	Ресторан, мясо только со шведских ферм	Гольф, Национальный парк Стуре-Моссе	да	Большие группы
Сергорден кушгорд (Sörgården kursgård, www.kyrkekvam.com/boende/vara-stugor/sorgarden)	Часовня	Шведская традиционная домашняя пища	Пешеходные тропы, озерный пляж, рыбалка	нет	Одиночные и для больших групп
Клинтагорден (Klintagården, www.klintagarden.se)	Храм «Köpings Kyrka»	Ресторан	Кемпинг, игровые площадки, велосипедные дорожки, пляж	нет	Одиночные, пары, семьи
Мэсхульт куш ок лэгергорд (Måshult kurs och lägergård, www.mashult.se)	Часовня	Ресторан с полным обслуживанием	Футбольное поле, волейбол, настольный теннис	нет	Одиночные, пары, семьи
Ускавигорден (Uskavigården, www.uskavi.se)	Летний храм	Ресторан, организует все от дней рождения, до похорон	Плавание, пешеходные и велосипедные тропы, рыбалка, каноэ	нет	Одиночные, пары, семьи
Стурстранд Кушгорд (Storstrand Kursgård, www.storstrand.nu)	Храм «Öjebu kyrka»	Ресторан, традиционные шведские блюда	Плавание, рыбалка, волейбол, футбольное поле	нет	Одиночные, пары, семьи
Мишунсгорден Страндхем (Missionsgården Strandhem, www.strandhem.nu)	Храм «Örkelljunga kyrka»	Самообслуживание	Каноэ, гребля, гольф, пляж, футбольное поле, волейбол	нет	Одиночные, пары, семьи
ЕФС Соммархем Прэстэнгет (EFS Sommarhem Prästånget, www.prastanget.se)	Храм Шведской Евангельской Миссии	Ресторан	Пляж, пешеходные тропы, волейбольное поле, футбольное поле	да	Одиночные, пары, семьи
ЕФС Сульбаккен (EFS Solbacken, www.solbacken.org)	Летний храм	Завтраки и легкие перекусы	Бассейн, кемпинг, пляж, волейбольное поле, плавание	да	Семейная
Труннагорден (Trunnagården, www.trunnagarden.se)	Храм «Trunna kyrka»	Самообслуживание	Туры по дикой природе, лыжи, пешеходные прогулки, плавание	нет	Одиночные, пары, семьи
Фресеваллен (FrösövalLEN, www.frosovalLEN.se)	Храм «Frösö kyrka»	Домашняя пища	Религиозные службы, тематические ночи, выставки искусств, музыкальные кафе	нет	Большие группы

Большое внимание уделено рекреационно-досуговой зоне. Все дестинации обладают в той или иной мере целым рядом значимых элементов туристской инфраструктуры в широком ее понимании. Имеются обустроенные и маркированные специальным образом экотропы и экомаршруты, выполняющие функции реколлеционных зон, предназначенных для уединения и восстановления духовных и эмоциональных сил.

К активному отдыху располагает наличие полей для игр в гольф, футбол, волейбол и пр., пляжей и собственного парка транспортных средств в аренду (велосипеды, каноэ, лодки, доски для серфинга и т.д.). Интеллектуальной и духовно-нравственной составляющей туристской инфраструктуры, отвечающей запросам современного человека, стали разного рода выставочные и культурные мероприятия, проводимые на территории объекта размещения, а также мероприятия, организуемые в рамках про-

фильной деятельности христианской религиозной организации (религиозные службы). Важным элементом привлекательности того или иного места размещения становится и возможность воспользоваться его инфраструктурой для участия в совершении религиозных обрядов, сопровождающих акты изменения гражданского состояния (венчание) или крещения, а также организации торжества по этому поводу.

Заключение

Христианские ретриты в странах Европы выкристаллизовались как инновационная организационно-территориальная форма предприятий, предоставляющих полный и разнообразный пакет услуг в сфере организации досуга, туризма и отдыха. Расположенные на базе религиозных организаций, таковые характеризуются целым рядом отличительных особенностей, связанных с компонентной структурой и акцентом на удовлетворение запроса на восполнение эмоциональных сил в условиях режима тишины, покоя, возможности на добровольной основе участвовать в духовных практиках. Ритм жизни современного общества обеспечивает предьявление высокого спроса на услуги христианских ретритов, что подтверждается зафиксированными в процессе исследования фактами заблаговременного закрытия бронирования номерного фонда. К тому же, условия размещения и пребывания в дестинациях обозначенного образца соответствуют высоким европейским стандартам качества, а ориентированность на самый широкий контингент привлекает лиц любого вероисповедания или не имеющих религиозной самоидентификации.

Популярность христианских ретритов, одновременно с процессами секуляризации и девальвации христианских ценностей в обществе, снижением интереса к паломническим маршрутам в аскетических условиях, высоким требованиям к уровню обслуживания и обеспечения комфортом, привели к тому, что число их возрастает путем диверсификации монастырских хозяйств, переориентации в использовании капитала под эти цели в протестантских деноминациях. Фиксируется не только постоянное расширение перечня услуг в обозначенных дестинациях туризма и отдыха с учетом развития высоких технологий, но и разнообразие их форм.

Проекты, аналогичные христианским ретритам, до сих пор не имеющие аналогов в России, могут быть востребованы при конструктивном подходе к их разработке и внедрению с учетом зарубежного опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агафшин М.М., Горохов С.А., Захаров И.А. (2021) Мусульманская иммиграция в Швецию как фактор возникновения параллельных конфессиональных сообществ. *Развитие регионов в XXI веке. Материалы III Международной научно-практической конференции*. Под ред. А.У. Огоева. Владикавказ. С. 143–146.

Афанасьев О.Е., Афанасьева А.В. (2019) Религиозный туризм как тренд мировой и российской индустрии: концептуальная сущность и модели развития. *Современные модели сервиса и туризма*. Т. 13. № 3. С. 7–27.

Балабейкина О.А., Янковская А.А. (2021) Социальная ответственность религиозных организаций (на примере Государственной христианской церкви Англии). *Мировая экономика и международные отношения*. № 3. Т. 65. С. 130–138. DOI: 10.20542/0131-2227–202

- Пеннер Р. В. (2018) Ретриты в философской практике: прошлое, настоящее, будущее. *Социум и власть*. № 3 (71). С. 86–90.
- Эйдемиллер К. Ю. (2018) Исламская диффузия в странах Северной Европы: процессы миграции и исламской революции. *Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления*. № 20 (25). С. 231–244.
- Aurel G., Dumitrache L., Giusca M. (2018) Assessment of the religious-tourism potential in Romania. *Human Geographies*. No 12 (2), pp. 225–237. DOI:10.5719/hgeo.2018.122.6
- Bellia C., Scavone V., Ingrassia M. (2021) Food and Religion in Sicily – A New Green Tourist Destination by an Ancient Route from the Past. *Sustainability*. No 13. Т. 6686. DOI: <https://doi.org/10.3390/su13126686>
- Holubchak K. (2019) The spiritual retreat centers – innovative approach in the field of religious tourism: architectural and urban planning aspects. *AS*. Vol. 5, No 2, pp. 164–173 DOI: <https://doi.org/10.23939/as2019.02.164>
- Kettell S. (2019) *Social Capital and Religion in the United Kingdom*. Faith-Based Organizations and Social Welfare. London, Palgrave Macmillan, pp. 185–203. DOI: 10.1007/978-3-319-77297-4_8
- Liro J., Soljan I., Bilska-Wodecka E. (2018) Spatial Changes of Pilgrimage Centers in Pilgrimage Studies – Review and Contribution to Future Research. *International Journal of Religious Tourism and Pilgrimage*. No 6, pp. 5–17. DOI: 10.21427/v92c-8113
- Liro J. (2021) Visitors' motivations and behaviours at pilgrimage centres: push and pull perspectives. *Journal of Heritage Tourism*. No 16 (1), pp. 79–99. DOI:10.1080/1743873X.2020.1761820

Christian Retreats in Europe: Innovative Forms of Religious Tourism Destinations

O.A. Balabeikina *

*Candidate of Science (Geographics), Associate Professor
Saint-Petersburg State University of Economics,
21 Sadovaya Street, Petersburg, Russia, 199023.*

***E-mail:** olga8011@yandex.ru [Orcid.org/0000-0001-9520-8880](https://orcid.org/0000-0001-9520-8880)

M. Nummela*

*Archimandrite, Abbot of the Spaso-Preobrazhenskaya Valaam Monastery in Finland
("New Valaam") Valamon luostari, Valamontie 42, FI-79850 UUSI-VALAMO, Finland.*

***E-mail:** mikael@valamo.fi

A.A. Yankovskaya*

*Candidate of Science (Economics), Associate Professor
Saint-Petersburg State University of Economics,
21 Sadovaya Street, St. Petersburg, Russia, 199023.*

***E-mail:** aia777@yandex.ru [Orcid.org/0000-0002-2185-6196](https://orcid.org/0000-0002-2185-6196)

Abstract. Structural changes in the interconnected social and economic spheres of the functioning of modern states respond with significant transformations in the activities of religious organizations, including recreational ones. The purpose of the study is to identify the characteristic features that determine the principle of work and service within Christian retreats. Attention of the authors is focused on individual examples of religious organizations in Finland and Sweden. The study is based on the methods of analysis and synthesis of information obtained, among other things, with the help of participant observation. It is proposed to introduce into scientific circulation the author's version of the definition of the concept of «Christian retreat». It is understood as an innovative form of recreational activity of religious organizations, focused on a wide

contingent of affiliation to religion (or its absence), with the provision of accommodation and stay for the purpose of recreation. The distinctive features of the Christian retreat, the rationale for the allocation of retreat centers and retreat points are presented (Christian multifunctional smart points are singled out as a separate category). The successful experience of organizing Christian retreats in Europe is of interest for further research due to the similarity of natural and climatic conditions with the conditions of the North-West of the Russian Federation and the presence of a corresponding demand.

Keywords: Christian retreat, retreat point, tourist destination, recreational activities, religious themed routes, Sweden, Finland.

DOI: 10.31857/S0201708322040131

EDN: gkwsyd

REFERENCES

Afanas'ev O.E., Afanas'eva A.V. (2019) Religioznyj turizm kak trend mirovoj i rossijskoj industrii: konceptual'naja sushhnost' i modeli razvitija [Religious tourism as a trend in the global and Russian industry: conceptual essence and development models]. *Sovremennye modeli servisa i turizma*. Vol. 13. No 3, pp. 7–27. (in Russian).

Agafoshin M.M., Gorohov S.A., Zaharov I.A. (2021) Musul'manskaja immigracija v Shveciju kak faktor vznikovenija parallel'nyh konfessional'nyh soobshhestv [Muslim immigration to Sweden as a factor in the emergence of parallel confessional communities]. *Razvitie regionov v HHI veke. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, pod red. A.U. Ogoeva. Vladikavkaz, pp. 143–146. (in Russian).

Aurel G., Dumitrache L., Giusca M. (2018) Assessment of the religious-tourism potential in Romania // *Human Geographies*. No 12 (2), pp. 225–237. DOI:10.5719/hgeo.2018.122.6

Balabejkina O.A., Jankovskaja A.A. (2021) Social'naja otvetstvennost' religioznyh organizacij (na primere Gosudarstvennoj hristianskoj cerkvi Anglii) [Social responsibility of religious organizations (on the example of the State Christian Church of England)]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. No 3. Vol. 65, pp. 130–138. DOI: 10.20542/0131-2227-202 (in Russian).

Bellia C., Scavone V., Ingrassia M. (2021) Food and Religion in Sicily – A New Green Tourist Destination by an Ancient Route from the Past. *Sustainability*. No 13. Vol. 6686. DOI: <https://doi.org/10.3390/su13126686>

Holubchak K. (2019) The spiritual retreat centers – innovative approach in the field of religious tourism: architectural and urban planning aspects. *AS*. Vol. 5. No 2, pp. 164–173. DOI: <https://doi.org/10.23939/as2019.02.164>

Jejdemiller K.Ju. (2018) Islamskaja diffuzija v stranah Severnoj Evropy: processy migracii i islamskoj revoljucii [Islamic diffusion in the countries of Northern Europe: the processes of migration and the Islamic revolution]. *Vestnik Komi respublikanskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby i upravlenija. Teorija i praktika upravlenija*. No 20 (25), pp. 231–244. (in Russian).

Kettell S. (2019) *Social Capital and Religion in the United Kingdom*. Faith-Based Organizations and Social Welfare. London, Palgrave Macmillan, pp. 185–203. DOI: 10.1007/978-3-319-77297-4_8

Liro J. (2021) Visitors' motivations and behaviours at pilgrimage centres: push and pull perspectives. *Journal of Heritage Tourism*. No 16 (1), pp. 79–99. DOI:10.1080/1743873X.2020.1761820

Liro J., Soljan I., Bilaska-Wodecka E. (2018) Spatial Changes of Pilgrimage Centers in Pilgrimage Studies – Review and Contribution to Future Research. *International Journal of Religious Tourism and Pilgrimage*. No 6, pp. 5–17. DOI: 10.21427/v92c-8113

Penner R.V. (2018) Retriy v filosofskoj praktike: proshloe, nastojashhee, budushhee [Retreats in philosophical practice: past, present, future]. *Socium i vlast'*. No 3 (71), pp. 86–90. (in Russian).

УДК 327

ПРЕЗИДЕНТЫ АВСТРИИ: РОЛЬ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

© 2022 ШВЕЙЦЕР Владимир Яковлевич*

Доктор исторических наук

*Отдел социальных и политических исследований, Институт Европы РАН,
125009, Россия, Москва, ул. Моховая д. 11 стр. 3.*

**E-mail: partsist@list.ru*

Поступила в редакцию 12.03.2022

После доработки 27.04.2022

Принята к публикации 16.05.2022

Аннотация. В статье проанализированы функционирование института президентства в политической системе Австрии 1945–2022 гг., конституционные рамки и реальные возможности глав государства. Сделан вывод об относительной сопоставимости их участия в политической жизни страны с практическими действиями глав австрийских правительств послевоенного периода. Дана оценка связи президентов с выдвигавшими их ведущими политическими партиями – Социал-демократической (СПА) и Австрийской народной (АНП). Креатурой социал-демократов были в основном авторитетные функционеры этого движения, а АНП делала ставку на дипломатов и чиновников международного уровня. В первые два десятилетия XXI в. в борьбу за кресло президента активно включились «Зелёные» и националисты из Австрийской партии Свободы (АПС). Европейский союз был заинтересован в том, чтобы пост главы австрийского государства оставался в руках проевропейски настроенных деятелей. Автор полагает, что внешний фактор, как в прошлом, так и в настоящее время, оказывает влияние на формирование высших органов исполнительной власти Австрии.

Ключевые слова: Австрия, президент, политические партии, исполнительная власть, выборы, электорат, истеблишмент.

DOI: 10.31857/S0201708322040143

EDN: glixrq

В декабре 2022 г. истекает срок полномочий нынешнего президента Австрии экологиста А. ван дер Беллена. До него хозяевами венской президентской резиденции Хофбург были вначале социал-демократы К. Реннер (1945–1950), Т. Кёрнер (1951–1957), А. Шерф (1957–1965), Ф. Йонас (1965–1974). В 1974–1986 гг. Социал-демократическая партия Австрии выдвигала на высший государственный пост беспартийного дипломата Р. Кирхшлегера. Эта традиция была продолжена Народной

партий, чьи кандидаты–дипломаты К. Вальдхайм (1986–1992) и Т. Клестиль (1992–2004) также формально не являлись её членами. В начале XXI в. социал-демократы вновь сделали упор на партийную креатуру, и два срока – с 2004 по 2016 г. президентом был видный функционер Социал-демократической партии (СПА) Х. Фишер. Его сменил на последующий шестилетний период уже упомянутый А. ван дер Беллен. Прежде чем рассмотреть тему политической борьбы основных партий Австрии вокруг поста главы государства, обратим внимание на конституционные рамки, определяющие место президента в политической системе страны. Важны и процедурные вопросы, связанные с практикой выборов высшего должностного лица австрийского государства.

Строго в рамках Основного закона

Институт президентства стал формироваться ещё во время Первой Австрийской республики (1918–1938 гг.). Однако в те годы президента избирал парламент и фактически он не был особой частью системы исполнительной власти. После упразднения в 1933 г. австрофашистским режимом парламента как основного элемента властных структур роль президента была минимизирована, и первым государственным чиновником являлся Федеральный канцлер. После аншлюса 1938 г. новая гитлеровская власть устранила остатки австрийской демократии. К теме её восстановления Австрия вернулась только после освобождения весной 1945 г. от нацистской оккупации. Однако первый президент Австрии (К. Реннер), как и его предшественники в Первой республике, был избран не всенародным голосованием, а новым парламентом (Национальным Советом). Положение о всенародных выборах президента зафиксировано в ныне действующей Конституции австрийского государства.

В этом документе институт президентства описан достаточно чётко, без каких-либо произвольных интерпретаций. Президент избирается на шестилетний срок, но не более двух раз подряд. Согласно Конституции, он может быть избран, получив не менее 50%+1 голос в первом туре, либо относительное большинство – во втором. Претендовать на этот пост может любой гражданин страны, достигший 35-летнего возраста. Отметим, что верхний возрастной предел для высшего должностного лица не установлен. В основном функции президента можно охарактеризовать как представительские, однако именно он назначает Федерального канцлера и визирует предлагаемый им кабинет министров. Более того, он имеет полномочия отклонять кандидатуры будущих министров, которые по тем или иным качествам, прежде всего профессиональным, не соответствуют будущей должности. Сошлёмся здесь на известного австрийского правоведа Э. Талоса: «В данном вопросе Федеральный президент имеет возможность отклонить поступившие (от правительства – *В.Ш.*) предложения и сказать «нет»¹. Под его особым контролем находится и сфера внешней политики.

На пост Федерального канцлера президент назначает представителя победившей на выборах партии, хотя в послевоенной истории страны были и одиночные исключения из этого правила. В отдельных случаях имела место практика назначения президентом «служебных кабинетов», где министры были не партийцы, а чи-

¹ Talos E. Staat und Politik // Tatsachen und Zahlen. Wien: BPD, 2000. P.68.

новники-эксперты. Схема формирования высшего состава исполнительной власти распространяется и на глав земельных правительств. Здесь президент гораздо менее шепетилен, чем в процессе создания федеральных органов власти. Со своей стороны, высшие законодательные и судебные органы могут инициировать отставку президента, если последние усмотрят в его действиях нарушение Конституции. Однако импичмент объявляется лишь посредством всенародного голосования. Оно должно быть инициировано двумя третями членов нижней палаты парламента – Национальным Советом (НС). Если эта инициатива не получит одобрения на пленарном заседании, то в таком случае, согласно Конституции, распускается сам Национальный Совет и назначаются досрочные парламентские выборы. Отметим, что президент может за свою легислатуру распустить НС лишь единожды.

Конституционно определены и ситуации, при которых президент не может выполнять свои обязанности в результате тяжёлой болезни или смерти. Примечательно, что в послевоенной Австрии такие случаи были нередки. По причине ухода из жизни свой полный президентский срок не доработали К. Реннер, Т. Кёрнер, А. Шерф, Ф. Йонас и Т. Клестиль. Все они стали президентами уже в преклонном возрасте и печальный итог был вполне предсказуем. Во всех указанных случаях страной вплоть до избрания нового президента руководил триумvirат в составе председателя Национального Совета и двух его заместителей. В партийном отношении они представляли три ведущие партии страны – АНП, СПА и АПС. Все решения «тройки» принимала путём консенсуса, без доминирования какой-либо особой партийной точки зрения. Триумvirат создавали и в случае неизбрания президента в отведённый для этой процедуры срок. Такая ситуация сложилась, в частности, в 2016 г., когда по техническим причинам, связанным с проблемами подсчёта голосов, президент был избран на полгода позже, чем это предполагалось по Конституции.

Подробное описание всего того, что связано с фигурой президента Австрии, важно для лучшего понимания тех вполне реальных ситуаций, которые возникали в новом тысячелетии в политической жизни страны. Эти примеры, связанные с деятельностью австрийских президентов начала XXI в. (Т. Клестиль, Х. Фишера, А. ван дер Беллена), свидетельствуют, что в отличие от глав многих европейских государств австрийские президенты отнюдь не были декоративными фигурами, самоустранившимися от влияния на ход событий. Тем более что упомянутые выше лица, кроме Т. Клестиль, были в своё время видными функционерами партий, входивших в разные коалиции. В частности, Х. Фишер являлся в 70-е–80-е годы XX в. одним из руководящих деятелей СПА, А. ван дер Беллен – лидером партии «Зелёных» в первом десятилетии XXI в. Вполне естественно, что, отказавшись, вследствие избрания на высший государственный пост, от своей изначальной партийности (это закреплено законодательно), они сохраняли верность основополагающим морально-этическим нормам. Нелишне в этой связи процитировать отрывок из инаугурационной речи только что избранного тогда (июнь 2004 г.) на пост президента Австрии Х. Фишера: «Федеральный президент имеет право и обязан делать подобающие обстоятельствам заявления с целью содействия укреплению позитивных тенденций в развитии страны или отражения угрозы обществу¹.

¹ Государства альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе. М. «Весь мир», 2009. С. 19.

Хофбург в социал-демократическом обрамлении

Тот очевидный исторический факт, что с середины 40-х годов вплоть до 1986 г. именно социал-демократы успешно претендовали на высший государственный пост, можно объяснить в том числе их несопричастностью как к австрофашистскому «словному государству», уничтожившему молодую австрийскую межвоенную демократию, так и, вполне естественно, к нацистскому семилетнему периоду национальной истории. В 1930-е годы социал-демократы были жертвами австрофашизма, а будущие лидеры АНП первых лет Второй республики сопричастными к разрушению демократических основ Первой республики. В годы аншлюса и те, и другие были в основном пассивными созерцателями национал-социализма. Те же, кто оказался в эмиграции, не проявили какой-либо энергии для формирования национального движения Сопротивления.

Освобождённая союзниками по антигитлеровской коалиции Австрия не могла позволить себе паузу в процессе формирования хотя бы первоначальных органов власти. Таковым уже в апреле 1945 г. стало Временное правительство во главе с К. Реннером. Среди прочих политиков «первого часа» новой австрийской демократии именно К. Реннер представлялся наиболее приемлемой для оккупировавших страну союзников по антигитлеровской коалиции фигурой. Ещё в период заката габсбургской империи он был известным теоретиком национального вопроса, избирался в имперский рейхсрат (парламент). Реннер стал одним из основателей республики, её первым канцлером. Он же фактически и закрыл демократическую страницу новой Австрии, став последним в доавстрофашистский период главой парламента. В Европе Реннер запомнился своим активным участием в подготовке в 1919 г. Сен-жерменского мирного договора [Die Österreichische Bundespräsidenten 1982: 140].

В годы аншлюса Реннер отошёл от какой-либо политической деятельности, хотя и не подвергся репрессиям в отличие от многих социал-демократов. Одним из объяснений этому может быть его интервью газете *Neue Wiener Tagblatt* накануне объявленного Гитлером 10 апреля 1938 г. «всегерманского референдума» о присоединении Австрии к «третьему рейху». В нём Реннер, хотя и признал, что аншлюс осуществлялся иначе, чем он предполагал в своих теоретических работах, тем не менее рекомендовал австрийцам сказать «да» имевшему место историческому событию. Впоследствии Реннер убеждал своих социал-демократических коллег, что это интервью спасло жизнь нескольким сопартийцам, попавшим в гитлеровский застенки.

В апреле 1945 г. проаншлюсовское заявление Реннера не помешало И.В. Сталину рекомендовать его на пост главы Временного правительства. Реннер, не замеченный в межвоенный период в каких-либо антисоветских действиях и будучи уважаемым Сталиным за разработку темы национального вопроса, выглядел в глазах «отца народов» важным временным попутчиком при очевидном отсутствии каких-либо альтернативных фигур в левом спектре тогдашней австрийской политической жизни. 20 декабря 1945 г. на заседании Национального Совета Реннер был избран президентом Второй Австрийской республики. За те пять с небольшим последних лет своей богатой политической жизни первый президент сосредоточил своё внимание на решении главной проблемы – восстановлении разрушенного войной австрийского народного хозяйства. Здесь Реннер, используя свои полномочия, стремился способствовать дея-

тельности коалиционного правительства, в котором главным образом были представлены СПА и АНП. Поскольку канцлерами были представители «народников», то социал-демократ Реннер играл здесь роль балансира, умело регулируя спорадически возникавшие разногласия между креатурой австрийской буржуазии и представителями трудящихся Австрии. Второй его главной задачей являлось сохранение доверительных отношений с оккупационными властями. С началом «холодной войны» бывшие союзники по антигитлеровской коалиции становились явными противниками. Реннер понимал важность какого-либо общего знаменателя для определения будущего Австрии. В своём новогоднем (1950 г.) послании к народу Австрии он первым среди австрийских политиков выдвинул концепцию постоянного нейтралитета по образцу альпийского соседа – Швейцарии [Die Österreichische Bundespräsidenten, 1982: 156]. Отметим, что этот тезис пять лет спустя, когда сам Реннер уже почил, был взят за основу при заключении союзниками с Австрией Государственного договора и принятии австрийским парламентом 26 октября 1955 г. закона о постоянном нейтралитете.

Оставаясь ведущим австрийским политиком, Реннер продолжал разрабатывать концепцию «демократического социализма», которая в новых условиях могла стать важной ступенью к повышению удельного веса европейской социал-демократии. Этой теме были посвящены его монография «Новый мир и социализм» (1946 г.), а также ряд выступлений, связанных по своей тематике с теорией реформирования западного общества. Отметим его доклад «От либерального к социальному государству», произнесённый Реннером в 1948 г. на учредительном съезде Объединения Австрийских профсоюзов. По словам президента и одновременно теоретика социал-демократии, «современное социальное государство благосостояния станет естественным соединением всеобщей демократии и экономической свободы, лучшим, безопаснейшим и одновременно гуманнейшим способом преобразования общества во всеобщих интересах» [Die Österreichische Bundespräsidenten, 1982: 159].

Наследник Реннера на посту президента Австрии Т. Кёрнер также был тесно связан с предшествующим этапом национальной истории. Офицер, участник Первой мировой войны, он в республиканский период примкнул к СДПА, став в 1924 г. членом партии. Обладая приобретённым в годы войны военным опытом, стал военным советником шуцбунда, выполнявшего роль отрядов самообороны социал-демократии Австрии. После разгрома шуцбунда в феврале 1934 г. Кёрнер был арестован и после выхода из тюрьмы активно занимался военной историей. Его интересовали работы советских теоретиков военных проблем, для чего он даже изучил русский язык, что впоследствии способствовало в 1950-е гг. прямым контактам с советской оккупационной администрацией. В период аншлюса Кёрнер, не мобилизованный в вермахт, активно работал в военном архиве Вены, откуда он был изгнан по личному указанию Э. Кальтенбруннера, помнившего Кёрнера как одного из советников шуцбунда. Летом 1944 г. гестапо арестовало Кёрнера. После выхода из тюрьмы он продолжил свои военно-исторические исследования и не примкнул к какой-либо антигитлеровской организации.

Новый этап в жизни Т. Кёрнера начался после освобождения Вены в апреле 1945 г. Коллеги по социал-демократической партии предложили ему занять пост бургомистра Вены. При этом важным аргументом было то, что он владел, помимо русского, также английским и французским языками, мог напрямую общаться с оккупационными

властями. В пользу Кёрнера говорило и то, что он хорошо ладил как с различными группами в социал-демократической партии, так и с венскими функционерами АНП.

На посту бургомистра Вены Кёрнер проявил себя как образцовый коммунальный практик, ставивший общие задачи восстановления венского городского хозяйства выше партийных интересов. Именно Кёрнеру, его энергии и умению поддерживать контакты с администрацией союзников, венцы были обязаны восстановлению нормальной жизни города, серьёзно пострадавшего от войны. Поэтому вполне естественной была его кандидатура на пост первого после смерти К. Реннера президента Австрии.

С Кернера началась эра прямых президентских выборов. На повестке дня была борьба социал-демократов и «народников». Ее первый раунд выиграл именно социал-демократ Т. Кернер. В последующие годы своего президентства он делал все от него зависящее, чтобы идейное противостояние «красных» и «черных» не превратилось в открытые политические баталии. Кернер, по существу, был медиатором коалиционной политики, находя для обеих сторон взаимоприемлемые решения, прежде всего, по проблемам бюджета и социальных расходов. Особую роль в сохранении коалиции Кернер сыграл в 1953 г., когда СПА победила с минимальным преимуществом, а АНП начала переговоры с пронацистским «Союзом независимых» о вхождении этой крайне правой партии в правительственную коалицию. Обращаясь к тогдашнему лидеру АНП Л. Фиглю, он четко заявил, что при нем представители «Союза» не станут правительственной партией. Вполне естественно, бывший советник шувцунда не мог поступить иначе. В итоге коалиция АНП-СПА продолжила свою работу.

Следующие два президента – социал-демократа А. Шерф и Ф. Йонас, родившиеся в 90-е годы XIX в., также, как и их предшественники, начинали свою политическую карьеру в межвоенной Австрии. Шерф долгое время был секретарем тогдашнего лидера социал-демократов К. Зейца. Ф. Йонас сделал объектом своей деятельности сферу коммунальной политики, «красная Вена» была в те годы европейским брендом социал-демократии. Для обоих будущих президентов, как и для их партий в целом, рубежом стал февраль 1934 г. Опасаясь репрессий, Ф. Йонас эмигрировал в Чехословакию, но вскоре вернулся для проведения нелегальной работы. В 1935–1936 гг. был дважды арестован и провел в заключении более полутора лет. Не избежал тюрьмы и А. Шерф, арестованный гестапо в августе 1944 г. В одной из листовок того нелегкого для страны периода он призывал к созданию в подполье надпартийного движения Сопротивления. Освобождение в 1945 г. Вены вдохнуло политическую энергию в будущих глав государства. Однако, если А. Шерф преуспел на стезе партийной деятельности, то Ф. Йонас проявил себя в близкой ему коммунальной сфере. Когда президентом стал уже упоминавшийся Т. Кёрнер, именно Йонас заменил его в кресле бургомистра австрийской столицы. Карьера А. Шерфа была еще более впечатляющей. В апреле 1945 г. он стал секретарем во Временном правительстве К. Реннера. В образовавшейся осенью 1945 г. «большой коалиции» АНП-СПА получил должность вице-канцлера. Вскоре он был избран на пост председателя СПА, что почти автоматически вывело его на первые позиции не только в собственной партии, но и в государстве.

Наиболее важным для А. Шерфа, избранного после смерти Т. Кёрнера президентом Австрии, стало сохранение коалиционных отношений СПА и АНП. Вот как оценивал роль коалиции сам А. Шерф: «Сотрудничество (обеих партий – В.Ш.) состоит

не в том, чтобы навязывать партнеру свою волю, а в поиске взаимоприемлемых решений всех важнейших вопросов» [Die Österreichische Bundespräsidenten, 1982: 248].

Кончина в марте 1965 г. не позволила А. Шерфу завершить положенный по Конституции второй президентский срок. Такая же судьба была суждена и его преемнику Ф. Йонасу, оставившему Хофбург в апреле 1974 г. по таким же трагическим обстоятельствам. Однако он смог отметить свой президентский срок рядом важных политических действий. На время его президентства пришёл конец «большой коалиции» как итог мартовских парламентских выборов 1966 г. Поражение СПА автоматически выводило её из привычной колеи второго, но достаточно устойчивого в политическом отношении партнёра. Йонас понимал, что социал-демократы не могут принять те условия сохранения коалиции, которые предлагала победившая АНП.

С учётом обострившейся во второй половине 1960-х гг. международной обстановки (ближневосточный конфликт, события в Индокитае, «пражская весна 1968 г.) Ф. Йонас чётко сформулировал цели и задачи австрийской внешней политики. Её основой являлся «активный нейтралитет», обеспечивающий Австрии её собственную безопасность и чрезвычайно полезный для всего европейского мирного климата. Это тесно связано с внутривнутриполитической стабильностью вне зависимости от того, какая из ведущих австрийских партий находится в данный момент у власти. Как социал-демократ он не мог не приветствовать победу СПА на выборах в марте 1970 г. Как президент он сделал всё от него зависящее, чтобы относительное большинство СПА в парламенте не сделало этот орган государственной власти «подвешенным». Йонас одобрил тактический ход нового канцлера Б. Крайского, предложившего до этого «нерукопожатной» АПС поддержать его правительство меньшинства в обмен на проведение реформы избирательной системы, выгодной обеим партиям. В результате на досрочных парламентских выборах 1971 г. социал-демократы смогли завоевать абсолютное большинство в Национальном Совете, сохранив его вплоть до 1983 г. Тактически просчитанный ход социал-демократов способствовал укреплению авторитета Ф. Йонаса, во второй раз в апреле 1971 г. выигравшего президентские выборы. Важным стало и то, что впервые в истории послевоенной Австрии обе ветви власти возглавляли представители одной партии.

«Эра дипломатов» в Хофбурге

Длившееся 13 лет (1970–1983 гг.) однопартийное правление СПА внесло определённые коррективы в подбор кандидата на оставленный после смерти Ф. Йонаса президентский пост. В условиях начавшейся международной разрядки главой государства должен был стать человек, имевший определённый авторитет во внешнеполитических кругах. Кроме того, важны были его личные связи с социал-демократической властью, представленной самим Б. Крайским. Таковым являлся карьерный дипломат Р. Кирхшлегер, работавший в австрийском МИДе с начала 1950-х гг., где он и познакомился со своим коллегой, тогдашним вначале советником, а потом статс-секретарём и будущим главой МИДа Б. Крайским. Неудивительно, что последний, став в марте главой правительства, пригласил в свой кабинет министров в качестве руководителя внешнеполитического ведомства именно Р. Кирхшлегера. Для успеха на предстоявших в июне 1974 г. президентских выборах у Кирхшлегера были важные ко-

зыри. Несоциал-демократический электорат в католической Австрии безусловно учитывал то, что будущий президент – беспартийный, но в то же время убеждённый католик. Его карьера была связана не только с аппаратом венского МИДа, но и с работой послом в ряде восточноевропейских государств. Пост главы МИДа в правительстве Крайского был для него высшей точкой его дипломатической деятельности.

30 апреля 1974 г. Партийный Совет СПА единогласно поддержал рекомендацию Крайского. В решении совета было особо подчёркнуто, что с момента прихода партии к власти Кирхшлегер «стал составной частью реформаторского проекта СПА, идентифицируя себя с этим проектом». Выступая на этом форуме, Крайский мотивировал свой выбор тем, что Кирхшлегер – отличный знаток внешней и внутренней политики Австрии и человек «особых положительных качеств» [1000 Daten SPO, 1985: 236].

Совокупность ряда уникальных обстоятельств помогла Кирхшлегеру получить уже в первом туре искомое большинство голосов (51,66%). Авторитет Кирхшлегера в период двух его legislatur укрепился не только его представительством на крупнейших международных форумах, но и личными контактами с тогдашними мировыми лидерами. Он, в частности, был одним из главных организаторов июньской (1979 г.) встречи в Вене Л.И. Брежнева и Дж. Картера, совершил государственные визиты в десятки стран. В 1980 г. Кирхшлегер выпустил книгу, где были собраны его речи и доклады долгих лет работы в системе исполнительной власти. Само ее название «Мир начинается в собственном доме. Мысли об Австрии» было концептуально раскрыто в содержании. Автор убеждал читателя во взаимосвязи социального мира и религиозной терпимости с внешнеполитическими успехами нейтральной Австрии. Весьма примечательны и последние слова книги: «Я не был связан с какой-либо конкретной партией, но был связан со всеми партиями в своей любви к Австрии» [Die Österreichische Bundespräsidenten, 1982: 324, 325].

Парламентские выборы 1983 г. внесли определённые коррективы в партийный расклад сил. СПА уже не могла без поддержки извне осуществлять свою политику. Попутчиком на ближайшие три года стала АПС, где на непродолжительное время власть оказалась в руках либерального крыла, а АНП явно готовилась после ухода Крайского в 1983 г. из большой политики стать главным триггером в межпартийном соперничестве. К президентским выборам 1986 г. народники, учитывая позитивный опыт СПА по выдвижению формально непартийного кандидата, стали активно продвигать в Хофбург К. Вальдхайма – министра иностранных дел в правительстве АНП второй половины 1960-х годов., которое возглавлял канцлер Й. Клаус. Президентские выборы 1986 г. впервые принесли победу ставленнику АНП. Победа Вальдхайма была своего рода реваншем «народников» за их роль оппозиции в «эру Крайского». Уход последнего из властных структур сразу выявил слабость социал-демократов, не нашедших ему адекватной замены. Кандидат от СПА К. Штойрер явно проигрывал в харизме К. Вальдхайму, занимавшему в 1972–1981 гг. пост Генерального секретаря ООН. В итоге, если в первом майском туре выборов 1986 г. кандидат от АНП недобрал лишь 0,35% для победы, то во втором июньском голосовании его победа стала достаточно убедительной (+7,8%).

Однако президентство К. Вальдхайма не стало в его биографии триумфальной страницей. Вскоре после выборов в прессе появились копии документов, относив-

шихся к службе президента в 1942–1944 гг. в войсках вермахта и его участию в качестве переводчика в допросах югославских и греческих партизан. Сам Вальдхайм, который при приёме на работу в МИД, никогда не сообщал об этих событиях, хотя и не отрицал службы в вермахте и рядовое членство в НСДАП, вынужден был публично давать объяснения выявленным чёрным страницам его в целом безупречной послевоенной биографии. Как это было принято и у других политиков, молодость которых была связана с нацистским прошлым, он всё сводил к теме «выполнения долга перед страной» [Pelinka. u.a., 1988: 90]. При этом осуждал, с исторической точки зрения, нацизм и его зверства. Рассуждая на тему ответственности австрийцев за годы нацизма, Вальдхайм утверждал, что в качестве президента он сделает всё, чтобы «воспрепятствовать торжеству духа нетолерантности на австрийской земле» [Der Fischer Weltalmanach, 1988: 664]. Скандал вокруг прошлого сделал Вальдхайма нерукопожатным для большинства государственных деятелей Запада. В 1987 г. министерство юстиции США запретило президенту «как частному лицу» въезд в страну. Израиль вообще требовал привлечения Вальдхайма к суду Гаагского международного трибунала. В самой Австрии постоянно будировалась тема импичмента. Находившееся тогда у власти коалиционное правительство СПА-АНП, сохраняя внутренний мир, осторожно обходило эту тему. Более того, когда главой земельного правительства в Каринтии стал Й. Хайдер, делавший в ряде выступлений комплименты временам нацизма, именно канцлер-социалист Враницкий и Вальдхайм согласовали юридическую процедуру отстранения лидера АПС от своей должности.

Наследником Вальдхайма на президентском посту стал также выдвинутый АНП карьерный дипломат Т. Клестиль, занимавший должность генсека МИД. На двойной срок его президентства пришлось важное событие в послевоенной истории Австрии, которая с 1 января 1995 г. стала членом Евросоюза. Вообще 1990-е гг. можно считать одним из наиболее благоприятных периодов во взаимоотношениях различных ветвей австрийской власти. Референдум 1994 г. показал, что две трети голосовавших поддерживали европейский курс страны. Обе коалиционные партии, хотя и делали разный акцент на выгоды от членства («народники» на экономику, социал-демократы на сферу социальной политики), однако были единодушны в позитивности для Австрии её нового международного имиджа. Т. Клестиль в своих речах и выступлениях перед различными аудиториями активно ратовал за новую роль страны в Европе и мире, чему способствует, в частности, её постоянный нейтралитет. Если на президентских выборах 1992 г. правящие партии выдвинули собственных кандидатов, и Т. Клестиль победил Р. Штрайхеля – министра транспорта в правительстве Враницкого – лишь во втором туре, то в 1998 г. Клестиль официально был совместным кандидатом СПА и АНП, повторив тем самым сюжет 1980 г., когда обе партии поддержали Р. Кирхшлегера.

Между тем во внутривластной жизни страны наметилась серьёзная интрига, связанная с успехом на парламентских выборах 1999 г. партии Свободы, возглавляемой Й. Хайдером. Хотя первыми на волеизъявлении осени 1999 г. были социал-демократы, однако они, несмотря на все усилия Клестилья, не смогли найти с АНП общей основы для дальнейшей правительственной деятельности. В результате наметился невиданный доселе союз европейцев из АНП и националистов из АПС.

Президент Клестьиль оказался в сложном положении. Как в стране, так и за рубежом приход к власти АПС оценивался крайне негативно. И дело было не только в прошлых грехах Й. Хайдера, а в том, что он был явно в оппозиции к Евросоюзу, считая последнего препятствием на пути независимой политики Австрии. Клестьиль как мог постарался смягчить негативный эффект от формирования коалиции, опасной для европейских перспектив Союза. Во-первых, он убедил АПС не претендовать на пост канцлера, хотя последняя формально, опередив на несколько сот голосов АНП, имела право требовать для себя канцлерских полномочий. В конечном итоге Й. Хайдер отказался от каких-либо правительственных постов. Президент использовал данное ему конституцией право редактировать список кандидатов в министры. В результате в кабинет не вошли такие сомнительные для него фигуры от АПС, как Т. Принцхорн и Х. Кабас. Наконец, стремясь снизить накал страстей, президент Т. Клестьиль настоял на том, чтобы ещё до приведения правительства к присяге была обнародована декларация, в которой правительство сделало акцент на свою приверженность европейским ценностям. В документе с претенциозным названием «Ответственность Австрии – будущее центра Европы» были осуждены все формы дискриминации, прежде всего расизм. Лидеры партий заявили, что их правительство сохранит «нерушимую связь с традициями и ценностями, являющимися совместным наследием народов Европы», а также будет всячески охранять свободы, главенство закона, толерантность, подлинную демократию. Особо подчёркивалось, что партнёры берут на себя обязанность бороться с наследием «ужасающих преступлений национал-социализма»¹.

Клестьиль, безусловно, был расстроен тем, что Евросоюз всё же ввёл против Австрии санкции, правда, скорее морально-политического, чем практического свойства. В этот нелёгкий для Австрии период Клестьиль находился в постоянном контакте с европейскими лидерами, убеждая их, что АПС не только не сможет нанести ущерб европейскому процессу, но и не сохранит своих позиций в стране. Так оно и вышло. Уже в 2002 г., после правительственного кризиса, связанного с нежеланием АПС учесть последствия катастрофического наводнения, при выполнении ранее намеченных реформ, эта коалиция прекратила свою работу, а после внеочередных выборов позиции АПС в правительстве были значительно ослаблены. Т. Клестьиль, действуя строго в рамках Конституции, тщательно отфильтровал новый министерский корпус, не допустив в правительство явных сторонников Й. Хайдера.

Президенты начала XXI в. От социал-демократа к экологисту

Т. Клестьиль не дожидаясь 36 часов до официального окончания срока своего президентства. Среди участников похорон был и президент России В.В. Путин, неоднократно встречавшийся с Т. Клестьилем. На брифинге по случаю траурного мероприятия Путин следующими словами отдал дань уважения покойному: «Доктор Клестьиль был человеком, который как политик принадлежал всему человечеству, но в то же время он был действительно по-настоящему патриотом своей страны и своего народа в самом лучшем смысле этого слова»².

¹ Евро 2000. N 5. С.5.

² Компас. 2004. № 30. 22 июля. С.32.

Новые выборы президента в 2004 г. стали возвратом к чисто партийной предпочтении в выдвижении кандидатов. СПА предложила избирателям сподвижника Б. Крайского – члена руководства партии Х. Фишера. Прежде всего, учитывалось, что с 1990 по 2002 гг. он занимал важный пост председателя Национального Совета и как лидер парламента был постоянно на виду у австрийского электората. Его соперницей от АНП стала карьерный дипломат Б. Ферреро-Вальднер, которая в коалиционном кабинете АНП-АПС занимала пост главы МИДа.

Выборы 2004 г. принесли успех социал-демократам. Х. Фишер набрал искомый проходной балл – 52,41%, а его соперница – 47,59%. Обратил на себя внимание и низкий для Австрии процент граждан, принявших участие в выборах, – 70,76%. Итоги выборов можно отнести к переносу интриги в австрийской политической системе на партийное противоборство в процессе парламентских выборов. Налицо была и активность не представленной в президентской гонке АПС. Кроме того, консервативной в ментальном отношении Австрии сложно было преодолеть некий скепсис относительно претензии женщины на высший государственный пост. Ситуационный электорат качнулся в левую сторону, видя в социал-демократе Х. Фишере определённый противовес относительно устойчивому союзу АНП-АПС, вызвавшему на себя гнев эссовского истеблишмента.

К следующим президентским выборам 2010 г. Х. Фишер не только накопил определённый политический вес как умелый медиатор в непростых взаимоотношениях новой-старой коалиции СПА-АНП (2007–2017 гг.), но и стал, по существу, главной австрийской фигурой в европейской политике. Его однопартийцы А. Гузенбауэр и В. Файман, занимавшие в годы второй легислатуры Фишера посты Федерального канцлера, не имели того европейского респекта, как президент. Никто в СПА даже не ставил вопрос об ином кандидате на высший государственный пост. В рядах АНП, остро переживавшей потерю ключевых позиций в высшем органе исполнительной власти, не нашлось фигуры, имевшей хоть какие-либо шансы на успех. В результате Х. Фишер легко победил обоих соперников, получив рекордные 78% голосов, а Б. Розенкранц (АПС) и Р. Геринг (Христианская партия) удовлетворились поддержкой соответственно 16% и 6% граждан Австрии, пришедших к избирательным урнам. Здесь был установлен самый негативный для президентских выборов результат явки – 48%. Можно с уверенностью сказать, что отказ АНП от собственного кандидата убедил электорат народной партии не участвовать в непрестижном для «народников» мероприятии.

Во втором десятилетии XXI в. на электоральном уровне всё заметнее становилась утрата позиций обоих коалиционных партнёров. Парламентские выборы 2013 г. зафиксировали крайне низкий результат обеих правящих партий, вместе собравших чуть более 50% голосов избирателей¹. Так австрийцы отреагировали на ухудшение экономической ситуации, ставшей следствием, в том числе, и общеевропейских проблем, порождённых, начиная с 2008 г., чередой финансовых и социально-экономических кризисов. С лета 2015 г. к ним прибавился и поток беженцев из стран Ближнего и Среднего Востока, для которых Австрия стала транзитным этапом в Германию, которая, исходя из мнения А. Меркель, могла быть конечным этапом их иммиграционных мытарств. В политическом плане ситуация была явно на руку партии

¹ URL: <http://Wahl13.bmi.gv.at> (дата обращения: 15.01.2017)

Свободы, которая после ухода из политики и жизни Й. Хайдера вновь пыталась укрепиться в австрийском истеблишменте. На земельных выборах 2015 г. в Вене, Верхней Австрии, Штирии и Бургенланде «свободники» в полтора-два раза увеличили своё представительство в местных законодательных органах, а в трёх вышеуказанных землях, кроме Вены, вошли в состав местных правительств в качестве партнёров по коалиции. Тем временем в АНП и СПА царил обстановка растерянности: партиям явно не удалось подготовиться к важнейшему политическому событию 2016 г. – выборам нового президента республики. Они выдвинули ранее ничем себя не проявивших кандидатов, хотя формально те были на виду у австрийского избирателя. СПА сделала ставку на бывшего министра по социальным вопросам Р. Хундсторфера, а АНП на А. Коля, ранее занимавшего пост председателя Национального Совета, но уже за несколько лет до выборов находившегося на пенсии. Очевидная слабость кандидатов от партий власти повышала шансы набиравшей политический вес Австрийской партии свободы. Ее лидер, Х.-К. Штрахе, рассчитывавший занять в ближайшей перспективе пост Федерального канцлера, выдвинул в кандидаты Н. Хофера – одного из заместителей председателя Национального Совета. Важным аргументом в его пользу являлся возраст (45 лет); конкуренты были гораздо старше. В электоральном плане выигрышным было и то обстоятельство, что Н. Хофер как политик, сделавший карьеру в Бургенланде, мог быть привлекателен для провинциального избирателя Австрии.

В ходе социологических опросов, проводившихся в канун первого тура выборов, была выявлена тройка фаворитов. В нее, что очень важно, уже не входили кандидаты от АНП и СПА. Зато одно из мест прочно занимал Н. Хофер. Двумя другими были: бывшая председатель Верховного Суда Австрии И. Грисс и хорошо известный в стране по руководству партией «Зеленых» профессор экономики Венского университета А. ван дер Беллен. Последний, в отличие от кандидата-евроскептика, имел иную позицию по вопросам миграционного кризиса. Он делал упор не на ущерб для граждан Австрии в виде социальных отчислений в пользу беженцев, а на гуманные подходы к этим людям, часть из которых могла бы стать не обузой для национального бюджета, а наоборот, ресурсом для восполнения дефицита рабочей силы на австрийском рынке труда. В то же время и он отнюдь не был убежденным еврооптимистом, критикуя ЕС за явно неудовлетворительную экологическую и социальную политику.

Итоги первого тура (24 апреля 2016 г.) подтвердили прогнозированный состав фаворитов, хотя и оказались несколько неожиданными. Так, кандидаты от АНП и СПА набрали суммарно лишь 22% голосов, тогда как победитель, Н. Хофер, получил 35% – в полтора раза больше, чем предрекали ему политические эксперты до выборов. Почти вровень выступили И. Грисс и А. ван дер Беллен. Однако последний с результатом в 21% голосов все же стал вторым участником, как тогда казалось, решающего тура президентских выборов.

Ко второму туру (22 мая 2016 г.) произошла определенная перегруппировка сил. Мелкие евроскептические и националистические партии высказались в поддержку Н. Хофера. И. Грисс призвала своих сторонников отдать голоса за А. ван дер Беллена. В стане правящих партий царил растерянный беспорядок. Ко всему прочему, в отставку подал председатель СПА и канцлер В. Файман. Сменивший его К. Керн воздерживался от высказываний на тему выборов.

Что касается Народной партии, то ее пресса напомнила своим сторонникам о казусе 2002 г., связанном с формированием тогдашнего правительства. После внеочередных выборов А. ван дер Беллен, бывший в то время лидером партии «Зеленых», не согласился войти в коалицию с АНП на условиях этой партии. В СПА в поддержку ван дер Беллена высказались несколько местных партийных организаций, прежде всего в Вене, где после земельных выборов 2015 г. сложилась коалиция СПА и «Зеленых». За ван дер Беллена однозначно выступали студенческие и молодежные организации социал-демократов. В канун второго тура Х. Фишер, уже ушедший к тому времени в отставку, поддержал эколога. Это же сделала и третья «призер» президентской гонки, И. Грисс, чьи 18% электората по итогам первого тура явно шли в копилку Беллена. Небезразличными к результатам предстоящих выборов были и лидеры Европейского Союза, в той или иной форме комментировавшие итоги первого тура. Они полагали, что победа выдвиженца от еврокептической АПС значительно усложнит внутриевропейский диалог по текущим и перспективным проблемам. В частности, председатель Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер в интервью французской газете «Монд» безапелляционно заявил: «С крайне правыми никакой диалог или дебаты невозможны»¹.

Итоги второго тура дали совсем небольшое преимущество всего в 31 тыс. голосов А. ван дер Беллену. Однако события приняли неожиданный оборот. Лидер АПС Х.-К. Штрахе заявил, что на многих участках бюллетени (по его данным, около 500 тыс. голосовавших по почте избирателей) были обработаны неправильно. В соответствии с законом о выборах, по запросу АПС была организована проверка. В результате выяснилось, что названное число явно завышено, но, тем не менее, около 78 тыс. бюллетеней действительно не соответствовали правилам обработки. В конечном итоге Верховный Суд Австрии аннулировал итоги второго тура президентских выборов и назначил новый тур на 2 октября 2016 г. но и эта дата не стала окончательной. Уже в сентябре в центральную избирательную комиссию стали поступать жалобы с мест на некачественные конверты, которые использовались избирателями, имевшими возможность принять участие в голосовании непосредственно по месту жительства. В результате третий тур голосования перенесли на 4 декабря 2016 г.

Отметим один шаг австрийского правительства, который повлиял на исход декабрьских выборов. Парламент принял закон, разрешающий участвовать в голосовании молодым избирателям, которым ко дню голосования исполнилось 16 лет. Большинство избирателей этого возраста поддерживали А. ван дер Беллена, выступавшего за освобождение молодежи от обязательного призыва на воинскую службу. Н. Хофер – противник контрактной армии, поддерживал концепцию всеобщей воинской обязанности. 4 декабря 2016 г. стало ясно, что совокупность объективных и субъективных факторов позволила ван дер Беллену одержать уверенную победу. Если в мае разрыв составил лишь 0,5%, то теперь он увеличился до 7,6% голосов избирателей – 53,8% против 46,2%. Это при том, что в выборах приняло участие на 2% граждан больше – 74% против 72% в мае 2016 г. В конечном итоге электорат победителя увеличился на 200 тыс. человек, а количество сторонников Хофера сократилось на 100 тыс. человек².

¹ Le Monde. 20.05.2016.

² Электоральные процессы в Европейском Союзе. М.: ИЕ РАН, 2016. С.60–62.

Победа эколога имела важное значение как для развития внутривластной жизни Австрии, так и для партийно-политической ситуации в Европе в целом. В Австрии была продемонстрирована возможность недопущения к власти крайне правых. Очевидно, что для этого требовались усилия по консолидации всех демократических сил, когда общая задача должна была превалировать над сугубо партийными разногласиями. Президентство А. ван дер Беллена в период 2017–2022 гг. было отмечено небывалой для Австрии сменой партийно-политических вех. Последовательно, от выборов к выборам, теряли доверие у электората социал-демократы. В результате с осени 2017 г. они так и не смогли найти себе место в коалициях обозначенного периода. Персональные перемены происходили и в АНП. Место лидера партии занял амбициозный С. Курц, ушедший в отставку осенью 2021 г. из-за доказанных прокуратурой его несостоятельных, в морально-этическом плане, действий по приходу к власти в АНП. «Ибица-гейт» – скандал в связи с попытками лидеров АПС К.-Х. Штрахе и Й. Гуденуса получить незаконно средства на текущую политическую деятельность обрушил всю партийную машину АПС. В конечном итоге коалиция обеих партий оказалась ещё более недолговечной, чем во времена Й. Хайдера.

Президент А. ван дер Беллен, с одной стороны, находился как бы над схваткой внутри- и межпартийных дрязг, а с другой – стремился в рамках конституции сохранить относительную стабильность политической жизни страны. Укрепление на парламентских выборах 2019 г. близкой ему партии «Зелёных» позволило президенту содействовать созданию на страновом уровне коалиции нового руководства АНП и экологов. Эта власть относительно успешно преодолела пандемийный этап новейшей австрийской истории. Более сложным испытанием стал для «чёрно-зелёной» коалиции кризис вокруг Украины. Здесь А. ван дер Беллен пытался маневрировать между линией ЕС и национальными интересами своей страны. Насколько это ему удалось, покажет ближайшее будущее в случае, если нынешний президент сможет продлить своё пребывание в резиденции австрийских императоров – венском дворце Хофбург.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Австрийская республика (1985) Конституция и законодательные акты (пер. с нем.). «Прогресс», Москва.
- Вальдхайм К. (1976) Австрийский путь (пер. с нем.). «Прогресс», Москва.
- Ватлин А.Ю. (2006) Австрия в XX веке. «Дрофа», Москва.
- Воцелка К. (2007) История Австрии. Культура, общество, политика (пер. с нем.). «Весь мир», Москва.
- Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический справочник (2001) Под ред. Танина-Львова А.А. «Росспэн», Москва.
- Государства альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе (2009). Под ред. Швейцера В.Я. «Весь мир», Москва.
- Швейцер В.Я., Жиряков И.Г. Бруно Крайский. Политик и время (2001). МГОПУ. «Альфа», Москва.
- Auf dem Weg zur Staatspartei Zu Geschichte und Politik der SPO seit 1945. (1988) Wien.
- Leser N. (1988) Salz der Gesellschaft. Wien.
- Das Politische System in Österreich. (2000) Wien.
- Die Österreichischen Bundespräsidenten. (1982) Leben und Werk. Wien.
- Pelinka P. (1988) Sozialdemokratie in Österreich. Wien.
- Stadler K. (1982) Adolf Scharf. Mensch-Politiker-Staatsmann. Wien.
- Tatsachen und Zahlen. (2000) Wien.
- 1000 Daten SPO 1945–1985. (1985) Wien.

Presidents of Austria: their Role in National Politics

V.Ya. Shveitser*

Doctor of Sciences (Politics),

Department of Country Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009.

**E-mail: partsist@list.ru*

Abstract. The article examines the functioning of the institution of the presidency in the political system of Austria 1945–2022. The constitutional framework and the real possibilities of the heads of state are determined. The conclusion is made about the relative comparability of their participation in the political life of the country with the practical actions of the heads of Austrian governments of the post-war period. The connection of the presidents with the leading political parties that nominated them – the Social Democratic (SPO) and the Austrian People's Party (ÖVP) – is evaluated. The creation of the Social Democrats were mainly authoritative functionaries of this movement, and the ÖVP relied on diplomats and officials of the international level. In the first two decades of the XXI century, the Greens and nationalists from the Austrian Freedom Party (FPÖ) actively joined the struggle for the presidency. The European Union was interested in keeping the post of head of the Austrian state in the hands of pro-European figures. The author believes that the external factor, both in the past and at the present time, influences the formation of the highest executive authorities of Austria.

Keywords: Austria, president, political parties, executive power, elections, electorate, establishment.

DOI: 10.31857/S0201708322040143

EDN: glixrq

REFERENCES

- Avstrijskaja republika (1985) Konstitucija i zakonodatel'nye akty [The Republic of Austria. Constitution and Legislative Acts], (per. s nem.). «Progress», Moscow. (in Russian).
- Val'dhajm K. (1976) Avstrijskij put' [The Austrian Way], (per. s nem.). «Progress», Moscow. (in Russian).
- Vatlin A.Ju. (2006) Avstrija v XX veke [Austria in the XX century]. «Drofa», Moscow. (in Russian).
- Vodelka K. (2007) Istorija Avstrii. Kul'tura, obshhestvo, politika [The History of Austria. Culture, society, politics], (per. s nem.). «Ves' mir», Moscow. (in Russian).
- Vybory vo vsem mire. Jelektoral'naja svoboda i obshhestvennyj progress. Jenciklopedicheskiy spravocnik [Elections all over the world. Electoral freedom and social progress. Enciklopedic Handbook], (2001) Pod red. Tanina-L'vova A.A. «Rosspjen», Moscow. (in Russian).
- Gosudarstva al'pijskogo regiona i strany Beniljuks v menjajushhejsja Evrope [The states of the Alpine region and the Benelux countries in a changing Europe]. Pod red. Shvejcera V.Ya. (2009) «Ves' mir», Moscow. (in Russian).
- Gubajdulina M.Sh., Serik R.S. Avstrija – chlen Evropejskogo Sojuza (2004) «Denika», Almaty. Kazahstan.
- Rossija – Avstrija. Vehi sovmestnoj istorii (2017) Pod red. S. Karner, A. Chubar'jan. «Jenerdzhi Press», Moscow. (in Russian).
- SSSR i Avstrija. Na puti k gosudarstvennomu dogovoru (2015) Pod red. Jakunina V.I. «Rosspjen», Moscow. (in Russian).
- Shvejcer V.Ja., Zhirjakov I.G. Bruno Krajskij. Politiki i vremja [Bruno Kraisky. Politics time]. (2001) «Al'fa» MGOPU, Moscow. (in Russian).
- Auf dem Weg zur Staatspartei Zu Geschichte und Politik der SPO seit 1 945. (1988) Wien.
- Leser N. (1988) Salz der Gesellschaft. Wien.
- Das Politische System in Österreich. (2000) Wien.
- Die Österreichischen Bundespräsidenten. (1982) Leben und Werk. Wien.
- Pelinka P. (1988) Sozialdemokratie in Österreich. Wien.
- Stadler K. (1982) Adolf Scharf. Mensch-Politiker-Staatsmann. Wien.
- Tatsachen und Zahlen. (2000) Wien.
- 1000 Daten SPO 1945–1985. (1985) Wien.

УДК 329

COVID-19: ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПОВЕСТКУ «АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ ГЕРМАНИИ»

© 2022 ЛИСЕНКОВА Алена Денисовна*

Санкт-Петербургский государственный университет.

Факультет международных отношений.

191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, подъезд 8.

*E-mail: alena.denisovna@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.03.2022

После доработки 27.03.2022

Принята к публикации 16.05.2022

Аннотация. В статье проанализированы основные особенности коронавирусной повестки политической партии «Альтернатива для Германии» (АдГ). Благодаря росту озабоченности граждан страны пандемией COVID-19 партия также начала уделять ей особое внимание на уровне своих основных традиционно приоритетных тем (евро, миграция, изменение климата). Несмотря на изначальную поддержку правительственного коронавирусного курса, «Альтернатива для Германии» практически сразу переключилась на его критику. Позиционируя себя «единственной партией свободы и гражданских прав», она последовательно отрицала различные коронавирусные ограничения и являлась противником обязательной вакцинации. Следствием чего стало как сближение партии с движением «Мыслящие вне системы», так и развёртывание собственной кампании «Здоров без принуждения». Однако подобная коронавирусная риторика не позволила «Альтернативе для Германии» улучшить или хотя бы сохранить свои результаты 2017 г. на выборах в Бундестаг 2021 г. Если в восточных землях партии удалось не только оказать влияние на восприятие пандемии COVID-19, но и в целом удержать высокие позиции за счёт своей традиционной популярности, то в среднем по стране динамика отрицательна. Сделан вывод, что подобные результаты также связаны с непопулярным климатическим курсом АдГ, уменьшением миграционных потоков, внутрипартийными разногласиями.

Ключевые слова: «Альтернатива для Германии», COVID-19, коронавирус, вакцинация, популизм, «Здоров без принуждения».

DOI: 10.31857/S0201708322040155

EDN: gljghk

11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила, что распространение коронавирусной инфекции (COVID-19) достигло стадии «пандемии» [Zhang et al., 2020: 1]. В Германии первый случай заболевания был зафиксирован 24 января, а к марту ежедневное число инфицированных превышало 100 человек [Bönisch et al., 2020: 2]. В своём обращении к гражданам канцлер А. Меркель заявила: «С момента воссоединения Германии, да что говорить: со времен Второй мировой войны наша страна не сталкивалась с вызовом, перед лицом которого столь решающими были бы наши общие, солидарные действия»¹.

Согласно опросам *Statista*, на рубеже 2021–2022 гг. пандемия всё ещё является наиболее беспокоящей граждан темой. Данный тренд был нарушен незадолго до выборов в Бундестаг 2021 г., когда традиционно популярный в стране комплекс экологических вопросов опередил COVID-19. Однако пандемия вернулась на передний план меньше, чем за месяц². Прежде всего, это связано с её четвёртой волной и распространением более заразного штамма «Омикрон» [Seufferlein, 2022: 7].

Со временем политические партии Германии стали всё больше интересоваться коронавирусной инфекцией. Для принятия эффективных мер большая часть из них выступила единым фронтом, тогда как «Альтернатива для Германии» попыталась созвучно своему названию представить альтернативное видение. Осуждение управления в разных популярных направлениях политики свойственно партии с момента создания в 2013 г. Изначально это была критика еврозоны и европейских институтов из-за последствий Европейского долгового кризиса. С 2015 г. фокус партии сместился на исламофобные и антииммиграционные положения, а в 2019 г. сопредседатель партии (2017–2019 гг.) А. Гауланд обозначил, что «критика так называемой «климатической политики» является третьей большой темой для АдГ после евро и миграции» [Лисенкова, 2022: 148-149, 152]. Партия также критиковала охлаждение отношений с Россией, подчинение интересам США и др. [Васильев, 2017: 53] Популистское стремление к спекуляциям на самых популярных кризисах и затянувшаяся пандемия COVID-19 подвели АдГ к новой ключевой теме.

Под влиянием роста правопопулистских и крайне правых настроений в Европе, как в российской, так и в зарубежной академической литературе увеличилось внимание к предпосылкам появления «Альтернативы для Германии» [Васильев, 2017], её эволюционным особенностям и результатам выборов [Максимов, 2021; Weinachter, 2021], а также юридическому преследованию осуществляемой партией деятельности [Камкин, 2021; Niedermayer, 2020]. Непосредственно пандемия в ряде научных работ уже рассматривается как вызов для крайне правых партий в Европе [Wondreys, Mudde, 2022]. Проблематика открывает широкое поле для исследования потенциала популистского манёвра, навеянного новым серьёзным кризисом [Forchtner, Özvatan, 2022] и позволяющего заработать популярность у очередных

¹ Обращение федерального канцлера Меркель к гражданам Германии. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/coronavirus/statement-chancellor-1732354> (дата обращения: 12.02.2022)

² Was ist Ihrer Meinung nach gegenwärtig das wichtigste Problem in Deutschland? URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1062780/umfrage/umfrage-zu-den-wichtigsten-problemen-in-deutschland/> (дата обращения: 12.02.2022)

маргинальных категорий граждан¹. Хотя, как показывает опыт АдГ, в сочетании с уже существующими проблемами партии, подобная тактика далеко не всегда приводит к положительным результатам [Heinze, Weisskircher, 2021; Pesthy et al., 2021].

Непосредственно позиция «Альтернативы для Германии» в отношении COVID-19 наиболее широко представлена в таких источниках, как партийный орган *AfD Kompakt*, а также пресс-релизы на официальном сайте партии (<https://www.afd.de/presse/>). В свою очередь число научных публикаций по этой теме всё ещё остаётся низким.

Целью данной статьи является определение основных особенностей коронавирусного курса «Альтернативы для Германии». При помощи дискурс-анализа и сравнительного анализа автором характеризуется трансформация и развитие коронавирусной повестки партии с акцентом на вакцинацию как её центральной темы. Отдельно оценивается уровень поддержки избирателями риторики АдГ при помощи сравнения её привлекательности в разные годы, процента вакцинации в западных и восточных землях, а также партийных предпочтений привитых и непривитых граждан.

Основные особенности коронавирусной повестки АдГ

Изначально «Альтернатива для Германии» выразила поддержку правительственному коронавирусному курсу [Wondreys, Mudde, 2022: 89]. 25 марта 2020 г., вместе с другими партиями в Бундестаге, АдГ одобрила многомиллиардный пакет помощи в борьбе с последствиями пандемии. По словам сопредседателя фракции А. Гауланда, «государственная политика содержит много идей, которые мы считаем правильными». В то же время политик не упустил возможности напомнить о «слишком поздних» ограничениях и недостаточности запасов средств индивидуальной защиты².

Параллельно популярность партии достигла минимальной отметки с 2017 г.³ Кроме того, согласно исследованию Фонда им. Конрада Аденауэра в 2020 г., 24% избирателей «Альтернативы для Германии» посчитали пандемию «заговором», а ещё 41% не исключил такой вероятности [Roose, 2020: 15]. О связи COVID-19 и «биологического оружия США» в марте 2020 г. в ландтаге Баден-Вюртемберга рассуждал и бывший член АдГ В. Геден⁴.

В результате уже в апреле А. Гауланд призывал не верить слепо указаниям правительства⁵. Государственные меры интерпретировались как «коронавирусная диктату-

¹ Forchtner B., Özvatan Ö. Is Germany's AfD using COVID-19 measures to its benefit? URL: <https://www.opendemocracy.net/en/countering-radical-right/is-germanys-afd-using-covid-19-measures-to-its-benefit/> (дата обращения: 12.02.2022)

² Konietzny B. In der Krise halten die Fraktionen zusammen. URL: <https://www.n-tv.de/politik/In-der-Krise-halten-die-Fraktionen-zusammen-article21668564.html> (дата обращения: 12.02.2022)

³ Umfrage zur Bewertung der Parteien in Deutschland von 1999 bis 2022. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1064615/umfrage/umfrage-zur-bewertung-der-parteien-in-deutschland/> (дата обращения: 12.02.2022)

⁴ Biowaffe aus den USA? Wolfgang Gedeon verbreitet irreführende Theorie zu Coronavirus in Landtag. URL: <https://correctiv.org/faktencheck/2020/04/01/biowaffe-aus-den-usa-wolfgang-gedeon-verbreitet-irrefuehrende-theorie-zu-coronavirus-in-landtag/> (дата обращения: 12.02.2022)

⁵ Witting V. Opinion: German democracy endures in COVID-19 lockdown. URL: <https://www.dw.com/en/opinion-german-democracy-endures-in-covid-19-lockdown/a-53226387> (дата обращения: 12.02.2022)

ра» (*Corona-Diktatur*), а сама партия всё больше сближалась с движением противников вакцинации и сторонников теорий заговора «Мыслящие вне системы» (*Querdenker*)¹. Как сотрудничая с движением, так и организуя собственные демонстрации, члены АдГ поддержали протесты против коронавирусных ограничений [Heinze, Weisskircher, 2021: 267]. «Альтернатива для Германии» также демонстративно проводила очные партийные конференции² и выступила за реализацию исключительной карантин и потенциально более благоприятной для экономики шведской модели борьбы с COVID-19³.

Далеко не все члены АдГ поддержали подобную радикализацию курса. Так, близость с «Мыслящими вне системы» осудил сопредседатель (2015–2022 гг.) Й. Мойтен [Heinze, Weisskircher, 2021: 267]. Впоследствии, политик объяснил свой выход из партии идеологическим сдвигом вправо и наличием «тоталитарных отголосков»⁴. Внутрипартийные разногласия неблагоприятно сказались и на общих результатах выборов 2021 г. Тогда как постепенная радикализация взглядов «Альтернативы для Германии» не первый год вызывает пристальное внимание Федерального ведомства по охране Конституции. Ещё в 2019 г. организация «Молодёжная альтернатива» (*Junge Alternative*) и внутрипартийное объединение «Крыло» (*Flügel*) попали под подозрение [Niedermayer, 2020: 107]. Последнее в 2020 г. было признано правоэкстремистским объединением [Ambos, 2020: 261]. Подобная репутация также препятствует расширению как числа сторонников АдГ, так и её потенциальных спонсоров [Камкин, 2021: 140].

Наиболее активно партия проявила себя в противостоянии обязательной вакцинации. В декабре 2021 г. Бундестаг поддержал проект поправок правящей коалиции «Светофор» к закону об эпидемиологической защите. За инициативу выступил только блок Христианско-демократический союз Германии/Христианско-социальный союз в Баварии. «Левая» партия преимущественно воздержалась, а АдГ была категорически против⁵. На данном этапе содержание изменений было направлено на обязательную вакцинацию медицинского персонала и персонала по уходу [Lennartz, 2022: 27].

Еще одним дискуссионным вопросом стала всеобщая обязательная вакцинация. В середине декабря 2021 г. сопредседатель Т. Хрупалла заявил о развёртывании масштабной кампании «Здоров без принуждения» (*Gesund ohne Zwang*). Своё решение АдГ объясняла стремлением, являясь «единственной партией свободы и

¹ Forchtner B., Özvatan Ö. Is Germany's AfD using COVID-19 measures to its benefit? URL: <https://www.opendemocracy.net/en/countering-radical-right/is-germanys-afd-using-covid-19-measures-to-its-benefit/> (дата обращения: 12.02.2022)

² Meuterei gegen Meuthen auf dem Bundesparteitag der AfD. URL: <https://www.augsburger-allgemeine.de/politik/AfD-Meuterei-gegen-Meuthen-auf-dem-Bundesparteitag-der-AfD-id58629656.html> (дата обращения: 21.02.2022)

³ Waren Isolation und Lockdown in Deutschland völlig nutzlos? URL: <https://afdkompakt.de/2020/05/09/waren-isolation-und-lockdown-in-deutschland-voellig-nutzlos/> (дата обращения: 12.02.2022)

⁴ "Альтернативу для Германии" оставил сопредседатель Йорг Мойтен. URL: <https://www.vesti.ru/article/2669537> (дата обращения: 12.02.2022)

⁵ Namentliche Abstimmung. Stärkung der Impfprävention gegen COVID-19, Gesetzentwurf SPD, Bündnis 90/Die Grünen und FDP. URL: <https://www.bundestag.de/parlament/plenum/abstimmung/abstimmung?id=759> (дата обращения: 12.02.2022)

гражданских прав», обеспечить равенство всех граждан, как привитых, так и нет¹. Для этого она предлагала выйти на улицы и присоединиться к протесту и «мирно выступить против диффамации и разделения»². В то же время «Альтернатива для Германии», последовательно противясь государственному курсу, поддержала российскую вакцину Sputnik V и заявила о немедицинских причинах её непризнания³.

В совокупности, в рамках кампании партия продвигает пять инициатив: укрепление системы здравоохранения, добровольность вакцинации, отсутствие локдауна, соблюдение основных прав в соответствии с Основным законом страны, а также исполнение Резолюции 2361 (2021) Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ)⁴.

Положения Резолюции касаются добровольности вакцинации, отсутствия дискриминации в адрес непривитых, полноты и прозрачности данных о вакцинах и их производителях, а также обеспечения интересов и безопасности детей⁵. Правда здесь стоит учитывать, что резолюции ПАСЕ носят исключительно рекомендательный характер [Энтин, 1996: 101–102]. В свою очередь закономерен акцент на связанных с детьми пунктах принятой Резолюции. В мае 2021 г. в Евросоюзе была условно одобрена вакцина Comirnaty от BioNTech/Pfizer для детей 12–17 лет, а в июле Spikevax от Moderna. В ноябре того же года Comirnaty получила разрешение и для возрастной группы 5–11 лет⁶.

«Альтернатива для Германии» определила, что «риски и побочные эффекты [детской и подростковой] вакцинации непропорциональны пользе»⁷. С. Лиммер, пресс-секретарь по вопросам политики в области здравоохранения делегации АдГ в Европейском парламенте, представила в институт официальное возражение. Её позиция аргументирована всё ещё продолжающимися клиническими испытаниями, низкой смертностью от COVID-19 и лёгкой его переносимостью детьми, а также возможными осложнениями от прививки⁸. Аналогично партия последовательно критиковала и другие касающиеся детей ограничения (например, закрытие детских

¹ Tino Chrupalla: AfD startet Kampagne „Gesund ohne Zwang“ gegen allgemeine Impfpflicht. URL: <https://www.afd.de/tino-chrupalla-afd-startet-kampagne-gesund-ohne-zwang-gegen-allgemeine-impfpflicht/> (дата обращения: 12.02.2022)

² Aktionstag 2022. URL: <https://gesund-ohne-zwang.de/aktionstag-2022/> (дата обращения: 12.02.2022)

³ В Германии назвали условие для признания "Спутника V" в Европе. URL: <https://ria.ru/20220114/sputnik-1767766920.html> (дата обращения: 12.02.2022)

⁴ Wie steht die AfD zur Corona-Politik durch die Regierungsparteien in Bund und Ländern? URL: <https://gesund-ohne-zwang.de/unsere-standpunkte/> (дата обращения: 14.02.2022)

⁵ Resolution des Europarates. URL: <https://gesund-ohne-zwang.de/europa-resolution> (дата обращения: 12.02.2022)

⁶ Corona-Schutzimpfung bei Kindern und Jugendlichen. URL: <https://www.infektionsschutz.de/coronavirus/schutzimpfung/impfung-bei-kindern-und-jugendlichen/#c15818> (дата обращения: 12.02.2022)

⁷ Stephan Brandner: Hände weg von den Kindern!. URL: <https://www.afd.de/stephan-brandner-haende-weg-von-den-kindern/> (дата обращения: 12.02.2022)

⁸ Sylvia Limmer: Bedingte Zulassung des experimentellen mRNA-Impfstoffs für kleine Kinder zurücknehmen. URL: <https://www.afd.de/sylvia-limmer-bedingte-zulassung-des-experimentellen-mrna-impfstoffs-fuer-kleine-kinder-zuruecknehmen/> (дата обращения: 12.02.2022)

учебных заведений), так как это влечет за собой появление и рост психологических проблем, блокировку образовательных возможностей и др.¹

«Здоров без принуждения» – это не первая подобная кампания «Альтернативы для Германии». Например, в 2019 г. была развёрнута инициатива «Остановить «Зелёных» – спасти окружающую среду!». Её целесообразность была обоснована вредом от проводимых мер по борьбе с изменением климата. Аналогично, было выдвинуто пять основных пунктов («пять грехов»), к которым относилась в том числе критика вырубки лесов под ветряные турбины и др. [Лисенкова, 2022: 152].

В своей риторике партия также пытается связать предыдущие «большие темы» с COVID-19. Например, АдГ поддержала представителей бизнеса, выступающих против не способствующей экономическому восстановлению после кризиса европейской «Зелёной сделки»². Партия неоднократно настаивала как на закрытии границ в начале пандемии³, так и на большей эффективности решения коронавирусного кризиса именно в рамках государства. Критиковались такие инициативы, как европейские «коронавирусные облигации» и др. [Forchtner, Özvatan, 2022]. На европейском уровне в феврале 2021 г. Л.П. Берг, депутат Европарламента, также подверг сомнению целесообразность приёма на Сицилии 422 мигрантов, по крайней мере 8 из которых были инфицированы⁴.

В предвыборной программе 2021 г. АдГ также раскритиковала реализуемые государством меры, ведущие к нарушению прав и свобод, а также создающие проблемы для экспортоориентированной экономики Германии. Партия осудила открытие границ и ограничение прав, параллельно продвигая идеи о плюрализме мнений, коренном реформировании ВОЗ, пересмотре отношения к ПЦР-тестам из-за множества ложноположительных результатов, о добровольности вакцинации и иных защитных мер (особенно, для уязвимых групп населения). АдГ настаивала на национальных механизмах и бюджетном суверенитете, предложив также компенсации наиболее пострадавшим секторам экономики страны. Наконец партия добивалась создания парламентского Комитета по коронавирусным расследованиям, чьей главной задачей стала бы оценка реализуемых действий⁵.

¹ Stephan Brandner: Dreimal mehr Suizidversuche von Kindern. URL: <https://www.afd.de/stephan-brandner-dreimal-mehr-suizidversuche-von-kindern/> (дата обращения: 12.02.2022)

² Jörg Meuthen: Wirtschaft wird Corona-Krise nur ohne den Green Deal der EU überleben. URL: <https://www.afd.de/joerg-meuthen-wirtschaft-wird-corona-krise-nur-ohne-den-green-deal-der-eu-ueberleben/> (дата обращения: 12.02.2022)

³ Stephan Brandner: Außengrenzen schützen statt innerdeutsche Reisebeschränkungen einzuführen. URL: <https://www.afd.de/stephan-brandner-aussengrenzen-schuetzen-statt-innerdeutsche-reisebeschraenkungen-einzufuehren/> (дата обращения: 12.02.2022)

⁴ “Corona ist für Kriminelle ein blühendes Geschäft!”. URL: <https://afdkompakt.de/2021/02/09/corona-ist-fuer-kriminelle-ein-bluehendes-geschaeft/> (дата обращения: 12.02.2022)

⁵ Deutschland. Aber normal. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 20. Deutschen Bundestag. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2021/06/20210611_AfD_Programm_2021.pdf (дата обращения: 22.05.2022)

Динамика вакцинации и её корреляция с коронавирусной повесткой АдГ

В зависимости от эпидемиологической ситуации, уровень строгости ограничений то снижался, то повышался. Со временем место приоритетной меры заняла вакцинация. На середину февраля 2022 г. первую дозу получил 76,1% населения. Это средний показатель по стране, что не исключает диспропорции между федеральными землями. Так, самый высокий уровень первичной вакцинации у Бремена – 89,7%, а самый низкий у Саксонии – 65,0%. Прослеживается и традиционная дифференциация западных и восточных земель. Помимо Саксонии, наиболее низкие результаты у Бранденбурга (69,0%), Тюрингии (69,8%) и Саксонии-Анхальт (71,6%). У Мекленбурга-Передней Померании ситуация немногим лучше (73,9%), земля даже опережает Баден-Вюртемберг (73,6%) и Баварию (73,7%)¹.

Коллектив авторов (Х. Клювер, Т. Хартманн и др.) из Берлинского университета Гумбольдта, Берлинского центра социальных наук и Колумбийского университета провёл исследование по недоверию граждан к вакцинации против COVID-19 [Klüver et al., 2021: 1–3]. Комментируя его результаты, Х. Клювер отметила наиболее частую корреляцию неприятия вакцинации у людей с низким уровнем образования, недоверием к политическому курсу страны (в том числе в вопросах здравоохранения), а также идеологическим предпочтением партии «Альтернатива для Германии»². За несколько лет до пандемии на федеральных выборах 2017 г. АдГ впервые прошла в Бундестаг, получив широкую поддержку в восточных землях [Максимов И.П., 2021: 83; Pesthy et al., 2021: 85]. Партия не опустилась ниже второго места, а в Саксонии даже одержала победу³.

Согласно опросу *Forsa*, 50% непривитых избирателей по всей стране на выборах 2021 г. проголосовали именно за «Альтернативу для Германии»⁴. На востоке партия снова оказалась в лидерах за исключением Саксонии-Анхальт. Победа была одержана не только в Саксонии, но и в Тюрингии. Правда, в процентном соотношении результат 2017 г. «Альтернативы для Германии» был улучшен только в Тюрингии. Даже сохранить прошлые позиции удалось только в Саксонии-Анхальт. На западе ситуация ещё менее оптимистична. Во всех землях партия преодолела порог, однако в семи случаях АдГ заняла пятое место, в трёх - шестое и в Сааре - четвёртое. Причём, только в последней земле партия не ухудшила результат 2017 г.⁵ В среднем по стране «Альтернатива для Германии» набрала вместо 12,6 только 10,3% [Weinachter, 2021: 131].

¹ Aktueller Impfstatus. URL: <https://impfdashboard.de> (дата обращения: 14.02.2022)

² Thureau J. COVID highlights a geographic split in Germany. URL: <https://www.dw.com/en/covid-highlights-a-geographic-split-in-germany/a-59884113> (дата обращения: 4.02.2022)

³ Bundestagswahl 2021. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2021/ergebnisse/bund-99/land-1.html> (дата обращения: 4.02.2022)

⁴ Wahlverhalten der Nicht-Geimpften. Forsa. URL: https://newsletter.forsa.de/file/332/1447/6_wahlverhalten_der_nicht-geimpften (дата обращения: 4.02.2022)

⁵ Bundestagswahl 2021. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2021/ergebnisse/bund-99/land-1.html> (дата обращения: 4.02.2022)

Выводы

Курс «Альтернативы для Германии» исторически развивается с опорой на критику правительства. Список приоритетных тем партии (евро, миграция и изменение климата) дополнила пандемия COVID-19.

Изначальная поддержка коронавирусных мер правительства неблагоприятно отразилось на рейтинге АдГ. В результате партия переключилась на свою традиционную и популярную у протестного избирателя критику. Центральной темой стала борьба с обязательной вакцинацией. Курс партии привёл к сближению с движением сторонников теорий заговора и ковид-диссидентов «Мыслящие вне системы», а также развёртыванию кампании «Здоров без принуждения».

У граждан страны риторика «Альтернативы для Германии» не вызвала особого успеха. Партия сохранила традиционную популярность и оказала влияние своей повесткой на избирателей восточных земель. Тогда как в среднем по Германии, на федеральных выборах 2021 г. АдГ ухудшила результаты 2017 г. Помимо непосредственной коронавирусной повестки, это также связано и с другими проблемами: непопулярная климатическая риторика, выступление за уменьшение миграционных потоков, внутрипартийные разногласия, обвинения в правом экстремизме и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В.И. (2017) Правый популизм в Германии: тревожная тенденция, *Обозреватель-Observer*, № 1 (№ 324). С.47–65.

Камкин А.К. (2021) Ведомство по охране Конституции ФРГ: опыт 70 лет, *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 2. С.139–146. DOI:10.15211/vestnikieran22021139146

Лисенкова А. Д. (2022) Основные особенности современной экологической повестки «Альтернативы для Германии», *Управленческое консультирование*, № 4. С.146-158. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-4-146-158

Максимов И.П. (2021) Эволюция партии «Альтернатива для Германии» в 2017–2021 годах, *Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки*, № 2. С.83–90.

Энтин М. Л. (1996) Политико-правовые последствия вступления России в Совет Европы, *Московский журнал международного права*, № 3. С.97–111. DOI: 10.24833/0869-0049-1996-3-97-111

Ambos K. (2020) Nazi Criminology: Continuity and Radicalisation, *Israel Law Review*, Vol. 53. N 2. P.259–287. DOI: 10.1017/S0021223720000072

Bönisch S., Wegscheider K., Krause L., Sehner S., Wiegel S., Zapf A., Moser S., Becher H. (2020) Effects of Coronavirus Disease (COVID-19), *Frontiers in Public Health*. Vol. 8. P.1–10. DOI:10.3389/fpubh.2020.568287

Forchtner B., Özvatan Ö. (2022) De/legitimising EUrope through the Performance of Crises. The Far-Right Alternative for Germany on “Climate Hysteria” and “Corona Hysteria”, *Journal of Language and Politics*. URL: <https://doi.org/10.1075/jlp.21064.for> (дата обращения: 16.02.2022)

Heinze A.-S., Weisskircher M. (2021) No Strong Leaders Needed? AfD Party Organisation Between Collective Leadership, Internal Democracy, and “Movement-Party” Strategy, *Politics and Governance*. Vol. 9. Issue 4. P. 263–274. DOI: 10.17645/pag.v9i4.4530

Klüver H., Hartmann F., Humphreys M., Geissler F., Giesecke J. (2021) Incentives Can Spur COVID-19 Vaccination Uptake, *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 118. N 36. P.1–3. DOI: 10.1073/pnas.2109543118

Lennartz M. (2022) Corona-Schutzimpfung und Zahnarztpraxen – rechtliche Seite, *Der Freie Zahnarzt*. Vol. 66. P.26–27. DOI: 10.1007/s12614-021-0263-9

Niedermayer O. (2020) Konkurrenz am rechten Rand: Die Etablierung der AfD im Parteiensystem. In: *Die Parteien nach der Bundestagswahl 2017*. Eds. by U. Jun, O. Niedermayer. Wiesbaden, pp. 105–131. DOI:10.1007/978-3-658-29771-8_4

Pesthy M., Mader M., Schoen H. (2021) Why Is the AfD so Successful in Eastern Germany? An Analysis of the Ideational Foundations of the AfD Vote in the 2017 Federal Election, *Politische Vierteljahresschrift*. Vol. 62. P.69–91. DOI: 10.1007/s11615-020-00285-9

Roose J. (2020) Verschwörung in der Krise – Repräsentative Umfragen zum Glauben an Verschwörungstheorien vor und in der Corona – Krise. Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung e. V. 35 p.

Seufferlein T. (2022) COVID-19: geimpft, genesen oder erkrankt, *Forum*, Vol. 37, pp. 7–8. DOI: 10.1007/s12312-021-01033-9

Weinachter M. (2021) L’AfD radicalisée, en léger recul, confirme son ancrage dans le paysage politique allemand – en particulier à l’Est, *Allemagne d’aujourd’hui*. Vol. 238. N 4. P.131–144. DOI: 10.3917/vce.238.0131

Wondreys J., Mudde C. (2022) Victims of the Pandemic? European Far-Right Parties and COVID-19, *Nationalities Papers*. Vol. 50. Issue 1. P.86–103. DOI:10.1017/nps.2020.93

Zhang D., Hu M., Ji Q. (2020) Financial Markets under the Global Pandemic of COVID-19, *Finance Research Letters*. Vol. 36. P.1–6. DOI: 10.1016/j.frl.2020.101528

COVID-19: Influence on the Political Agenda of Alternative for Germany

A.D. Lisenkova*

*Saint Petersburg State University, School of International Relations,
Entrance VIII, 1/3, Smolny str., 191060, Saint Petersburg, Russia.*

**E-mail: alena.denisovna@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the main features of the coronavirus agenda of the political party Alternative for Germany. Based on the increased concern of German citizens about the COVID-19 pandemic, the party began to pay special attention to it, along with its main traditional priority topics (euro, migration, climate change). Despite the initial support for the government's course, the Alternative for Germany almost immediately switched to criticizing it. Positioning itself as ‘the only party for freedom and civil rights,’ it has consistently denied various coronavirus restrictions and opposed mandatory vaccinations. As a consequence, it became close to the lateral thinkers and launched the Healthy without compulsion campaign. However, the coronavirus rhetoric of this kind did not allow the Alternative for Germany to improve or even maintain its 2017 results in the 2021 Bundestag elections. The national average dynamics of the party’s popularity development is negative. Meanwhile, in the Eastern states, the party managed not only to influence the perception of the COVID-19 pandemic, but also to maintain a high position in general due to the traditional popularity of its course. The author comes to the conclusion that similar results are also associated with its unpopular climate change course, a decrease in migration flows, disagreements within the Alternative for Germany, etc.

Key words: Alternative for Germany, COVID-19, coronavirus, vaccination, populism, Healthy without compulsion.

DOI: 10.31857/S0201708322040155

EDN: gljghk

REFERENCES

- Ambos K. (2020) Nazi Criminology: Continuity and Radicalisation, *Israel Law Review*, Vol. 53, No 2, pp. 259–287. DOI: 10.1017/S0021223720000072
- Bönisch S., Wegscheider K., Krause L., Sehner S., Wiegel S., Zapf A., Moser S., Becher H. (2020) Effects of Coronavirus Disease (COVID-19), *Frontiers in Public Health*, Vol. 8, pp. 1–10. DOI:10.3389/fpubh.2020.568287
- Entin M. L. (1996) Politiko-pravovye posledstviya vstupleniya Rossii v Sovet Evropy [Political and Legal Consequences of Russia's Accession to the Council of Europe], *Moscow Journal of International Law*, No 3, pp. 97–111. DOI: 10.24833/0869-0049-1996-3-97-111 (In Russian).
- Forchtner B., Özvatan Ö. (2022) De/legitimising EUrope through the Performance of Crises. The Far-Right Alternative for Germany on “Climate Hysteria” and “Corona Hysteria”, *Journal of Language and Politics*. URL: <https://doi.org/10.1075/jlp.21064.for> (accessed: 16.02.2022)
- Heinze A.-S., Weisskircher M. (2021) No Strong Leaders Needed? AfD Party Organisation Between Collective Leadership, Internal Democracy, and “Movement-Party” Strategy, *Politics and Governance*, Vol. 9, Issue 4, pp. 263–274. DOI: 10.17645/pag.v9i4.4530
- Kamkin A.K. (2021) Vedomstvo po okhrane Konstitutsii FRG: opyt 70 let [The Office of Constitution Protection of Germany: the Experience of 70 years], *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*, No 2, pp. 139–146. DOI:10.15211/vestnikieran22021139146 (In Russian).
- Klüver H., Hartmann F., Humphreys M., Geissler F., Giesecke J. (2021) Incentives Can Spur COVID-19 Vaccination Uptake, *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, Vol. 118, No 36, pp. 1–3. DOI: 10.1073/pnas.2109543118
- Lennartz M. (2022) Corona-Schutzimpfung und Zahnarztpraxen – rechtliche Seite, *Der Freie Zahnarzt*, Vol. 66, pp. 26–27. DOI: 10.1007/s12614-021-0263-9
- Lisenkova A. D. (2022) Osnovnye osobennosti sovremennoj ekologicheskoy povestki «A'l'ternativy dlya Germanii» [Main Features of the Current Environmental Agenda of the Alternative for Germany], *Administrative consulting*, No 4, pp. 146-158. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-4-146-158 (In Russian).
- Maksimov I.P. (2021) Evolyutsiya partii "Alternativa dlya Germanii" v 2017–2021 godakh [Evolution of “Alternative for Germany” in 2017–2021], *Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University. Humanities and social science*, No. 2, pp. 83–90. (In Russian).
- Niedermayer O. (2020) Konkurrenz am rechten Rand: Die Etablierung der AfD im Parteiensystem. In: *Die Parteien nach der Bundestagswahl 2017*. Eds. by U. Jun, O. Niedermayer. Wiesbaden, pp. 105–131. DOI:10.1007/978-3-658-29771-8_4
- Pesthy M., Mader M., Schoen H. (2021) Why Is the AfD so Successful in Eastern Germany? An Analysis of the Ideational Foundations of the AfD Vote in the 2017 Federal Election, *Politische Vierteljahresschrift*, Vol. 62, pp. 69–91. DOI: 10.1007/s11615-020-00285-9
- Roose J. (2020) Verschwörung in der Krise – Repräsentative Umfragen zum Glauben an Verschwörungstheorien vor und in der Corona – Krise. Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung e. V. 35 p.
- Seufferlein T. (2022) COVID-19: geimpft, genesen oder erkrankt, *Forum*, Vol. 37, pp. 7–8. DOI: 10.1007/s12312-021-01033-9
- Vasiliev V.I. (2017) Pravyy populizm v Germanii: trevozhnaya tendentsiya [Right Populism in Germany: a Disturbing Trend], *Observer*, No 1 (324), pp. 47–65. (In Russian).
- Weinachter M. (2021) L’AfD radicalisée, en léger recul, confirme son ancrage dans le paysage politique allemand – en particulier à l’Est, *Allemagne d'aujourd'hui*, Vol. 238, No 4, pp. 131–144. DOI: 10.3917/vce.238.0131
- Wondreys J., Mudde C. (2022) Victims of the Pandemic? European Far-Right Parties and COVID-19, *Nationalities Papers*, Vol. 50, Issue 1, pp. 86–103. DOI:10.1017/nps.2020.93
- Zhang D., Hu M., Ji Q. (2020) Financial Markets under the Global Pandemic of COVID-19, *Finance Research Letters*, Vol. 36, pp. 1–6. DOI: 10.1016/j.frl.2020.101528

РЕЦЕНЗИИ

УДК 930:327(476):316.4

**РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ И ПОСТСОВЕТСКАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ
О МОНОГРАФИИ ВИТЕБСКИХ УЧЁНЫХ**

© 2022 **СТРЕЛЕЦ Михаил Васильевич***

*Доктор исторических наук, профессор
224011, Беларусь, Брест, улица Луцкая, 52.*

**E-mail: mstrelez@mail.ru*

Поступила в редакцию 19.03.2022

После доработки 22.03.2022

Принята к публикации 16.05.2022

Ключевые слова: Беларусь, Россия, интеграция, постсоветское пространство, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, Восточное партнерство, «Один пояс – один путь», ГУАМ.

DOI: 10.31857/S0201708322040167

EDN: gllfzo

В 2021 г. в издательстве Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (ВГУ) вышла из печати монография под названием «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» [Косов, 2021]. Её авторы: А.П. Косов – кандидат исторических наук, доцент, на момент написания книги – заведующий аспирантурой ВГУ, сегодня – доцент кафедры истории и культурного наследия названного учреждения высшего образования. Д.В. Юрчак – кандидат исторических наук, доцент, главный специалист управления культуры Витебского областного исполнительного комитета. Д.В. Юрчак написал только первый раздел, А.П. Косов – единоличный автор всех остальных структурных компонентов: введение, второй и третий разделы, а также «Вместо заключения».

Основные результаты исследовательского процесса в рамках написания монографии таковы. В представленной работе основательно рассмотрены особенности формирования и реализации интеграционной политики Республики Беларусь на постсоветском пространстве путем выявления основных внешнеполитических при-

оритетов белорусского государства. Дана весьма квалифицированная характеристика итогов референдума 1991 г. в СССР и БССР. Всесторонне показана позиция белорусского руководства относительно выбора интеграционного формата в рамках Союза. Глубоко проанализированы встреча в Вискулях и ее итоги для страны. Предельно конкретно прослежено отношение Беларуси к Содружеству независимых государств. На основании нетрадиционных методов и методик выявлены достижения, проблемы и перспективы Союзного государства Беларуси и России. Получилось весьма удачным сравнение уровня участия страны в многоформатной интеграции – Таможенном союзе, Евразийском экономическом сообществе, Едином экономическом пространстве, Евразийском экономическом союзе. Без купюр и изыятий исследованы роль и место Организации Договора о коллективной безопасности в политике Беларуси. Детально рассмотрена степень заинтересованности Беларуси в Шанхайской организации сотрудничества. Установлены причины участия Беларуси в европейской программе Восточное партнерство. Продемонстрирован высокий исследовательский профессионализм при раскрытии роли и места Республики Беларусь в реализации китайской инициативы «Один пояс – один путь». Без подстройки к политической конъюнктуре определена белорусская позиция по отношению к ГУАМ.

Перед нами первое в отечественной исторической науке комплексное исследование участия Республики Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве. В монографии предлагаются оригинальные и в то же время убедительные авторские оценки такого участия с точки зрения соблюдения национальных интересов страны в условиях трансформирующейся региональной подсистемы международных отношений под влиянием целого ряда внутренних и внешних факторов.

Точка отсчёта истории интеграционной политики нашего Отечества – возникновение независимого белорусского государства. Показательно уже само название первого раздела «Беларусь на пути к независимости в условиях дезинтеграции». Автор ищет ответ на вопрос: «Можно ли было избежать крайней точки дезинтеграции, выразившейся в распаде СССР?»

Народнохозяйственный комплекс (НХК) Союза Советских Социалистических республик (СССР) по существу представлял собой экономику социалистического типа. Базисом НХК СССР являлись региональная специализация и межрегиональные экономические связи. Если брать чисто количественные параметры, то окажется, что советская экономика была бы одной из ведущих в глобальном масштабе. Большинство сегментов НХК было в той или иной степени вовлечено в производство продукции военного назначения. Продукция советского военно-промышленного комплекса (ВПК) вписывалась в глобальный тренд, базировалась на самых передовых технологиях. Развернулось беспрецедентное соревнование между советским и американским ВПК. Советский ВПК напрягался по максимуму. Но вот за счёт кого и чего всё это делалось? За счёт исключения из числа приоритетных отраслей производства товаров народного потребления, подчинения выпуска социально значимых товаров пресловутому остаточному принципу.

Приказали долго жить созданные во времена косыгинской реформы устойчивые внутренние механизмы для поддержания макроэкономической стабильности. Предшественник Михаила Горбачёва Константин Черненко даже не задумывался

на счёт минимизации неблагоприятных последствий возможных кризисов в мировой экономике, не предлагал реальных путей для достижения поступательного роста ВВП, практически ничего не сделал для уверенного закрепления на наиболее значимых международных рынках. Между тем ещё с начала 1970-х годов чётко обозначилась тенденция к снижению ключевых макроэкономических показателей. Они просто угрожающе падали. Власть палец о палец не ударила для того, чтобы перестроить НХК на основании пятого технологического уклада.

Неуклонно растущие аппетиты представителей ВПК, сильное снижение цен на энергоносители, нежелание и неготовность правившей политической элиты пойти на системное реформирование НХК и тем самым адекватно ответить на исчерпание возможностей АКС привели к системному экономическому кризису и, естественно, к серьёзному удару по социальному государству.

В первом разделе монографии читаем: «Десятилетия до распада страны из каждого рубля произведенной продукции 88 копеек уходило на производство и закупку оружия. В условиях же «комбинации» США с арабскими странами, опустившими цену нефти до 8–9 долларов за баррель, это приближало экономику одного из мировых лидеров к краху. Сложным вопросом в условиях плановой экономики стала разница между себестоимостью продукции и установлением фиксированных цен на нее. Например, в 1991 г. себестоимость 1 кг говядины была 9,88 рубля, в то время как ее действующая цена 1,85 рубля, свинины 6,68 и 1,86 рубля, масла сливочного 13,00 и 3,40 рубля. Такие же тенденции были и по другим товарным позициям, в том числе непродовольственным. Итогом имеющегося дисбаланса стали дефицит и пустые полки в магазинах» [Косов, 2021: 15–16].

Автор первого раздела абсолютно прав, заявляя о том, что корни интеграционных проектов на постсоветском пространстве следует искать в советской эпохе. Нельзя вместе с водой выплеснуть и ребёнка. Одна из ключевых составляющих наследия советской эпохи – политические, экономические, культурные связи, которыми надо было по-хозяйски распорядиться. Это – фундаментальные предпосылки интеграционных процессов. Конечно, то же наследие включает также непреодоленные до настоящего времени межгосударственные и межнациональные противоречия.

Д.В. Юрчак не только показывает, что избежать распада СССР можно было лишь при наличии целой совокупности жизнеспособных стратегий: политической, макроэкономической, технологической, духовно-культурной, национально-государственной, но и выявляет факторы, предопределившие соотношение авантюризма и реализма в стратегиях, на которые ориентировалась команда Горбачёва. В первом разделе внятно объясняется, почему лишь только в политической стратегии реализм перевесил авантюризм.

М.С. Горбачёв и его окружение плелись в хвосте событий, когда начался парад суверенитетов. Они даже не думали над тем, что это – цветочки, что ягодки – впереди, что ориентация местных элит на «концепцию суверенизации вообще и российского суверенитета в особенности» [Косов, 2021: 24] откроет ящик Пандоры.

Будучи профессиональным юристом, М.С. Горбачёв не мог не знать, что «парад суверенитетов стал возможен благодаря действующему законодательству. Своеобразная «бомба замедленного действия» была заложена и в базовых документах

СССР. На это обратил внимание в 2020 г. президент РФ В.В. Путин, обсуждая вопросы новой конституции страны. В частности, он отметил, что «Россия должна избежать ошибок, которые допустили в советской конституции» [Косов, 2021: 24]. Прежде всего, «имелась в виду возможность выхода из состава СССР, что было отражено в самом Договоре 1922 г. и полностью соответствовало нормам международного права. Эта же норма была включена в советские конституции 1924 г. (ст. 4), 1936 г. (ст. 17), 1977 г. (ст. 72)» [Косов, 2021: 24].

Будучи историком, политиком, правоведом в одном лице, Денис Валерьевич выстроил исчерпывающий хронологический ряд принятия Деклараций о государственном суверенитете республик, входивших в состав СССР, капитально раскрыл их политико-правовую природу. Учёный установил генетическую связь между принятием подобных деклараций и «провозглашением республиканскими органами власти верховенства принимаемых ими постановлений над союзным законодательством. Такие тенденции наблюдались во всех республиках» [Косов, 2021: 25].

В республиках стали всё больше обозначаться представления о путях обновления СССР, которые принципиально отличались от подхода Кремля. Курс союзного центра на обновление СССР стал давать всё более чувствительные сбои. В первом разделе монографии читаем: «В условиях обострения экономического кризиса и центробежных тенденций власти республик стали сами искать пути обновления Союза, в том числе посредством заключения прямых двусторонних договоров между республиками. Данные соглашения базировались на принятых декларациях, и союзный центр в них не упоминался. Примером этому могут стать договоры БССР с РСФСР (18 декабря 1990 г.), УССР (29 декабря 1990 г.), Казахской ССР (11 января 1991 г.), которые впоследствии стали базовыми уже при развитии двустороннего сотрудничества на постсоветском пространстве. Все они были ратифицированы Верховным Советом БССР в один день 14 февраля 1991 г.» [Косов, 2021: 27].

Референдум по вопросу сохранения Союза как «обновленной федерации равноправных суверенных республик», попытки переформатировать Союз убедительно показали, что «центральные власти стали искать пути спасения страны и сохранения власти, что не всегда совпадало с планами национальных элит» [Косов, 2021: 34].

Д.В. Юрчак обращает внимание на то, что новый Союзный договор стал разрабатываться в 1990 г. Ещё до референдума группа экспертов подготовила первый проект такого договора. Проект лежал на столе у руководителей СССР и союзных республик. «Вынесение на референдум вопроса о Союзном договоре давало дополнительные козыри в руки М. Горбачёву. При этом отсутствие конкретики, а сам новый договор был далек от согласования со всеми заинтересованными сторонами и был неоднозначно воспринят в республиках, свидетельствовало о том, что на референдум выносилась скорее идея, стратегическая цель, но никак не конкретный проект, который бы устраивал всех» [Косов, 2021: 37].

Чувствуется рука мастера, когда автор объясняет такую последовательность: 17 марта 1991 г. прошёл референдум, 23 апреля 1991 г. стартовал ново-огарёвский процесс, в рамках которого разрабатывался второй проект нового союзного договора. Он пишет: «Навязывать новый Союзный договор “сверху”, без учета мнения народа союзные руководители не считали возможным, так как это шло вразрез с

общей политикой демократизации, провозглашенной КПСС в качестве основного вектора развития государства». Также именно мнение народа должно было стать весомым аргументом в противостоянии с местными элитами, не желающими делиться своей властью с Москвой» [Косов, 2021: 37].

Абсолютное большинство участников голосования сказали «да». Что касается организации и проведения референдума, то Кремль больше всего удовлетворила Беларусь. Здесь было меньше всего проблем. Витебский учёный объясняет это слабостью белорусской оппозиции.

После подготовки нового союзного договора была намечена дата его подписания: 20 августа 1991 г. Но 19 августа грянул путч и договор приказал долго жить. После подавления путча реальная власть стала переходить к союзным республикам. Денис Валерьевич очень хорошо всё это показывает на примере Беларуси.

Учёный позитивно оценивает реанимирование М.С. Горбачёвым новогорьковского процесса в сентябре 1991 г. Он подводит читателя к выводу, что с сентября 1991 г. единственно правильным решением было создание мягкой конфедерации. Но всему виной неумное стремление Ельцина стать полным хозяином России. А ведь это – становой хребет СССР. Денис Валерьевич установил, что основными авторами Беловежского соглашения были россияне, что роль белорусской и украинской сторон в подготовке этого основополагающего документа весьма скромная. Конечно, данное обстоятельство не снимает ответственность руководителей Беларуси и Украины за подписание Беловежского соглашения.

Моему витебскому коллеге пришлось столкнуться со многими нестыковками в мемуарах участников встречи в Вискулях. Он дал цельную картину встречи, которая не содержит нестыковок. В учебники по истории Беларуси так и просятся страницы, где увлекательно описано участие главы белорусского парламента С.С. Шушкевича и главы белорусского правительства В.Ф. Кебича в анализируемых событиях. Кебич всю оставшуюся жизнь каялся за свою подпись. С.С. Шушкевич всегда считал и считает, что поступил правильно. Он почему-то забывает, что грубо нарушил конституции Беларуси и СССР, резко превысил свои полномочия.

Раздел II «Интеграционная политика Республики Беларусь на постсоветском пространстве» стал для Косова итогом многолетних научных изысканий. Исторически и логически правильно то, что этот раздел начинается с главы под названием «Содружество Независимых Государств и Беларусь». СНГ – это первый по времени возникновения интеграционный проект на постсоветском пространстве.

Монография вышла из печати в год, когда отмечалось 30-летие со дня создания СНГ. Отцы-основатели СНГ считали, что оно станет одним из центров силы в глобальном ландшафте, в конечном итоге превратится в полноценную конфедерацию. Что же мы имеем спустя 30 лет? Отсутствие и того, и другого. Было ли это предрешиено изначально? Существовали ли альтернативные пути, по которым принципиально не желали идти правящие политические элиты государств-участников? Сказывалась ли здесь заинтересованность коллективного Запада в отсутствии успешных интеграционных проектов на постсоветском пространстве? А.П. Косов весьма компетентно отвечает на эти вопросы, проявляя предельную аккуратность в формулировках.

Косов прав в следующем своём утверждении: «Содружество стало своеобразной площадкой для иных интеграционных проектов на постсоветском пространстве. Но, очевидно, что они стали появляться по причине неэффективности самого СНГ. И их не следует отождествлять с Содружеством. Хотя, конечно, накопленный в рамках СНГ совместный опыт многостороннего сотрудничества пригодился при создании постсоветскими государствами более результативных форм разноформатной и разноскоростной региональной интеграции» [Косов, 2021: 115].

А.П. Косову удалось раскрыть специфику отношения Республики Беларусь к СНГ. Он хорошо разобрался в преемственности и обновлении в деятельности нашего Отечества на данном направлении его внешней политики. Преемственность прослеживается по следующим позициям. Во-первых, отстаивается необходимость сохранения СНГ. Во-вторых, ставится вопрос о восстановлении разрушенных в результате распада СССР связей между бывшими субъектами советской федерации как фундаментальной предпосылке прочности СНГ. В-третьих, белорусское руководство постоянно «прилагает максимум усилий, направленных на повышение функционала Содружества», учитывая опыт функционирования иных интеграционных объединений. В-четвёртых, придаётся важное значение тому факту, что Минск – неформальная столица СНГ. В-пятых, РБ постоянно представлена во всех уставных органах СНГ. Обращаясь к обновлению в деятельности РБ, автор показывает, что «Беларусь стремится адаптировать Содружество к современным реалиям. Правда, в силу тех или иных причин усилия Минска не дают необходимого результата» [Косов, 2021: 127].

Комментарий главы «Союзное государство Беларуси и России: достижения, проблемы и перспективы» начну со следующего факта. Автор не изменяет себе и в рецензируемой монографии продолжает свои предыдущие исследования, в частности, начатые в книге «Современные белорусско-российские отношения: восприятие и оценки политиков, экспертов, СМИ и общественности Беларуси, России, Украины и стран Запада» [Косов, 2020].

С Косовым можно согласиться в следующем. «На сегодняшний день одним из наиболее продвинутых интеграционных проектов на постсоветском пространстве является Союзное Государство Беларуси и России. Действительно, за всю историю белорусско-российской интеграции Минском и Москвой было сделано немало в разных сферах сотрудничества. До появления ЕАЭС именно СНГ выделялось в качестве наиболее успешного формата взаимодействия» [Косов, 2021: 132].

Вместе с тем специалист-международник не впадает в эйфорию и правильно делает. Он прекрасно знает, что полноценная интеграция возможна лишь при корреляции организационно-правового, концептуального, практического аспектов. Присутствует ли именно такая корреляция в союзном строительстве? Стремясь предельно объективно ответить на поставленный вопрос, Косов с карандашом в руках читал и перечитывал Договор о создании Союзного Государства Беларуси и России от 8 декабря 1999 г. В монографии читаем: «Наряду с существенными достижениями, которых добились наши страны, проект Союзного Государства столкнулся с целым рядом проблем, которые до сих пор не позволили его участникам реализовать все пункты заключенного в 1999 г. договора» (с. 132). Почему так произошло? С А.П. Косовым можно согласиться в том, что «сложности в построении Союзного Государ-

ства во многом носят объективный характер и отражают различие потенциалов Беларуси и России, их политических и экономических систем» [Косов, 2021: 162].

Витебский учёный предпринял фундаментальное исследование участия Республики Беларусь в евразийской интеграции: от Таможенного союза к Евразийскому экономическому союзу. Всё началось в далёкие 1990-е годы с первой попытки формирования Таможенного союза. Затем наступил черёд Евразийского экономического сообщества. Содержательная сторона следующего этапа: второе издание Таможенного союза. Создав Таможенный союз, Беларусь, Казахстан и Россия вышли на этап евразийской интеграции, отмеченный созданием Единого экономического пространства.

Автор всерьёз задумывается над вопросом: «Как соотносились позитив и негатив в истории ЕврАзЭС?». В монографии читаем: «В целом ЕврАзЭС так и не смогло оправдать те ожидания, которые возлагались на сообщество при его создании в 2000 г. Несмотря на большое количество заключённых документов, глубина евразийской интеграции выросла незначительно. Хотя расценивать историю ЕврАзЭС как провал было бы тоже не совсем правильно. За полтора десятилетия его существования уровень постсоветской интеграции повысился, пусть в значительной мере и за счет реализации множества двусторонних договоренностей между отдельными государствами-участниками объединения. А самое главное ЕврАзЭС проторило дорогу ЕАЭС» [Косов, 2021: 192].

Косов выявил причины эволюции позиции Беларуси по институциональным вопросам функционирования ЕАЭС. На начальном этапе функционирования ЕАЭС Минск не видел смысла в расширении полномочий наднациональных органов объединения. Руководство Беларуси заявляло, что нельзя ставить телегу впереди, что «сначала нужно создать соответствующий экономический фундамент. Однако в дальнейшем, подход белорусского руководства к полномочиям наднациональных структур был скорректирован. Во многом это было связано со стремлением использовать их авторитет, прежде всего Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) в участившихся торгово-экономических конфликтах с Российской Федерацией. На данный момент Минск поддерживает курс ЕЭК на укрепление наднациональных органов ЕАЭС, расширение полномочий, которая должна обладать реальными возможностями влиять на выполнение государствами-членами своих обязательств» [Косов, 2021: 208].

Целесообразно начать освещение участия Республики Беларусь в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) с события, которое произошло после издания монографии. В первой половине января 2022 г. ОДКБ оказала весьма эффективную миротворческую поддержку Казахстану. Это свидетельствовало о вступлении ОДКБ в качественно новый этап своей истории. Внимательное прочтение монографии позволяет разобраться с предпосылками данного этапа.

Косов приводит мощные аргументы для обоснования следующего тезиса: «Участие нашей страны в ОДКБ отвечает национальным интересам РБ, способствует повышению ее авторитета на международной арене и развитию сотрудничества в военной и военно-технической сферах с другими членами организации, преследуя главную цель: укрепление национальной безопасности белорусского государства» [Косов, 2021: 232].

Несомненно, удался и третий раздел «Республика Беларусь между Востоком и Западом». Здесь вполне очевидно «освоение» А.П. Косовым четырёх проблемных полей.

Первое проблемное поле: «Республика Беларусь и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)». Точка отсчёта в истории ШОС – подписание 7 июня 2002 г. на саммите в Санкт-Петербурге Хартии ШОС. Если брать страны Старого Света, которые получили статус наблюдателя при ШОС, то первым здесь было моё Отечество. РБ уже семь лет имеет указанный статус. Что это дало нашей стране? «Позволило ей принимать участие во встречах высшего и высокого уровня: Совета глав государств, Совета глав правительств, Совета министров иностранных дел, Совещания государственных секретарей советов безопасности и т. д. Тем самым для Беларуси расширились возможности международного диалога как на двустороннем, так и на многостороннем уровне. Официальным Минском ШОС рассматривалась как важный фактор стабильности и безопасности на евразийском пространстве, а также значимый элемент многополярного мира, не ущемляющий интересы стран-участниц» [Косов, 2021: 255].

Второе проблемное поле: участие Республики Беларусь в европейской программе Восточное партнерство (ВП). Программа Восточное партнерство не была и в обозримом будущем не будет приоритетной среди программ, запущенных ЕС. В феврале 2022 г. РБ приостановила участие в ВП. Я полностью согласен с коллегой в том, что «участвуя в программе Восточное партнерство, Беларусь стремилась реализовать свои национальные интересы в рамках прагматического и взаимовыгодного взаимодействия со всеми заинтересованными сторонами, не приемля политического давления и вмешательства во внутренние дела стран-участников» [Косов, 2021: 278]. Ставка Брюсселя на политику никак не могла способствовать весомому раскрытию потенциала сотрудничества. Скорее, наоборот.

Третье проблемное поле: роль и место Республики Беларусь в реализации китайской инициативы «Один пояс – один путь». Выявлены причины широкой поддержки данного проекта в нашем Отечестве. Учёный детально расписывает, что нужно для того, чтобы Белорусско-китайский индустриальный парк стал белорусским Гонконгом. Чётко излагаются мотивы официального Минска. «Белорусское руководство уверено, что проект «Один пояс – один путь» – это новая философия международных отношений, интеграция нового типа, интеграция поверх блоков. С одной стороны, она сохраняет все существующие глобальные и региональные институты, а с другой, – там, где это возможно, она их гармонизирует, устраняет барьеры на пути свободного движения товаров, инвестиций и людей» [Косов, 2021: 289].

Четвёртое проблемное поле: отношение нашего Отечества к ОДЭР – ГУАМ. Что скрывается за данной аббревиатурой? Организация за демократию и экономическое развитие – Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова.

Республика Беларусь, имея на протяжении многих лет дружеские отношения со всеми странами, входящими в ОДЭР – ГУАМ, тем не менее, не стремилась стать полноправным членом или даже наблюдателем данной организации, в силу ее реальной слабости и небольшой перспективности» [Косов, 2021: 316–317]. С февраля 2022 г. наступило резкое похолодание в белорусско-украинских отношениях, что затронуло и подход к этой организации в целом.

Особняком стоит структурный компонент «Вместо заключения. Белорусский проект “интеграции интеграций”». Главное звено в нем – отношение к данному

проекту Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко. Глава белорусского государства с октября 2011 г. до февраля 2022 г. весьма активно высказывался о необходимости создания общего экономического пространства «от Лиссабона до Владивостока». Лукашенко первым употребил выражение «интеграция интеграций». Он сформулировал концептуальные основы «сопряжения различных интеграционных процессов – Евразийского экономического союза, инициативы “Один пояс – один путь”, ШОС, АСЕАН и других» [Косов, 2021: 325], неизменно обращал внимание на то, что «Беларусь находится на стыке двух интеграционных объединений. Исходя из этого, в белорусском политологическом дискурсе получил популярность концепт «Беларусь – мост между Востоком и Западом» [Косов, 2021: 325]. Учёный осмысливает этот концепт, аргументированно полемизирует с теми политологами, которые с порога отвергают «интеграцию интеграций», и тем самым доказывает правоту белорусского лидера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Косов А.П., Юрчак Д.В. (2021) Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве: монография /Под общ. ред. А.П. Косова. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова. 387 с.

Косов А.П. (2020) Современные белорусско-российские отношения: восприятие и оценки политиков, экспертов, СМИ и общественности Беларуси, России, Украины и стран Запада: монография. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова. 316 с.

The Republic of Belarus and Post-Soviet Integration: Some Reflections on the Monograph of Vitebsk Scholars

(Review of the book: Kosov A.P., Yurchak D.V. (2021) The Republic of Belarus in the Integration Processes in the Post-Soviet Space. A.P. Kosov, ed. Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov. 387 p.)

M.V. Strelets*

*Doctor of Sciences (History), Professor
Lutskaya street, 52, Brest, Belarus, 224011.*

***E-mail:** *mstrelez@mail.ru*

Key words: Belarus, Russia, integration, post-Soviet space, CIS, EAEU, CSTO, SCO, Eastern partnership, One Belt, One Road, GUAM.

DOI: 10.31857/S0201708322040167

EDN: gllfzo

REFERENCES

Kosov A.P., Yurchak D.V. (2021) Respublika Belarus' v integratsionnykh protsessakh na postsovetском prostranstve [The Republic of Belarus in the Integration Processes in the Post-Soviet Space]. A.P. Kosov, ed. Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov. 387 p. (in Russian).

Kosov A.P. (2020) Sovremennye belorussko-rossiiskie otnosheniya: vospriyatye i otsenki politikov, ekspertov, SMI i obshchestvennosti Belarusi, Rossii, Ukrainy i stran Zapada [Modern Belarusian-Russian Relations: Perceptions and Evaluations of Politicians, Experts, Mass Media and the Public of Belarus, Russia, Ukraine and Western Countries]. Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov. 316 p. (in Russian).

IN MEMORIAM

Владимир Леонидович ВЕРНИКОВ

(23 октября 1936 – 18 июня 2022)

18 июня ушёл из жизни наш коллега Владимир Леонидович Верников.

Владимир Леонидович родился в г. Ново-Златополье Гуляйпольского района Запорожской области. В 1959 г. окончил Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова (отделение журналистики филологического факультета).

Значительную часть своей жизни Владимир Леонидович посвятил журналистской деятельности, которую начал в 1959 г. в архангельской газете «Правда Севера». В 1960–1963 гг. являлся корреспондентом газеты «Труд». В 1963–1965 гг. работал обозревателем телевизионной программы «Время». Почти 40 лет сотрудничал с газетой «Известия». С 1965 по 1983 гг. – был специальным, затем собственным корреспондентом в странах Латинской Америки, заместителем редактора по отделу капиталистических стран. С 1983 по 2003 гг. – собкор в Испании и Португалии, где получил бесценный опыт. В.Л. Верников был лично знаком со многими ведущими испаноязычными политиками, писателями, художниками, у которых пользовался большим авторитетом и доверием.

В 2005 г. Владимир Леонидович пришёл в Институт Европы РАН и возглавил созданный им Центр иберийских исследований. В 2007 г. авторский коллектив под его руководством выпустил монографию «Испания: анфас и профиль» (в серии «Старый свет – новые времена»). В 2010 г. вышел коллективный труд «Два кита испанской экономики. Опыт развития малого и среднего бизнеса», в 2012 г. – «Испания после парламентских выборов. Прогнозный анализ», в 2014 г. – «Португалия: 40 лет после революции. Что дальше?» и «Португалия: путь от революции...», в 2017 г. – «Испания в меняющемся мире. К 40-летию дипломатических отношений между Россией и Испанией». Во всех этих исследованиях Владимир Леонидович был ответственным редактором и автором.

За время работы в Институте Европы В.Л. Верников написал десятки научных статей для журналов «Современная Европа», «Научно-аналитический вестник ИЕ РАН», «Аналитические записки» и др. В последние годы, несмотря на болезнь, продолжал публиковаться, комментировать события международной жизни в российских и испанских СМИ. Владимир Леонидович, всегда демократичный, открытый и доброжелательный, предъявлял высокие профессиональные требования к другим и к себе. Великолепно владел русским языком, его стиль изложения был изящен и лёгок. Бернард Шоу как-то сказал: «Этот великий человек был всего лишь журналистом. Но каким журналистом он был». Это в полной мере относится к Владимиру Леонидовичу Верникову. Искренний, принципиальный, ироничный, острый. Лучший российский испанист.

Вечная память.

Журнал «Общественные науки и современность» – один из ведущих российских научных междисциплинарных изданий.

Учредитель – Российская академия наук. Журнал издаётся под руководством Президиума РАН.

«Общественные науки и современность» посвящён актуальным фундаментальным и прикладным исследованиям в социогуманитарных науках. На страницах журнала представлены статьи по политологии, международным отношениям и праву, экономике и социологии, философии и истории, культурологии и психологии.

«Общественные науки и современность» поддерживает самые высокие стандарты отбора материалов, их рецензирования, публикационной этики.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям:

- 08.00.00 – экономические науки;
- 22.00.00 – социологические науки;
- 23.00.00 – политология

Индексирование: **RSCI, РИНЦ**

ISSN (print): 0869-0499

Год основания: 1976

Импакт-фактор: 0,862

Подписной индекс: 70677

Периодичность: 6 раз в год.

